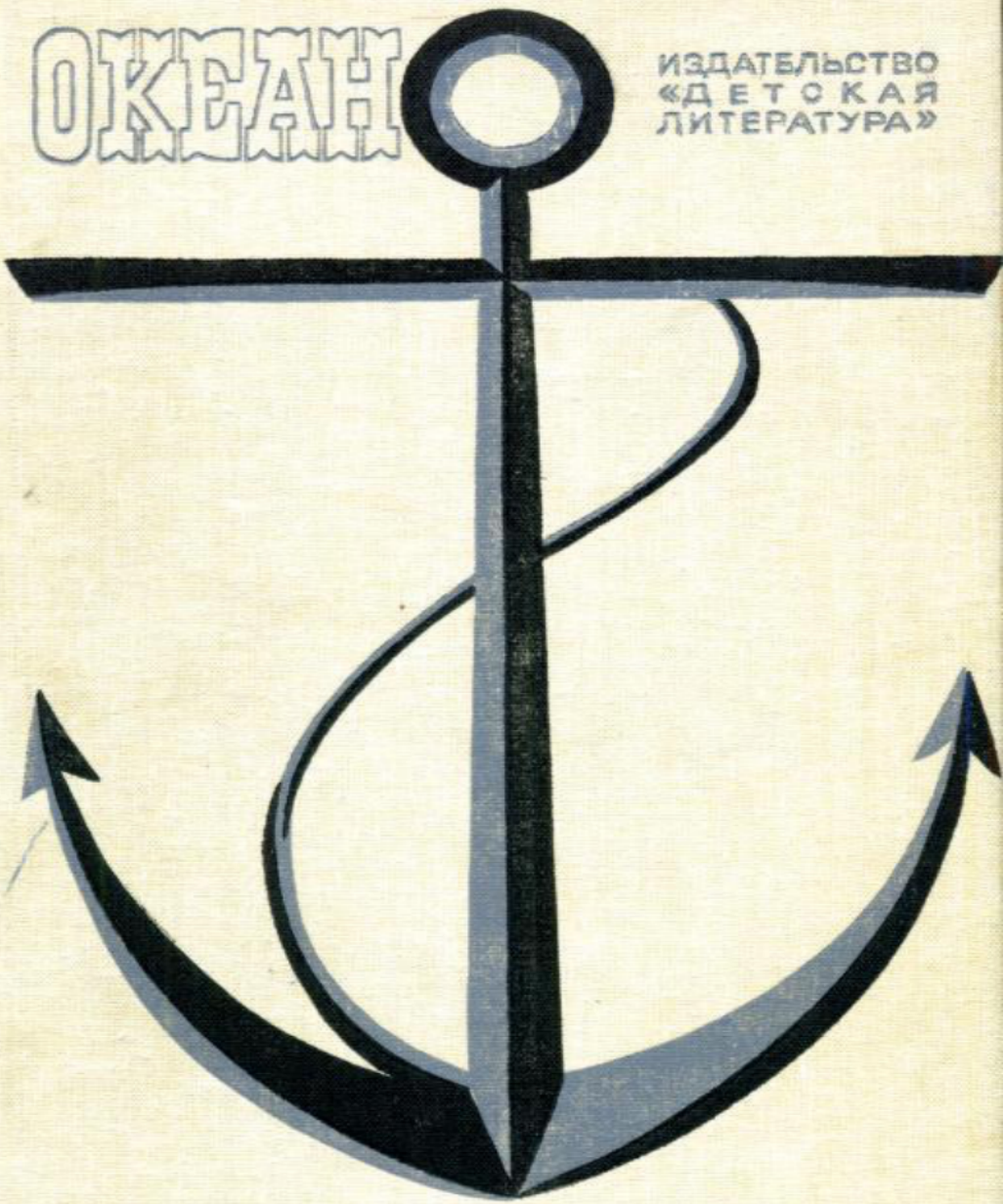
ОКЕАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Литературно-художественный сборник знакомит читателей с жизнью и работой моряков, с морскими тайнами, которые удалось раскрыть ученым.

- Океан. Выпуск тринадцатый
  - ○
  - ○ В КИПЕНИИ ВОЛН РЕВОЛЮЦИИ
    - ■
    - ■ Б. Лавренев
    - ■ И. Д. Папанин
  - ○ ПЛЕЩЕТ МОРСКАЯ ВОЛНА
    - ■
    - ■ Ю. Иванов
    - ■ Ю. Баранов
    - ■ А. Волков
    - ■ Э. Улдукис
      - ■
      - ■ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ
      - ■ СПОР
      - ■ ПОБЕГ
      - ■ ПОТОМОК БАРТОВ
      - ■ ЧЕСТЬ МУНДИРА
      - ■ ЗАГОВОР
      - ■ БЕЗ ЗАВТРАКА
      - ■ ШТОРМ
      - ■ А ШТОРМ ВСЕ КРЕПЧАЛ
      - ■ ШХЕРЫ
      - ■ ОПЯТЬ КАРТОШКА
      - ■ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ УЖИН
      - ■ ВОЗВРАЩЕНИЕ МОРЯКА
      - ■ ПОСТАНОВЛЕНИЕ №…
    - ■ Н. Черкашин
    - ■ А. Елкин
      - ■
      - ■ НАХОДКА У КОРОЛЕВСКОГО ЗАМКА
      - ■ ВСТРЕЧА НА СЕВЕРЕ. ИНЖЕНЕР РОМАНОВ
      - ■ ГАЛЕРЫ «ВЕЛИКОЙ АРМАДЫ» И «ХОББИ», РАСТЯНУВШЕЕСЯ НА ГОДА
      - ■ КУРЬЕР ГЛАВНОГО ШТАБА
      - ■ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО», ИЛИ О ЧЕМ БОЛТАЮТ ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧНЫЕ…

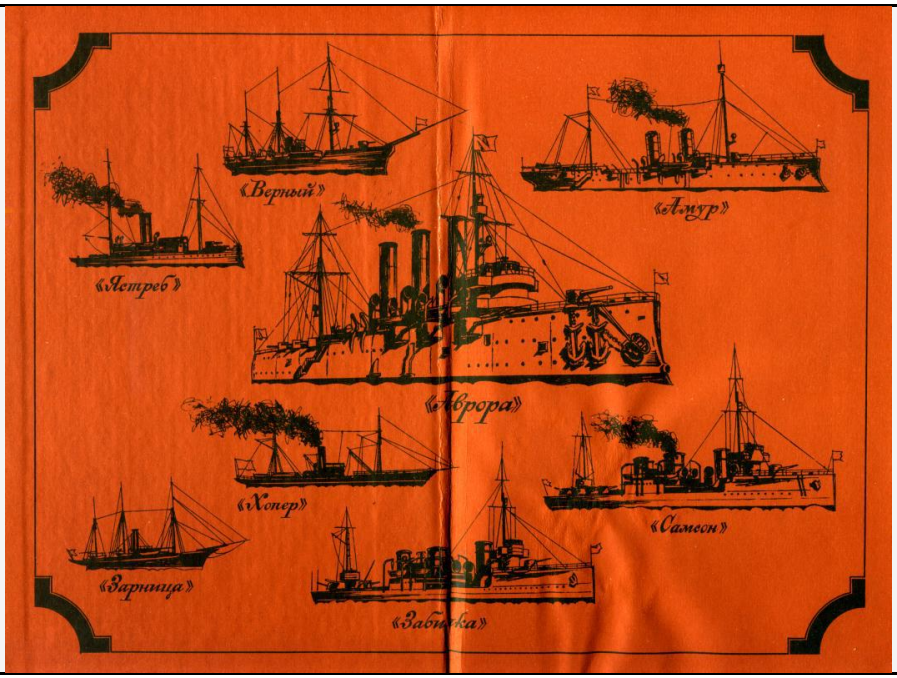
- «ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ВИЦЕ-АДМИРАЛ КОЛЧАК…»
- ОПЕРАЦИЯ «МАРИЯ»
- «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ» ДАЕТ БОЙ
- О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЛИ ВАХТЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ
- ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА ПОСЛЕ УТРЕННЕЙ ПОБУДКИ
- «КТО МОГ ПРОНИКНУТЬ В КРЮЙТ-КАМЕРУ?..»
- УСТАВ И ЖИЗНЬ
- МАСТЕРОВЫЕ С ПУТИЛОВСКОГО
- ТРИ ВЕРСИИ НА ВЫБОР
- «ПЛЕМЯННИЦА» ГРИШКИ РАСПУТИНА
- О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛОСЬ В ЗАКЛЮЧЕНИИ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
- «СТРАННЫЕ» ВЗРЫВЫ ИЛИ ПРОДУМАННАЯ АКЦИЯ?
- ЭЛЕКТРИК С «БЕНЕДЕТТО БРИН»
- ГОСПОДИН ТАНДЕНФЕЛЬД И «ДОРОГОЙ КОЛЯ»
- ПОСЕТИТЕЛЬ, ПОЖЕЛАВШИЙ ОСТАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ
- ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ И ВТОРАЯ СМЕРТЬ
- ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ
- СОПКИ НАД МУРМАНСКОМ, ИЛИ ЛЮДИ И КОРАБЛИ

○ АРХИВ НЕПТУНА

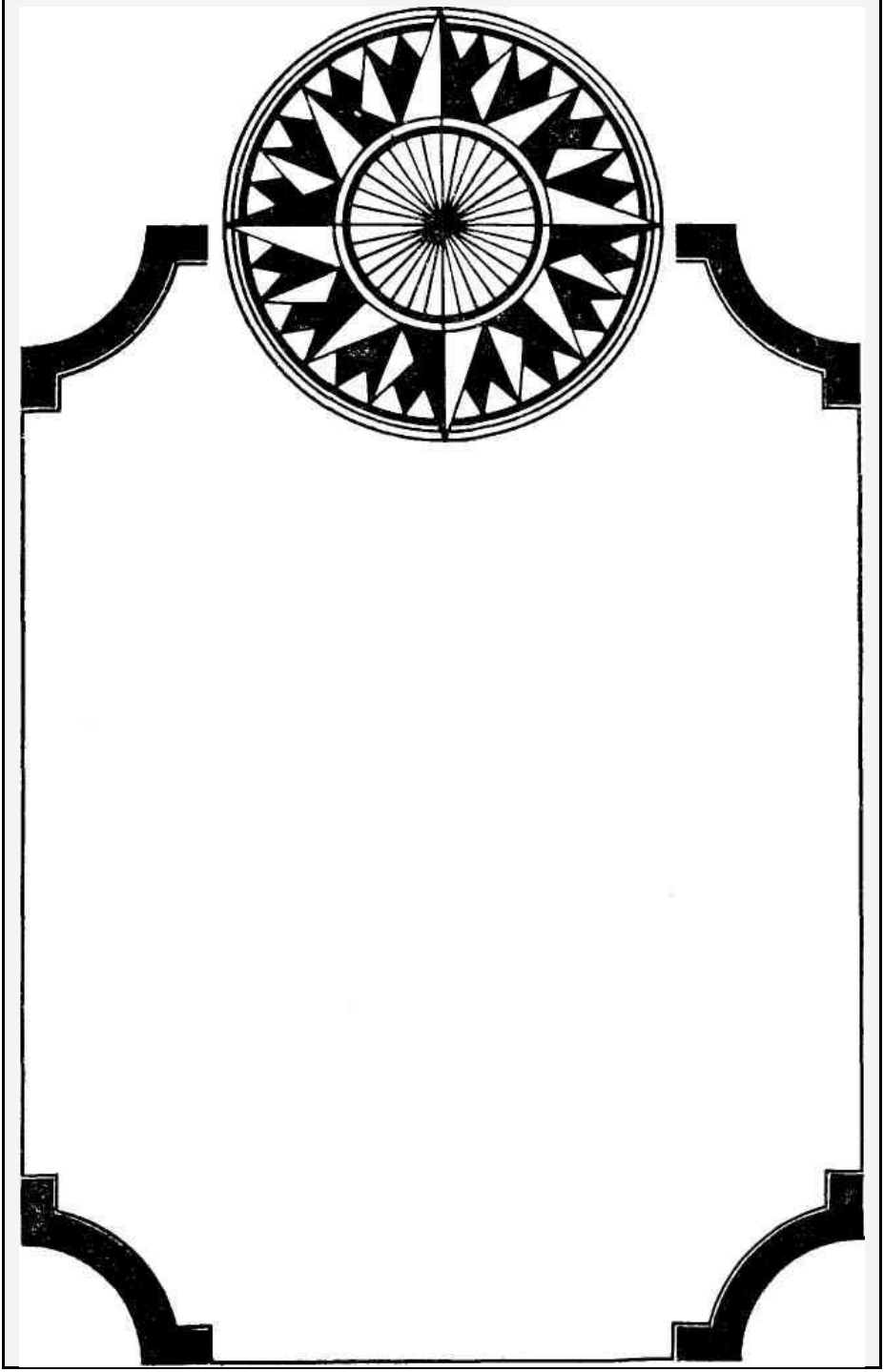
-
- Н. Бадеев
  -
  - «Аврора», крейсер.
  - «Заря свободы» (бывший «Император Александр II»), линейный корабль.
  - «Амур», минный заградитель.
  - «Забияка», эскадренный миноносец.
  - «Самсон», эскадренный миноносец.
  - «Верный», учебный корабль.
  - «Зарница», яхта.
  - Тральщики № 14 и № 15.
  - «Деятельный», миноносец.
  - «Ястреб», сторожевой корабль.
  - «Хопер», минный заградитель.
  - «Штандарт», яхта.

        - «Ща», транспорт.
        - «Андрей Первозванный», линейный корабль.
        - «Алмаз», крейсер.
        - «Аскольд», крейсер.
        - «Африка», учебное судно.
        - «Гангут», линейный корабль.
        - «Диана», крейсер.
        - «Океан», учебное судно.
        - «Олег», крейсер.
        - «Республика», линейный корабль.
        - «Россия», крейсер.
        - «Рюрик», крейсер.
        - «Севастополь», линейный корабль.
        - «Шилка», транспорт.
    - СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В СБОРНИКЕ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

Океан. Выпуск тринадцатый



Л



ОКЕАН

литературно-художественный морской сборник

МОСКВА

«Детская литература»
1987

В КИПЕНИИ ВОЛН РЕВОЛЮЦИИ

В кипении

ВОЛН РЕВОЛЮЦИИ

Б. Лавренев
ВЫСТРЕЛ С НЕВЫ
Рассказ

ЛАВРЕНЕВ *Борис Андреевич (1891—1959) — советский писатель, драматург, в творчестве которого значительное место занимала морская тематика: драмы «Разлом», «Песнь о черноморцах», «За тех, кто в море», рассказы «Срочный фрахт», «Возвращение Одиссея», «Черноморская легенда» и др.*

В 1915 году он закончил юридический факультет Московского университета, сражался на фронтах первой мировой войны, с осени 1918 года по 1923 год служил в рядах Красной Армии. Свои первые повести «Ветер» и «Сорок первый» (1924) он посвятил событиям революции и гражданской войны.

23 октября 1917 года шел мелкий дождь. «Аврора» стояла у стенки Франко-русского завода. Место это было хорошо знакомо старому крейсеру. Это было место его рождения. С этих стапелей в 1900 году новорожденная «Аврора» под гром оркестра и салют, «в присутствии их императорских величеств», скользя по намыленным бревнам, сошла в черную невскую воду, чтобы начать свою долгую боевую жизнь с трагического похода царской эскадры к Цусимскому проливу.

По мостику, скучая, расхаживал вахтенный начальник. Направо медленно катилась ко взморью вспухшая поверхность реки серо-чугунного цвета, покрытая лихорадочной рябью дождя. Налево — омерзительно-грязный двор завода, закопченные здания цехов, черные переплеты стапельных перекрытий, размокшее от дождя унылое пространство, заваленное листами обшивки, плитами брони, бунтами заржавевшей рыжей проволоки, змеиными извивами тросов. Между этими хаотическими нагромождениями металла стояли гниющие красно-коричневые лужи, настоянные ржавчиной, как кровью.

Дождь поливал непромокаемый плащ вахтенного начальника, скатываясь по блестящей клеенке каплями тусклого серебра. Капли эти висели на измятых щеках мичмана, на его подстриженных усиках, на козырьке фуражки. Лицо мичмана было тоскливо-унылым и безнадежным, и со стороны могло показаться, что вся фигура вахтенного начальника истекает

слезами безысходной тоски.

Так, собственно, и было. Вахтенный начальник смертельно скучал. С тех пор как стало ясно, что все рушится и адмиральские орлы никогда не осенят своими хищными крыльями мичманские плечи, мичман исполнял обязанности, изложенные в статьях Корабельного устава, с полным равнодушием, только потому, что эти статьи с детства въелись в него, как клещи в собачью шкуру. Он сам удивлялся порой, почему он выходит на вахту, когда вахта обратилась в ерунду. Неограниченная, почти самодержавная власть вахтенного начальника стала лишь раздражающим воспоминанием. От нее сохранилось только сомнительное удовольствие — записывать в вахтенный журнал скучные происшествия на корабле.

Такую вахту не стоило нести. Офицеры с наслаждением отказались бы, если бы не странное и необъяснимое поведение матросов. Нижние чины, внезапно превратившиеся в граждан и хозяев корабля, несли сейчас корабельную службу с небывалой доселе четкостью и вниманием. Матросы держались подчеркнуто подтянуто. Корабль убирался, как будто в ожидании адмиральского смотра. Часовые у денежного ящика и у трапа стояли как вкопанные. Эта матросская ретивость к службе, в то время как ее не требовал и не смел требовать командный состав, казалась офицерам непонятной и даже пугала их.

Вот и сейчас. Вахтенный начальник нагнулся над стойками левого обвеса мостика и лениво наблюдал разыгрывающуюся сцену. Шлепая по лужам, к мосткам, перекинутым со стенки на борт крейсера, шел человек в длинной кавалерийской шинели. Полы, намокшие и отяжелевшие, бились о сапоги, как мокрый бабий подол. На голове шедшего была защитная фуражка английского офицерского образца. Он взошел на мостки. Вахтенный начальник равнодушно наблюдал. С утра до ночи на крейсер шляется всякая шушера. Представители всяких там партий, демократы и социалисты, черт их пересчитает. Еще совсем недавно нога штатского не смела вступить на неприкосновенную палубу военного корабля. А теперь…

Ну и пусть ходит кто хочет. И чего ради часовой у мостков пререкается с этим типом? Мичман равнодушно, но с тайным злорадством наблюдал, как часовой преградил дорогу посетителю, как тот, горячась, говорил что-то и как часовой, холодно осмотрев гостя с ног до головы, свистнул, вызывая дежурного. Такое соблюдение формальностей было ни к чему, но все же умаслило мятущееся сердце мичмана.

Подошедший дежурный взглянул в предъявленную посетителем бумагу и повел его за собой. Вахтенный начальник

разочарованно зевнул и зашагал по мостику, морщась от дождевых капель.

Только что назначенный комиссаром «Авроры» минный машинист Александр Белышев хмуро прочел поданную посетителем бумагу. Уже то, что посетитель представился личным адъютантом помощника министра Лебедева, разозлило комиссара. Он терпеть не мог ни эсеров, ни их адъютантов.

В бумаге был категорический приказ морского министра немедленно выходить в море на пробу машин и после этого следовать в Гельсингфорс в распоряжение начальника второй бригады крейсеров.

— Министр приказал довести до вашего сведения, что невыполнение приказа будет расценено как срыв боевого задания и военная измена со всеми вытекающими последствиями, — сказал адъютант казенными словами, стараясь держаться начальственно и уверенно. Ему было неуютно в этой суровой, блестящей от эмалевой краски каюте, за тонкими стенками которой ходили страшные матросы, и он старался подавить свой страх показной самоуверенностью.

— Ясное дело, — сказал Белышев, поднимая на адъютанта тяжелый взгляд, и вдруг улыбнулся совсем детской конфузливой улыбкой. — Мы и так понимаем, что такое измена, — выговорил он значительно, подняв перед своим носом указательный палец, и по тону его нельзя было понять, к кому относится слово «измена». — Стрелять изменников надо, как сукиных сынов, — продолжал комиссар, повышая голос, и адъютанту морского министра показалось, что глаза комиссара, вспыхнувшие злостью, очень пристально уперлись в его лоб. Он поспешил проститься.

После его ухода Белышев прошел в каюту командира крейсера. Командир сидел за столом и писал письма. Слева от него выросла уже горка конвертов с надписанными адресами. Лицо командира было бледно и мрачно. Похоже было, что он решил покончить самоубийством и пишет прощальные записки родным и знакомым.

Не замечая унылости командира, Белышев положил перед ним приказ морского министра.

— Когда прикажете сниматься? — спросил командир, вскинув на комиссара усталые глаза.

— Между прочим, совсем наоборот, — ответил, слегка усмехаясь, Белышев. — Комитет имеет обратное приказание Центробалта — производить пробу машин не раньше конца октября. Так что придется гражданину верховноуговаривающему вытягивать якорный канат своими зубами, и он их на этом деле

обломает. В Гельсингфорс не пойдем, и вообще не пойдем без приказа Петроградского Совета, — закончил Белышев официальным тоном.

— Слушаю-с, — ответил командир и сам удивился, почему он отвечает своему бывшему подчиненному с той преувеличенной почтительностью, с какой разговаривал с ротным офицером в корпусе, еще будучи кадетом.

— Посторонних нет?

Вопрос был задан для проформы. Комиссар Белышев и сам видел, что в помещении шестнадцатого кубрика не было никого, кроме членов судового комитета, но ему нравилась строгая процедура секретного заседания.

— А какой черт сюда затешется? — ответили ему. — Матросы понимают, а офицера на веревочке не затащишь.

Белышев вынул из внутреннего кармана бушлата конверт. Медленно и торжественно вытащил из него сложенную четвертушку бумаги, разгладил ее на ладони и, прищурившись, обвел настороженным взглядом членов комитета. Это были свои, испытанные, боевые ребята, и все они жадно и загоревшимися глазами смотрели на бумагу в комиссарских руках.

— Так вот, ребятки, — сказал Белышев, — сообщаю данное распоряжение: «Комиссару Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов на крейсере «Аврора».

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов постановил: поручить вам всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение на Николаевском мосту».

В кубрике было тихо и жарко. Где-то глубоко под палубами заглушенно гудело динамо, да иногда по подволоку прогрохатывали чьи-то быстрые шаги. Члены комитета молчали. И несмотря на то, что глаза у всех были разные — серые, карие, ласковые, суровые, — во всех этих глазах был одинаковый острый блеск. И от этого блеска лица были похожи одно на другое. Их освещал одинаковый свет осуществляющейся, становившейся сегодня явью вековой мечты угнетенного человека о найденной Правде, которую сотни лет прятали угнетатели.

— По телефону передали из ревкома, что это распоряжение самого Владимира Ильича… Товарищ Ленин ожидает, что моряки не подведут, — добавил Белышев тихо и проникновенно, и опять по лицам пробежал задумчивый и взволнованный свет.

— Ты скажи, Саша, пусть товарищ Ленин пребывает без сомнения, — обронил кто-то, — если он хочет, так сквозь что

угодно пройдем.

— Значит, постановлено? Возражающих нет? — спросил комиссар. Он был еще молод, молод в жизни и молод в политике, и любил, чтобы дело делалось по всей форме.

Члены комитета ответили одним шумным вздохом, и это было вполне понятной формой одобрения.

— Тогда предлагаю обмозговать выполнение задачи, — Белышев бережно спрятал в бушлат боевой приказ Петроградского Совета. — Сколько людей понадобится, и каким способом навести мост.

— Способ определенный, — сказал, усмешливо скаля мелкие зубы, Ваня Карякин, — верти механизм, пока не сойдется, вот тебе и вся механика.

Но шутка не вызвала улыбок. Настроение в кубрике было особенное, строгое и торжественное, и Ваню оборвали:

— Закрой поддувало!

— Ишь нашелся трепач… Ты время попусту не засти. Без тебя знаем, что механизм вертеть надо.

С рундука встал плотный бородатый боцманмат.

— Полагаю, товарищи, что дело серьезное. На мосту и с той стороны, на Сенатской и Английской набережной, юнкерье. Сколько их там и чего у них есть, нам неизвестно. Разведки не делали. Броневики я у них сам видел. А может, там где-нибудь в Галерной и артиллерия припрятана. От них, гадов, всего дождешься. И думаю, что на рожон переть нечего, а то оскандалимся, как мокрые куры, и дела не сделаем.

— Что ж ты предлагаешь? — спросил Белышев.

— А допрежде всего выслободить корабль из этой мышеловки. Черта мы здесь у стенки сотворим. Первое дело — отсюда мы до Английской набережной не достанем через мост. Второе — на нас могут с берега навалиться. Да где это слыхано, чтоб флотский корабль у стенки дрался! А потому предлагаю раньше остального вывести «Аврору» на свободную воду для маневра и поставить к самому мосту.

— Верно, — поддержал голос, — нужно к мосту выбираться.

Белышев задумчиво повертел в руках конец шкертика, забытого кем-то на столе.

— Перевести — это так, — сказал он, — да кто переводить будет? На офицерье надежды мало. Они сейчас — как черепаха, богом суродованная. Будто им головы прищемило.

— Пугнуть можно, — отозвался Ваня Карякин.

Белышев махнул рукой:

— Уж они и так напуганы, больше некуда. Начнешь дальше пугать — хуже будет. Теперь с ними одно средство — добром

поговорить. Может, и отойдут. А то они даже самые обыкновенные слова не понимают. Я вчера на палубе ревизора встретил, говорю ему, что нужно с базой поругаться насчет гнилых галет, и вижу, что не понимает меня человек. Глаза растопырил, губу отвесил, а сам дрожит, что заячий хвост. Даже мне его жалко стало. Окончательно рассуждение потерял мичманок… Верно, думал, что я его за эти сухари сейчас за борт спущу. Ихнюю психику тоже сейчас взвесить надо. Земля из-под ног ушла…

— Потопить их всех.

— Рано, — твердо отрезал Белышев. — Если б надо было, так нам сперва приказали с ними разделаться, а потом мост наводить. Сейчас пойду с ними поговорю толком. Членам комитета предлагаю разойтись по отсекам, разъяснить команде положение. Да присмотреть за эсеровщиной. А то намутят. Еще сидят у нас по щелям эсеровские клопы…

Кубрик ожил. Члены комитета загрохали по палубе, торопясь к выходу.

Когда Белышев вошел в кают-компанию, был час вечернего чая и офицеры собрались за столом. Но как не похоже было это чаепитие на прежние оживленные сборища. Молчал накрытый чехлом, как конь траурной попоной, рояль. Не слышно было ни шуток, ни беззаботного мичманского смеха. Безмолвные фигуры, низко склонив головы над столом, избегая смотреть друг на друга, напоминали людей, собравшихся на поминки по только что схороненному родственнику и не решающихся заговорить, чтобы не оскорбить звуком голоса незримо присутствующий дух покойника.

При появлении комиссара все головы на мгновение повернулись в его сторону. В беззвучной перекличке метнувшихся глаз вспыхнула тревога, и головы еще ниже склонились над стаканами жидкого чая.

— Добрый вечер, товарищи командиры! — как можно приветливее сказал Белышев и, положив бескозырку на диванную полочку, весело и добродушно уселся на диван.

Но, садясь, он зорко следил за впечатлением от своего прихода, отразившимся на офицерских лицах. Некоторые просветлели, — очевидно, приход комиссара не сулил ничего плохого, а сам комиссар был все же парень неплохой, отличный в прошлом матрос и не злой. Двое насупились еще угрюмей. Это были кондовые, негнущиеся, ярые ревнители дворянских вольностей и офицерских привилегий, и самое появление комиссара в кают-компании и его независимое поведение резало

как ножом их сердца.

Но этих было только двое. Остальные как будто оттаяли, и, следовательно, можно было говорить.

— Разрешите закурить, товарищ старший лейтенант? — вежливо обратился Белышев к командиру. Командир, не отрывая взгляда от стакана, словно искал в нем потерянное счастье, кивнул головой и глухо ответил:

— Прошу.

Белышев достал папироску и неторопливо закурил. Он видел, что офицеры искоса наблюдают за струйкой дыма, вьющейся от его папиросы, и это смешило его. Он глубоко затянулся и внезапно сказал, как оторвал:

— Через час снимаемся.

Офицерские головы вздернулись, как будто всеми ими управляла одна нитка, и повернулись к комиссару. Штурман нервно звякнул ложкой о стакан и, передернув плечами, спросил:

— Позволено знать — куда?

— А почему ж не позволено, — беззлобно ответил Белышев. — Петроградский Совет приказал перевести крейсер к Николаевскому мосту, навести мост и восстановить движение, нарушенное контрреволюционными силами Временного правительства.

Штурман вздохнул и зазвякал ложкой. Жирный артиллерист, бывший прежде заправским весельчаком и не раз смешивший матросов забавными рассказами, а теперь потускневший и слинявший, словно его выкупали в щелоке, не подымая головы, спросил напряженно и зло:

— А приказ комфлота есть?

Белышев пристально посмотрел на него.

— Проспали, товарищ артиллерист, — сказал он спокойно. — Командует флотом нынче революция, а в частности Военно-революционный комитет, которому флот и подчиняется.

— Не слышал, — ответил артиллерист, — я такого адмирала не знаю.

Артиллерист явно задирался и вызывал на скандал. Белышев понял и, не отвечая, снова обратился к командиру:

— Товарищ старший лейтенант, прошу распорядиться.

Командир медленно поднялся. Руки его бессильно висели вдоль тела. Губы мелко дрожали. На него было жалко и смешно смотреть. Командир был выборный. Еще в февральский переворот команда единогласно выбрала его на пост командира после убийства прежнего командира, шкуры, дракона и истязателя. Новый командир был либерал, еще до революции читал матросам газеты и покрывал нелегальщину. Команда искренне любила его,

как любила всякого, кто в жестокой каторге флота относился к номерному матросу как к живому человеку. Команда и сейчас не утратила доброго чувства к этому тихому и мягкому интеллигенту. Но командир был выбит из колеи. Он был во власти полной раздвоенности и растерянности.

— Вы хотите вести крейсер к Николаевскому мосту?

— А то куда ж? — удивился Белышев. — Как будто ясно сказано…

— Но… но… — командир тщетно искал убегающие от него слова, — но вы понимаете, товарищ Белышев, что это… это невозможно?

— Почему? — тоном искреннего и наивного изумления спросил комиссар.

— Но дело в том… С начала войны расчистка реки в пределах города не производилась, — быстро заговорил командир, обрадованный тем, что уважительная причина технического порядка, прыгнувшая в мозг, дает возможность правдоподобно и без ущерба для революционной репутации объяснить отказ. — Совершенно неизвестно, что происходит на дне. Фарватер представляет собой полную загадку. Я несу ответственность за крейсер как боевую единицу флота. Мы только что закончили ремонт и можем обратить корабль в инвалида, пропороть днище… Я… Я не могу взять на себя такой риск.

Артиллерист злорадно и весело кашлянул. Это было явное поощрение командиру. Но Белышев оставался спокоен, хотя мысль работала быстро и ожесточенно. Он понимал, что командир сделал ловкий ход в политической игре. Это было похоже на любимую игру в домино, когда противник неожиданно поставит косточку, к которой у другого игрока нет подходящего очка. Можно, конечно, обозлиться, смешать косточки и прекратить игру, вызвав на подмогу команду, пригрозить. Но хороший игрок так не поступает, а Белышев играл в «козла» отменно.

Он только искоса взглянул на артиллериста, и кашель завяз у того в горле.

Потом, обращаясь к командиру, Белышев произнес, напирая на слова:

— Соображение насчет фарватера считаю правильным.

Офицеры переглянулись: неужели комиссар сдаст?

Но радость оказалась преждевременной. Сделав паузу, Белышев продолжал:

— Крейсером рисковать нельзя, товарищ старлейт. Мы за него оба отвечаем. И я под расстрел тоже не охотник… Но приказ есть приказ. Мы должны передвинуться к мосту. Через полчаса

фарватер будет промерен и обвехован…

Он с трудом удержался от победоносной усмешки. Удар был рассчитан здорово. Командир проиграл. Ему некуда было приставить свою косточку. Он безнадежно оставался «козлом». В кают-компании стало невыносимо тихо.

Белышев взял бескозырку и пошел к выходу. В дверях остановился и, оглядев растерянные лица офицеров, строго и резко закончил:

— Предлагаю от имени комитета товарищам командирам до окончания промера не выходить на палубу.

— Это что же? Арест? — вскинулся артиллерист.

— Ишь какой скорый! — засмеялся Белышев. — Зачем? Нужно будет — успеем. Просто дело рискованное. Могут внезапно обстрелять, а я за вас как за специалистов вдвойне отвечаю. До скорого…

Дверь кают-компании захлопнулась за ним. Офицеры молчали. Это молчание нарушил штурман. Он покачал головой и, как бы разговаривая с самим собой, сказал вполголоса:

— А молодцы большевики, хоть и сукины дети!

…Шлюпка покачивалась на черной воде у правого трапа. Расставив вооруженных матросов по левому борту, обращенному к территории завода, осмотрев лично пулеметы и приказав внимательно следить за всяким движением на берегу, Белышев перешел на правый борт к трапу. Четверо гребцов спускались в шлюпку. На площадке трапа стоял секретарь судового комитета, сигнальщик Захаров, застегивая на себе пояс с кобурой. На груди у него висел аккумуляторный фонарик, заклеенный черной бумагой с проколотым в ней иглой крошечным отверстием. Узкий, как вязальная спица, лучик света выходил из отверстия.

— Готов, Серега? — спросил Белышев, кладя руку на плечо Захарова.

— А раньше? — ответил Захаров любимой прибауткой.

— Гляди в оба. На подходе к мосту будь осторожней. Я буду на баке у носового. Если обстреляют, пускай ракету в направлении, откуда ведут огонь. Тогда мы ударим. Ну, будь здоров.

Они крепко сжали друг другу руки. Много соли было съедено вместе в это горячее времечко. И вот веселый, лихой парень, товарищ и друг, шел на тяжелое дело за всех, где его могла свалить в ледяную невскую воду белая пуля.

У Белышева защекотало в носу. Он быстро отошел от трапа. Шлюпка отделилась от борта и беззвучно ушла в темноту. Комиссар прошел на полубак. Длинный ствол носовой шестидюймовки, задравшись, смотрел в чернильное небо. Чуть

различимые в темноте силуэты орудийного расчета жались друг к другу. Ночь дышала тревогой. Белышев прошел к гюйсштоку. Неразличимая пустыня воды глухо шепталась перед ним. За ней лежал город, чудовищно огромный, плоский, притаившийся. Город лощеных проспектов, дворцов, город гвардейских шинелей с бобровыми воротниками, город министерских карет и банкирских автомобилей. Город, вход в который был свободен для породистых собак и закрыт для нижних чинов. Белышев чувствовал, как этот город дышит ему в лицо всей своей гнилью и проказой. Этот город нужно было уничтожить, чтобы на месте его создать новый — здоровый, ясный, солнечный, широко открытый ветрам и людям.

Набережные были темны. Фонари не горели. Зыбкие и смутные тени передвигались за гранитными парапетами. Вдалеке, очевидно с петропавловских верков, полосовал сырую мглу бледно-синий меч прожектора. Он то взлетал ввысь, то рушился на воду, и тогда впереди проступали четкие разлеты мостовых арок и вода стекленела, светясь.

Шаги сзади оторвали Белышева от созерцания. Он оглянулся. Член судового комитета Белоусов торопливо подошел к нему.

— Сейчас захватил в машинном кубрике эсеровского гада Лещенко. Разводил агитацию.

— Где? — спросил Белышев, срываясь.

— Не беспокойся. Забрали и засунули в канатный ящик. Пусть там тросам проповедует.

— Смотрите вовсю. Чтоб не выкинули какой-нибудь пакости, — сурово сказал Белышев.

— Комиссар, шлюпка возвращается, — доложил сигнальщик, острые глаза которого увидели в ночной черноте слабые очертания маленькой скорлупки.

— Ну хорошо… А то уж я боялся за Серегу, — мягко и ласково сказал комиссар и направился к трапу.

Со взятой у Захарова картой промера фарватера, влажной от дождевой воды и речной сырости, Белышев вернулся в кают-компанию. Едва взглянув на офицеров, комиссар понял — за время его отсутствия в кают-компании произошли какие-то события и офицерское настроение сильно изменилось. Офицеры уже не были похожи на кур, долго мокших под осенним ливнем. Они выпрямились, подтянулись, и в них чувствовалась какая-то решимость. Казалось, они опять стали военными.

Это удивило и встревожило комиссара. Но, не давая понять, что он обеспокоился переменой, Белышев спокойно направился прямо к командиру и положил на стол перед ним карту.

На промокшей бумаге лиловели сложные зигзаги химического карандаша, которым Захаров прочертил линию благоприятных глубин.

— Вот, — сказал Белышев, — фарватер есть! Не ахти какой приятный, конечно. Можно сказать, не фарватер, а гадючий хвост. Ишь как крутится. Но, между прочим, по всей провехованной линии имеем от двадцати до двадцати трех футов. Значит, пройти вполне возможно, и еще под килем хватит. В старое время штурмана друг другу полдюйма под килем желали, а у нас просто раздолье. С хорошим рулевым вывернемся. Начинайте съемку.

— Офицеры имели возможность обсудить положение и уполномочили меня сообщить…

Тут командир захлебнулся словами и замолчал. Белышев с усмешкой смотрел на его пляшущие по скатерти пальцы.

— Ну, что же господа офицеры надумали?

Командир вскинул голову, как будто его ударили кулаком под челюсть. Мгновенно покраснев до шеи и стараясь смело смотреть в глаза Белышеву, он сказал:

— Поскольку мы понимаем, что перевод крейсера к мосту является одним из актов намеченного политическими партиями плана захвата власти, офицеры крейсера, готовые в любое время выполнить свой боевой долг в отношении внешнего врага, считают себя не вправе вмешиваться в политическую борьбу внутри России. Поэтому… вследствие этого мы… — командир начал запинаться, мы заявляем, что в этой борьбе мы соблюдаем нейтралитет…

— Так… так… — сказал Белышев беззлобно, кивая головой, и командир покраснел еще гуще.

— Мы ни за какую политическую партию… Мы за Россию… Мы против большевиков тоже выступать не будем…

Белышев сделал шаг вперед и положил свою тяжелую ладонь на плечо командира. От неожиданного этого прикосновения старший лейтенант вздрогнул и молниеносно сел, как будто он был гвоздем и сильный удар молотка с маху вогнал его в кресло. Было ясно, что он испугался.

— Еще бы вы против большевиков выступили! Я так думаю, что у вас и против своей тещи пороху не хватит, — презрительно, но так же беззлобно обронил комиссар и, помолчав немного, покачал головой, — Эхма… а я-то думал, что вы все-таки офицеры. А вы вроде как мелкая салака…

— Ну, ну… комиссар. Просил бы полегче, — ехидно вставил артиллерист. — Посмотрим еще, какая из тебя осетрина выйдет.

То, что артиллерист не трусил, понравилось комиссару. Озлобления у офицеров явно не было. Была полная и жалкая

растерянность, которой сами офицеры стыдились. И то, что артиллерист обратился к комиссару на «ты», тоже было неплохим признаком. Пренебрежительное выканье было бы хуже. Ясно одно: офицеры помогать не станут, но и мешать не рискнут. Белышев усмехнулся артиллеристу.

— Навару с меня в ухе, конечно, поменьше, чем с тебя будет, — кинул он, тоже обращаясь на «ты» и как бы испытывая этим настроение. Если артиллерист обидится — значит, он, Белышев, ошибся насчет настроения. Но артиллерист не реагировал. Тогда комиссар отошел к дверям, захватив карту. — Поскольку разговор зашел за нейтралитет, команда не считает нужным применять насилие. Вольному — воля, а вам, господа офицеры, до выяснения обстоятельств придется посидеть под караулом. Прошу прощения… Что же касается корабля, авось сами справимся. Счастливо!..

Была полночь. На баке глухо зарокотал якорный шпиль, и канат правого якоря, заведенного в реку, натягиваясь, вздрагивая, роняя капли, медленно пополз в клюз.

Белышев стоял на мостике. Отсюда лежащий под ногами корабль казался громадным, враждебно настороженным, поджидающим промаха комиссара. Желтый круг от лампочки падал на штурманский столик, на карту промера. Темный профиль Захарова, склонившегося над картой, четко выделялся на бумаге. Карандаш в крепких пальцах Захарова медленно полз по фарватерной линии и, казалось, готов был сломаться.

— Нет, — сказал вдруг комиссар злобно и решительно, — не выйдет эта чертовщина…

— Ты про что? — Захаров оторвался от карты и поглядел на Белышева.

— Пойми ты, чертова голова: если запорем корабль, что тогда делать станешь?

Захаров помолчал.

— А что будешь делать, если не выполним приказ Совета? Одно на одно… Так выходит, риск — благородное дело… Да ты не дрейфь, Шурка. Рулевых я лучших поставил. Орлы, а не рулевые. А я как-нибудь управлюсь. Насмотрелся за четыре года на дело, невесть какая мудрятина по ровной воде корабль провести.

Белышев выругался. Действительно, другого выхода не было. Если Серега берется, может, и выйдет. Парень он толковый.

Мостик затрепетал под его ногами. Очевидно, в машинном отделении проворачивали машину. Знакомая эта дрожь, оживлявшая крейсер, делавшая его разумным существом, ободрила комиссара. Он подошел к машинному телеграфу, нажал

педаль и вынул пробку из переговорной трубы.

— Василий, ты? Здорово… Сейчас тронемся.

Крейсер уже отделился носом от стенки. Вода медленно разворачивала его поперек реки. Пора было давать ход. Белышев перевел ручку машинного телеграфа на «малый вперед». Палуба снова вздрогнула. В это мгновение на мостик выскочил из люка вооруженный винтовкой матрос.

— Товарищ комиссар… Белышев! — закричал он.

— Чего орешь? — недовольно отозвался комиссар. — Тишину соблюдай.

— Товарищ комиссар! Арестованный командир просит немедленно прийти к нему.

— Черта ему, сукиному сыну, надо! — выругался Белышев. — Скажи — некогда мне к нему таскаться. Пусть ждет, пока операция кончится. Раньше надо было думать.

Матрос замялся.

— Как бы чего не вышло, Белышев, — сказал он, потянувшись к уху комиссара, — Вроде, понимаешь, как не в себе командир. Плачет.

— Тьфу, анафема! — сплюнул Белышев. — Волоки его, гада, сюда. Сам понимаешь, не могу уйти с мостика.

Матрос нырнул в люк. Крейсер набирал ход, выходя на середину реки. Кругом была непроходимая тьма. Голос Захарова сказал рулевым:

— Вон Исаакия макушка поблескивает. На нее правь пока… Одерживай!

— Есть одерживать, — в один голос отозвались рулевые.

Минуту спустя на мостике появился командир в сопровождении конвоира. Шинель командира была расстегнута, фуражка висела на затылке. Даже в темноте глаза командира болезненно блестели.

— Я не могу, — заговорил он еще на ходу, — я не могу допустить аварии корабля. Я люблю свой корабль, я… я помогу вам привести его к мосту, но после этого прошу освободить меня от дальнейшего участия в военных действиях…

Белышев смотрел на искаженное лицо, слабо освещенное отблеском лампочки над штурманским столиком. Он хорошо понимал командира. Он мог бы много сказать ему сейчас. Но разговаривать было некогда. В конце концов, и это большая победа. И Белышев просто сказал:

— Ладно… Вступайте…

Лейтенант шатнулся, всхлипнул, но через секунду выпрямился, и голос его зазвучал по-командирски уверенно, когда он скомандовал рулевым, наклонившись над картой:

— Лево руля!.. Так держать!..

На середине реки внезапно налетел ветер, и хлынул проливной дождь. Все закрылось сетью мечущихся нитей. С мостика не стало видно полубака.

Сигнальщики, подняв воротники бушлатов, поминутно протирали глаза. Крейсер, извиваясь по фарватеру, медленно полз вперед. Мост должен был быть совсем близко, но впереди лежала та же непроглядная серая муть. Того и гляди, «Аврора» врежется в пролет.

— Мо-ост!! — диким голосом рявкнул первый, угадавший в темени смутные очертания быков.

— Тише! — шикнул Белышев. — Весь город всполошишь.

Под рукой командира зазвенел машинный телеграф. Сначала «самый малый», потом «полный назад». Судорога машин потрясла крейсер.

— Отдать якорь!

Тяжелый всплеск донесся спереди. Резко и пронзительно завизжал ринувшийся вниз якорный канат. «Аврора» вздрогнула и остановилась.

Командир отошел от тумбы телеграфа и, закрыв лицо руками, согнувшись, пошел к трапу. Белышев не останавливал его. Теперь командир был не нужен.

— Прожектор на мост! — приказал комиссар.

Над головой на площадке фор-марса зашипело, зафыркало, замигало синим блеском. Стремительный луч рванулся вперед, прорывая дождевую мглу. Выступили быки и фермы. Слева у берега крайний пролет был пуст.

— Разведен, — злобно вымолвил Белышев, стиснув зубы и сжимая в кармане наган.

Он вспомнил фразу из приказа Совета: «Восстановить движение всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами». Он шумно вздохнул и посмотрел вниз на поднявшиеся стволы носовых пушек. Они застыли, готовые к бою.

Белышев поднял к глазам тяжелый ночной бинокль. В окулярах мост выступил выпукло и совсем близко. Стоило вытянуть руку, и можно было коснуться мокрого железа перил. За ними жались ослепленные молнией прожектора маленькие фигурки в серых шинелях. Комиссар различал даже желтые вензеля на белых погонах гвардейских училищ.

Он опустил бинокль и снял с распорки мегафон. Приставил его ко рту.

Мегафон взревел густым и устрашающим ревом.

— Господа юнкерье, — рычало из раструба мегафона, — именем Военно-революционного комитета предлагается вам

разойтись к чертовой матери, покуда целы. Через пять минут открываю по мосту орудийный огонь.

На мосту мигнул огонек и ударил едва слышный одинокий выстрел. Пряча усмешку, Белышев увидел, как юнкера кучкой бросились к стрелявшему и вырвали у него винтовку. Потом, спеша и спотыкаясь, они гурьбой побежали к левому берегу, к Английской набережной, и их фигуры потонули там, слизанные тьмой. Мост опустел.

— Вот так лучше, — засмеялся комиссар, поведя плечами. — Тоже вояки не нашего бога. — Он повернулся к Захарову и властно, как привыкший командовать на этом мостике, приказал: — Вторую роту наверх с винтовками и гранатами. Катера на воду. Высадить роту и немедленно навести мост.

Запел горн. Засвистали дудки. По трапам загремели ноги. Заскрипели шлюпбалки. Вытянувшись по течению, в пронизанном нитями ливня мраке «Аврора» застыла у моста, неподвижная, черная, угрожающая.

День настал холодный и ветреный. Нева вздувалась. Навстречу тяжелому ходу ее вод курчавились желтые пенистые гребни. Летела срываемая порывами вихря водяная пыль.

Город притих, обезлюдевший, мокрый. На улицах не было обычного движения. С мостика линии Васильевского острова казались опустелыми каменными ущельями.

С левого берега катилась ружейная стрельба, то затихавшая, то разгоравшаяся. Иногда ее прорезывали гулкие удары — рвались ручные гранаты. Однажды звонко и пронзительно забила малокалиберная пушка, очевидно с броневика. Но скоро смолкла.

Это было на Морской, где красногвардейские и матросские отряды атаковали здание главного телеграфа и телефонную станцию.

С утра Белышев беспрерывно обходил кубрики и отсеки, разговаривая с командой. Аврорцы рвались на берег. Им хотелось принять непосредственное участие в бою. Стоянка у моста, посреди реки, раздражала и волновала матросов. Им казалось, что их обошли и забыли, и стоило немало труда доказать рвущимся в бой людям, что крейсер представляет собой ту решающую силу, которую пустят в дело, когда настанет последний час.

Среди дня по Неве мимо «Авроры» прошла вверх на буксире кронштадтского портового катера огромная железная баржа, как арбузами, набитая военморами. Команда «Авроры» высыпала на палубу и облепила борта, приветствуя кронштадтцев, земляков и друзей. На носу баржи играла гармошка и шел веселый пляс.

Оттуда громадный, как памятник, красивый сероглазый военмор гвардейского экипажа зарычал:

— Эй, аврорские! Щи лаптем хлебаете? Отчаливай на берег с Керенским танцевать.

Баржа прошла под мост с гамом, присвистом, с отчаянной матросской песней и пришвартовалась к спуску Английской набережной. Военморы густо посыпали из нее на берег. Авророцы с завистью смотрели на разбегающихся по набережной дружков. Но покидать корабль было нельзя, и команда поняла это, поняла свою ответственность за исход боя.

С полудня Белышев неотлучно стоял на мостике. С ним был Захаров и другие члены судового комитета. Офицеры отлеживались по каютам, и у каждой двери стоял часовой.

В два часа дня запыхавшийся радист, влетевший на мостик, ткнул в руки Белышева бланк принятой радиограммы. Глаза радиста и его щеки пылали. Белышев положил бланк на столик в рубке и нагнулся над ним. Через его плечо смотрели товарищи. Глаза бежали по строчкам, и в груди теплело с каждой прочтенной буквой:

> «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.
>
> Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.
>
> Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Белышев выпрямился и снял бескозырку. С обнаженной головой он подошел к обвесу мостика. Под ним на полубаке стояла у орудий не желавшая сменяться прислуга. По бортам лепились группы военморов, оживленно беседующих и вглядывающихся в начинающий покрываться сумерками город.

С точки зрения боевой дисциплины это был непорядок. Боевая тревога была сыграна еще утром, и на палубе не полагалось быть никому, кроме орудийных расчетов и аварийно-пожарных постов. Но Белышев понимал, что сейчас никакими силами не уберешь под стальную корку палуб, в низы, взволнованных, горящих людей, пока они не узнают главного,

чего они так долго ждали, ради чего они не покидают палубы, не замечая времени, забыв о пище.

Он вскочил на край обвеса, держась за сигнальный фал.

— Товарищи!

Головы повернулись к мостику. Узнав комиссара, команда сдвинулась к середине корабля. Задранные головы замерли неподвижно.

— Товарищи, — повторил Белышев, и голос его сорвался на мгновение, — Временное правительство приказало кланяться… Большевики взяли власть! Советы — хозяева России! Да здравствует Ленин! Да здравствует большевистская партия и наша власть!

Сотней глоток с полубака рванулось «ура», и, как будто в ответ ему, от Сенатской площади часто и трескуче отозвались пулеметы. Было ясно, что там, на берегу, еще дерутся. Белышев сунул бланк радиограммы в карман.

— Расчеты к орудиям! Лишние вниз! Все по местам!

Команда хлынула к люкам. Скатываясь по трапам, аврорцы бросали последние жадные взгляды на город. Полубак опустел. Носовые пушки медленно повернулись в направлении доносящейся стрельбы, качнулись и стали.

Опять наступила чернота октябрьской ветреной ночи. От Дворцового моста доносилась все усиливающая перестрелка. Черной и мрачной громадой выступал за двумя мостами Зимний дворец. Только в одном окне его горел тусклый желтый огонь. Дворец императоров казался кораблем, погасившим все огни, кроме кильватерного, и приготовившимся тайком сняться с места и уйти в последнее плавание.

Судовой комитет оставался на мостике. Офицеры по-прежнему сидели под арестом, кроме командира и вахтенного мичмана. Командир, прочтя радиограмму, сказал, что, поскольку правительство пало, он считает возможным приступить к выполнению обязанностей. Мичману просто стало скучно в запертой каюте, и он попросился наверх, к знакомому делу.

Стиснув пальцами ледяной металл стоек, Белышев не отрываясь смотрел в сторону петропавловских верков, откуда должна была взлететь условная ракета. По этой ракете «Авроре» надлежало дать первый холостой залп из носовой шестидюймовки.

Там было темно. Когда от дворца усиливался пулеметный и винтовочный треск, небо над зданиями розовело, помигивая, и силуэты зданий проступали четче. Потом они снова расплывались.

Сзади подошел Захаров.

— Не видно? — спросил он.

— Нет, — ответил Белышев.

— Скорей бы! Канителятся очень.

Белышев ответил не сразу. Он посмотрел в бинокль, опустил его и тихо сказал Захарову:

— Пройди, Серега, к носовому орудию, последи, чтоб на палубе не было ни одного боевого патрона. Потому что приказано, понимаешь, дать холостой, а ни в коем случае не боевой. А я боюсь, что ребята не выдержат и дунут по-настоящему.

Захаров понимающе кивнул и ушел с мостика. Белышев продолжал смотреть.

Вдруг за Дворцовым мостом словно золотая нитка прошила темную высь и лопнула ярким бело-зеленым сполохом.

Белышев отступил на шаг от обвеса и взглянул на командира. Глаза лейтенанта были пустыми и одичалыми, и Белышев понял, что командир сейчас не способен ни отдать приказания, ни исполнить его. Мгновенная досада и злость вспыхнули в нем, но он сдержался. В конце концов, что требовать от офицера? Хорошо и то, что не сбежал, не предал и стоит вот тут, рядом.

И, ощутив в себе какое-то новое, неизведанное доселе сознание власти и ответственности, Белышев спокойно отстранил поникшую фигуру лейтенанта и, перегнувшись, крикнул на бак властно и громко:

— Носовое!.. Огонь!

Соломенно-желтый блеск залил полубак, черные силуэты расчета, отпрянувшее в отдаче тело орудия. От гулкого удара качнулась палуба под ногами. Грохот выстрела покрыл все звуки боя своей огромной мощью.

Прислуга торопливо заряжала орудие, и Белышев приготовился вторично подать команду, когда его схватил за руку Захаров:

— Отставить!

— Что? Почему? — спросил комиссар, не понимая, почему такая невиданная улыбка цветет на лице друга.

— Отставить! Зимний взят! Но наш выстрел не пропадет. Его никогда не забудут…

И Захаров крепко стиснул комиссара горячим братским объятием.

Внизу, по палубе, гремели шаги. Команда вылетела из всех люков, и неистовое «ура» катилось над Невой, над внезапно стихшим, понявшим свое поражение старым Петроградом.

И. Д. Папанин
В РЕВОЛЮЦИЮ Я ПРИШЕЛ С ФЛОТА
Воспоминания

***ПАПАНИН** Иван Дмитриевич (1894—1986), дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал, доктор географических наук, прожил поистине легендарную жизнь. Активный участник гражданской войны, чекист, начальник первой в мире дрейфующей научной арктической станции «Северный полюс-1», руководитель многих высокоширотных экспедиций, в том числе и экспедиции по спасению «Седова», Иван Дмитриевич более тридцати пяти лет возглавлял отдел морских экспедиционных работ при Президиуме Академии наук СССР.*

Эти страницы, посвященные его детству и революционной молодости, И. Д. Папанин написал специально для сборника «Океан».

Родился я еще в прошлом веке, 26 ноября 1894 года, в городе русской морской славы Севастополе на Корабельной стороне. Селился здесь люд простой, в основном рабочие морского завода и матросы, те, кто обслуживал корабли, и те, кто на них плавал. Народ этот был неприхотливый, простой и бедный, жил он в открытую — все было на виду. А чего было прятать друг от друга? Разве только нищету? Жили дружно, каждый, чем мог, старался подсобить соседу. Оно и понятно: богатство рождает зависть, разъединяет, а нужда — сплачивает.

В нашей семье было девять детей. Выжило шестеро. За стол мы садились все сразу, ставилась на стол большая миска. Отсутствием аппетита никто не страдал, чуть зазеваешься — увидишь дно. Вот все и старались, ложки мелькали с молниеносной быстротой.

Мать моя, Секлетинья Петровна, самый дорогой мне человек, терпеливо несла свой тяжкий крест. Была она ласковая и безропотная, работящая и выносливая. От нее было приятно получить даже шлепок. Но прежде чем рассказывать о матери, напишу кратко об отце.

Уже став взрослым, прочел как-то потрясшую меня до глубины души горькую фразу Чехова: «В детстве у меня не было детства». У меня — то же самое.

Мой отец, сын матроса, рано узнал, почем фунт лиха, с

детства видел только нужду. Был самолюбив и очень страдал оттого, что он, Дмитрий Папанин, отличавшийся богатырским здоровьем — прожил отец девяносто шесть лет, — многое умевший, на поверку оказывался едва ли не беднее всех.

Думается мне, надломил его флот. Семь лет отслужил он матросом. Вспыльчивый, болезненно воспринимавший даже самые незначительные посягательства на свою независимость, он часто бывал бит. У боцманов, рассказывал отец, кулаки пудовые: не так посмотрел — в ухо. Офицеры тоже занимались мордобоем. Семь лет муштры вынести могли только сильные духом.

После действительной службы на флоте отец работал баржевым матросом — развозил по военным кораблям воду. Заработки были нищенскими, и бедствовала наша семья отчаянно.

Детство наше было трудовым. И если я сызмальства обучился всяким делам и ремеслам, то за это земной поклон матери. Я любил мать самозабвенно.

Матерей не выбирают, но, если бы и можно было, я бы выбрал только ее, мою горемычную, так и не узнавшую, что же такое счастье, Секлетинью Петровну.

Ей бы образование — какая бы из нее учительница получилась! Мы ни разу не слышали, чтобы она сказала при нас хоть одно плохое слово об отце, несмотря на то что поводы для этого порой бывали. Наоборот, как могла, старалась поддержать в наших глазах его авторитет, не уставала повторять: «Отца слушаться надо».

Бедная моя мама! Когда она спала — я не знаю. В лавочке она торговала колбасой, потрохами — работала на хозяина. В порту брала подряды — шила из брезента матросские робы, паруса. Ходила мыть полы, брала белье в стирку. Заработает, бывало, 80 копеек — радости хоть отбавляй.

И сразу заботы сводили лоб морщинами. Неграмотная, она отлично знала бедняцкую арифметику. Больше всего ей приходилось делить:

— На кости надо, на сальники, на крупу. У Ванюшки от штанов одни заплаты — материи на штаны.

Прикидывала и так и эдак, и все равно не могла свести концы с концами.

Я рано стал добытчиком, лет с шести. Было у меня удилище, леска с крючком, которыми я очень дорожил. Ловил я и бычков, и макрель, и кефаль.

Когда подрос, стал ловить рыбу с двоюродным братом Степой Диденко. У него был свой ялик. Брат братом, а когда начинался дележ пойманной рыбы, родственные чувства отступали: за лодку

и снасть он брал себе дополнительно два пая. Стало быть, три четверти улова шло ему, а мне — лишь четверть. Это считалось еще по-божески.

Мать неохотно отпускала меня на ночную рыбалку, а не отпустить не могла. Я с пустыми руками никогда не возвращался, а порой улов был таким, что мама часть рыбы даже уносила на базар.

С самых ранних лет мы стремились подзаработать где только можно, чтобы хоть как-то уменьшить мамины заботы.

— Ваня, надо честным быть, жить по совести. Своя копейка горб не тянет. Ворованная, нечестная пригибает к земле. Ходи всю жизнь прямо.

Матери мы помогали, чем могли. Полы в доме, после того как я подрос, она никогда не мыла. Это делали мы с братом Яшей. Матросские внуки, мы пользовались, конечно же, шваброй. (Когда я позднее прочел «Капитанскую дочку», то сразу к Швабрину отвращение почувствовал — из-за одной фамилии. Оказалось, он того и достоин.) Драили мы пол по-флотски, до блеска. Навык этот мне, конечно, тоже пригодился.

Жизнь нашу скрашивало море. Море снабжало нас не только углем, случайным заработком, рыбой, но и мидиями. Самыми вкусными, мясистыми они были осенью. Брали мы с Яшей мешки и шли к морю. Ветер холодный, пронизывающий, а вода и того холоднее. Нырнешь к сваям — такое ощущение, что попал в кипяток. Отдираешь мидии одну за другой, вынырнешь, побегаешь по берегу.

Не раз мать мечтала вслух: «Вот доживем до счастливых дней…»

До счастья она не дожила, умерла тридцати девяти лет. И даже ее карточки у меня нет.

Как-то — я уже работал — шли мы с ней мимо фотоателье.

— Мама, давай сфотографируемся!

— Что ты, Ваня, это каких денег будет стоить! Давай уж сделаем это, когда доживем до лучших времен.

Не увидела она лучших времен.

…О политике в семье никогда разговоров не было. Но первый урок настоящей политики я получил опять-таки от матери.

Революцию 1905 года я встретил мальчишкой и, подобно всем моим сверстникам, мало что понял в событиях тех дней. Мы были вездесущие севастопольские ребятишки, как, впрочем, парнишки всех портовых городов, да и не только портовых. О новостях мы порой узнавали раньше взрослых, хотя и не могли оценить значения происходившего. Но все же в детской душе оставались впечатления, накладывались одно на другое. Так

исподволь формировалось мировоззрение.

Весь 1905 год в Севастополе был неспокойным, а к осени события приняли грозовой характер. 18 октября была расстреляна демонстрация. На похороны погибших собрался весь Севастополь — более 40 тысяч человек. Над могилами убитых лейтенант Петр Петрович Шмидт поклялся довести до конца дело, за которое погибли рабочие. В те дни я впервые услышал это имя.

Город забурлил. Бастовали почта, телеграф, порт. Все население города высыпало на улицу, шли митинги, демонстрации. 11 ноября восстали матросы и солдаты. Во главе восстания стал лейтенант Шмидт. Он поднял на крейсере «Очаков» сигнальные флаги: «Командую флотом. Шмидт». Севастопольские мальчишки хорошо знали язык сигнальных флагов и первыми читали все новости, разносили их по городу.

«Очаков» призывал все корабли присоединиться к восстанию. Но его поддержали лишь минный крейсер «Гридень» и контрминоносцы «Свирепый» и «Заветный», номерные миноносцы 265, 268 и 270. Большинство кораблей так и не присоединилось к восставшим. Береговые батареи Михайловской крепости расстреляли «Очаков» в упор, прямой наводкой.

Когда я выбрался из погреба, куда нас, ребят, затолкала бабушка Таня (много позже я узнал, что у Диденко прятались три матроса с мятежного корабля), «Очаков» уже пылал. Метались в дыму и огне люди, прыгали в воду, пытались вплавь добраться до берега. До сих пор у меня мороз пробегает по коже, когда вспоминаю крики матросов: «Братцы! Горим!»

Все были потрясены жестокостью расправы. Плывших к берегу безоружных матросов прикалывали штыками солдаты Брестского и Белостокского полков. Много лет, вплоть до Октябрьской революции, лежало на солдатах этих полков позорное клеймо карателей. Завидев красные околыши их фуражек, люди отворачивались.

До поздней ночи не расходились с набережной севастопольцы. Догорал расстрелянный корабль. Словно почернела и грозно притихла бухта.

Немногим сумевшим выбраться незаметно на берег матросам рабочие Корабелки помогли спастись: прятали, переодевали в другую одежду, тайком выводили из города.

Грустно, мрачно было у нас наутро.

«Очаков» — страшный, обгорелый, получивший пятьдесят пробоин — стоял на рейде. К нему подошли два буксира, зацепили и повели мимо стоявших на своих «бочках» кораблей, чтобы все видели, что стало с «бунтарем», и устрашались. Но

матросы провожали героический корабль, обнажив головы.

Я в те годы еще не понимал, конечно, величия подвига лейтенанта Шмидта. Понял позднее.

А еще позже узнал, как высоко ценил Владимир Ильич Ленин ноябрьское вооруженное восстание в Севастополе:

> «…Революционный народ неуклонно расширяет свои завоевания, поднимая новых борцов, упражняет свои силы, улучшает организацию и идет вперед к победе, идет вперед неудержимо, как лавина… Сознание необходимости свободы в армии и полиции продолжает расти, подготовляя новые очаги восстания, новые Кронштадты и новые Севастополи.
>
> Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо».

Но вернусь к ноябрю 1905 года.

Ночью к нам приполз матрос с «Очакова». Он сделал большой крюк, и ему удалось миновать карателей. Маленькие уже спали, отца дома не было. Мать провела матроса в комнату, ни о чем не спрашивала, только меня попросила:

— Ваня, никому ни слова, а то большой грех на душу возьмем.

Она велела матросу раздеться, бросила в огонь робу, брюки, тельняшку, дала рабочую одежду, кусок хлеба и, поколебавшись, фунтовый кусок сала, предупредила:

— Шпиков полно везде, ты уж поосторожней. Не серчай, больше дать ничего не можем. А теперь, мил человек, ступай: не ровен час, заглянет кто-нибудь… Куда подашься-то?

— К вокзалу. Может, на грузовой состав заберусь.

— С богом!

Что сталось с этим человеком, я не знаю, как не знаю ни имени его, ни фамилии. Но запомнился его полный благодарности взгляд, обращенный к матери.

Так мать дала мне первый урок политики.

В школу я бегал босиком. Была одна пара ботинок, но отец их под замком прятал — от воскресенья до воскресенья. Только в самую большую стужу сидел дома, с тоской поглядывая в окошко. А так — шлепаешь босиком по ледяным лужам. Ноябрь — декабрь в Севастополе — одни дожди. Вот и бежишь — ноги красные, сам мокрый. Школа в полутора километрах была. Прибегу, бывало, в бочке у водосточной трубы ополосну ноги, натяну тапочки, что мама из парусины сшила, и иду в класс. Босыми в школу не пускали. И почти никогда не простужался. Здоров был.

Если же и случалось простудиться — лечились домашним способом: закрывались с головой одеялом и дышали над чугуном с горячей картошкой в мундире.

…Школа наша на Доковой улице была земской, единственной на Корабельной стороне. Каким чудом держалось это древнее здание — не представляю. Коридорчик узенький, протиснуться можно было разве что боком. Единственные наглядные пособия — глобус и видавшая виды карта.

Вот так мы учились, голытьба, дети рабочих морского завода, матросов.

Учился я хорошо, с охотой. Больше всего любил математику.

Пожалуй, не меньше математики любил географию. Мы часами от глобуса оторваться не могли, всякие диковинные названия читали. Мечтал я, от всех тая свои мысли, даже от мамы, в мореходке на судоводителя учиться.

Чего я не любил, так это закона божьего. И попа не любил, и уроки его. Поп заставлял молитвы петь, а у меня слуха никакого.

Насколько я не любил священника, настолько боготворил нашу учительницу Екатерину Степановну. Она вела нас с первого по четвертый, последний класс. Хорошая была. Так интересно рассказывала на уроках, что мы слушали раскрыв рты. Добрая была, строгостей не применяла, а стыдно было перед ней, если не знал урока.

Школу я окончил с отличием. Грамоту получил. На экзамен приехал инспектор из земской управы, прибыло и другое начальство. Екатерина Степановна вызвала к доске меня: наверное, хотела показать начальству, что вот, мол, посмотрите, какой маленький, а толковый.

Экзаменаторы попросили меня сходить за отцом. Я перепугался: отец в школу и дороги не знал, да и я вроде ничем не проштрафился. Оказывается, предложили отцу:

— Ваш сын — ученик, безусловно, способный. Мы согласны учить его и дальше — на казенный счет. Как вы к этому относитесь?

— У меня, кроме Ивана, пятеро детей, всех кормить надо. Считать-писать умеет — и ладно.

Как же мне хотелось учиться еще хотя бы годик-два! Но я промолчал. Знал, что у отца иного выхода нет. Пришлось оставить мечты о мореходном училище.

И пошел я работать в свои тринадцать лет. Стал я учеником в учреждении, которое называлось «Лоция Черного и Азовского морей». За этими словами скрывался завод, а точнее — мастерские по изготовлению навигационных приборов для нужд Черноморского флота. Находилась «Лоция» в маленьком

приземистом здании, куда я и бегал каждый день, никогда не уставая наблюдать за тем, что видел.

Хозяин «Лоции» был немец. До невозможности брезгливый и бессердечный, как машина. Он сыпал штрафы направо и налево — за минутное опоздание, за пререкание с мастером, наконец, просто за непочтительный взгляд.

К работе я относился с большим интересом. Сказались, видимо, и характер и воспитание: никогда ничего я не бросал на полдороге. Порядок есть порядок, дисциплина есть дисциплина. И еще: я не привык хоть какую малость откладывать на другой день. Что наметил — в лепешку расшибусь, а сделаю. Воспитали это во мне моя мать и те старые рабочие, мастеровые люди, с которыми я начинал трудовой путь. Они всей своей жизнью учили: отношение к труду непременно должно быть уважительным, все дается трудом.

Вскоре я стал получать уже по 27 копеек в день. Мои учителя радовались:

— Ты, Ваня, паренек смекалистый, этой линии и держись. Какая рабочему человеку высшая награда? Мастер — золотые руки.

За четыре года ученичества я постепенно научился токарному делу, лудить, паять, шлифовать, сваривать, клепать.

Крутой перелом в моей жизни произошел в 1913 году.

Приехали в Севастополь вербовщики из Ревеля (прежнее название Таллина), с судостроительного завода французского акционерного общества «Беккер и К°». Брали они не первого встречного, требовалось сначала «сдать пробу» — показать, на что ты способен, подходишь ли. Кажется, никогда я прежде так не старался. Измеряли сделанное не баллами, а дневной зарплатой. Когда услышал результат, не поверил: 2 рубля 25 копеек. Двухдневный заработок.

2 рубля 25 копеек в два раза больше рубля десяти — арифметика тут простая. Конечно, мне хотелось зарабатывать больше. Но, пожалуй, главным обстоятельством, толкнувшим меня в Ревель, была жажда самостоятельности, стремление увидеть новые города, земли. Восемнадцать лет прожил я в Севастополе. Даже в Ялту, Гурзуф, Симферополь не ездил, хотя были они рядом. Да и, думалось, профессиональный потолок подымется. Останавливала мысль о матери: как же я ее брошу, я ведь уже стал ее опорой! Но когда я рассказал все маме, она только спросила тихонько:

— Когда тебя, сын, собирать в дорогу?

Определился я в Ревеле на завод, который находился в семи километрах от центра города. Своими размерами, нескончаемым

грохотом завод поразил меня: это не «Лоция»! Паровые машины, множество шкивов и т. д. В любом цехе надо держать ухо востро — как бы не задавили. Нос у меня кверху: не кто-нибудь в Ревель приехал, а токарь-лекальщик, птица высокого полета.

Работа не была мне в тягость. В Ревеле я познакомился с токарями и слесарями высшей квалификации. Мой первый учитель в «Лоции» Сотников, пожалуй, годился им в ученики. А в меня словно бес вселился. «Если не превзойду их, то хоть догоню», — повторял я мысленно. Цену эти мастера себе знали, секреты свои держали за семью печатями, и поручали им работу самую тонкую, ювелирную. Конечно, мастера эти были что надо: могли подковать не то что блоху, но и блошенят. Я внимательно наблюдал, на какой скорости они работают, как держат резец, каким инструментом в каком случае пользуются. Денег мне это не прибавляло, но было интересно.

Мастера не подозревали, что находятся под наблюдением. Зная, как ревниво охраняют они свои секреты, я и не пытался о чем-то их расспрашивать. Имеющий глаза да видит.

Наступил 1914 год. Военные заказы росли. Рабочие трудились без перекуров, без единой минуты отдыха. Жизнь моя теперь вся проходила на заводе. Предгрозовая атмосфера ощущалась во всем.

И гроза разразилась. Война.

Рабочий люд почувствовал ее сразу: все моментально вздорожало, многие продукты можно было купить только у спекулянтов. Ремень приходилось затягивать все туже.

С фронта шли победные реляции. Странное дело, моя квартирная хозяйка не верила им:

— Как же одолеем германца, если при дворе они одни во главе с царицей?

Она как в воду смотрела. Победные реляции вскоре пошли на убыль, поползли слухи о черном предательстве в самых верхах. Становилось не по себе: моя родина, моя Россия, кто же тобой правит?! Было от чего прийти в замешательство.

Вести с фронта были все тревожнее. И тем громче звучала в парках Ревеля бравурная музыка. Я слушал ее, идя с работы, и меня не оставляла мысль: не так живем, не то делаем!

Приближался срок моего призыва в армию. По законам того времени призываться я должен был в Севастополе — по месту рождения. Было это в ноябре 1914 года. Помахал я на прощание Ревелю, сел в вагон. Дорожные разговоры были, конечно же, о войне, предательстве, шпионах. Именно тогда я и услышал от одного пассажира:

— Большевики против войны выступают…

Слово «большевики» я запомнил, в расспросы же не пускался.

Одолеваемый противоречивыми мыслями, вернулся я в отчий дом. Отец не мог мне простить того, что я уехал самовольно, без его разрешения. Но как обрадовалась моему приезду мать! И в то же время опечалилась: знала, мне на службу идти. Малышня — та, ничего не понимая, ликовала, получив гостинцы.

Определили меня на флот. Было около четырехсот призывников, на флот же попало не больше тридцати. После «Очакова» и «Потемкина» брали на корабли преимущественно из зажиточных крестьянских семей. Я не подходил для флота с этой точки зрения, да была великая нужда в специалистах по части техники.

Служба была тяжелой. Много бессмысленного и злого увидел я на царском флоте.

Мордобой на флоте был официально отменен. Но боцманы, старшины нет-нет да и раздавали зуботычины. Мне, правда, ни одной не досталось, я старался службу нести так, чтобы придраться было не к чему.

Служба — в одном ее аспекте — очень напоминала мне мою школу. Больше всего урок божий. Батюшка нас не спрашивал, верим ли мы в бога, — это для него само собой подразумевалось. Он был озабочен больше тем, как вбить в нас церковные премудрости. Учеба матросов на флоте была построена по точно такому же принципу. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. Зубри и зубри, думать не смей. Ну, например, враги бывают внешние — германцы и внутренние — поляки, жиды и студенты: от них смута.

Дело доходило до курьезов. Был в полуэкипаже инженер, ярый монархист. Однажды он особенно разошелся, нападая на врагов внутренних. Кто-то из матросов возьми и спроси:

— Вы, ваше благородие, какой институт изволили кончить? Тот с гордостью:

— Петербургский университет!

— Стало быть, студентом были?

Инженер вспыхнул: понял подковырку.

Бывалые матросы диву давались: вольные разговоры пошли! Еще лет пять-шесть назад за такие речи в карцер попадали. Но теперь было совсем другое время. Шли месяцы, выстраивались в годы, несли стремительные перемены. Близилась революция.

В конце февраля семнадцатого года мы заметили, как заволновались, забегали офицеры. Нам они ничего не говорили. Но мы дознались: царя сбросили! Весть эту наш брат рядовой встретил по-разному. Одни радовались, другие тревожились: «Какой ни есть, а царь. Не будет царя — не быть и порядку».

Полетело за борт слово «господин», его постепенно вытесняло непривычное «гражданин».

«Гражданин»… Слово требовало к нижним чинам обращаться на «вы». Мы-то эту разницу сразу усвоили, а кое-кому из офицеров она далась нелегко. Хочется зуботычину матросу дать, а надо называть его на «вы». На «губу» бы посадил — требуется согласие судового комитета, которые появились после Февральской революции.

Незыблемый прежде распорядок трещал по всем швам. Прежней исполнительности требовали только от кока. «Вольницей» мы широко пользовались. Польза от этого была: мы шли на митинги. Я, как и другие, хотел понять, что же происходит, что же делается в России, найти свое место в этом яростно споримем мире.

Исподволь в душе шла переоценка ценностей. То, что подспудно накапливалось после «Очакова», что было результатом наблюдений, проявилось отчетливо: для меня авторитетом был каждый, кто выступал против царя. Но некоторые ораторы, враги царя, порой грызлись меж собой так, словно были готовы съесть друг друга. И как я мог не поверить одному из них — бледному, с больными глазами, надрывно кашлявшему во время выступления. Он говорил:

— Граждане свободной России! Я поздравляю вас с тем, что могу к вам так обратиться. Настал час долгожданной свободы, когда мы берем в свои руки судьбу Отечества. Войну затеял и развязал царизм. Но можем ли мы допустить, чтобы великая Россия оказалась на коленях перед врагом? Разве есть среди вас люди, которые готовы встать на колени перед солдатами кайзера? Так могут думать только изменники! Война до победного конца!..

Мог ли я не верить этому человеку, если он только-только вернулся с царской каторги?! По убеждениям он был социалист-революционер. Значит, он за социализм и революцию — хороший человек!

Выступал другой — меньшевик, тоже только-только вернулся из тюрьмы. Он тоже за войну до победного конца. И громит большевиков.

Потом на трибуне появляется анархист, весь увешанный гранатами. Он против всех, против всего. А за что — непонятно. И тоже с царской каторги.

Попробуй разберись…

У меня в голове был ералаш — так мало я понимал…

Я так и не узнал имени человека, которого мне надо всю жизнь благодарить за вовремя сказанное слово. На одном из митингов стоял рядом со мной мужчина лет тридцати, в

косоворотке, чистых, хотя и застиранных, брюках, с хрипотцой в голосе. Он взглянул на меня разок, другой, видимо, заметил мое недоумение и спросил:

— Закурим, земляк?

Было в его голосе что-то располагающее.

— Закурим, — сказал я со вздохом.

— Тяжело? — спросил он участливо.

— Тяжело.

— А ты вникни. Ораторов — куча, а кого громят сильнее всего?

Я ответил не сразу:

— Похоже, большевиков.

— Верно, хлопче, схватил ситуацию. А вот как ты думаешь, почему и эсеры, и меньшевики, и прочие оборонцы о большевиках говорят больше, чем об императоре Вильгельме?

— Слух идет, они все немецкие шпионы, их главарь Ленин был привезен в Россию в запломбированном вагоне.

Мой собеседник усмехнулся:

— И ты туда же… Давай, брат, подумаем. Ты только факты учти. Так сказать, мотай на ус. Значит, говоришь, Ленина в запломбированном вагоне привезли? А знаешь ли ты, что старший брат Ленина, Александр, в 1887 году поднял руку на царя и был повешен? И что Ленин был в царской ссылке? Что его труды в Германии жгут по приказу Вильгельма? Насчет шпиона и запломбированного вагона меньшевики и эсеры выдумали, авось какой дурак и поверит. Ты, говоришь, всем веришь, кто против царя шел? Помозгуй. Эсерик выступал, ему три года каторги дали за то, что в градоначальника стрелял. А большевику — он ни в кого не стрелял — пятнадцать лет каторги. Вот и посуди, кто царю страшнее был. Вот и смекай, почему вся эта братия на большевиков обрушивается. Если котелок варит — поймешь…

В самом деле, чудно получалось — большевики многим ораторам казались злом несравненно большим, чем войска Вильгельма. В лютой ненависти к большевикам объединились кадеты, эсеры, меньшевики, монархисты. А ведь лозунг у большевиков был самый простой, доходчивый: «Власть — народу, землю — крестьянам».

На митингах все чаще и чаще звучала фамилия Ленина, повторялись его слова. Ленинская правда была настолько понятной, доходчивой, что народные массы — и я с ними — не могли ее не принять.

Процесс моего «обольшевичивания» шел постепенно, но необратимо. И хотя я в партии с 1919 года, мыслями, сердцем я с нею с лета семнадцатого года.

В конце 1917 года я вступил в Красную гвардию, в 1-й Черноморский отряд. Воевать мне и моим товарищам пришлось не на море, а на суше против всякой контрреволюционной нечисти.

Первые бои мы вели с белогвардейскими полками, отозванными с фронта, и специальными татарскими отрядами. Их объединил махровый черносотенец, полковник царской армии Мокухин. Он же, воспользовавшись недовольством богатых татар-мусульман, способствовал созданию крымско-татарского правительства (курултая), которое ставило своей целью отторгнуть Крым от России. К Мокухину примкнули бежавшие из северных районов страны тысячи белогвардейских офицеров. Поначалу курултаевцы добились определенных преимуществ.

В один из декабрьских дней революционный комитет Севастополя объявил тревогу: загудели суда, стоявшие на рейде. Все, кто мог держать оружие, кинулись на вокзал: белые вместе с войсками татарских националистов заняли Бахчисарай. Вскоре 60 теплушек с рабочими и матросами ушли к Бельбеку. Командовал нами бывший поручик царской армии Андрей Толстов, человек очень умный, опытный и решительный.

Он быстро разбил нас на боевые единицы: четыре теплушки — отряд, назначил командиров. Я тоже стал во главе 150-ти человек, а моим заместителем Толстов назначил матроса с дредноута «Свободная Россия» Николая Донца. Часть бойцов во главе с матросом Михаилом Долговым осталась охранять Камышловский мост на подступах к Бахчисараю. Бахчисарай дался нам тяжело: когда наши отряды подошли к городу, нас встретил сильный ружейный огонь. Бой был тяжелым и долгим, но, когда мы заняли город, в Бахчисарае не оказалось ни одного военного или вооруженного человека: все они спрятались.

Назавтра мы приняли бой под Альмой, выбили оттуда врагов, несмотря на сильный артиллерийский огонь. Дальше наш путь лежал в Симферополь.

В середине января 1918 года в Симферополе установилась Советская власть. Комендантом города был тогда Николай Николаевич Чесноков. При нем я и стал «начальством» в первый же день. Правда, очень ненадолго.

Вызвал Чесноков меня к себе, налил из фляги вина:

— Пей.

— Не могу.

— Пей, я тебе приказываю!

Отпил я глоток:

— Больше не могу, хоть убей.

— Вот и хорошо, — обрадовался комиссар, — доверяем тебе

исключительное дело — охрану винных погребов и складов.

— Посерьезней задания не нашли, — обиделся я.

— Это очень серьезно. Винные погреба и склады для белогвардейской сволочи — козырной туз. Выгодно ей напоить всю нечисть — воров, бандитов, чтобы они по пьяной лавочке устроили в городе погром, свалив все на большевиков. Есть сведения, что все погреба будут открыты. Задача ясна?

— Ясна, товарищ комиссар. А что, если ликвидирую я все эти запасы?

— Валяй.

Что тут началось! Я выливал на землю бочку за бочкой. От одного запаха опьянеть можно. Пришел я к Чеснокову.

— Товарищ комиссар, ваше поручение выполнено, вино предано земле.

Тот так и ахнул:

— Все?

— Все.

Крякнул Николай Николаевич, но ничего не сказал.

— Ладно, Папанин. Только скажи по чести, неужели сам ни капли не пригубил?

— Товарищ комиссар, обижаете. Непьющий я, совсем.

— Н-да, — протянул Чесноков.

Помолчав, добавил:

— Следующее задание будет таким: поддерживать в городе революционный порядок.

— Слушаюсь, товарищ комиссар…

Конечно, эпизод этот лишь черточка общей картины тех дней. Он говорит только о моей молодости, но отнюдь не о методах работы Н. Н. Чеснокова. Был Николай Николаевич умным, дальновидным человеком, прекрасно разбирался в обстановке, сложнее которой и выдумать трудно, и действительно умел поддерживать в городе революционный порядок.

В декабре 1917 года в Севастополе власть перешла в руки большевиков, и вскоре были созданы Военно-революционный комитет, который возглавил Ю. П. Гавен, и военно-революционный штаб под руководством М. М. Богданова. В январе 1918 года ВРК возник в Симферополе. В марте была провозглашена Советская Социалистическая Республика Тавриды, просуществовала она недолго — всего полтора месяца.

Рядовой революции, я в те годы — и это естественно — не мог представить всей сложности обстановки в революционном Крыму.

Мой родной Севастополь — базу Черноморского флота — облюбовали меньшевики и эсеры; они отлично понимали его

значение и вели неустанную и хитрую пропаганду против большевиков. В. И. Ленин знал об этом, и к нам ехала одна делегация за другой, а в их составе закаленные в классовых боях партийные работники. Они говорили о положении в стране, о том, почему В. И. Ленин стоит за немедленное заключение мира, выход России из войны.

После того как был сорван Брестский мир, кайзеровские полчища начали топтать нашу землю. Украинская рада с лакейской поспешностью открыла двери перед германцами.

Немцы вошли в Крым, приближались к Севастополю. Вооруженный до зубов враг был рядом, а командование флота во главе с адмиралом Саблиным старалось скрыть это от матросов. Увольнения на берег были запрещены, радио в каютах тогда не было, сводка из рубки радиста шла только офицерам. Матросам внушалось:

— Слухи, что к Севастополю идут немецкие войска, — большевистская провокация. Да, войска идут, но это войска наших братьев — Украинской рады. Большевикам только того и надо, чтобы столкнуть лбами братьев — русских и украинцев. Неужели среди нас найдутся способные на братоубийство?

Говорят, капля камень точит. Часть матросов поверила: не поднимать же оружие против братьев! Если бы матросы знали, что за радиограммы принимают радисты!

> «22 часа 30 минут, 24 марта. Всем. Севастополь. Областной военно-революционный комитет, всем береговым и судовым комитетам.
>
> Мирные переговоры ни к чему не привели. На наше предложение сложить оружие в 30 минут противник не согласился, после чего мы перешли в наступление. Все время идет бой… Из разговоров с солдатами выяснилось, что мы деремся с 21-м ландштурмским полком… К нам все время прибывают извне силы. Настроение бодрое, трусов нет. Мокроусов»[1].

8 апреля 1918 года кайзеровцы подошли к Перекопу, а 22 апреля оккупировали Симферополь. Незадолго до этого в Крыму был создан штаб фронта, комиссаром которого стал Никита Кириллович Сапронов. В первые недели Военно-революционный комитет объединял немногим больше трех тысяч бойцов: красногвардейцев, матросов, рабочих. Но с каждым днем численность бойцов возрастала.

21 апреля Центрофлот обсудил сложившееся положение. Шла речь и о том — это предложение внес представитель Украинской рады Сотлик, — что надо поднять жевто-блакитный флаг Рады

над Севастополем и судами Черноморского флота: это, мол, спасет Севастополь от немцев. Под нажимом большевиков была принята резолюция:

> «Революционный Черноморский флот был авангардом революции, им и будет и знамя революции никогда не спустит, ибо это знамя угнетенных, и моряки его не предадут».

Моряки предавать знамя революции не собирались. Но это уже сделал Саблин. Черносотенец, втайне помышлявший о восстановлении монархии, он послал телеграмму в Киев, в которой говорилось, что 20 апреля Севастопольская крепость и флот, находящийся в Севастополе, подняли жевто-блакитный флаг.

Просчитались адмирал и его приспешники, поспешили выдать желаемое за сущее. Над несколькими судами в самом деле появился жевто-блакитный флаг, но совсем на короткое время. Как ни старался Саблин, не было на флоте нужного ему единодушия. Саблин не мог открыто заявить, что стремится отдать флот немцам, лишь бы суда не попали в руки большевиков. Для этого он и затеял переговоры с Центральной радой. Он-де, Саблин, получил заверения, что если Севастополь и флот присягнут на верность Центральной раде, то немцы не войдут в Севастополь, не посмеют захватить флот.

25 апреля специальная комиссия для организации отрядов по борьбе с оккупантами (председателем ее был мой боевой друг Никита Долгушин) обратилась к морякам с воззванием:

> «Товарищи моряки! Прошло время слов, и настала минута, та роковая минута, когда должны мы, моряки, выйти на последний смертный бой с врагами революции. Свобода окружена хищными бандами германских и русских империалистов. Пусть история на своих скрижалях запишет нас не именем позора и трусов, а именем честно погибших за освобождение от рабства и от оков! Товарищи моряки! Организуется Черноморский отряд. Запись производится в Черноморском флотском экипаже, казарме № 8. Там же и сборный пункт».

Саблин и его единомышленники добились того, что воззвание до матросов, бывших на кораблях, не дошло. Записывались в отряд рабочие заводов и мастерских.

Предатели скрыли от матросов поступившее по телеграфу категорическое требование Ленина — вывести флот в

Новороссийск, чтобы корабли не стали добычей немцев.

29 апреля я был на бронепоезде в районе Альмы. Был ожесточенный бой, как мы считали — с частями Рады. Мы отступали к Бахчисараю, превосходство врага было очевидным. Тогда Н. К. Сапронов послал меня за подкреплением в Севастополь. Как только паровоз, на котором мы ехали, миновал Бельбек, показалась бронеплощадка с людьми. Это и была желанная помощь, добровольцы-севастопольцы. Паровозы поравнялись, и в это время показалась вражеская конная разведка. Мы начали стрелять, но враги скрылись, только один человек упал с лошади. Матросы в мгновение ока были на месте, и вскоре пленный немец, разутый и раздетый, стоял и с ужасом ждал смерти, лопоча что-то по-своему.

Когда я сообразил, что перед нами солдат немецкой армии, то, выхватив маузер, загородил его и сказал, что не дам убить немца, потребовал, чтобы ему вернули его одежду.

Матросы зашумели:

— Вот еще командир выискался!

— Много вас, начальников, развелось!

— Поймите, — кричал я, — немец этот для нас — клад! Его немедленно надо в ревком: он может дать ценные показания. И пусть те, кто верит, что в Крым идут братья-украинцы, посмотрят на пленного.

Немцу вернули его одежду. Я ему сделал знак — одевайся, мол, пошли.

Забрались мы с ним на бронеплощадку и вскоре были в Севастополе.

Я не боялся, что немец сбежит, шел к ревкому быстро, так что пленный едва за мной поспевал. В ревкоме я сразу кинулся в кабинет к Ю. П. Гавену. Немца протолкнул первым. У Гавена шло совещание.

— Что за явление? — Гавен показал на немца. — У нас серьезный разговор!

— Немец, товарищ председатель ревкома. В плен взяли. Я и доставил сюда: думал, допрос вести будете.

Гавен встал.

— Вот он, самый сильный аргумент против Саблина и Украинской рады… Товарищ Папанин, — повернулся он ко мне, — немедленно на Графскую пристань, на катер — и на «Волю». С немцем. Там сейчас идет митинг.

— Разрешите выполнять?

— Действуйте.

Вытолкнул я немца из кабинета. На машине нас отвезли на Графскую пристань, быстренько подали катер, и я сказал

мотористу:

— На «Волю» — полный вперед!

Мы поднялись на «Волю». Там, как и сказал Гавен, шел митинг команды — полутора тысяч человек. Шел спор о том, уходить или нет кораблям из Севастополя.

Я попросил слова.

— Только что у Бельбека мы взяли пленного. Тут нам все время втолковывают, что к нам братья-украинцы идут. Помогите ему на кнехт подняться и спросите, кто он такой.

Тут все зашумели:

— Зачем его приволок?

— Скажу. Но сначала спросить хочу: кто-нибудь умеет говорить по-немецки?

— Вон что! — ахнула толпа.

Один из офицеров спросил:

— Кто вы?

— Солдат его величества кайзера Вильгельма Второго! — четко отрапортовал пленный.

— Вот это «брат»! — снова ахнула толпа.

— Идут ли с вами части Украинской рады?

— Идет регулярная армия кайзера Вильгельма Второго.

Немец рассказал, что каждому из них кайзер обещал: весь Крым будет немецким, так же как и Черноморский флот.

Что тут поднялось на корабле! Настроение сразу переменилось:

— Поднимать пары, и немедленно!

Матросы к нам подходили поближе, чтобы еще раз удостовериться, что со мной действительно немец.

Дальше опять на катер. Моторист только спросил:

— Теперь куда?

— На «Георгий Победоносец». Жми, браток.

На втором корабле повторилось то же самое. Матросы воочию убедились, что их обманывали. Пленный был веским аргументом в поддержку позиции большевиков. Митинг затянулся, я сдал немца под расписку судовому комитету «Георгия Победоносца» и отправился на берег.

В тот же день, 29 апреля, курс на Новороссийск взяли крейсер «Троя», 12 миноносцев, 65 моторных катеров, 11 буксиров, несколько десятков вспомогательных судов. Экипажи эсминцев подняли сигнал: корабли, которые попытаются воспрепятствовать их выходу в море, получат залп торпедами.

Но ушли не все корабли.

Командующий Черноморским флотом Саблин и не думал сдавать свои позиции. На «Воле» открылось делегатское

собрание — обсуждался вопрос о скорейшем выводе флота. Саблин заявил, что в данной обстановке нет смысла выводить флот: можно встретиться в море с турецким флотом, поэтому лучше всего отсиживаться в Севастополе. В бой же с немецким флотом вступать нельзя, иначе будет нарушен Брестский мирный договор. К тому же, гнул свою предательскую линию Саблин, команды на судах укомплектованы не полностью, в море они будут небоеспособны.

Но матросы стояли на своем, и командующий скрепя сердце дал приказ оставшимся судам готовиться к отходу.

По бухте замелькали баркасы и катера — матросы получали на складах запас провизии.

Но дорогое время было упущено: немцы уже заняли Северную сторону и били по судам прямой наводкой. А суда безмолвствовали. Комендоры стояли у заряженных орудий и не стреляли. Лишь раза два огрызнулись орудия «Свободной России», но тут же был получен приказ Саблина прекратить пальбу.

Все-таки основная масса судов успела уйти, врагу достались лишь старье да легкие крейсеры «Кагул» (он ремонтировался в доке), «Память Меркурия» и бывший «Очаков» (не помню его нового названия), что стояли у стенки около доков.

В Севастополь вошли немцы и белогвардейцы.

Друг детства, рабочий судостроительного завода Ваня Крысенко, предупредил меня:

— Ваня, таись, а то веревочный галстук обеспечен.

И я затаился как мог, домой не показывался. Жил у рабочего порта Григория Папушина, которому одному только все рассказал и который устроил меня к своим друзьям-рыбакам. С ними, после налетов на белогвардейские посты, ходил на лов рыбы, большую часть времени проводил в море. Они же рассказывали мне, что происходит в мире. Новости были скверные.

Немцы потребовали себе весь флот (и тот, что базировался в Новороссийске), предъявили ультиматум: или флот вернется в Севастополь, или германские войска двинутся на Новороссийск.

Владимир Ильич Ленин наложил резолюцию на докладной записке начальника Морского генерального штаба:

> «Ввиду безвыходного положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

Было это 24 мая. А четыре дня спустя была отправлена директива командующему и главному комиссару флота:

«Ввиду явных намерений Германии захватить суда Черноморского флота, находящиеся в Новороссийске, и невозможности обеспечить Новороссийск с сухого пути или перевода в другой порт, Совет Народных Комиссаров, по представлению Высшего Военного Совета, приказывает Вам с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске. Ленин».

Приказ Советского правительства стали саботировать исполнявший обязанности командующего флотом бывший капитан первого ранга Тихменев и главный комиссар Глебов-Авилов.

Линкор «Воля» и шесть эсминцев отказались выполнить приказ. Когда они уходили из Новороссийска, оставшиеся корабли сигналили: «Судам, идущим в Севастополь: «Позор изменникам России».

18 июня население Новороссийска обнажило головы: началось потопление флота. Матросы, не умевшие плакать, бескозырками вытирали глаза. Первыми погибли эсминцы «Пронзительный», «Гаджибей», «Фидониси», «Калиакрия», «Сметливый», «Стремительный», «Капитан-лейтенант Баранов», крупнейший дредноут «Свободная Россия». Суда уходили в морскую пучину, сигналя: «Погибаю, но не сдаюсь!» Последним это сделал эсминец «Керчь» на траверзе Кадашского маяка.

Слухи о событиях в Новороссийске каждый из моих друзей и знакомых воспринял как большую трагедию: все мы были связаны с флотом. Не давала покоя мысль: что будут делать немцы с оставшимися кораблями? Пусть крейсеры «Иоанн Златоуст», «Кагул» стары, неисправны. Но ведь их отремонтировать можно, неспроста они поставлены в доки.

Меня разыскал Федор Иванович Перфилетов, которого я знал много лет. Он работал начальником инструментального цеха и взял меня на работу. В мастерских ремонтировался бывший «Очаков».

Встретил я нескольких старых друзей. После обстоятельных разговоров пришли мы к выводу: надо вредить как можно активнее. К нам присоединились и другие ремонтники. Вроде бы все обстояло нормально: корабли хотя и медленно, а ремонтировались. Но как? Об этом знали только мы.

Но пришел день, когда мне надоело жить с постоянной оглядкой. Хотелось воевать с белогвардейцами с оружием в руках. Я тайком сел в товарняк и скоро был в Джанкое, а оттуда пробрался к своим и стал бойцом, а затем начальником

ремонтных мастерских.

> «В середине августа 1920 года по решению ЦК КП(б)У и Реввоенсовета Юго-Западного фронта для укрепления партизанского движения в Крым была заброшена группа бывших красногвардейцев-севастопольцев, имевших большой опыт борьбы с белыми на Дону, Украине и в Крыму: А. В. Мокроусов, И. Д. Папанин, Г. А. Кулиш, Д. С. Соколов и другие, всего 11 человек», — написано в «Истории гражданской войны».

Мы согласовали наши планы со штабом морских и речных сил, и на другой день я включился в работу. Стали собирать верных людей.

Транспорта у нас не было, а не дойдешь же до Крыма пешком по морю. Мокроусов вызвал меня:

— Сыскать два катера! Срок — три дня.

— Понимаю, что это приказ, да где ж их найти? — ответил я.

— Хоть у черта на куличках, а чтобы через три дня катера были.

Отправился я на поиски. День ходил, два — совсем было отчаялся. Но недаром говорится: «Кто ищет — найдет». Сыскал-таки я катер «Гаджибей» — под Краснодаром. Но надо было еще доставить его к месту назначения.

Что было потом, судите по воспоминаниям А. В. Мокроусова:

> «В Краснодаре я увидел, как полсотни красноармейцев несли на своих плечах «Гаджибея» на железнодорожную платформу.
>
> В Новороссийске Папанин отыскал и другой корабль — «Витязь», наладил его ремонт, который шел круглые сутки Каждому рабочему он дал по кругу колбасы, хотя тогда в Новороссийске и мяса-то нельзя было найти».

Не стану рассказывать, как добывал я эту колбасу. Самое главное было сделано: приказ выполнен.

Подготовка к десанту шла в глубочайшем секрете.

О ней знали очень немногие. Мы понимали, что идем на большой риск: два маломощных суденышка могли, разузнай об этом врангелевцы, легко стать их добычей.

Чтобы хоть как-то обмануть белых, Мокроусов предложил изменить внешний вид «Витязя». На нем поставили фальшивую

вторую трубу, сколотили надстройки. Судно перекрасили в серый цвет, чтобы «Витязь» хоть отдаленно напоминал миноносец.

Горючее у нас было только для одного катера. «Витязю» требовался уголь, который мы собирали по кусочку.

Тайну сохранить нам удалось: даже местные власти считали, что ремонтируются суда береговой охраны. Решили идти в Крым ближайшим путем — от Анапы. В нее мы и направились из Новороссийска. Когда подошли к Анапе, там началась паника. «Витязь» приняли за белогвардейский миноносец и решили, что высаживается десант. Впрочем, все успокоились мгновенно, едва мы сошли на берег.

Мы — моторист Николай Ефимов и я — в который раз пересмотрели все корабельные механизмы, разобрали и собрали мотор на «Гаджибее». Стоял отличный августовский день. Рыбаки наловили много кефали и принесли нам:

— Морячки, возьмите, пригодится.

Мы попытались дать им деньги — не взяли. Никогда и ни при каких обстоятельствах не терявший находчивости Дмитрий Соколов, большой весельчак, храбрый и преданный товарищ, которого я знал еще с 1919 года по заднепровской бригаде бронепоездов, собрал рыбу в мешок и заявил, что идет в пекарню.

Мы засмеялись:

— Митя, ты, часом, не заблудился?

Но Митя вернулся вскоре с огромным противнем печеной рыбы, вынул из мешка несколько буханок хлеба и крикнул:

— Кто желает подкрепиться?

Кажется, ни до, ни после я не ел такой вкусной кефали с теплым хлебом. Это был наш прощальный ужин перед уходом в Крым.

Еще в Новороссийске мы сделали одну оплошность — пригласили штурманом бывшего мичмана царского флота Жоржа, фамилии его не могу припомнить. Он уверял, что отлично знает побережье Крыма. Жорж оказался горьким пьяницей.

Мокроусов командовал «Витязем», а мне вверили «Гаджибей». Наступила ночь. «Витязь» шел первым. Скоро должен был показаться берег Крыма, но в темноте его еще не было видно. Вдруг «Витязь» резко замедлил ход. Оказывается, Мокроусов узнал… бухту Феодосии. Мы быстро подошли к «Витязю».

— Ваня, — сказал Мокроусов, — давай за мной отсюда полным ходом. Как бы не влипнуть. Приготовься к бою, можем нарваться на противника.

Вот куда нас по ошибке привел Жорж! Пришлось спешно покидать вражескую зону. Когда подходили к Керченскому проливу, вышел из строя мотор на «Витязе». Взяли его на буксир,

поплелись дальше черепашьим шагом. На фарватере Керченского пролива нас заметили белогвардейцы, и в погоню вышло вооруженное транспортное судно. К нашему счастью, белогвардейцы повернули назад. Видимо, они приняли «Витязя» за миноносец. Мы же пошли к устью реки Кубань. Там опять чуть не попали в беду: нас заметили и стали обстреливать, на этот раз свои. Только после того, как мы несколько раз просигналили красными флажками, обстрел прекратился.

Подошли ближе, но пристать не могли из-за мелководья. Матрос Александр Григорьев, ростом в два метра, разделся, спрыгнул в воду и, высоко подняв документы, чтобы не замочить их, пошел к берегу, где и проверили наш мандат. Немного спустя мы дошли до Анапы. Там начали готовиться к новой попытке высадить десант. Поскольку «Витязь» вышел из строя, пришлось идти на «Гаджибее». Часть людей оставили в Анапе. Мы вместе с Николаем Ефимовым проверили мотор, и команда, едва стало светать, вышла в море.

Нас было одиннадцать человек: Алексей Мокроусов, Василий Погребной, Сергей Муляренок, Николай Ефимов, Григорий Кулиш, Александр Григорьев, Федор Алейников, Александр Васильев, Дмитрий Соколов, Курган (имени не помню) и я.

В первые часы рейса погода стояла замечательная, да и мотор работал исправно. Потом началась зыбь, а к вечеру появились большие волны. Мокроусов стоял у руля, а мы с Ефимовым по очереди следили за мотором. Катер заливало водой, и экипаж едва успевал вычерпывать ее. Мокроусов валился с ног от усталости.

— Ваня, подмени, — сказал он под утро.

Я встал за руль и повел катер, поглядывая на компас. Последний мало был похож на современный корабельный. Он помещался в деревянном ящике, где горела свеча, освещая картушку компаса. Вдруг я услышал сильные перебои мотора. Оказывается, Ефимов от усталости задремал. Насос и охлаждение испортились, и мотор перегрелся. Я бросил руль, и быстро остановил движок. Наступили тревожные минуты. Следовало срочно разобрать трубку охлаждения. Дав остыть мотору, мы опять разобрали и собрали его, но он никак не заводился. Тут Гриша Кулиш похлопал меня по плечу и сказал:

— Ванечка, дорогой, не помочь ли тебе, чтобы дело пошло?

Ребята были замечательные, никогда не терялись и всегда помогали в самые трудные минуты.

Мотор будто ждал этих слов и сразу завелся. Теперь я уже не отходил от мотора. Шли далеко от берега. Часа через четыре мы оказались, как и хотели, в районе Судака. Круто повернули к

берегу. Что ожидало нас? Все было приготовлено для боя — гранаты, пулеметы и винтовки.

Пожалуй, больше всех волновался я: при мне был миллион царских рублей.

Подошли к берегу вплотную, прислушались: вроде бы никого нет. Разведчики, посланные вперед, выбрали место для выгрузки снаряжения и боеприпасов — одно из ущелий около деревни Капсихор. У «Гаджибея» мы пробили днище, и он затонул.

Знать бы нам, что после высадки нашего десанта, 7 сентября 1920 года, Врангель объявил благодарность генералу Слащеву за бдительную охрану Черноморского побережья! Может быть, мы бы и посмеялись. Но в тот момент было не до смеха — все сильно устали. Выбрали местечко поукромнее, поставили дежурного, положили рядом гранаты и легли вповалку — спать. Когда немного погодя местные крестьяне нечаянно наткнулись на отряд и узнали, что мы красные, они принесли нам молока, хлеба, винограда и рассказали, где находятся белые. Ночью те же крестьяне дали нам подводы и проводили в лес к партизанам. Партизаны радостно встретили нас, жадно расспрашивали о Большой земле. Первая часть задания была выполнена. Предстояло главное — собрать разрозненные партизанские группы в Повстанческую армию.

Мокроусов должен был связаться с отрядами, разбросанными на побережье, у Керчи, в ялтинских горах и в других районах Крыма. Он имел полномочия принять командование в свои руки. Прежний главком, Сергей Яковлевич Бабаханян (Николай Бабахан), не поладил с Мокроусовым. Я допускаю: субъективный момент, личная обида — что его, Бабахана, фактически отстранили от руководства — сыграли свою роль. Но два командира имели разные взгляды на методы действий, а это уже было существеннее. Бабахан стоял за налеты небольшими группами партизан. Мокроусов настаивал на укрупнении отрядов и соответственно уменьшении их числа. Он не был сторонником тактики мелких уколов, хотел воевать. В конце концов Бабахан уехал.

…С первых часов пребывания в Крыму Мокроусов не терял времени даром.

В «Истории гражданской войны» говорится:

> «К середине сентября Повстанческая армия Крыма насчитывала около 500 штыков. С приездом группы Мокроусова значительно усилилась боевая деятельность крымских партизан».

В «Приказе № 1 по лесам и горам Крыма» Мокроусов

предлагал всем партизанским отрядам зарегистрироваться в штабе партизанского движения и поддерживать с ним постоянную связь. Замечу, что в годы Великой Отечественной войны, когда Крым оккупировали немецкие захватчики, одному из руководителей антифашистского подполья, полковнику А. В. Мокроусову, довелось издать похожий приказ, хотя дело с самого начала было поставлено совсем на иной основе. А в гражданскую войну, с учетом обстановки во врангелевском тылу, главкому Повстанческой армии надо было подчеркнуть, что отряды, не подчинившиеся приказу № 1, будут считаться бандитскими, а их члены — расстреливаться как враждебные Советской власти лица.

Красные партизаны действовали отчаянно смело. Особенно запомнился мне налет на Бешуйские копи, где добывался каменный уголь. Качество этого угля было низким, но тем не менее Врангель приказал вести интенсивную добычу: иначе мог встать транспорт.

Находились копи в горах, в труднодоступном районе. Добирались мы до них чуть ли не козьими тропами, несли на себе продовольствие, винтовки, гранаты, пулеметы.

Мы подошли к копям с такой стороны, где нас беляки и ждать не могли. И все-таки ночью, уже у самых копей, мы напоролись на заставу.

— Стой, кто идет?!

Все замолчали. Казалось, слышно было биение сердец. И громкий голос Мокроусова:

— Партизаны, вперед!

Мы смяли заставу врага. Раз себя обнаружили — бросились на врангелевцев. Те залегли.

Только утром удалось нам оттеснить белогвардейцев от шахт. Мы втроем — Мокроусов, Григорьев и я — подготовили взрыв.

Только отошли, раздался такой взрыв, что даже земля задрожала. Копи были надолго выведены из строя, а с ними мастерские и другие здания. Попутно мы подожгли склад взрывчатых веществ.

> «Врангелевцы бросили против партизан, совершивших нападение на Бешуйские копи, крупные войсковые части, вынудив повстанцев уйти из района Крымского заповедника на восток, в район Судакских лесов, где в начале сентября произошло соединение основных партизанских сил», — пишется в «Истории гражданской войны».

Отступили мы с боями по линии Чотыр-Дол, Алушта, село

Куру-Узень.

Вот как вспоминал об этом Алексей Васильевич Мокроусов:

> «Отступали тяжело, с боями, но настроение было приподнятое: мы доказали врагу, что в его тылу есть сила, с которой необходимо считаться.
>
> За два месяца борьбы наш отряд совершил ряд рейдов: ворвавшись в Судак, прервали подвоз дров для белой армии, разрушили лесопильный завод и приостановили работу по заготовке бревен в лесах; систематически разрушали телефонную и телеграфную связь; уничтожали белогвардейских контрразведчиков и карателей; установили постоянную связь с подпольными организациями городов и деревень Крыма; наладили сбор разведданных для Красной Армии.
>
> Врангель вынужден был отозвать с фронта целую дивизию. Как нас известили, был продуман особый план, каким образом уничтожить партизан. Воинские части, направленные из Феодосии, Судака, Ялты, Алушты и Симферополя, должны были окружить со всех сторон лес. Нам грозила верная гибель, если бы не выручили разведчики… Партизаны под самым носом у белогвардейцев вышли из смыкавшегося кольца и передислоцировались подальше в горы, а оттуда продолжали беспрерывно тревожить белых».

Успехов мы добились немалых, а наше положение день ото дня становилось все хуже. У нас не было ни радиосвязи со своими, ни достаточного количества патронов и гранат. Вокруг — хорошо вооруженные и многочисленные отряды белогвардейцев. Назрела насущнейшая необходимость связаться с командованием Юго-Западного фронта и доложить о создавшейся обстановке, согласовать с ним план дальнейших действий, получить оружие, деньги, боеприпасы. По докладу Мокроусова на заседании Военного совета Повстанческой армии было принято решение отправить за линию фронта представителей Крымской Повстанческой армии. Выбор пал на двух моряков. Но контрразведка белых перехватила их, и моряки погибли. Это дело было поручено мне.

Сергей Муляренок напечатал на машинке мандат. В нем говорилось, что «тов. Папанин является уполномоченным Крымской Повстанческой армии и командируется в Советскую Россию с особым заданием». Высказывалась просьба ко всем советским учреждениям: оказывать мне всемерное содействие в выполнении возложенной на меня задачи Мандат подписали

командующий А. В. Мокроусов и начальник штаба В. С. Погребной. Потом Мокроусов написал докладную. Я заучил ее слово в слово: мало ли что могло произойти по дороге.

Решили, что я буду пробираться на север через Новороссийск.

Легко сказать — через Новороссийск. А до него как? Мы решили воспользоваться услугами контрабандистов. Несмотря на усиленную береговую охрану, их парусно-моторные лайбы — мы это хорошо знали — часто подходили к берегу.

По заданию Мокроусова один из местных партизан, Дайерын-Айярлы Осман[2], взялся договориться с контрабандистами. Вдвоем двинулись мы через лес к морю. Все побережье усиленно охранялось: белогвардейская контрразведка опасалась десанта. Пришли в деревню Туак, неподалеку от Судака. Узнали, что деревня окружена несколькими эскадронами белой кавалерии, а подпольный комитет арестован. Дайерын забеспокоился:

— Нам нужно уходить.

Перебрались в деревню Ускут. Только два дня назад отсюда ушел карательный отряд. На глазах матерей были убиты их сыновья, не пожелавшие идти в армию барона Врангеля. Настроение у жителей было подавленное. Но едва крестьяне узнали, что мы свои, лица их посветлели. Нас хорошо покормили и пообещали помочь.

Здесь выяснилось, что, оказывается, враг знает о нашем десанте. Волны выбросили затопленный нами катер на берег. Потому-то белогвардейцы усиленно охраняли берег. Повсюду патрулировали кавалерийские части.

Айярлы договорился с контрабандистами, что они вывезут меня из Крыма. Но те соглашались плыть только в Трапезунд и заломили огромные деньги — тысячу царских рублей. Надо сказать, что и деникинские и врангелевские денежные знаки на юге никогда не котировались. Жители отдавали предпочтение привычным «катеринкам». Сто царских рублей стоили 300 тысяч деникинскими.

Чтобы добраться до цели, мне, следовательно, предстояло из Турции как-то переправиться на Кавказ. Маршрут удлинялся. Но делать было нечего.

Поздней ночью меня посадили в мешок из-под муки. Сколько я пробыл в нем, не помню. Показалось, что долго. Мучная пыль лезла в нос и рот. А ни чихать, ни кашлять нельзя. Нельзя и шевелиться. Наконец я почувствовал: кто-то поднял мешок и понес. Это Дайерын-Айярлы взвалил мешок на плечи и отнес его на лайбу.

На рассвете суденышко вышло в открытое море. И вскоре услышал я:

— Давай сюда большевика, хочу посмотреть на него.

Мешок развязали. Я вылез. Весь в муке, да и ростом невеликий, я разочаровал капитана.

— Сказали, ты большевик, а ты вон какой… — засмеялся владелец суденышка. — Давай тысячу рублей.

Когда я отсчитывал деньги, он заметил, что у меня осталось еще много денег (мне дали с собой три тысячи).

Отошел я в сторону, сел на мешок. Слышу, главарь говорит своим, что надо бы выбросить меня ночью за борт и забрать остальные деньги. Я понимал по-татарски. Но, конечно, виду не подал. При мне были два револьвера, решил без боя не сдаваться. Несмотря на сильную усталость, всю ночь провел без сна. Мучительно прошел и следующий день. Я следил за каждым движением бандитов. Выручил случай. На вторые сутки заглох мотор. Моторист-грек возился, возился — толку не было. Главарь контрабандистов заметно нервничал: ветер дул с анатолийских берегов и гнал шхуну обратно в Крым.

Нет худа без добра, подумал я. И предложил свои услуги.

Неисправность была пустяковая, но я сделал вид, что работа большая и трудная. Копался в моторе часа два. Наконец мотор завелся.

— Вот хорошо, — обрадовался контрабандист. И предложил неожиданно: — Иди к нам работать.

— Приедем в Трапезунд, посмотрю на вашу жизнь, тогда скажу, — ответил я уклончиво. И опять уселся на палубе, стал наблюдать.

Прошло еще два дня. Наконец вдали показались берега. Я заволновался: не разберу, что за местность. Слышу, контрабандисты спорят, куда плыть. Наконец капитан сказал:

— Поворачивай к Синопу. Там мука дороже.

Вот история! Ведь добраться до советских берегов я мог только через Трапезунд. Что делать? Лайба встала на якорь. Я вышел на берег, осмотрелся. Гляжу, контрабандисты следят за мной. Увидел я рыбака, стал у него выпытывать, как попасть в Трапезунд, а он спросил:

— Кто ты такой?

— Беженец.

— Иди по берегу и придешь в Трапезунд.

Возвратился я на лайбу. Контрабандисты стали доверчивее. А когда наступил вечер, я вышел на берег «погулять» и больше не вернулся. Быстро пошел вдоль берега на восток. Ночь провел в прибрежных скалах. Только рассвело, поспешил дальше.

Через несколько дней я попал в Кирасунду. Здесь я решил, что лучше всего притвориться нищим: меньше подозрений.

Порвал и без того старую шинель, а одежда под ней была и мятой и грязной. Я оброс бородой, вид у меня был измученный, жалкий. Денег я не тратил: кредитки были новенькие, а откуда они у нищего? На турецком побережье растет много дикого инжира. Им я и питался. Местные жители давали иногда кусок хлеба.

Шел больше двух недель. Наконец пришел в Трапезунд — и сразу же к советскому консулу. Предъявил мандат, рассказал о том, как попал в Турцию. Купили мне костюм, феску, побрился я, помылся и почувствовал себя отдохнувшим.

Через несколько дней в Новороссийск уходил буксир, на него меня и определили. К утру поднялся шторм, нас относило к Грузии, но трудяга-буксир все-таки плелся помаленьку к цели. Наконец добрались до Новороссийска, и в тот же день я поехал в Харьков, а там сразу отправился в Закордонный отдел ЦК КП(б)У. Его работники расшифровали доклад Мокроусова и передали командующему Южным фронтом Михаилу Васильевичу Фрунзе. Начальник отдела товарищ Немченко (Павлов) представил меня комфронтом.

Настроение у меня было — лучше не придумаешь: сложнейшее задание выполнено. Но Фрунзе встретил меня настороженно:

— Товарищ Папанин? Здравствуйте. Вы из тыла Врангеля?

— Да.

— Вы большевик?

— Да.

— Чем докажете?

— В ЦК партии Украины меня должны знать, я был комиссаром оперативного отдела штаба морских сил Юго-Западного фронта.

Фрунзе задавал все новые вопросы, и в душе у меня росла обида: за кого меня принимают?

Фрунзе тут же приказал связаться с Ф. Я. Коном, который в то время был секретарем ЦК партии Украины. Через несколько минут раздался ответный звонок. Подтверждали: Папанин — член партии, последняя его работа — комиссар оперотдела штаба морских сил Юго-Западного фронта.

Одновременно адъютант Фрунзе позвонил в Управление главного командования портов Черного и Азовского морей (было такое управление), знают ли меня там. Оттуда ответили: знают. Но и это не удовлетворило Фрунзе.

— Телефон телефоном, а все же получите в ЦК официальную справку, — приказал командующий своему адъютанту.

Мне стало не по себе. Фрунзе молчал. Очень скоро появился секретарь, передал Фрунзе пакет из ЦК. Быстро прочитав

полученную справку, Михаил Васильевич еще раз пристально посмотрел на меня, улыбнулся и совсем по-дружески сказал:

— Теперь давайте поговорим. На меня не обижайтесь, приходится быть бдительным. Уж очень много потерь мы несем…

Долго и подробно расспрашивал Фрунзе о Повстанческой армии. Выдающийся полководец придавал большое значение партизанскому движению в Крыму: интересовался количеством бойцов, чем мы вооружены, есть ли деньги, как питаемся, не занимаются ли отдельные партизаны незаконными реквизициями, как относится к нам население. Я едва успевал отвечать на вопросы. Наконец комфронтом спросил, какая помощь нужна красным партизанам.

Я подробно рассказал о том, что нам необходимо и что требуется для второго десанта.

Тут же Фрунзе отдал по телефону приказ: выделить средства и оружие для крымских партизан.

При мне Михаил Васильевич связался с Реввоенсоветом республики:

— Для высадки десанта в Крыму необходимы два катера-истребителя. Можно взять у Азовской флотилии? Хорошо.

В заключение Михаил Васильевич при мне сказал членам Реввоенсовета Южного фронта С. И. Гусеву и Бела Куну:

— Помогите товарищу Папанину получить все необходимое и скорее отправиться в Крым.

Окрыленный поддержкой, возвращался я к своим.

Встреча с Фрунзе многому меня научила. Именно так, понял я, и должен был поступать большевик, прошедший суровую школу революционного подполья, дважды приговоренный к смертной казни и отбывший семь лет царской каторги за революционную деятельность.

Вернувшись от Михаила Васильевича, я получил миллион рублей николаевскими — целый рюкзак: там были не только сторублевки, но и знаки в 500 рублей с изображением Петра Великого. Миллион рублей николаевскими в переводе на врангелевские составлял 3 миллиарда, сумма по тем временам огромная. На эти деньги мы должны были содержать Крымскую Повстанческую армию, выкупать у белогвардейцев арестованных большевиков-подпольщиков, приобретать оружие, продовольствие и боеприпасы. С этими деньгами я и пришел в Управление главного командования портов Черного и Азовского морей. В нем работали мои товарищи по Николаеву Николай Иванович Душенов и Яков Семенович Ядров-Ходоровский. Ранее вместе мы работали комиссарами при штабе военно-морских сил Юго-Западного фронта. Жили они неподалеку от места работы. К ним

я и пришел.

— Братки, вот мешок с деньгами, берегите их.

— Ни сейфа, ни кассы у нас нет, положи в угол у печки, — ответил Яша.

Так несколько дней, пока я готовился к отъезду, у печки и лежал мешок с миллионом.

Затем я уехал в Ростов и дальше в Таганрог, где базировалась Азовская военная флотилия. Там получил два катера-истребителя и подобрал группу добровольцев для второго десанта. Каждого строго предупредили о необходимости хранить военную тайну, дабы никто не пронюхал, что готовится десант во врангелевский тыл.

Командование 9-й Кубанской армии решило отправить полк красноармейцев на тихоходном судне «Шахин» и буксире «Рион».

В ноябре часты штормы. Ночью мы погрузились и отошли от берега. Первыми вышли в море «Рион» и «Шахин». Затем ушел катер-истребитель МИ-17 с отрядом моряков, в котором был и я. Шли, не зажигая огней. Кто знает Новороссийск с его ветрами, тот может себе представить, как нелегко нам пришлось. Суда разбросало. Наш истребитель долго кружил, разыскивал в темноте «Рион» и «Шахин». Потом, убедившись в бесполезности поисков, мы взяли курс на Крым.

Во время шторма «Шахин» сбился с курса и вернулся в Новороссийск. Судьба «Риона» была трагичной: он затонул со всеми находившимися на его борту людьми.

В пути мы встретили белогвардейскую шхуну «Три брата». Пришлось остановить ее, взять хозяина корабля и его компаньона заложниками, а экипажу предъявить ультиматум — в течение 24 часов не подходить к берегу.

Шторм измотал всех. Волны беспрестанно перекатывались через палубу. Все люки были задраены. Бойцы измучились от духоты и жажды: анкера с водой сорвало с палубы. Но переход запомнился мне не только трудностями. Он показал мужество тех, с кем предстояло воевать против белогвардейцев в их тылу. Среди них был мой товарищ по службе на бронепоездах в 1919 году, бесстрашный моряк и удивительный человек Всеволод Вишневский. Год назад он был моим помощником по политической части и одновременно старшим пулеметчиком.

В самые тяжелые минуты у Вишневского находились слова ободрения.

«Браточки, крепитесь, и не такое переживали…» — повторял Всеволод.

Мы дружили с ним всю жизнь, и я очень любил этого человека. Вишневский был человеком горячим, совершал порой

необдуманные поступки. Но таланта, храбрости и благородства было у Вишневского хоть отбавляй. Всю Отечественную войну известный драматург провел в осажденном Ленинграде, и его страстное, вдохновенное слово было грозным оружием. А выступал Вишневский почти ежедневно — по радио и в воинских частях.

В темноте подошли мы к берегу и оказались недалеко от места, где впервые высадились с Мокроусовым, у деревни Капсихор. Огромные волны накатывались на скалы, с грохотом разбивались о камни. Мы знали, что берег тщательно охраняется врангелевцами, но надеялись на шторм и кромешную тьму. Подготовили к бою пулеметы и с гранатами в руках встали на палубе. Я раздал миллион всем участникам похода: кто останется в живых — пусть доставить деньги Мокроусову.

— Ребята, прыгай!

Поскольку я был уже знаком с этой местностью, то прыгнул в первой тройке. За нами — остальные. Через несколько секунд все были на берегу. Затем перетащили груз в Капсихор и решили, что пойдем на Алушту.

В Капсихоре мы после краткого, но бурного разговора со знакомыми уже людьми — «Ванька вернулся!» — обрели около двухсот новых бойцов и тут же раздали им оружие.

Мы стремились поскорее установить связь со штабом Повстанческой армии и доложить Мокроусову о том, что задание выполнено. Но никто не мог сказать, где находился сейчас штаб, а медлить было нельзя. Мы двинулись к Алуште, по дороге обезоруживая отступавших белогвардейцев.

Мы не знали, что 24 октября генерал Слащев, пытаясь выдать желаемое за действительное, написал в газетенке «Время»:

> «Население полуострова может быть вполне спокойно. Армия наша настолько велика, что одной пятой ее состава хватило бы для защиты Крыма. Укрепления Сиваша и Перекопа настолько прочны, что у красного командования не хватит ни живой силы, ни технических средств для преодоления. Войска всей красной Совдепии не страшны Крыму».

В ноябре 1920 года Красная Армия наголову разбила Врангеля. 11 ноября 46-й дивизией был взят Перекоп. В тылу белых царила паника. Повстанческая армия во главе с А. В. Мокроусовым вышла из лесов и двинулась на Феодосию, отрезав врагу пути отступления.

К нам, десантникам, как я уже упоминал, примкнуло около двухсот человек. Мы взяли по пути в плен врангелевского

полковника. Тот и сообщил нам, что пал Перекоп.

Мы погрузили 37-миллиметровое орудие на телегу и двинулись дальше. Разведка доложила, что в Алушту входит 51-я бригада дивизии В. К. Блюхера. Пошли к Алуште и мы.

Вскоре после того, как в городе затихла стрельба, ко мне прибежал посыльный из штаба:

— Звонила Землячка, просила вас как можно скорее прибыть в Симферополь с матросами.

Розалия Самойловна была первым секретарем обкома партии. Вместе с моряками я поспешил в Симферополь.

Обстановка, которую мы там застали, напоминала первый день творения, то есть полный хаос.

В освобождении Крыма вместе с красными участвовали и полчища батьки Махно, который, руководствуясь корыстными побуждениями, предложил сотрудничество в борьбе с белогвардейцами. К махновцам стекалась вся нечисть, стремясь поживиться.

Особый отдел 4-й армии помещался на первом этаже, а выше — на втором, третьем, четвертом — шли оргии махновцев. И особисты (начальник Михельсон) ничего не могли с ними поделать. Стрелять — так вроде союзники же!

Я посмотрел на все это и отдал команду матросам (мне это удобнее, я вроде как бы «со стороны»):

— Занять верхние этажи особняка на Липовой немедленно!

И заняли верхние этажи, несмотря на сопротивление. Михельсон только рассмеялся: ну и темпы! Утром я пошел в обком. Там, в обкоме партии, неожиданно встретился с Фрунзе. Михаил Васильевич, увидев меня, заулыбался и протянул обе руки.

Я попытался доложить.

— Михаил Васильевич, ваше задание выполнено, десант…

Не по-военному вышло, но Фрунзе не обратил на это внимания.

— Знаю, знаю, мне уже доложили. Очень рад, что все благополучно завершилось, — сказал он и пошел в кабинет Р. С. Землячки.

Не ждал я, что вскоре в кабинете Розалии Самойловны круто повернется моя судьба: я стал комендантом Крымской ЧК.

Служба эта оставила след в моей душе на долгие годы. Дело не в том, что сутками приходилось быть на ногах, вести ночные допросы. Давила тяжесть не столько физическая, сколько моральная. Важно было сохранить оптимизм, не ожесточиться, не начать смотреть на мир сквозь черные очки. Работники ЧК были санитарами революции, насмотрелись всего. К нам часто

попадали звери, по недоразумению называвшиеся людьми. Были такие головорезы, которым ничего не стоило просто так, скуки ради, убить человека, даже малое дитя. У иных насчитывались десятки «мокрых» дел. Разговор с ними был короткий: следствие, суд — и к стенке.

В наши сети попадали и белогвардейцы, ушедшие в подполье, и мародеры, и спекулянты, и контрабандисты, и шпионы.

Опыта же у меня, как и у многих работников ЧК, не было никакого. В ЧК рекомендовала меня Розалия Самойловна Землячка. Было это в ноябре 1920 года. Когда меня вызвали в кабинет секретаря обкома, кроме Розалии Самойловны там находились М. В. Фрунзе и еще один незнакомый мне человек в военной форме.

— Товарищ Папанин, — сказала Землячка, — вы направляетесь в распоряжение товарища Реденса и назначаетесь комендантом ЧК. Познакомьтесь.

Военный протянул мне руку:

— Реденс, уполномоченный ЧК по Крыму.

Я взмолился:

— Розалия Самойловна, никогда я не работал на такой работе! Не справлюсь!

М. В. Фрунзе нахмурился:

— А вы думаете, товарищ Дзержинский до революции получил опыт чекистской работы?! Но взялся, раз нужно партии, революции. Вам это партийное поручение. Учтите: гражданская война не окончилась, она только приняла другие формы, контрреволюция ушла в подполье, но не сдалась. Борьба будет не менее жестокой, чем на фронте. Вы и на новом посту остаетесь солдатом. Желаю успеха.

Михаил Васильевич пожал мне руку и ушел: его ждали неотложные дела. Розалия Самойловна протерла пенсне и внимательно посмотрела на меня:

— Товарищ Папанин, в ЧК не идут работать по принуждению. Но работа эта сейчас — самая нужная революции. За вас поручились товарищ Гавен и другие члены партии, которые знают вас по крымскому подполью и гражданской войне.

— Буду трудиться там, где приказывает партия, — ответил я.

Я проводил облавы, обыскивал подозрительные дома, выезжал в крымские леса с отрядами ЧК ловить белобандитов, экспроприировал ценности у богатеев, которые не успели эмигрировать. В меня стреляли, и я стрелял. Иногда со злостью думал, что на фронте было легче и проще.

И ночью и днем мы жили, как на передовой, спали не раздеваясь. Нередко пальба начиналась под окнами ЧК. Утром

составлялась грустная сводка: убийств — столько-то, грабежей, краж со взломом — столько-то, похищено ценностей — на столько-то.

Почти все чекисты жили на конспиративных квартирах, периодически их меняя. И у меня были такие квартиры. Отправляясь домой, я всегда наблюдал, не идет ли за мною кто-нибудь. Это была не трусость, просто разумная осторожность: мы и так теряли одного работника за другим. Одних убивали из-за угла, другие гибли в перестрелках, третьи — при обысках. Были и такие, что гибли бесславно, но их — считанные единицы. Я только раз за всю мою службу в ЧК был свидетелем случая, когда виновными оказались свои же. Случай этот потряс меня.

Мы по постановлению областкома РКП(б) от 31 января 1921 года проводили изъятие излишков у буржуазии.

Пришли к нам два новых работника. Я сразу же проникся к ним симпатией: моряки, энергичные, красивые, толковые ребята. В работе они не знали ни сна, ни отдыха. Пришли они однажды от одной бывшей графини, принесли баул конфискованного добра: тут и браслеты, и кольца, и перстни, и золотые портсигары. Высыпали все на стол и говорят:

— Вот, стекляшечку еще захватили.

Кто-то из принимавших конфискованное спросил:

— А вы не помните, такие «стекляшки» еще были?

— Да, в шкатулке.

— Немедленно забрать шкатулку!

Морячки вернулись быстро:

— Графиню чуть кондрашка не хватила, когда увидела, что мы за коробочкой пришли.

— Еще бы! Стоимость этой коробочки — несколько миллионов рублей. Это же бриллианты. Надо бы вам, товарищи, научиться распознавать ценности…

Но вот прошло какое-то время — и стали мы замечать: раздобрели морячки, хотя питание было отнюдь не калорийным, нет-нет да и водкой от них пахнет. Решили проверить, как они живут.

Вечером в их комнату постучала женщина:

— Я прачка, не нужно ли постирать белье?

Через день «прачка» — это была наша сотрудница — принесла им все чистое. А Реденсу сообщила:

— Оба раза комната была полна народу, сидят и гулящие девки с Графской, стол ломится от закусок.

— Надо выяснить, откуда у них деньги, — нахмурился Реденс. — Неужели они что-то утаивают, сдают не все конфискованное?

Решили испытать моряков. В одной из квартир, где жил наш сотрудник, спрятали восемь бриллиантов и десять золотых червонцев. Морякам сказали, что там живет злостный спекулянт, нужно сделать обыск. Как же мне хотелось, чтобы они принесли все восемь бриллиантов и все золото! Принесли они шесть бриллиантов и пять червонцев. Теплилась надежда: может, не все нашли? Пошли проверять: нет, тайники были пусты.

Моряков арестовали. Они и не подумали отказываться от содеянного:

— Пять монет недодали, велика беда! Буржуи жили в свое удовольствие, из нас кровь пили, а нам и попользоваться ничем нельзя?!

Реденс, присутствовавший при допросе, взорвался:

— Попользоваться? А по какому праву? Это все нажито народом, это все народное достояние, на которое вы подняли руку. В стране голод, а вы — в разгул! Революцию продали! Судить вас будет коллегия.

У меня подкосились ноги, когда я услышал приговор: расстрел. Ребята молодые — ну, ошиблись, исправятся, они же столько еще могут сделать! Дать им срок, выйдут поумневшими! У меня подскочила температура. Изнервничавшись, я свалился в постель. Реденс пришел ко мне:

— Жалеешь? Кого жалеешь?! Запомни, Папанин: судья, который не способен карать, становится в конце концов сообщником преступников. Щадя преступников, вредят честным людям. Величайшая твердость и есть величайшее милосердие. Кто гладит по шерсти всех и вся, тот, кроме себя, не любит никого и ничего: кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без уничтожения зла. Это не мои слова. Так говорил Чернышевский. И в этом, — Реденс говорил отрывисто, словно вбивал свои мысли в мою голову, — проявляется революционный гуманизм. Мы должны быть беспощадно требовательны к себе. Жалость — плохой помощник.

Как мародеров, требовал расстрелять моряков начальник оперативной части Крымской ЧК Я. П. Бирзгал.

Моряков расстреляли. Когда об этом узнали в городе, авторитет ЧК стал еще выше.

А я долго не мог забыть морячков. Если бы их вовремя предостеречь… Выросший в бедности, знавший только трудовую копейку, я и представить не мог, что у золота такая ядовитая сила, перед которой не могут устоять не только самые слабые духом…

Ценностей через мои руки тогда прошло немало. Все реквизированное поступало ко мне. Опись мы вели строжайшую.

Приехали, как мне сказали, великие знатоки своего дела. Ну и заставили они меня поволноваться! Я и не предполагал, что у иных драгоценностей есть своя родословная.

Увидели они сервиз. Для меня чашки ли, тарелки ли — безразлично, из чего они, было бы что из них есть. Один из проверявших всполошился:

— Это же севрский фарфор, семнадцатый век, не хватает одной чашки и салатницы. — Он буквально сверлил меня взглядом, словно думал, не украл ли их я.

— Пойдемте по зданию посмотрим, может, они и есть, — предложил я.

Из чашки, оказывается, часовой пил, а из салатницы мы сторожевого пса кормили.

Специалист только ахнул, увидев это. А сервиз, как и другие антикварные вещи, был доставлен в ЧК из домов, опечатанных после панического бегства контрреволюционной буржуазии и помещиков. Бирзгал и Реденс хорошо разбирались в этих вещах, но у них, конечно, руки не доходили до них, других забот было хоть отбавляй.

Месяц работала комиссия. Наконец меня вызвали к Землячке. Она вышла из-за стола и расцеловала меня:

— От имени партии вам благодарность за сбережение огромных ценностей.

В 1938 году на приеме в Кремле после нашего возвращения со станции «Северный полюс-1» я слышал, как Розалия Самойловна сказала:

— Вот кто спас и сохранил все крымские ценности.

Служба в ЧК была для меня серьезной школой, научила и лучше разбираться в людях, и не рубить сплеча, когда речь шла о судьбе человека.

Царскими законами мы, естественно, пользоваться не могли, новые молодая республика только еще создавала. При определении меры виновности того или иного арестованного следователю приходилось полагаться на свою революционную сознательность.

А следователи, что естественно, были разные. Одни дотошные, объективные, стремившиеся во что бы то ни стало доискаться до истины, разобраться, что же произошло. Другие верили больше бумажкам, чем людям, судили прямолинейно: раз белогвардеец — расстрелять как врага Советской власти. Но таких было немного. Большинство старалось разобраться, прежде чем вершить строгий суд.

Как комендант Крымской ЧК, я ознакомился с делами, которые вел один из следователей. Чуть ли не на каждом стояла

резолюция: «Расстрелять». Признавал этот следователь лишь два цвета — черный и белый, полутонов не различал. Врагов, настоящих, закоренелых, достойных смертной кары, было от силы десять, остальные попали в ЧК по недоразумению. Я пошел к Реденсу и показал просмотренные дела.

Реденс обычно не демонстрировал своих чувств. А тут, вчитываясь в бумаги, почернел. У Реденса в этот момент сидел и Вихман — председатель Крымской ЧК. Тот, просматривая дела, тоже ни слова не сказал, я только видел, как у него на скулах перекатывались желваки.

На экстренно созванном заседании Реденс сказал кратко:

— Мы — представители самой гуманной, самой справедливой власти. Это не значит, что мы всепрощенцы. Но если кто-то позволит себе поспешить с выводами — будем карать беспощадно. Мы не можем дискредитировать ни Советскую власть, ни ЧК. Наш прямой долг — строжайше выполнять требования революционной законности.

Реденс был крут, но справедлив. Не давал никому поблажки, органически не переносил даже малейших проявлений панибратства и хамства.

Однажды я зашел в камеру к гардемаринам, спрашиваю:

— Какие претензии?

Что-то хотят сказать и не решаются.

— Смелее, чего боитесь, вы же моряки, — сказал я.

Один набрался храбрости:

— Ваш заместитель ударил арестованного.

Вызвал я заместителя прямо в камеру:

— За что ударил? Ты что, жандарм, околоточный надзиратель? На первый раз — пятнадцать суток строгого ареста. Иди и напиши рапорт, все объясни.

Заместитель пошел и написал жалобу на имя Реденса: Папанин дискредитирует его в глазах белогвардейской нечисти.

Реденс на жалобе наложил резолюцию: «С наказанием согласен».

Реденс не уставал повторять: «У чекиста должны быть чистые руки». Каждый случай самосуда — на руку злейшим врагам Советской власти.

Всю жизнь благодарен я Реденсу и Вихману еще и за то, что они заботились и о нашем внешнем виде, и о нашем языке, делали внушения своим сотрудникам, которые пользовались блатным жаргоном.

— Знать жаргон надо, — учил Реденс, — но пользоваться им при допросе — значит, ставить себя на одну доску с преступником.

Расскажу еще об одном эпизоде тех лет.

Ходил хлопотать ко мне за нескольких случайно задержанных студентов высокий темноволосый молодой человек с ясными глазами. Он горячо доказывал, что головой ручается за своих друзей. И приходилось мне поднимать их дела, идти к следователям.

Я забыл об этом «ходатае» и никогда бы не вспомнил, если бы через три с половиной десятилетия в коридоре Академии наук не остановил меня всемирно известный ученый.

— Иван Дмитриевич, помните ли вы, как по моей просьбе из тюрьмы студентов выпускали?! — спросил он и засмеялся.

Это был Игорь Васильевич Курчатов.

По долгу службы я много раз встречался с руководителями обкома партии и Крымского ревкома, докладывал им о проведенных операциях, получал указания. Председателем ревкома был Бела Кун, с которым я познакомился еще в Харькове. Часто видел я члена президиума обкома партии Дмитрия Ильича Ульянова. Дмитрий Ильич Ульянов был тогда начальником курортов Крыма.

Бывали недели, когда я не замечал суток, как и мои товарищи по работе, и глубоким вечером вспоминал, что не успел позавтракать. Однажды мне пришлось возглавить отряд моряков-чекистов, и мы дня три гонялись верхом на лошадях по лесам Крыма за бандой зеленых. Каких же только банд и антисоветских группировок не было в Крыму 1921 года! Они терроризировали население, совершали налеты на города и поселки, срывали мероприятия Советской власти.

К весне 1921 года контрреволюционные банды в большинстве своем были разгромлены. Крымский ревком и обком партии ко дню 1 Мая 1921 года объявили широкую политическую амнистию всем, кто скрывался от Советской власти. Многие бывшие белогвардейцы сдали оружие.

Завершили же разгром банд мы летом 1921 года. И я с удвоенной энергией взялся за работу, но попал в больницу.

Приговор врачей был: полное истощение нервной системы.

Отлежал я в больнице положенный срок и пошел к Реденсу, уезжавшему в Харьков:

— Не считайте меня дезертиром, но я больше не могу работать комендантом ЧК. Переведите меня куда угодно.

Реденс промолчал. Это было обнадеживающим признаком: он не любил обещать. Если что — сразу отказывал.

Вскоре мне пришел вызов в Харьков, тогдашнюю столицу Украины, — работать военным комендантом Украинского ЦИК. Председателем ЦИК был Григорий Иванович Петровский.

* * *

Наступила пора восстанавливать разрушенное войной хозяйство страны, строить новое, Советское государство, новую жизнь.

Это было стремительное и счастливое время. Я учился в Плановой академии, строил радиостанцию в Якутии, несколько позднее на долгие годы связал себя с Арктикой, а затем — с проблемами создания советского научного флота, изучающего Мировой океан. Мне выпало великое счастье быть начальником первой в мире дрейфующей полярной станции, руководить всей огромной работой по освоению советскими людьми Арктики, а затем и Антарктики.

В заключение мне хотелось бы сказать юным читателям «Океана» следующее. Когда-то великий пролетарский писатель А. М. Горький говорил: «Всем хорошим во мне я обязан книгам». Я полностью присоединяюсь к словам Алексея Максимовича, но от себя хотел бы еще добавить: и флоту тоже. Я — потомственный моряк, всю жизнь был связан с ним самым непосредственным образом и могу с полным основанием и уверенностью заявить: флотская служба — это надежная и хорошая жизненная школа, достойное и мужественное занятие для молодого человека.

Дорогие, родные мои ребята, я уверен, все вы мечтаете о большой и интересной жизни, о замечательных подвигах. Это прекрасная мечта! Но помните, друзья: подвиг может совершить лишь тот, кто готов к нему, кто с малых лет сумел воспитать в себе волю и мужество, стремление к победе. Тот, кто умеет и любит работать, кто сможет выполнять свою работу в самых трудных условиях, кто найдет в себе силы преодолеть все эти трудности и выйти из них победителем. И еще помните, друзья, что профессии и моряка и полярника требуют от людей глубоких и всесторонних знаний. С неумелым, плохо подготовленным человеком море, так же как и Арктика, расправляется быстро и жестоко. Победить в схватке с суровой природой могут только знающие, стойкие, волевые люди, в совершенстве овладевшие своей специальностью.

Счастливого вам всем плавания в безбрежном океане жизни!

ПЛЕЩЕТ МОРСКАЯ ВОЛНА

Плещет
МОРСКАЯ ВОЛНА

Ю. Иванов
ДЕВОЧКА С ОСТРОВА СЕЙБЛ
Повесть

ИВАНОВ *Юрий Николаевич (1928 г. р.). Родился в Ленинграде. После окончания института работал несколько лет на Камчатке, затем в Калининграде. Довелось ему поработать и матросом на рыбодобывающих судах, и техником-ихтиологом, и первым помощником капитана. Член Союза писателей. Ему принадлежит около двадцати книг, в том числе «Кассиопея», «Золотая корифена», «Торнадо», «Острова на горизонте», «Дорогой ветров» и др.*

— Док! А ну собирай свою санитарную сумку, — загремел в телефонной трубке могучий, рокочущий бас капитана. — Сигнал бедствия с острова Сейбл получили: подозрение на острый аппендицит. Обращаются островитяне ко «всем-всем» о помощи, а ближайшие «все-все» — это мы. Пойдешь на остров?

— Пойду?! Конечно, пойду! — радостно заорал я в трубку. — Сейчас подготовлю необходимый инструмент… Минут через десять буду готов.

— Не суетись. До острова еще несколько часов хода, — сказал капитан.

Вскоре я был готов.

Поднялся в ходовую рубку. Пощелкивал эхолот. Капитан, сидя на откидном стульчике, листал лоцию, вахтенный штурман следил за глубинами, а радист вызывал остров Сейбл на шестнадцатом канале радиотелефона.

— «…При подходах производить непрерывные промеры глубин, — громко читал капитан. — Пройдя банку Мидл-Банк, соблюдать особую осторожность…»

— Восемьсот… восемьсот… семьсот… — бубнил вахтенный штурман, вглядываясь в ленту эхолота. — Четыреста… четыреста…

— Хорошее место для стоянки — одна-две мили от северного берега острова… Слышите, старпом? — крикнул капитан.

— Туда и проложен курс, — отозвался из открытой двери штурманской рубки старший помощник капитана. Склонившись над штурманским столом, он разглядывал карту. — Что там локатор? Зацепился за остров?

— Уже вижу, — сказал навигатор, вжавшись лицом в раструб радиолокатора. — До острова восемнадцать миль.

— Хорошее место для стоянки, — повторил капитан. — «Глубина от девяти до восемнадцати метров. Грунт: песок, хорошо держит якорь». При смене ветра — немедленно уходить, опасаясь сильного волнения.

— Триста… двести пятьдесят… двести метров, — бубнил штурман.

— До острова десять миль, — сообщил радионавигатор.

— Самый малый! — приказал капитан и, захлопнув лоцию, соскочил со стульчика.

— Остров на шестнадцатом канале, — сказал радист и протянул трубку радиотелефона капитану: — Говорят, что уже видят нас, что уже спустили на воду свою шлюпку. Спрашивают: хирург ли наш врач?

— Спустили свою шлюпку? Ну и ладненько, — сказал капитан. — Нам меньше забот. Док, переговори! Ты ведь лучше всех по-английски чешешь…

— Алло, алло! Маринершиф на связи! — проговорил я в трубку и услышал шорох, поскрипывание, острое потрескивание. — Я врач-хирург рыболовного траулера «Сириус». Сообщите, что с больным…

— …острые боли внизу живота, справа. Тошнота, головокружение, слабость… — донесся чей-то встревоженный голос. — Нужна срочная консультация… Подозрение на острый аппендицит…

— Сто метров под килем… восемьдесят, — докладывал штурман.

— Вижу идущую навстречу шлюпку. — Капитан оторвал от глаз бинокль. — Ишь мчит… Старпом, стоит ли становиться на якорь?

— А зачем? — спросил старпом, выходя из штурманской.

— И я так думаю, — согласился капитан. — Командуй. Пускай боцман парадный трап майнает.

— Боцман! Майнай парадный тр-рап! — прорычал в микрофон старпом. И тотчас с палубы послышался недовольный голос боцмана:

— Ишь, парадный! Он что — старик какой? И по штормтрапу спустится.

Сделав свирепое лицо и выглядывая в открытое лобовое окно, старпом возвысил голос:

— Боцман?! Что споришь, стар-рая калоша… — Покосился на капитана, капитан отвернулся. — Говорю: майнай пар-радный. Приказ капитана!

Я пожал руки капитану, старпому, совсем еще юному штурману, которого мы все ласково звали Шуриком, и вышел из ходовой рубки. Траулер едва заметно скользил по сине-зеленой, усыпанной солнечными бликами, спокойной воде. Матросы толпились на верхнем пеленгаторном мостике, глядели на золотистую полоску земли. Раздувая пенные усы, неслась к траулеру широкая, глубоко сидящая в воде шлюпка. Трое мужчин в ярко-красных штормовых куртках сидели возле двигателя в корме и все трое дымили трубками. Один из них махнул рукой, поднялся и пошел в нос посудины. Смуглые, обветренные лица, чей-то веселый прищур светлых глаз, чья-то добрая улыбка.

Скрежеща в блоках, раскачиваясь, трап закачался подо мной, запружинил. Сильные руки подхватили, потянули к себе, и я спрыгнул в шлюпку. Сверху опустилась моя сумка с медикаментами и инструментами, борт траулера откатился в сторону. Капитан, старпом и штурман стояли на крыле мостика, и я махнул рукой: до встречи!.. А сердце сжалось черт знает отчего… От страха? Нет. От грусти? Пожалуй, тоже нет. Какая тут грусть: много ли пройдет времени, когда опять я поднимусь на палубу своего траулера? И все же, такое бывало уже не раз, сердце слегка сжалось в невольной тревоге. На какой-то срок я расставался с родным, привычным миром, расставался со своей обжитой, уютной каютой, с этим траулером, частичкой моей Родины, и с людьми, к которым уже привык за долгие месяцы рейса.

Сердце слегка сжалось, а потом отпустило. Я увидел протянутую мне широкую, грубую ладонь и пожал ее:

— Зови меня Джо, дружище, — сказал мужчина и улыбнулся.

И я улыбнулся ему и стиснул крепкую ладонь, вгляделся в лицо говорящего, а было оно широким, большеротым, чертовски добрым. Из-под лохматой кепки, надвинутой на самые глаза, на меня весело смотрели два маленьких цепких глаза, одно ухо было примято кепкой, а второе смешно торчало в сторону, и на мочке его был вытатуирован маленький синий якорек. Пошарив возле себя, мужчина, назвавшийся именем Джо, протянул мне спасательный жилет:

— Надень, дружок. Давай помогу… Знакомься: этот, высокий, — Бен, а рыжий — Алекс… Эй, Бен, скажи русскому хоть словечко.

— Бен, — произнес сухощавый, бровастый, остроглазый мужчина и сердито добавил: — Иди-ка в корму, Джо. Шлюпка носом в воду зарывается.

Громоздкий, неповоротливый, как платяной шкаф, Джо добродушно улыбнулся. Топая громадными ножищами, он

прошел в корму и устроился рядом с третьим островитянином, огненно-рыжим, краснолицым мужчиной, который, встретившись со мной взглядом, приветственно помахал возле своего рыжего мясистого уха короткопалой ладонью: привет!

Траулер уходил к горизонту. Шлюпка приближалась к острову. Чем ближе к берегу, тем волны становились круче. Когда шлюпка вкатывалась на очередную волну, был виден остров: песчаные дюны, зеленая трава, мерно колышущаяся под порывами теплого, дующего с моря ветра, несколько домов в низинке, группка людей на берегу. Волны с громом выкатывались на песчаный пляж и долго катились по нему Становилось страшновато: ни пирса, ни причала. Прямо на песок выбрасываться будем?

Ревел мощный двигатель. Шлюпка со все нарастающей скоростью неслась к берегу. Вдруг я уловил запах земли. Втянул с жадностью носом воздух: пахло сеном! Ах, какой запах!.. Все ближе берег, все ближе. Я уже слышал тяжкий гром наката и весь сжался, приготовился к броску через борт, как только шлюпка коснется килем дна. Люди что-то кричали с берега, махали руками. Среди них там плясала и прыгала девочка, метались над ее худенькими плечиками расплеснутые ветром, вздыбленные желтые, как песок дюн, волосы.

Шлюпка взлетела на гребень пенной волны и вместе с ней ринулась к пляжу.. Гром, плеск, скрежет днища о гальку С неожиданной для такого громоздкого тела сноровкой толстяк Джо махнул в воду и, вцепившись в левый борт медвежьей хваткой, со страшной силой поволок шлюпку на песок. И Бен и рыжий выскочили из шлюпки. Рывок, еще один… Пенный, остро пахнущий морскими глубинами, насыщенный песком и клочьями морских водорослей вал поднялся стеной, стеклянно заблестел и рухнул. Шлюпка, омытая бурлящей пеной, шевельнулась, вода потянула ее в океан, но люди оказались сильнее воды. «Хоп!» — заорал толстяк Джо и затопал в воде, поволок шлюпку.

Все. Здравствуй, незнакомый, таинственный остров Сейбл!

Мы быстро шли по нагретому солнцем песку. Время от времени я посматривал в океан: траулер уже скрылся за горизонтом. Мужчины шли молча, а девочка, мелькая синей юбчонкой и загорелыми икрами, то забегала вперед и, оборачиваясь, разглядывала меня, то вприпрыжку спешила рядом. Лицо у нее было озабоченным, а широко расставленные глаза сияли лучиками солнца. Отбрасывая со лба тяжелые пряди волос, она выкрикивала:

— Эй, а вы действительно врач?

— Врач, врач. Если ты болеешь — вылечу.

— Ха-ха, я никогда не болею! Я даже зимой, когда выпадает снег, бегаю босиком. И все — ничего! Но вы смотрите вылечите отца, капитана Френсиса. Слышите?

— Что, это твой отец?

— Иес! И толстяк Джо, он тоже мой отец. И вот Бен — тоже. И мистер Хофпул, и рыжий Алекс. Эй, Алекс, ведь верно?

— Что верно, то верно: мы все ее отцы, а она — наша дочь, — сказал рыжий Алекс. И прикрикнул на девочку: — Перестань-ка болтать. А то русский хирург укоротит тебе язык.

— Ха-ха! Русский? Он добрый. Я это вижу по его лицу. — Девочка подбежала ко мне, улыбнувшись своим большим веселым ртом, заглянула в мои глаза и потянула сумку. — Давай понесу. Ты действительно русский, да?

— Послушай-ка, отстань от русского, — сказал рыжий Алекс и, опережая всех, направился к крайнему из трех дому.

Груда поплавков-бобинцев. Красных, синих, желтых, круглых, квадратных, четырехугольных. Гора спасательных кругов. «Омега», «Бисмарк», «Санта-Катарина» — уловили глаза надписи на некоторых из них… Куча полузасыпанных песком спасательных поясов и жилетов. Обломки весел, шлюпочных рулей, пробитые и целые бочонки-анкерки для пресной воды. Откуда все это? Океан повыбрасывал на берег?

— Вот мы и пришли, — сказала девочка. — Входите!

Рыжий Алекс толкнул дверь бревенчатого дома, и я вошел в сумеречную, остро пахнущую валерьянкой прохладность.

Больной лежал на громоздкой деревянной кровати в большой комнате дома, возле окна. Это был костлявый, широкоплечий мужчина. Мутные от боли, страдающие глаза, сухие, искусанные губы, короткое, жаркое дыхание. Я осторожно дотронулся до низа живота больного, и тот замычал сквозь крепко стиснутые, желтые от табака зубы. У двери комнаты столпились, затихли мужчины; толстяк Джо мял в своих ручищах кепку, улыбаясь жалко и растерянно, девочка стояла чуть в сторонке, настороженно сверкали ее глаза.

— Быстро освободите стол от посуды, — сказал я и стал стягивать куртку. — Необходима срочная операция. Кто будет помогать?..

Рыжий Алекс, рванувшись к уставленному тарелками и бутылками столу, ухватился за края грязной скатерти, потянул ее и, оглядываясь, отрицательно покачал головой: нет-нет, я не могу. Он вышел из комнаты. За ним ушел и Бен, и еще один из мужчин, а толстяк Джо показал мне свои громадные,

неповоротливые ручищи, и я сам понял: какой же из него помощник?

— Эй, давайте я! — окликнула меня девочка и слизнула розовым языком росинки с верхней губы. — Я ничего не боюсь. И крови не боюсь. Когда толстяк Джо разрезал себе руку ножом, я ее быстро забинтовала.

— Хорошо. Подойди ко мне, — сказал я, торопливо вынимая из сумки инструменты и бутылки со спиртом, эфиром, йодом. — Как тебя звать?

— Виктория. Хотя нет: меня звать… — Девочка нахмурила лоб, сосредоточилась. — Вот! Для тебя я буду — Арика. Рика!

— Что значит для меня? Ну хорошо. Вода готова?

— Эй, Джо! Русский спрашивает, вода готова? — крикнула девочка в приоткрытую дверь.

— Иес, сэр! — медведем проревел из кухни толстяк Джо. Что-то там зазвенело, стукнуло, послышался тихий вздох — ошпарился, что ли? — и в комнату просунулся Джо с громадным медным чайником: — Вот, сэр. Горячая вода…

— Быстрее таз. Лейте мне на руки.

— Иди, Джо, я сама. Но далеко не уходи! — скомандовала девочка с именем — для меня — Рика.

Она поставила на табуретке тазик, я намылил руки, и она начала лить воду. Спросила:

— А вы сделаете так, чтобы капитану Френсису не было больно? Он мой отец, и я очень его люблю.

— Что ты болтаешь? Лей-лей… Этот у тебя отец, тот отец… Хорошо. Спасибо. Ну-ка, намыливай лапки и ты. И мой как следует. Так кто же твой отец? Джо? Бен?

— Они все мои отцы. Все, кто живет тут, на станции Майн-Стейшен, — Джо, Бен, Алекс, и капитан Френсис, и мистер Грегори — они все мои отцы, а я их дочь. Вот! И еще у меня есть отцы: трое на станции Ист-Пойнт, двое — на Уэст-Пойнт и двое на станции Уоллес. Двенадцать отцов! А я их дочь. Но это и так и не так, все они мне отцы и… И никто!

— Ну, всё, Рика, кончай свои сказки. Завязывай мне халат. Так, теперь надевай вот этот халат. Он длинноват, правда… Держи. Это марлевая маска на лицо… А, черт! Джо и кто-нибудь там еще! Положите больного на стол и разденьте. Осторожнее. Да не топочите вы ногами!.. Потерпи, дружок, потерпи. Сейчас, я сделаю уколы, и боль пройдет. Выйдите все! Рика, лей на живот Френку…

— Мистеру капитану Френсису, сэр.

— …Лей капитану спирт на живот. Вот так. Молодец. Подай теперь вон ту марлевую подушечку. Спокойно, не торопись.

Минутку… Как себя чувствуете, капитан? Вот я тут жму, боли не ощущаете?

— Не-ет… — пробормотал больной. — Боль отошла. Так хорошо.

— Закройте глаза. Рика, бутылочку с эфиром. Да, вот эту. Капитан, считайте до десяти.

— Раз… два… три… четыре… пя-ать… ше…

— Заснул капитан. Рика — скальпель. Нет, другой. Если тебе будет неприятно, не гляди, что я тут делаю. Хорошо?

— Хорошо. А вы…

— Все. Больше ни слова!

Вовремя мы тут оказались, у острова Сейбл, со своим траулером. И вовремя я высадился на берег. Час-два промедления — и отправился бы капитан Френсис к праотцам. Повозился я с ним! А девчушка — чудо! Чертовски понятливая: уже в середине операции она знала названия инструментов и безошибочно подавала мне то, что я просил. Смелая. Глядела на располосованное брюхо капитана и только белела да зубы сжимала. Много у меня было добровольных помощников при таких делах, и помню, как мертвели от вида страшной раны бравые штурманы и отчаянные боцманы, как валились они с ног в самый ответственный момент.

Ну, вот и все, капитан. Можете улыбаться. «Ведь улыбка — это флаг корабля-аа…» Жив будешь, правда, денька два-три придется понаблюдать за тобой; что ж, побуду на острове, подышу земным воздухом, на травке поваляюсь. Стягивая рану нитками, я тихонечко засвистел сквозь зубы, улыбнулся Рике, и та тоже улыбнулась, вздохнула облегченно, а потом, хватаясь за спинки стульев, пошла из дома на чистый воздух.

И мне бы передохнуть. Как устали ноги. Ч-черт, ну и духота!

— Эй, Джо, — позвал я, и когда боком-боком, будто опасаясь, как бы не своротить своим крутым плечищем косяк двери, вошел Джо, а за ним показалась и рыжая голова Алекса, я сказал: — Вот что, ребята, осторожненько положите капитана на койку. Подождите, уже и схватили! Поправлю простыни… Во-от так… Что? Все будет о’кэй, Джо. Настанет день, и капитан Френсис поднимется в ходовую рубку своего корабля.

— Сэр, глотните, — сказал Джо, вытягивая из заднего кармана обвислых брюк плоскую, с выемкой для ягодицы бутылку. — Лучшее виски, какое есть на этом острове, сэр.

— Спасибо, Джо… Б-р-рр, ну и гадость. Это виски, случаем, не настояно на старых галошах и еловых шишках? И все же: спасибо. Пойду и я на воздух, поброжу.

— В одиночку бы не ходили, сэр.

— Нет-нет, все же один. Я недалеко.

— Не задерживайтесь, сэр. Мы готовим большой ужин, сэр. И потом… — Джо, поддергивая штаны, проводил меня до двери и махнул рукой в сторону океана: — Видите те белесые тучки? Боюсь, что к вечеру подует северный ветер и разыграется буря, сэр.

— Я все понял, дружище. Но уж такая привычка: после операции мне надо хоть с часик побыть одному.

Ветерок, едва приметный с утра, окрепчал, взматерел. Ну и пожалуйста: дуй! Теперь ты можешь реветь, беситься!.. Мне было хорошо. Хорошо оттого, что кончилось мое столь длительное профессиональное безделье, что люди обратились ко мне за помощью и я помог. И теперь, если, тьфу-тьфу, не возникнет какого-нибудь осложнения, человек будет жить и когда-нибудь вспомнит про меня, улыбнется и, может, пожелает мне счастья. И придет пора, я вспомню про капитана Френсиса, про остров и этих, еще не знакомых мне людей, про глазастую девчонку Рику, и на душе станет хорошо и грустно.

Хлопали на ветру полосатые тельняшки и выгоревшие до белизны брюки. Кто-то из островитян занимался стиркой, развесил свое белье на веревке. Несколько низкорослых, с длинными гривами лошадей стояли возле дома за загородкой, глядели в мою сторону, широко раздували ноздри — видно, почуяли чужого, совсем с чужим, непривычным для этих мест запахом человека. Я засмеялся, помахал рукой лошадям: да-да, я пропах рыбой. Все мы там, от камбузного матроса до капитана, пропахли, провоняли рыбой!..

Хорошо мне! Повернувшись к ветру спиной, я закурил сигарету и увидел, как Рика шмыгнула за угол дома. Я подождал немного, она выглянула и, увидев, что я заметил ее, подбежала к веревке с бельем и со строгим выражением лица стала снимать заштопанные тельняшки и белые, в заплатах на коленях и задах брюки. Подсматривает она, что ли, за мной? Подсматривай, девчонка с острова Сейбл! Мы еще с тобой поговорим, и ты расскажешь про своих двенадцать отцов, и еще — почему для других ты Виктория, а для меня — Рика.

Ах, хорошо! И хорошо, что поднимается ветер. Пускай-ка он заревет, загудит, пускай он раскачает море и пускай волны выбрасываются на берег! Летние штормы в этих широтах коротки, сутки-двое, а потом все стихнет — и надолго.

Я осмотрелся. Сразу же за домами — а было их тут три, и возле одного из них виднелась радиомачта («там радиостанция», — догадался я), — сразу же за домами

вздымалась дюна. На ее вершине стояла металлическая башня маяка с «вороньим» гнездом. Видно, во время шторма оттуда ведется наблюдение за океаном…

А жилых-то дома два, третий — сарай. Дверь была приоткрыта, я заглянул вовнутрь. В одном углу — электродвижок и щит с рубильником, аккумуляторы на стеллажах. Тут у них своя маленькая электростанция. В другом углу — спасательный бот на кильблоках и две небольшие шлюпочки. Весла, мачты, смолисто-вкусно пахнущие бухты пеньковых тросов. Закрыв дверь, я отправился на берег океана.

Шлюпка, на которой меня встречали островитяне, была поставлена на эстакаду с рельсами. Вернее, на рельсах стояла небольшая тележка, а уже на ней — шлюпка. Эстакада круто спускалась в океан, она как бы рассекала волны, выкатывающиеся на берег. Все это для того, чтобы можно было выйти в море и во время шторма. Однако смелости, видно, этим мужикам с острова не занимать.

Якоря. Груда якорей. Маленькие и большие, двух- и четырехлапые якоря-кошки… Каким судам служили вы? При каких обстоятельствах океан рвал цепи, выдирал вас из грунта и выбрасывал на эту пустынную песчаную землю?

Шлюпка, разбитая в щепы. Рыбацкая «дорка» с проломанным бортом. Крошечный ялик с оторванной кормой. А там, дальше, торчат из песка деревянные ребра разрушенной волнами, ветрами и временем шхуны. Щепки, опилки. Дрова! Печально. Я похлопал ладонью смолянистый шпангоут и пошел по берегу, по самой кромке прилива. Громыхали волны, и я чувствовал, как земля вздрагивала от напора воды. Шипя, вороша мелкие, битые раковины, волны катились к моим ногам, а потом, оставляя на песке мыльно-пузырящуюся пену, неохотно откатывались в океан, чтобы снова с яростью ринуться на пляж.

Оглянулся — синяя юбчонка мелькнула за ребрами шпангоутов разбитой шхуны. Ах ты, маленький шпион, что ты выслеживаешь меня? Что хочешь узнать обо мне? Я вздохнул.

Как-то скверно сложилась жизнь — уже под тридцать, а все еще один. Нет, не то чтобы я сторонился женщин, но судьба сводила меня с такими, которые не очень-то спешили выходить замуж. Хотя что сваливать на женщин? На берегу-то месяц-два, можно ли за этот коротенький огрызок времени познакомиться с серьезной девчонкой, узнать ее, полюбить?..

Я снова оглянулся: Рика неторопливо шла по моим следам, что-то искала. Или делала вид, что ей надо что-то найти на берегу.

Ветер становился все сильнее, он просто продувал меня

насквозь, и я решил свернуть, уйти за дюны, спрятаться от ветра. К тому же интересно было посмотреть, а что предпримет девчонка? Вот и небольшая ложбина среди обрывистых песчаных гор. Подгоняемый ветром в спину, я полез по сыпучему песчаному откосу и вдруг услышал негромкий крик. Обернулся. Рика бежала, махала руками, будто пыталась меня остановить. Я засмеялся: «Ага, плутовка, значит, ты все же выслеживала меня?..» И полез в гору быстрее. «Эй, если хочешь, догоняй!..»

— А-аа-а! — донеслось с берега.

С высоты дюны открывался великолепный вид. Внизу и чуть правее лежало синее, все подернутое серебристой рябью озеро. Вправо и влево от него уходила зеленая, покрытая высокой, плавно колышущейся травой долина. Обрамляя ее, поднимались, где выше, где ниже, ярко-желтые песчаные дюны. Ветер дул со стороны океана, и над дюнами курились мутные песчаные смерчики. Зеленый, солнечный мир! Все тут — и океан, и озеро, и зеленая трава, и песчаные горы! Стайка уток взметнулась с озера и перелетела к другому его краю. Лошади! Метрах в двухстах от озера неторопливо передвигался, будто плыл в траве, табун лошадей. Хорошо были видны черные спины и желтые, будто овсяные, гривы и хвосты. Прерии… Но зачем островитянам столько лошадей?

— Погоди-ии!.. — послышался зов девочки.

— А догони, догони! — отозвался я и побежал вниз с дюны.

Жесткая, шершавая трава стеганула по коленям. Взметнулись в воздух бабочки и сердито жужжащие жучки. Какое удовольствие после пяти месяцев разлуки с сушей бежать по траве… В каждом рейсе я мечтаю: «Вернусь в порт и, не заезжая в свою пустую холостяцкую квартиренку, на такси — и в лес! В поле!..» Вот так мечтаю я, но, вернувшись в родной порт, беру такси и мчусь домой. А потом, еще не сбросив плащ, хватаю запыленную телефонную трубку и звоню друзьям, звоню знакомым женщинам.

— Остановись! Остано-овись!..

— Ну, догони! Догони-и!

— Кони! Ко-они!

Я оглянулся. Подхватив юбчонку, чтобы не мешала, мелькая угловатыми детскими коленками, Рика стремительно бежала следом за мной, прыгала через холмики и ямки, вот упала, вскочила и снова побежала. Что-то было в ее лице такое, что я замедлил бег. Остановился. При чем тут кони? О чем она?

— Кони!.. Теперь… скорее к озеру… в дюны не успеем! — Она задыхалась. Лицо ее горело красными пятнами, на щеке багровела царапина. Дернула меня за руку — Бежим! Потопчут!

И тут я почувствовал, как тяжко колыхнулась земля.

Поглядел вправо: кони неслись в нашу сторону. Развевались гривы и хвосты, кони стлались над землей, ног их видно не было, и они будто стремительно плыли в зеленых волнах травы. Чуть не плача, Рика что было силы рванула меня за руку и побежала к озеру. Я бросился следом. Гул многих копыт накатывался. Мне казалось, что на своем затылке я уже чувствую жаркое дыхание взбесившихся коней. Под ногами запружинило. Вот и вода. Рика с разбегу прыгнула в воду, нырнула и поплыла от берега. Я нырнул, проплыл под водой с десяток метров, вынырнул. Рядом крутилась девочка. Откидывая волосы на спину, она захохотала, а потом крикнула.

— Ну что? Ну что?.. Будешь один уходить?

— А чего они? Чего?

— А дикие они кони! И долина их… к-ха… их территория!

Кони плотным косяком стояли на берегу. Я видел их пылающие глаза, вздрагивающие ноздри. По шерстистым бокам и шеям коней пробегали нервные судороги. Ух вы!

— А не поплывут за нами?

— Не-ет… Ой, я замерзла. Сейчас я их уведу. А ты плыви во-он в ту бухточку. Жди там…

— А как же они? Не тронут тебя?

— Меня? Ха-ха! Они не трогают ни меня, ни толстяка Джо.

— А что же ты? В воду?

— Д-да тебя ув-водила. Ну, плыви!

Девочка направилась к берегу, нащупала ногами дно и пошла к берегу. Она что-то покрикивала ласковое, успокоительное, и лошади, подняв головы и поставив торчком уши, прислушивались к детскому голосу, фыркали, но в этом фырканье слышалось дружелюбие, а не злость. История! Хорош бы я был под конскими копытами… Ага, вот и дно. Нащупав ногами твердое песчаное дно, я ринулся вдоль берега к указанной бухточке, а Рика выскочила из воды и подошла к одной из лошадей, похлопала ее по боку. Потом уцепилась за косматую гриву, что-то крикнула, подпрыгнула и вскарабкалась на лошадь. Поскакала! И все остальные лошади, а было их тут с полсотни, с мягким и тугим громом копыт унеслись следом.

Вода была ледяной, меня всего трясло, когда я выбрался на берег и, шурша травой, отошел чуть от озера. Сигареты, конечно, превратились в кашу, но зажигалка работала исправно, и, набрав мелких сухих сучьев, я соорудил костерок. Он разгорелся жарким, почти бездымным пламенем. Я стащил с себя брюки и рубаху, протянул к огню руки. Где-то выше моей головы и этого озера проносились со стороны океана потоки воздуха, в их сильных порывах, мотаясь из стороны в сторону, как комки серой бумаги,

летели чайки и с успокоенными голосами опускались на воду: прятались от шторма. У подножия дюн бродили несколько лошадей, а возле них резвились тонконогие лохматенькие жеребята. Покидая матерей, они, смешно вздрагивая задними ногами, носились друг за дружкой. Приятно было наблюдать за их играми.

Подбежала Рика. Потянула с себя облепивший ее свитер, скинула юбчонку. Протянула мне: давай выжмем! Мы скрутили ее вещички в жгут. Я развесил их на палки, воткнутые в песок, а Рика встала на коленки, протянула к огню руки, потом выжала, как белье, волосы и пошевелила пальцами: расческа есть? Торопливо, рывками поглядывая на небо, она расчесала волосы, и я посмотрел на небо: все оно оплеталось прозрачно-серебристой паутиной и солнце сияло уже неярко, оно теперь было похоже на больной, с бельмом глаз. Быть шторму на море. Сколько раз я видел вот такое солнце, возвещающее скверную погоду.

Тут один из жеребят, вскидывая передние ноги, подскакал к огню и ткнулся Рике в шею волосатой мордочкой, а она схватила его за мордочку, засмеялась, прижалась к ней щекой. Жеребенок рванулся, отскочил, мотнул коротким хвостом и поскакал прочь, поскакал, оглядываясь на девочку, будто зовя ее с собой. И Рика побежала за ним, начала ловить, а мама-лошадь подняла голову и добродушно фыркала. И еще один жеребенок подскакал, только не рыжеватый, а почти черный и с золотистой гривой, и они там все втроем прыгали и носились, а потом Рика подбежала к костру, бросилась на живот и, подперев лицо ладонями, уставилась в огонь.

— А сюда дикие кони не набегут? — спросил я.

— Нет. Теперь они видят — я тут, с тобой.

— Скажи, Рика, а откуда тут эти лошади появились?

— О, это ужас как интересно! Отец Фернандо рассказывал. Лет тому двести назад корабль из Европы в Америку плыл. Парусный. Большой-большой. И в трюме он вез много-много лошадей. И вдруг туман. Тут у нас ого какие туманы бывают! Вышел из дома, три шага сделал и — ау! — потерялся… Ну вот, корабль разбился на рифах. У острова. И потонул. И лошади потонули. Лишь несколько лошадей выплыли… А потом понарождались.

Мне хотелось расспросить, ее о многом, и в первую очередь о ней самой — что это за двенадцать отцов, почему? И вообще — откуда она тут? Чья? И я спросил ее:

— Скажи: тут живут одни мужчины? Что-то я не видел женщин…

— Угу. Одни мужчины. Есть какой-то закон. В общем, отец

Фернандо говорил мне: «Девочка, закон Канады запрещает жить на этом острове женщинам». А почему — я не знаю. Не сказал мне об этом отец. Вот он сегодня придет, и ты у него узнаешь… Ага, вещи уже подсохли. Давай-ка одеваться, да пойдем. А то ка-ак начнут нас разыскивать.

— Пойдем. Между прочим, очень хочется есть! — Я натянул еще сыроватые брюки, а потом и рубаху.

Ветер все усиливался. Он бурно катился по траве, и она то опадала, то распрямлялась. Лошади ушли и увели своих малышей. На озере было белым-бело от чаек. Рика втиснулась в юбку, надела свитер, кивнула: пошли. И я кивнул и спросил:

— В лоции про остров Сейбл… Знаешь, что такое лоция?

— Знаю-знаю! Однажды на берег старинный сундук выкинулся. Думали, что в нем разные вещи, а там — старинные книги. Про разные-разные страны, моря и порты. И отец Фернандо сказал: лоции.

— Точно. Так вот, в лоции про остров Сейбл сказано, что тут живут спасатели. Вот тут, твои… гм, отцы — так и живут на разных спасательных станциях?

— Угу. Я ж говорила: пятеро — здесь, трое — на Ист-Пойнт, двое — на Уэст-Пойнт… Знаешь, сколько у острова погибло кораблей? Ну, всего-всего? Пятьсот! А может, даже и больше.

— Ого! И сейчас гибнут?

— Пойдем. Покажу тебе сейчас что-то. — Она взяла меня за руку и повела к дюнам.

Сильный ветер дул в лицо. Мы поднялись по песчаному откосу, и я увидел впереди еще несколько дюн, а за ними — фиолетовую ширь океана, всю в белых пенных полосах катящихся к острову волн. Рика дернула меня за руку, мы сбежали вниз, в маленькую лощинку, зажатую между двумя песчаными горами, и я увидел холмики, воткнутые в землю весла, деревянные кресты, якоря, штурвалы.

— Тут лежат моряки, — сказала Рика. — Отец Фернандо сказал: десять тысяч. И сейчас гибнут. Вот весной море вынесло на берег троих. Двух мужчин и женщину. Мо-олодень-кую, ха-арошенькую… Вот их тут и похоронили.

Мы подошли к свежему холмику. На обломке доски, вкопанной в землю, химическим карандашом было написано: «Трое неизвестных из океана. Господи, прими их души».

«Капитан шхуны «Уильям», — прочитал я выцарапанную на ободе штурвала надпись. «Боцман Говард», «Юнга Макс Вениг. Погиб, спасая судового котенка», — было вырезано ножом на обломке реи. И котенок вырезан. Ушастый, смешной котик. На могиле юнги лежали синие, немного увядшие ирисы, а вся могила

была облицована мелкими камешками.

— Откуда известно, почему погиб юнга? — спросил я.

— Волны вынесли его на песок. В руках он сжимал рыжего котика, — сказала Рика и, присев, поправила один из камней. — Толстяк Джо, он у нас радист, стал разыскивать судно. Ну, на котором кто-то там пропал. И разыскал. Это был германский танкер «Гамбург». Радист германский нам сказал: да, котик упал за борт, а юнга — за ним… Похороните, говорят, у себя. Он одинокий мальчик.

— Какой смелый, добрый мальчик.

— Мы его так и похоронили — с котиком в руках. Толстяк Джо вначале играл на трубе, а потом плакал… Пойдем отсюда. — Она сильно дернула меня за руку и потянула мимо печальных памятников чьим-то несостоявшимся человеческим жизням.

Ветер усиливался. Он нес с собой песок, сек лицо, глядеть стало невозможно. Сгибаясь пополам, помогая друг другу, мы поднялись на прибрежную дюну и увидели внизу кипящую воду, а вдали по берегу — красные крыши домов спасательной станции. Тоскливая, свинцовая сумеречность расплывалась над островом; тяжелые черно-фиолетовые тучи чудовищным стадом ползли по небу, ползли, кажется, чуть ли не цепляясь за волны. Кое-где среди них виднелись алые прорехи предзакатного неба, и этот пылающий свет вселял в душу еще большую тревогу… «Как-то там мой «Сириус»?» — подумал я и окинул взглядом горизонт, будто надеялся увидеть знакомый остроносый силуэт своего трудяги-траулера. Нет, не видно! Да и откуда он может быть тут? Лишь только меня высадили, капитан увел траулер в открытый океан. Кто не знает морской поговорки: «Дальше в море, меньше горя»? А тем более тут, у этого кладбища кораблей…

Рика что-то крикнула мне, я не понял, она потянула меня за штанину и скатилась с дюны вниз, к воде. Надвинув берет на самые брови, я последовал за ней.

Отряхивая песок, Рика вскочила на ноги. Вся она была тоненькая, напряженная; ветер облепил ее юбкой, она была вся как туго натянутая струна, а волосы трепыхались на ветру, как флаг в очень свежую погоду.

— Гляди, я сейчас буду с ним играть. — Рика протянула руку к океану. — Он будет меня ловить, а я буду убегать! — Подняв руки над головой, она бросилась навстречу кипящей воде и закричала: — Эе-ей! А ну поймай меня, поймай!..

Волна встала стеной, потом круто изогнулась. Она в этот момент напоминала живое гривастое чудовище. Она будто приподнялась на пятки, вытянулась, изогнулась гладким,

блестящим горбом… Рика чуть попятилась. Волна с громом обрушилась на твердый, утрамбованный ударами воды песок и, кипя пенными водоворотами, ринулась на девочку. Повернувшись, Рика побежала прочь. Я попытался схватить ее за руку, девочка увернулась. Лицо ее горело, что-то безумное чувствовалось в ее взгляде. Шурша, извиваясь, оставляя на камнях и песке хлопья пены, волна отхлынула в океан, и Рика побежала за ней следом. А к берегу неслась еще более страшная волна! Она накатывалась на остров с грохотом и скоростью курьерского поезда, а та, которая лишь только плескалась возле моих ног, подбиралась, усасывалась под основание гигантской волнищи, вздымающейся над головой девочки… На какое-то мгновение я увидел дно, обнажившееся метров на двадцать, и четкие следы, уходящие к основанию волны, и маленькую, напрягающуюся, вытянувшуюся навстречу волне фигурку. Увидел и закричал:

— Назад, назад!.. — и побежал к ней.

Рика метнулась к берегу. В какое-то из мгновений мне казалось, что водяной вал, изогнувшийся козырьком, обрушится прямо на нее, но Рика оказалась проворнее воды. Грохнуло. Бурно всплеснулась вода. Она кипела вокруг наших колен. Схватив девочку за руку, я тянул ее на берег, ноги утопали в разжиженном, по-живому шевелящемся под ступнями песке.

— Отпусти! Не хватай меня! — выкрикивала Рика, но не мне, а океану и пинала воду, топтала ее: — Отпусти! Не боюсь тебя, не боюсь!..

Утробно ворча, вода откатилась, потянула за собой прибрежный хлам. Рика вдруг как-то вся обмякла, притихла. Я обнял ее за худенькое плечико. Все ее тело била мелкая, нервная, а может, просто от холода дрожь. Прижав девочку к себе, закрывая от пронизывающего ветра, я повел ее по берегу к домам и спешащему навстречу толстяку Джо. А Рика обхватила меня тонкой рукой за пояс и, что-то шепча, выглядывала из-за меня в сторону океана.

— Как наш больной? — спросил я, входя следом за толстяком Джо в дом капитана Френсиса. — Спит?

— Спит наш больной, — ответил Джо и шлепнул Рику. — Опять океан дразнила?

— Какие у него холодные, цепкие руки… — пробормотала девочка. — Много-много холодных, липких рук. Я чувствовала, как они хватали меня за ноги. Б-ррр!

— Глотни. — Толстяк Джо выволок из заднего кармана свою плоскую бутыль. — Промок? Сейчас я дам что-нибудь.

Я глотнул. Ветер выл, толкался сырыми толчками в стены,

рвал крышу, тоненько, надсадно позвякивал стеклами, ныл и стонал под дверью… Да, глоток сейчас в самую пору. И переодеться бы во что-нибудь сухое…

Толстяк Джо подошел к большому, сколоченному из грубо оструганных досок платяному шкафу и распахнул дверку. И я увидел десятка три сюртуков, курток, пиджаков и рубах. Тут же висели пальто, черные и зеленые шинели, красные, клетчатые, полосатые плащи.

— Гардероб, однако, у капитана Френсиса, — сказал я.

— Все океан дарит, — пробурчал толстяк Джо, вытягивая то пиджак, то куртку, и, коротко взглядывая на меня, прикидывал, подойдет ли по размеру. — Все наш океан-кормилец.

— Не с… мертвых ли? — похолодев, спросил я и глотнул еще разок. — Тогда уж лучше…

— Что на мертвых, то все уходит вместе с ними в землю, — ответил Джо и протянул мне светло-синюю с золотыми пуговицами и слегка потускневшими нашивками на рукавах куртку. — Во. В самый раз будет. Держи. А вот и рубашечка белая. Рика, а ты переоделась?

— Ага. Переоделась, — отозвалась из соседней комнаты девочка. — Наготовили уже чего поесть?

— Вот тебе еще брюки, — сказал Джо. — Давайте-ка, док, побыстрее, все уже приготовлено.

— Что, уже все приготовлено? — переспросил я, надевая рубаху. Она пришлась мне в самый раз. И брюки тоже. А капитанская куртка была сшита, наверное, у лучших портных Плимута и будто специально на меня. — Вот и все.

Капитан Френсис лежал на спине и бурно храпел.

Я пощупал его лоб: температура нормальная. Думаю, что через два дня он уже сможет встать.

Толстяк Джо тронул меня за плечо. Из соседней комнаты вышла Рика. Улыбнулась мне. Глаза в сумраке казались черными-пречерными и большими-большими. Как уголья в затухающем костре горели в них красные искры отсветов лампы.

Между домами был ветряной водоворот. Тугие потоки ревущего воздуха незримыми волнами клубились, взметались и спадали. Бросаясь на ветер то боком, то грудью, я брел следом за толстяком Джо. Тот шел, проламываясь сквозь воздушный поток, будто ледокол через льды. Фигура!.. Рика пряталась за его обширной спиной и могучим задом. Раздвигая ветер выставленным вперед правым плечом, Джо двигался к соседнему дому, а я пытался попасть к нему в кильватер.

Громыхнула дверь. Толстяк Джо распахнул вторую, Рика скользнула в яркий свет и тепло большой комнаты, за ней вошел

и я. Слева в стене пылал камин. В его каменное жерло были насованы целые бревна. Красные блики плясали по сколоченному из широченных сучковатых досок полу. Четверо мужчин поднялись из кресел и со стульев. Были тут уже знакомые мне рыжий Алекс, бровастый лысый Бен, длинный и тощий, похожий на высушенную треску мистер Грегори и низенький, широкоплечий, неповоротливый, как сундук, мужчина в очках. «Наверняка ученый папаша Рики со станции Уэст-Пойнт», — подумал я и, как впоследствии оказалось, не ошибся.

— Не будем терять времени понапрасну. — прогудел толстяк Джо. — Док, ваше место в центре. Как почетного гостя. Рика…

— Я сяду рядом с доком. Вот! — сказала девочка и, отодвинув массивный стул, сработанный, кажется, не из дерева, а из железа, устроилась рядом со мной.

Застучали стулья, задвигались черные угловатые тени на стенах, жаркий огонь камина, чьи-то расплывчатые, смутные лица на картинах… Какие-то неведомые, блеклые города, странные размытые пейзажи. Старинный мушкет на одной из стен, шпага в ножнах, позеленевшая подзорная труба. Я повернул голову. На одной полке тесными рядами стояли книги в кожаных переплетах. На другой — батарея пустых бутылок. В каждой из них — свернутые, скукожившиеся или закрученные жгутиками бумажки.

— Эй, тебя ждут, — позвала меня Рика. — Я уже положила мясо. Вот вилка и нож.

— За тебя, док. За то, чтобы человек всегда откликался на зов другого человека, — рявкнул толстяк Джо, поднимая сверкнувший в бликах огня хрустальный фужер. — Пьем, друзья.

Я взял фужер в руки, и от одного моего прикосновения он тихонечко запел. Стекло было таким тонким, что оно не виделось, а лишь ощущалось. Изображение корабля? Надпись? Я повернул фужер другой стороной и прочитал надпись: «Харгрейв». Фирма такая?

— Корабль был такой, — сказала Рика, видя, как я читаю надпись. — Трехмачтовый барк. Он погиб возле острова в 1857 году. Да, отец Фернандо?

— Все правильно, моя девочка, — подтвердил тот. Нос у отца Фернандо был картофелиной, щеки будто шрапнелью побиты. Видно, переболел когда-то оспой. Облизнув губы, отец Фернандо продолжил: — По имеющимся сведениям, барк «Харгрейв» налетел на мель Стейшен-Банк и разломился пополам. Все сорок членов экипажа погибли. Ящик с посудой был найден пять лет назад. Идет Бен по берегу, глядь: на песке окованный медью угол торчит. Откопали. А там, в полусгнивших стружках, вот эти

фужеры.

— Все пока тихо, Тонни? — спросил тут толстяк Джо.

— Все пока тихо, Джо, — послышалось в ответ.

Я огляделся и увидел то, на что не обратил внимания раньше: приоткрытую дверь, по-видимому, радиорубки. Кто-то там шевельнулся, дверь открылась, и на пороге появился мужчина с наушниками на голове. Второй радист, наверное. Махнув мне рукой — мол, привет! — он попросил:

— Джо, плесни бокальчик. В глотке все пересохло.

— За капитана Френсиса, — предложил тост рыжий Алекс.

— Чтобы он выздоровел побыстрее, наш капитан.

Ел я с оловянной тарелки. Тоже, наверное, с какого-то корабля. И вилки, и ножи. Черт знает что! А это что за странная карта? Возле двери в радиорубку висела на стене очень большая, от пола до потолка, карта. А, это же остров Сейбл! Озеро посредине. А вдоль берегов острова — флотилия кораблей, шхун, пароходов, яхт. Надписи. Цифры. Погибшие корабли?

— А где же пароход нашего уважаемого капитана Френсиса? — спросил я. — Или… или его тоже океан вынес на берег?

— Все именно так, как вы сказали, — произнес Фернандо и поправил вилкой сползшие очки. — Его лесовоз «Марта Гросс» погиб двенадцать лет назад. И вся команда… — Фернандо с хрустом разгрыз кость. — Такое несчастье, сэр: в тот рейс он взял свою жену и шестнадцатилетнего сына, сэр. Были летние каникулы… М-да… Лишь один он в живых и остался. Отходили мы его, похоронили тех, кого океан вынес на берег. И жену его Мануэлу, и сына Герберта. Остался он с нами. Сказал: «Буду жить тут, буду… возле своих. Буду спасателем, чтобы поменьше гибло в океане чьих-то детей…» Отчаянный капитан. Когда случается несчастье — его не останавливает никакой шторм: спускает бот по слипу и — вперед! Навстречу волнам! Участвовал в спасении уже сорока моряков… Эй, Джо! Давай-ка выпьем за тех, кого мы выволокли из океана.

— Картины… тоже из океана? — спросил я Рику.

— Угу. Вода подпортила краску, — ответила девочка, орудуя вилкой. — Иногда я гляжу-гляжу на какую-нибудь из них, и так хочется узнать: а что это за город? А что это за лес? Или лицо?

— За души рабов божьих, — произнес высушенный, как вяленая треска, отец Грегори.

— Поп? — тихо спросил я отца Фернандо.

— Пастор. Вернее, был им, — словоохотливо пояснил мой сосед и немного понизил голос. — Двадцать лет произносил страстные проповеди в церкви святого Мартина в Галифаксе.

Спасал души рабов божьих. Но однажды прочитал в газете «Галифакс Стар», что на остров Сейбл требуются люди. На спасательную станцию. Поразмышлял-поразмышлял наш отец Грегори и решил, что больше принесет пользы, если будет спасать не души, а самих людей. Многих он уже спас. Как почта придет, шлют ему поклоны и добрые пожелания десятки людей из самых разных уголков нашей землицы. И мне шлют, И Алексу, и нашему толстяку Джо.

— А вы тут как оказались?

— О, со мной дело сложнее… Гм… Видите ли, были у меня нелады с полицией… — Фернандо вынул из кармана большой носовой клетчатый платок, протер стекла и как-то ловко набросил очки на свой могучий, толстый нос. Грустно улыбнулся мне. — М-да, случилась одна неприятность в молодости… Вот я и подыскал себе уголок потише, да так и прожил тут пятнадцать лет. Сам себя определил на эту каторгу. Сижу в своей комнате на станции, размышляю, философствую… Вот Рику французскому языку учу.

— А рыжий Алекс?

— Эй, отец Алекс, русский про тебя спрашивает, — сказала Рика. Она прислушивалась к нашему разговору с Фернандо. — Откуда ты тут взялся?

— Пусть я сгнию тут на этом пр-роклятом острове, но я дождусь! — выкрикнул рыжий Алекс и ударил кулаком по крышке стола. Звякнула посуда, один из фужеров упал. Видно, Алекс выпил лишнего. — Я дождусь, когда на берег выкатится бочонок, набитый золотыми дукатами! — Он поглядел в мою сторону. — Вот для чего я живу тут, русский. А откуда взялся? Какая разница? Они: и эта гора мяса и костей Джо, и капитан, и пастор — все они считают меня выжившим из ума. Чер-рта с два… Это они выжили из ума, они! Ведь какой разумный человек будет торчать на этом огрызке земли лишь ради святой, как они болтают, необходимости спасать чьи-то жизни? Ха-ха! К черту! Друзья, вы помните про трюмы фрегата «Коппелии»? Помните? — Он задохнулся, лицо у Алекса стало красно-бурым, а маленькие, красноватые глазки были похожи в этот момент на две перезрелые, готовые вот-вот лопнуть, клюквины. Он схватил бронзовый с фигурной ручкой жбанчик, в котором было вино, и начал пить прямо через край.

— Фрегат «Коппелия», как говорят, вез из Франции в Америку жалованье французским солдатам. В золотых монетах, — тихо сказал мне отец Фернандо. — Разбился и погиб тот фрегат на Мидл-Банк. Пять различных экспедиций пытались разыскать его, но… Но может, все это легенда?

— Легенда? Ха-ха! Черта с два! Глядите, что я недавно нашел на берегу.

Мотнув лохматой рыжей головой, Алекс нагнулся и сунул руку за голенище сапога. Кривясь, чертыхаясь, торопясь, порылся там и вынул нечто, не то обломок оленьего рога, не то какой-то черенок. Алекс разжал свой громадный, поросший золотыми волосами кулачище. Рукоятка ножа? Согнул большой палец, нажал на металлический пупырышек. Послышался легкий, звучный щелчок, и из рукоятки выскользнуло блестящее лезвие ножа. Алекс резко взмахнул рукой, и нож, слегка вибрируя, вонзился в стол.

— Читайте! Видите, что написано на ноже? — гремел Алекс. — «Коппелия», вот что написано на нем! И настанет такое время, настанет, друзья мои, океан отхлынет, да-да, я это вижу, вижу!.. Океан отхлынет, а на сыром песке останется лежать, да-да… останется лежать окованный позеленевшей медью, весь обросший ракушками бочонок. Нет, не с вином…

— Было такое? — спросил я у отца Фернандо.

— Было. Вот же пьем: виски из океана. Оттого и привкус солоноватой горечи. Видно, немного океанской воды просочилось через пробку.

— …Нет, черт возьми, не с вином, а с золотыми монетами! И тогда — прощай, проклятый остров! Не так ли, друзья?

— Что ж, мы тебя проводим всей гурьбой, Алекс, — загудел толстяк Джо. — Мы останемся тут. И я, и Фернандо, и капитан, и мистер Грегори, да и все остальные. И Рика-Кетти-Рита-Дален… уф, ну и имя ты себе придумала, противная девчонка!.. и Рози-Анна-Мари…

— Элен-Ольга-Ло-Катрин-Сьюзанн-Рика… — закончила девочка и зевнула. — Ну неужели так трудно запомнить? Конечно же, я останусь тут. Разве я брошу тебя, отец Джо, и тебя, отец Фернандо, и тебя, отец Грегори, и тебя, отец Бен… А вот отец Алекс, неужели ты уедешь и оставишь меня тут?

— Что? Черта с два! Я возьму тебя с собой. Я куплю тебе маленькую лошадку-пони, построю красивый дом, мы будем ездить с тобой в Европу и… — Алекс опять пододвинул к себе бронзовую посудину и приложился к ней.

— Я останусь тут, — сказала твердо Рика.

— Выпьем за это. За нашу девчонку, — так громко сказал толстяк Джо, что его голос перекрыл и шум бури, доносящейся из-за стен дома, и посвистывание ветра на чердаке, и треск смолистых поленьев в камине.

Я поглядел на него. Лицо Джо, освещенное пламенем камина, было обращено к девочке. Толстое, губастое, с широким

приплюснутым носом, оно было таким добрым, открытым, что я невольно улыбнулся. И вообще весь он такой могучий, брюхатый, какой-то вызывающе неряшливый: сползшие брюки поддерживались лишь одной лямкой подтяжек, вторая была, видимо, оторвана, да и эта крепилась к большущей белой пуговице, нашитой черными в узлах и петлях нитками к верху брюк, рубаха, выпирающая наружу. Одна щека тщательно выбритая, а другая — щетинистая. Не добрился, что ли? Добрый, неуклюжий медведь-панда, вот кого мне напоминал в этот момент один из отцов Рики, толстяк Джо. Он был столь симпатичен своей открытой добротой, что хотелось глядеть и глядеть на него. Сжимая громадной лапищей фужер с вином, Джо провозгласил еще раз:

— За самую хорошую девчонку, за самую смелую девчонку, за нашу дочку.

— Рудовоз «Король Георг Четвертый» терпит бедствие! — крикнул в этот момент из двери радиорубки радист. — Район каньона Корсер.

В комнате стало тихо. Ударялся в стены дома ветер, выл, всплескивал языками пламени огонь в камине, позвякивали стекла в окне. Мы все, как по команде, поглядели в черное окно, в сторону беснующегося океана. «Как-то там мой «Сириус»?» — подумал я. И еще подумал о том, что, будь верующим, я помолился бы всем богам, чтобы не случилось беды с моим судном. И чтобы выстояли в схватке со штормом моряки рудовоза «Король Георг Четвертый», чтобы не поглотили их многокилометровые глубины каньона Корсер.

Потом в этой напряженной тишине мы все поглядели на бывшего пастора отца Грегори, и тот поднялся из-за стола. Прямой, как палка, высушенный до желтизны, он кивнул всем и ушел в соседнюю комнату.

— Господи, не погуби души и тела моряков рудовоза «Король Георг Четвертый»… — послышалось из-за неплотно прикрытой двери. — И всех бедствующих в морях и океанах.

— Иду спать, — сказала Рика. — Спокойной ночи, отец Джо. — Она поднялась из-за стола и, подойдя к толстяку, поцеловала его. Сказала, подергав белую пуговицу: — Ну зачем же ты пришивал сам? Принеси мне завтра свои брюки… Вот и тут еще дырка. Зачиню. — Она поцеловала его, а тот обнял девочку и погладил широкой, как лопата, рукой по спине, волосам. Хлопнул по заду.

— Иди!

Потом Рика попрощалась с молчаливым Беном, с Алексом, который так стиснул девочку, что она пискнула, будто мышонок.

Подошла к отцу Фернандо. Тот, взяв ее ладонями за лицо, заглянул в глаза, улыбнулся.

— Расскажу тебе сегодня новую сказку дядюшки Римуса, — сказал он. — Перед вахтой.

— Нет. Сегодня ко мне придет русский доктор. — Рика поглядела на меня, попросила: — Приходи, а? Я буду ждать.

— Приду, — ответил я. — Вот покурю немного у камина и приду.

Рика жила в доме капитана Френсиса. И мне постелили там, чтобы я был ближе к больному. Подбросив в камин толстых поленьев, Джо сказал, что пойдет проверит, надежно ли укреплена на слипе спасательная шлюпка, да подышит немного соленым ветром. «Утробу свежим воздухом промыть надо».

Ушел Алекс. Стих в своей комнате пастор Грегори, скрипнули там пружины матраца. Ворочался, кашлял в радиорубке радист. Попискивало там, потрескивало. Приборы работали. Порой радист переговаривался с кем-то азбукой Морзе, и в проеме двери нервно вспыхивала и гасла контрольная лампа.

— Через полчаса и мне на вахту, — сказал отец Фернандо и пододвинул к камину кресло. Кивнул на второе: — Подсаживайтесь к огню, док.

— Если можно, несколько слов об истории острова, — попросил я.

— О, с удовольствием! Итак, основные вехи. Открыт остров почти пятьсот лет тому назад португальцами и назван «Санта Крус». Позже португальцы же дали ему нынешнее название «Сейбл». Значит — «Песчаный».

Порой холодные сквознячки прокатывались по комнате и порывы ветра усиливались. Отец Фернандо замолкал, прислушивался. Потом продолжал свой рассказ:

— В 1598 году на острове появились первые поселенцы. Увы, это была сложная публика. Пятьдесят отъявленных негодяев. Преступники, осужденные во Франции на казнь. Среди них оказалась и одна женщина. Предание гласит, что именно из-за нее преступники и повели друг с другом ожесточенную, кровавую войну. Через пять лет в живых на острове осталось лишь одиннадцать человек. С тех пор существует закон, запрещающий проживание на острове женщин…

Опять могучий порыв ветра качнул дом, и отец Фернандо замолк. Протянул к огню руки. Потер ладонь о ладонь. Сказал:

— Лет сто на острове орудовали пираты. Они давали фальшивые сигналы огнем: путь свободен! Корабли шли на эти сигналы и погибали. В 1801 году британское адмиралтейство оборудовало на острове спасательную станцию. Вот, пожалуй,

очень кратко и вся история острова Сейбл. Если, конечно, не считать страшных и трагических историй кораблей и людей, нашедших тут свою могилу. — Он поднялся. Снял с вешалки и накинул на плечи длинный плащ. Пробормотал: — Хорошо, что хоть дождя нет… Да и так продует всего.

В дверях он столкнулся с Беном. У того было красное, исхлестанное ветром лицо.

— Все нормально. В океане — ни огонька, — буркнул Бен и, стягивая на ходу куртку, отправился в свою комнату.

Гул ветра. Гомон недалеких волн. Шорохи на чердаке, скрип половиц.

Я бродил по скудно освещенному огнем камина помещению, ждал толстяка Джо. Вглядывался в туманные, расплывчатые лики людей на картинах. Женщина с открытой грудью. Синие-пресиние, будто живые глаза глядели на меня из глубины темного, зеленовато-синего, как морские глубины, полотна… Удивительно — лицо едва ощутимо, чуть приметны полусмытые водой пухлые губы, а вот глаза сохранились. Живут! Пейзаж. Лес. Горы. Залито все сине-зеленой водой…

Я подошел к полке с книгами. Взял одну из них, тяжелую, как кирпич, ощутил ладонью шероховатость кожи обложки и подумал: «Чьи руки, где и когда брали в последний раз эту книгу?» Потянул за обложку, но она не открылась. Я попытался открыть книгу посредине, но ничего не получалось, страницы будто срослись, книга склеилась. И я поставил ее на место. О чем в ней рассказывается? Может, это те лоции, о которых говорила Рика? Тайна.

Потом я стал разглядывать бутылки. На бумажке сквозь мутноватость стекла одной из них можно было прочитать несколько строк по-английски: «Милая, милая Жанна, прощай, прощай навеки…» Кто тот, написавший эти строки? Что произошло в океане? Где та Жанна, которой послано это письмо? Всё тайны, тайны. Одна… пять… десять… четырнадцать бутылок. И в каждой — отчаянное прощальное письмо, тоскливый крик души, крик боли и любви. Бутылки… Кто-то пил вино, налитое в них, кто-то веселился, а потом… Стеклянные гробики с посланиями из океана, с последним прощальным зовом. И всё — тайны океана.

Хлопнула дверь. Дробно зазвенели стекла в раме. Джо.

Он натолкал в камин сухих смолистых поленьев. Поставив бутылку, я глядел, как он выкатил щепкой из огня пылающий уголь прямо себе в ладонь и потом, щуря глаза, закурил толстую длинную сигару.

Я подошел к зловещей карте погибших возле острова

кораблей. «Джорджия» — 1863 год… «Фельмоут», «Лаура», «Эдда Корхум», «Ямайка», «Иоганна», «Сандер Ника»… — Холодок прокатился по моей спине. — «Джесси Вуд», «Эфес», «Адонис», «Сириус»… Что-что? — Я разгладил ладонью жесткую бумагу: — «Сириус»… Фу, черт… 1861 год». Вытер испарину, выступившую на лбу, и пошел к огню, сел в кресло, потянул из кармана сигареты. Спросил:

— Ну, а вы как тут очутились, Джо?

— Из любви к музыке, — усмехнувшись, ответил тот.

Я подождал немного, думал, что он пояснит свои слова, но толстяк Джо глядел в огонь, попыхивал сигарой и молчал. И тогда я спросил его:

— Джо! А кто это придумал Рике такое длиннющее имя?

— Да она сама. — Джо вынул сигару изо рта, сколупнул корявым черным пальцем табачинку с оттопыренной губы. И вновь потянул в себя дым. Выдохнул тугое синее облако в камин. — Для меня она — Вика, для отца Фернандо — Катрин. Понимаете? Она будто одна, и будто у каждого из нас тут по дочери. И для нас и для тех спасателей, которые обитают на другом краю острова… — Он сплюнул, облизал губы. — Через месяц Рика уйдет на станцию Уэст-Пойнт и будет жить там у отца Фернандо. Потом она переберется на другую станцию к отцам Рене и Максу, если бы не шторм, они бы приехали сегодня сюда. Так вот, а потом опять вернется… — Он помолчал, улыбнулся. — Мы все ее очень любим, док. Да что любим: она как… — Джо поразмышлял: — Она как солнечный лучик… Вот уйдет Рика к Фернандо, и я буду каждый день считать, когда же она вернется. И буду, как мальчишка, раза два в неделю бегать за десять миль к ней на станцию Уэст-Пойнт, а отец Фернандо станет ревновать ее ко мне и погонит меня назад. А потом он будет прибегать сюда, проверять, как она учит французский… — Джо грузно встал, налил в фужер вина, подал мне. Сел в кресло, оно сокрушенно застонало под его могучим задом.

Мы выпили по глотку. Я поболтал вино во рту языком и, зажмурившись, представил себе, как где-то в далеком порту на парусный корабль грузили бочонки. Как тот корабль, кренясь и раскачиваясь, шел к берегам далекой Америки. Потом как разрушался он под ударами свирепых волн, тонул. И бочонки лежали на дне. Сколько? Сто лет? Двести? А потом волны выбросили один из них на берег. Да, я явственно ощутил горьковато-соленый привкус морской воды. Чертовщина!

Толстяк Джо пошуровал кочергой, и столб искр унесся в дымоход. Он улыбался. Он все время улыбался. Вот и сейчас: кому? Огню, греющему нас? Девочке, о которой рассказывал? Но

вот помрачнел, нахмурился:

— А осенью мы отвозим ее в Галифакс. Она учится там в гимназии Альбрехта. Невозможно пережить эти длинные, штормовые и холодные зимние месяцы, эти месяцы без нее.

— Как она попала на остров? Тут какая-то тайна?

— Это ужасная тайна, док, — немного помедлив и понизив голос, сказал Джо. Оглянулся. И я тоже осмотрелся. Две наши громадные черные тени шевельнулись на стенах и потолке: — По закону она лишь моя, понимаете, моя дочь! Ведь это я нашел ее на моем, понимаете, моем участке.

— Простите, старина. А что это за ваш участок?

— Тут все просто, док. Весь остров, а точнее — все побережье острова разделено на двенадцать секторов. Понимаете? И каждый сектор принадлежит кому-либо из нас. И вот после шторма мы садимся на лошадей и объезжаем остров. Правда, мы и так каждый день объезжаем весь остров, смотрим, не вынесло ли кого из океана, но после шторма океан обязательно что-нибудь да выносит. Глядишь — монета, а там — труба подзорная, а там — книга старинная или еще что-нибудь. Понимаете?

— Понимаю. Все понимаю. И вот…

— И вот иду я и вижу — небольшой, надувной плотик лежит. А в нем… — Джо жадно затянулся дымом. Продолжил вдруг охрипшим голосом: — А в нем, в воде, вода и в плотик налилась, девочка в одной нижней с кружавчиками рубашонке. Подбежал, нагнулся: думал, мертвая, а она дышит. Схватил я ребенка, прижал к себе, закутал в куртку и побежал. Я десять миль бежал, док, десять миль. И все молил бога: «Если ты есть, пускай она не умрет, пускай выживет». Мне казалось, что сердце мое взорвется, а вены лопнут и кровь фонтанами хлынет из ушей и ноздрей! Принес. Растер шерстяным шарфом, потом спиртом, потом напоил ее грогом. И она открыла глаза. Улыбнулась, протянула руки и обняла меня за шею. И заснула. Сутки спала, док, сутки! И я не шевельнулся… Собрались мы все, со всего острова. Открывает она глаза и говорит: «Где я?» — «А ты откуда? — спрашиваю я. — Как звать?» Она думала, думала, вспоминала, вспоминала, а потом говорит: «А я не знаю, откуда я. Звать? Не знаю, как меня звать…» — Джо поднялся из кресла, прошелся по комнате, и доски пола прогнулись под ним, заскрипели. Рухнул в кресло. Продолжил: — У нее отшибло память, док. Начисто. Она все-все позабыла. Такое ведь бывает?

— Бывает. От нервного потрясения.

— Она ничего не помнит, док, ну абсолютно ничего! Сообщили мы в Галифакс: мол, нашли девочку, лет примерно столько-то, имени своего и фамилии не помнит. Попытайтесь,

мол, разыскать родственников. Искали-искали — не нашли. И тогда мы решили, док, удочерить ее. Все вместе, все двенадцать. Вот так и появилось у девчонки двенадцать отцов. Для меня она — Вика, для Фернандо — Катрин…

Вдруг хлопнула дверь и на пороге дома показалась Рика. Она была босиком и закутана в клетчатый плед. Сведя брови, девочка мотнула головой, забрасывая за спину спутанные ветром волосы, и сказала:

— Эй, русский! Я тебя жду-жду, а ты…

— Иду-иду, — поспешно сказал я и поднялся.

— Вы не очень-то засиживайтесь, — ревниво пробурчал Джо.

Вспыхивал и гас маяк, и его яркий свет вырывал на мгновение из темноты крыши домов, ближайшие дюны и серо-зеленые валы, бурно накатывающиеся на берег. Ветер несся над водой и сушей, кажется, с той же силой, но не резкими нарастающими порывами, а ровно, и в этой ровности движения воздушных масс ощущалась усталость. Наверняка к утру ветер пойдет на убыль. Тем не менее я с трудом открыл дверь в дом, а когда мы вошли с Рикой в прихожую, дверь с грохотом захлопнулась за нашими спинами.

В большой комнате, где лежал капитан Френсис, неярко горела настольная лампа. Я взял ее, подошел к постели. Раскинув руки, капитан спал. Одеяло, обнажая широкую грудь и повязку, сползло на пол. Медальон на тоненькой золотой цепочке был открыт. Может, капитан просыпался и смотрел что-то хранящееся в нем? Я потрогал лоб спящего. Температура была нормальной. Рика стояла рядом, я слышал ее дыхание.

— Хочу поглядеть. — Рика протянула руку к медальону. — Он никому никогда не показывал.

Она положила медальон на ладонь. Я приблизил свет. Там, внутри, были две маленькие фотографии. На одной — симпатичная улыбающаяся женщина и очень серьезный глазастый мальчик. Жена и сын. Кто же еще? На другой фотографии — пароход, вспарывающий воду моря.

— Это его пароход. «Марта Гросс». Вот, — сказала Рика и закрыла крышку медальона. — Пойдем, я замерзла. Ты посиди возле меня, ладно? Расскажи о себе. Мне отчего-то сегодня грустно.

— Хорошо. Мне тоже отчего-то не очень весело. А где моя койка?

— Идем, провожу. Бери лампу.

Я накрыл капитана одеялом. Поправил подушку.

Свет скользнул по стенам. Картины. Модели кораблей.

Скрипнули петли двери. Еще одна большая комната,

заставленная койками Койки застланы одинаковыми одеялами. Я взглянул на Рику.

— Это помещение для пострадавших, — сказала она. — А вот эта — моя комната. А рядом — твоя. Зайдем?

Она потянула ручку Дверь скрипнула на петлях. Я поднял лампу и увидел небольшую комнатушку с окном на океан. Стол. Шкаф. Деревянная кровать у стены. Мой саквояж на столе.

— Спокойной ночи, да? — спросил я девочку.

— Я, наверное, сегодня не засну. Столько событий, — ответила она.

— Знаешь, ты такая хорошая девчонка, что мне хочется тебе что-нибудь подарить. На память, — сказал я и, подойдя к столу, поставил на него лампу. Открыл саквояж. А, вот удача! Раковина. Я достал ее, протянул Рике: — Я сам добыл ее у коралловых рифов острова Маврикий. Тут таких нет. Держи.

— Где-то я видела такую ракушку. — Рика нахмурилась, закусила губу. Все лицо ее напряглось в страшном усилии что-то обнаружить в своей памяти. Мотнула головой, и волосы ее рассыпались по худеньким плечам. — Нет. Ничего не помню. Проводи меня в комнату. Потом все уберешь.

Ее комната была еще меньше, чем моя. Рика нырнула под одеяло, и я сел на край кровати. Ветер стихал. Черные тучи лопнули, расползлись, как старая, гнилая материя, и в их рваных прорехах ярко и мощно засияла луна. В комнате пахло уютным керосиновым теплом и пряными сухими травами. В пазу пострекотывал сверчок. Вдруг вроде бы как чьи-то шаги послышались: под окном заскрипел гравий. И Рика встрепенулась, а потом, натягивая одеяло на грудь, сказала:

— Это мальчик с котенком.

— Какой еще мальчик… с котенком?

— Ну тот. Из океана…

— Спи, глупышка. Я пошел.

— Он часто ходит под окнами дома. Подойдет, привстанет и заглядывает в комнату. Хо-олодный такой, за-амерзший. И котишку на руках держит, — спокойно проговорила Рика и зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Он всегда после шторма… А после сильной бури они тут все толпами ходят. Ну, эти, моряки и другие погибшие… И тогда капитан крепко-крепко запирает двери, и я сплю с капитаном. Или с Джо. А капитан мне говорил, что и жена его ходит. Вся голубая-голубая. И волосы у нее до земли… отросли за эти годы, но только не черные-черные, как были, а белые-белые… Ну, иди, спи.

— Спокойной ночи, Рика. — Я погладил ее по голове. Наклонился, она обняла меня за шею, стиснула. Я сжал зубы.

Наверное, если бы у меня были дети, я бы очень любил их.

— Раковина, — услышал я шепот Рики. — Где-то я такую же видела. Но где?

Неспокойная была ночь. Стонал капитан Френсис, и я ходил к нему, давал пить и поправлял одеяло, которое он сбрасывал на пол. Ветер то утихал, то вновь пытался набрать сил и налетал с океана, ударялся в стены, с тонким щенячьим попискиванием сочился под двери и через стыки непромазанных замазкой оконных стекол. Тучи неслись по небу, и луна то исчезала, то вновь начинала светить ярким, судорожным светом. Кто-то бродил под окнами. Я натягивал одеяло на голову и старался дышать ровно, неторопливо, стискивал веки и считал до тысячи, но сон не шел… Бедный мальчик с котенком… Ему там холодно. Все бродит и бродит под окнами дома, прижимает к груди мокрого, замерзшего котишку… Пустить его, что ли, в дом? Пускай обогреется… Кажется, я вставал и, отдернув штору, глядел в окно и совершенно явственно видел худенького, вихрастого мальчика с рыжим котенком в руках. И голубую женщину с белыми до земли волосами видел. Мальчишку лет восьми, веснушчатого вела она, а тот жался к ней и смотрел-смотрел на меня своими большущими строгими глазами. А за женщиной брел, оставляя на песке глубокие следы, высокий мужчина в камзоле с золотыми пуговицами и треуголке. Скуластый, с жестким взглядом прищуренных глаз, он шел и глядел в сторону океана.

Кажется, я постучал в стекло: эй, моряк! И тот повернулся, кивнул мне. И прошел мимо, а волны набежали на песок и всосали его следы, потом отхлынули — и следы исчезли. И многие другие шли вдоль по берегу. И одиночки, и группками. Шли легкие, невесомые, прозрачные, будто из стекла или тумана. Сколько их! Я прижимался лбом к стеклу и вглядывался в лица, пытаясь найти знакомые черты… Три года назад погиб в океане мой приятель Валька Комков. Может, и Валька Комков бредет мимо дома, в котором я ночую?..

Посреди ночи из комнаты Рики послышался крик.

Я открыл глаза. Вытер лоб. Фу, черт!.. Приснится же такое! Видно, лишнего вчера выпил… Хотя и всего-то… Но, наверное, морская вода придает алкоголю особую крепость. Кто-то кричал или мне показалось? Завернувшись в одеяло, я вошел в комнату Рики.

Девочка сидела в постели. В лунном свете лицо ее казалось необыкновенно белым, и на этом белом лице ярко и четко выделялись широко раскрытые, полные ужаса глаза. Увидев меня, она рванулась, протянула руки.

— Что с тобой, малышка? — Она вся дрожала. — Приснилось что-нибудь, да? Вот и мне…

— Ра-аковина… Я вспо-омнила, вспомнила…

— Что ты вспомнила, что?

— Нет-нет… — Она заплакала.

Я сидел рядом, поглаживал ей спину. Потом услышал, как она облегченно вздохнула и стихла. Я ушел к себе.

Ржание лошади. Смех. Чьи-то голоса. Топот ног. Я открыл глаза. В распахнутое окно упруго вливался морской воздух, шевелил занавески. Ярко светило солнце. Шмель летал по комнате и туго гудел, как маленький самолет.

Потянулся за часами: уже восьмой час! Проспал такое утро! А как-то мой капитан Френсис?.. Рика? Что она вспомнила? Мальчик с котенком… Я его видел совершенно отчетливо: коротенькая курточка, руки, вылезшие из рукавов. Если бы у меня был сын, он бы тоже любил природу, животных, птиц, котят. Я бы воспитал его таким: добрым и смелым, я рассказывал бы ему про далекие страны, про та, какая зеленая-презеленая вода в Андамском море, какие высоченные волны в середке Индийского океана и про Малай-базар в Сингапуре. А если бы девочка, она была бы такой, как Рика. Я бы сам укладывал ее спать, гладил, рассказывал ей всякие морские были-небылицы, собирал на далеких островах красивые ракушки и дарил бы Рике… или — Катеньке, Анечке… Ах, ч-черт!..

— Док, завтракать! — загремел из соседней комнаты голос толстяка Джо. — Ты проснулся? К тебе можно?

— Входи. Штаны уже натягиваю, — сказал я.

Под мощным ударом ладони дверь комнаты распахнулась, и вошел краснолицый, сияющий, пахнущий морем и жареной рыбой Джо. Он опустился на стул, который чуть не рассыпался под ним, и потянул из прожженного кармана рубахи недокуренную сигару. Разжег ее. Задымил. Скрестил на необъятной груди мускулистые ручищи и весело заговорил:

— Все в порядке на рудовозе «Король Георг Четвертый»! Выкарабкались. Не сожрал их океан! И никто не погиб, не отдал богу душу в эту ночку. И с «Сириусом» я переговаривался: спрашивали, как дела. Не стал я тебя тормошить, сказал, что все о’кей! Привет до нового радиосеанса.

— Как капитан?

— Ха! Капитан уже поднялся. Говорит: у него все заросло.

— Что? Я вот ему поднимусь! Капитан! Немедленно в постель! — закричал я, втоптывая ногу в ботинок. — А, Рика, здравствуй…

— Доброе утро. Идите завтракать. — Девочка заглянула в

комнату. Лицо у нее было бледным, под глазами лежала синева. — Все готово.

— Послушай, что с тобой? — спросил ее толстяк Джо и схватил за руку, потянул к себе. Рика уткнулась ему лицом в шею. — Девочка ты моя… Тебе нездоровится? Доктор, поглядите, может, она заболела? Ведь она сегодня еще ни разу не улыбнулась.

— Пусти, — сказала Рика и, вырвавшись из его рук, метнулась из комнаты.

А капитан Френсис действительно уже поднялся. Когда я выглянул из комнаты, он вошел в дом. Он опирался на трость и шагал очень медленно и осторожно, но лицо его сияло от счастья.

— Черт бы вас побрал, капитан, — сказал я. — Хотите, чтобы швы разошлись?

— Ложусь, док, ложусь, — смиренно пробормотал капитан и осторожно опустился на койку. — Спасибо тебе, дружище. Как это по-морскому, по-братски: прийти вот так на сигнал бедствия…

— Оставьте, капитан. Ложитесь. Вот так. Дайте-ка я погляжу, как шов…

— Не люблю болтать, док. Да-да, я больше люблю молчать, но сейчас мне хочется говорить добрые слова. Сегодня я открыл глаза и подумал: жив. Солнце светило в окно, трава шуршала, волны гремели. Чайки кричали. Я жив! И знаете, о чем я думал? Вот вы помогли мне в невероятно трудную для меня минуту, и я… знаете, что теперь должен сделать я? Я должен нести людям еще больше добра, чем нес и давал раньше. Ведь это так важно — отозваться на зов терпящего бедствие. И клянусь вам…

— Капитан! Я и не думал, что ты можешь произнести столько слов за один прием. — Толстяк Джо засмеялся, вытащил бутылку из заднего кармана отвислых брюк и протянул мне, но я отстранил его руку. И тогда Джо сказал: — Хлебни ты, капитан. И отдыхай. Рика тебе сейчас принесет кусище трески. И мы пойдем набьем трюмы, а потом я возьму трубу и сыграю. В честь твоего выздоровления. В честь экипажа рудовоза, выдержавшего схватку со штормом. В честь синего неба, солнца и шороха травы, черт возьми!

Завтракали втроем. И Бен, и Грегори, и отец Фернандо отправились в объезд острова, а второй радист спал после ночной вахты.

В просторной кухне золотисто сияли свежевымытые полы, на полках стояла разная утварь, висели медные, начищенные до жаркого блеска кастрюли и кастрюльки. В большой печи гудел огонь. Было жарко. Рика распахнула окно и дверь. Тугой теплый и пахнущий морскими водорослями и сеном воздух прокатывался

по кухне. В окно был виден все еще неспокойный океан, чайки, сидящие на берегу, а в открытую дверь — золотисто-желтые холмы, зеленая трава на их склонах. Лошадь и жеребенок стояли на склоне, и ветер красиво шевелил золотистую гриву лошади. А у порога кухни толпились с десяток маленьких черных кур во главе с крупным огненно-красным петухом.

Ели жареную треску с вареной картошкой.

— Чего выпустила птиц из курятника? — спросил толстяк Джо, прямо рукой вытаскивая из сковороды самый большой кусище рыбы.

— А пускай погуляют, — сказала Рика и прикрикнула на Джо: — Опять в сковородку с руками? Вот же вилка.

— Прости, девочка, — пробормотал Джо и облизал пальцы.

— Отец Джо! — Рика строго свела брови. — Вот же салфетка.

— Да-да, милая. — Джо схватил салфетку, вытер губы и потом трубно сморкнулся в нее и, видя, как Рика уставилась ему в лицо, поспешно спросил: — Тебе нужно в чем-нибудь помочь?

— Когда я тебя приучу умению вести себя за столом? — сердито сказала Рика. — В приличную компанию тебя не пустишь… И вот: откуда у тебя новая дыра?!

Толстяк Джо скосил глаза. Сидел он за столом в одной тельняшке. На боку зияла дыра. И в этой дыре матово светилась кожа, на которой виднелась четкая синяя татуировка. Чья-то хорошенькая головка с большими синими глазами выглядывала из дыры…

— Натягивал, а ткань: тр-рр-ыы! — сказал Джо. — Рика! Что с тобой? Я никогда не видел тебя такой злой.

— Надоели вы мне все, — сказала Рика и швырнула вилку. — Вы все как дети! Все на вас рвется, трещит: тр-ры! Пачкаетесь, как поросята, что ни день, то стирка. Что ни день, то гора белья. А простыни?! — Она повернулась ко мне, в глазах ее стояли слезы. — Стираю-стираю, глажу-глажу… Постелю, а он… — Рика ткнула в сторону Джо пальцем, — бух в постель в одежде. В сырой! В грязной!

Покраснев, с великим смущением на лице толстяк, зацепившись за угол и чуть не опрокинув стол, вылез из-за стола и подошел к Рике. Попытался ее обнять, но она оттолкнула его:

— Отойди! Ненавижу! Ну погляди, погляди на себя…

Толстяк Джо оглядел себя. Смущенно улыбаясь, развел руками.

— Ничего не видишь, да? А ширинку кто будет застегивать, кто?

— Пуговички потерялись… — пробормотал Джо, стыдливо прикрываясь ладонями. — Я ее булавкой, а она…

— «По-отерялись… Бу-улавкой»! У нас что, на острове есть магазин? Я что, могу пойти и купить пуговичку? Вот пришью тебе сегодня пуговицы! Медные. С пушками! Снимай брюки…

— Но, милая моя…

— Снимай, снимай… некогда мне. Сейчас я уйду с доком на свой участок. — Рика поднялась из-за стола, поспешно стала убирать посуду. Глаза ее сверкали от ярости. Она швырялась тарелками и вилками. Остановилась. Выкрикнула: — Ну, быстрее же! Мне еще гладить, шить, штопать. Мне еще кормить кур и лошадей и мыть два дома. Мне еще поливать картошку, полоть ягоды, мне еще…

— Я все сделаю, я помогу.. — Толстяк Джо грузно прыгал на одной ноге, пытаясь выпутать вторую из штанины.

Снял наконец-то. Схватив брюки, Рика ушла в дом. А мы с Джо убрали все, я протер стол тряпкой и подмел. Джо топтался рядом, помогал, но как-то все у него плохо получалось. Вилки падали на пол, веником он шаркал с такой яростью, что мусор улетал к противоположной стене кухни. Отобрав у него веник, я сказал:

— Иди-ка покури…

— Пойду-ка, — согласился Джо. А потом воскликнул: — А! Пойдем-ка мы с тобой поиграем на трубе! Пока она там пришивает…

— Вот и порядок в кухне. На какой еще трубе?

— О, у меня самая большая в мире духовая труба, — сказал толстяк Джо и, схватив меня за рукав, потянул к двери. — Когда я играю, то говорят: звуки слышны в Канаде. А до Канады — более двухсот миль. — Лицо у Джо сияло. — Не веришь? А вот пойдем-ка, пойдем.

— Так без брюк и пойдешь? И куда идти-то?

— А какая разница: в брюках или без? Куда идти? Да во-он на эту дюну. Там у меня кресло стоит.

Трусы у толстяка Джо были сшиты из старой тельняшки. Весь полосатый, как тигр, в громадных ботинках на босу ногу, с сигарой, которую он уже успел закурить, Джо заспешил к маленькому сарайчику, примыкавшему к дому. Распахнул дверь. Я заглянул и увидел нечто громадное, медное, ярко сверкающее, как бы возлежащее на старой деревянной кровати. Что-то бормоча — по тону голоса я понял: нежное и доброе, — Джо вошел в сарайчик, наклонился и, слегка закряхтев, ухватился, поднял и понес, как ребенка, невероятных размеров трубищу.

В жизни я такой не видел. Когда, закрывая дверь, Джо поставил трубу на землю, ее жерлообразный раструб был еще на полметра выше его головы. Улыбнувшись мне — какая

великанша, какая красавица! — Джо нежно обтер сияющее тело трубы рукавом тельняшки, обнял, прижался толстым лицом к металлу. А потом, слегка побагровев, подхватил трубу и зашагал в сторону дюны.

Откос был крутой, осыпающийся. Толстяк шумно дышал, по его лицу и медно-красной шее лился пот, а воздух, нагретый телом, слегка дрожал и колебался над ним, и я подумал о том, что небольшой планер мог бы сейчас кружить и парить в теплых воздушных потоках, согретых громадным горячим телом Джо.

Но вот и вершина. Свежий ветер, сильный тут, над дюной, овеял наши лица. Лежала внизу зеленая долина, чуть дальше виднелась свинцовая пластина озера, еще дальше — дюны, и среди них — одна, самая высокая, золотисто-белая, а позади нас и там, впереди, за дюнами, простирался синий-пресиний, кое-где расчерченный белыми лентами пены океан. А в долине паслись лошади. Вправо от нас — один косяк, влево — другой. Жеребята носились друг за дружкой, выпрыгивали из высокой травы, брыкались, валялись на берегу озера.

Мы прошли еще с десяток шагов, и с облегченным вздохом Джо опустился в промятое кресло. Оно стояло прямо на песке, и ножки увязли до самого сиденья. Придерживая трубу одной рукой, Джо ухватился за спинку кресла и, рванув, выдернул его из песка. Сел. Поставил трубу на колени. Уперся в мундштук толстыми губами и, зажмурившись, вдул воздух в гигантский медный механизм. И труба оглушительно рявкнула. Лошади в долине подняли головы, прислушались.

Я опустился на траву. Могучие, рокочущие звуки поплыли над островом. Что играл Джо, какую мелодию — понять было невозможно. Закрыв глаза, раздувая толстые, лоснящиеся от пота щеки, он дул и дул и перебирал толстыми, короткими пальцами. Нет, подобного концерта мне слышать еще не приходилось… Я поднял глаза выше раструба, и мне показалось, что увидел, как поток воздуха стремительно выплескивается из трубы.

— Гляди, гляди, док, — радостно сказал мне толстяк Джо, оторвавшись на минуту от мундштука. Курнув сигару, которая лежала на песке и слегка дымила, как затухающая головешка, Джо показал мне рукой в долину: — Идут. О, как они любят мою игру!

Дикие лошади подходили к дюне. Помахивая гривами и хвостами, задирая головы, наверное, чтобы увидеть музыканта, они торопились на необыкновенный концерт. Джо заиграл вновь. Лошади подходили все ближе и ближе. Я с любопытством разглядывал их добрые мохнатые морды, их большие карие глаза. Длиннющие гривы, которые никто никогда не подстригал,

длиннющие, до самой земли, хвосты. Остановились метрах в двадцати от нас. Слушают, подняв уши торчком. Фыркают, всплескивают хвостами, отгоняя назойливых слепней.

— Сейчас можно подойти к любой, — сказал Джо, отрываясь от мундштука. — И можно гладить. Садиться верхом. А они — ничего. Они будто гипнотизируются музыкой. И такое состояние у них день-два. И вот… — Джо опять схватил сигару, вздохнул несколько раз и выдохнул дым, — и вот, когда надо накосить сена в долине… для наших, одомашненных, лошадей, я поднимаюсь и играю на трубе. А потом мы идем и косим.

— Играл когда-то в оркестре? — спросил я.

— Нет. Любитель, — торжественно и серьезно ответил Джо. И улыбнулся печально. — Все мои беды от этой трубы. Это уж точно, док. Было мне лет двадцать, когда я увидел ее в магазине. И мне захотелось играть на ней. Купил. Начал учиться играть. Гонят меня все! Уж больно звук силен. Жил-то ведь я в большом городе, в большом доме. Пришлось играть в подвале. Играю, а весь дом сотрясается. Играл на чердаке. Погнали и оттуда. «Звуки кровлю разрушают», — заявил домовладелец. Ездил играть на пустырях, свалках, помойках. Да какое — ездил! Ходил, таскал трубу через весь город — ведь с ней ни в такси, ни в автобус. И вот когда узнал, что на острове Сейбл на спасательной станции есть вакантное место, — поехал. Играю вот тут. И сочиняю. Вот послушай, док. Концерт называется «Остров в океане».

Кинув сигару на песок, Джо обхватил трубу руками, прижал ее пылающее, сияющее тело к своему необъятному животу и выдул такие мощные звуки, что мне показалось, будто это ревет супертанкер, расчищающий себе дорогу в узком Маллакском проливе.

— Однажды был сильный туман. А ревун острова, укрепленный на башне Ист-Флашстаф, вышел из строя. — Толстяк Джо составил трубу с колен на песок и, обнимая ее правой рукой, левой поглаживал по сияющему боку. — Так вот: туман. Три траулера ползают возле острова, а там еще какое-то судно прет из Канады в Европу. И — прямо на наш остров… А ревун молчит! Взял тогда я свою трубу, поднялся на дюну и затрубил. Я трубил восемнадцать часов, док. Я думал, что умру в тот страшный день. Но я знал, что суда могут сбиться в тумане с курса, и трубил, трубил, трубил. Рассеялся туман. Друзья уволокли меня в дом на руках. Я проболел, док, неделю. Я выдул из себя все силы… А, плевать. В этом ли дело? Радиограмму мы получили с канадского теплохода. «Вышел строя радиолокатор, компас. Сбились курса. Шли прямо остров Сейбл. Счастью услышали работу вашего могучего тифона. Благодарим вас…» —

Толстяк Джо засмеялся, поцеловал трубу сочным поцелуем, потом потер это место рукавом тельняшки. — И знаешь еще что, док: я болел, и Рика…

— Рика?

— Ну да, Вика-Рика, она ухаживала за мной, она ночами не спала, дежурила возле. Мы были целую неделю рядышком, друг возле друга. И это было… — не окончив рассказа, толстяк Джо схватил трубу и рывком взгромоздил ее себе на колени. Громко сказал: — Концерт называется «Девочка из океана».

— Джо-оо! — послышалось в это время из-под дюны.

Размахивая брюками, к нам поднималась Рика. Петух и куры бежали за ней. Рика останавливалась, махала на них руками, но куры не возвращались к дому.

— На, надевай. Как не стыдно! — Рика кинула толстяку Джо его брюки, а сама, подхватив горсть песка, швырнула в петуха и кур. Заквохтав, Петька принял на себя удар и лишь слегка попятился, всем своим видом показывая, что назад ни он, ни его воинство не повернет. Рика поглядела на меня. Развела руками: — Вот так всегда. Если не запру их в курятнике, так и идут за мной, так и идут!

— Да и пускай идут, — робко сказал толстяк Джо. Удерживая одной рукой трубу, он пытался надеть брюки. Топтался, прыгал на одном месте, тыкаясь толстой волосатой ножищей в широченную, как картофельный мешок, штанину. Я ухватился за трубу, и Джо, благодарно взглянув на меня, быстренько оделся. — А куда ты собралась?

— Я свожу дока на гору Риггинг. Покажу ему Морскую Деву. И… — Она поглядела на меня. — Послушай, русский, ты когда-нибудь слышал, как кричат потопленные корабли?

— А разве такое бывает?

— Бывает. А ты, отец Джо, отправляйся домой. Картошку надо полить. Да как следует полей, не как в прошлый раз.

— Хорошо, детка, хорошо. — Толстяк Джо вытер губы рукавом тельняшки и, увидев строгий взгляд девочки, торопливо выдернул из кармана носовой платок. Встряхнув, развернул его. Отчего-то посредине платка оказалась черная безобразная дыра. Видимо, Джо сунул еще горящую сигару в карман. Скомкав платок, засопев, как высунувшийся из проруби морж, Джо с кряхтением взгромоздил на себя трубу и, оставляя глубокие следы, стал спускаться с дюны.

— Вот живи тут с ними… С такими! — выкрикнула Рика и дернула меня за рукав: пошли. И сама быстро пошла. Резким движением отбросив волосы на спину, сердито продолжила: — Как дети! Все на них рвется, носки дырявятся, пуговицы теряются.

Ужас! Едят — руки о скатерть вытирают. А отец Джо! О! Он когда-нибудь устроит пожар на Майн-Стейшен, устроит! Засыпает с сигарой во рту. То нос спалил, в другой раз — губы сжег, в третий — горящий пепел упал на одеяло. Сплю. Чувствую — паленой ватой пахнет… Кши! Кши! — нагнувшись, она кинула песком в кур, и те остановились, но стоило нам пойти, как и петух и куры плотной толпой ринулись за нами. Рика засмеялась, а потом посерьезнела. Сведя брови, продолжила: — Чувствую, паленой ватой пахнет. Вскакиваю. Дым валит от одеяла, а отец Джо спит, как ни в чем не бывало. Ужас! А отец Фернандо?! Тот читает перед сном. При свече. Да так и забывает. Спит. А однажды свечка упала. Помню: заснула и вдруг просыпаюсь. И думаю — не погасил он свечку, упала она! И вот-вот пожар будет! А ночь, ветер… Вскочила я — и бегом к отцу Фернандо. А это шесть миль… И точно: спит. Книга на груди. А свеча уже наклонилась… Послушай, давай побежим? Может, удерем от кур, а?

— Беги. Догоню!

Взвизгнув, Рика ринулась вперед. Замелькали черные трусики. Волосы прыгали по спине, развевались столбом. Я гнался за ней с изяществом носорога, тянулся к ней рукой, а Рика оглядывалась, хохотала и ловко увертывалась. Позади, вздымая облако пыли, порой взлетая, всквохтывая, неслись табуном куры. Впереди них, как конь на стипль-чезе, петух. Птицы немного поотстали, но, судя по решительному виду петуха, сдаваться не собирались.

Девочка вдруг споткнулась и упала врастяжку. Вскрикнула. Схватилась за коленку. Я опустился рядом. Она сильно ударилась, содрала с коленки кожу. Побелела, стиснула зубы.

— Ну-ка, убери руки. — Я достал индивидуальный пакет, который всегда таскаю с собой в кармане куртки. — Дай подую, и все пройдет.

Она вдруг закрыла лицо ладонями.

— Будь мужественной. Ведь не так уж и больно, а?

— Я не от боли, нет… — проговорила она. — Просто мне… мне очень-очень плохо. Произошло ужасное, ужасное!

— Что же произошло, что? Ну-ка, вытяни ногу. Не давит?

— Я не могу сказать, не могу.

— Ну и не надо. Гляди, куры нас настигают.

Петух и куры мчались изо всех сил. Нагнали. Остановились шагах в пяти от нас. Петух встряхнулся, а за ним и куры. Облако пыли и перьев повисло в воздухе.

Рика улыбнулась, утерла ладошкой слезы, как-то робко, с непонятным для меня немым вопросом взглянула в мое лицо. О

чем-то хотела спросить? Или хотела сказать что-то очень важное? Протянула руку, и я помог ей подняться. Потопала ногой. Потом, пошарив в кармане куртки, достала синюю, немного выцветшую ленту и, откинув волосы на спину, попросила:

— Завяжи. Конским хвостиком.

Я завязал. И подумал, что если б у меня был ребенок, девочка, я бы по утрам приходил ее будить, заплетал ей волосы в одну или две толстые косы, я бы расчесывал их гребенкой или делал бы вот такой конский хвостик.

— Спасибо. Ты знаешь, ноге совсем не больно.

— Куда мы торопимся? Не надо бежать.

— Ага, пойдем, — согласилась Рика и, как бы продолжая начатый рассказ про своих отцов, сказала: — Или вот капитан Френсис. Порой с ним что-то случается по ночам. Обычно во время сильных штормов. Он вдруг поднимается и уходит из дома. Он вроде бы как спит. И не спит. Он поднимается и идет к берегу. Прямо на волны! Однажды я недосмотрела, а он поднялся и ушел. И пошел в океан. И волны сшибли его, и тогда он проснулся. Он только мне говорил, больше никому. И я тебе скажу, а ты никому, ладно?

— Даю слово. Здесь — никому…

— Отец капитан Френсис говорит, что во время шторма по ночам за ним приходит его жена Мануэла и зовет его с собой. В океан. И мальчик, его сын, тоже зовет. И вот однажды… — Она остановилась, посмотрела в океан.

Мы шли по вершинам песчаных холмов. Внизу лежал вылизанный волнами, утрамбованный пляж, а дальше кипела и бурлила вода. Ветер почти стих, но океан еще не мог успокоиться. Волны накатывались из океана, рушились на берег, взгромыхивали. Зеленый океан расстилался до горизонта. Страшное зеленое чудовище… чудовище, которое невозможно не любить и… и не ненавидеть! Сощурив глаза, Вика-Рика постояла немного, потерла забинтованную коленку и продолжила свой рассказ:

— И вот однажды я была на станции Ист-Пойнт. Это — пятнадцать миль от станции Майн-Стейшен. Еще днем начался шторм. Я говорю отцу Роберту, такой отец у меня там: «Отец, надо идти. Капитан, Френсис поднимется ночью и уйдет в океан!» А отец Роберт отвечает: «Кетти, одну я тебя не отпущу, а мне надо быть тут. Видишь — шторм. Мало ли что случится. Я должен находиться на станции. Вот что мы сделаем: я позвоню Джо. Пускай-ка там как следует запрут двери дома и окна. И пускай-ка Джо поглядывает за капитаном». Позвонил он. А шторм все сильнее. Стало темно. Ветер. Дождь. Отец Роберт дежурит в

радиорубке, отец Феликс и отец Анджей, их там трое на станции, легли спать. И я легла. Закрою глаза, а сама вижу — капитан поднимается и идет в океан. Ужас! Не могу спать. Оделась и через окно скок! А темнотища-а… Ничего не вижу. И только молнии трах, трах, и гром такой, что кажется, земля разламывается…

— Подожди, я закурю. Давай посидим немного, а?

— Давай. — Она опустилась рядом со мной.

Я закурил и обнял ее за плечи. Я слушал ее, и сердце мое билось учащеннее. И какое-то чувство большой светлой радости испытывал я в этот момент. Какой мужественный человечек, сколько у нее любви к другим людям, она вся соткана из… как это выразиться… заботы и любви к другим. Все в ней настроено на добрый, душевный отзыв.

Широко раздувая ноздри, вдыхая запахи океана, Рика продолжила свой рассказ:

— Дождь. Темно… Ужас! И я пошла. На мне был плащ, я сбросила его — тяжело. И побежала. Я падала, кувыркалась, я исцарапала себе все лицо и ноги. Уф! Часа три бежала. Гляжу: дверь в доме открыта. Койка пустая. Теплая еще, — значит, только поднялся и ушел. Я побежала к океану. Кричу «Отец! Отец!» И вижу: идет. И прямо — на волны. Я побежала, схватила его за руку, плачу, тяну, а он то на меня смотрит — чувствую: не видит, — то куда-то возле себя поглядит и бормочет: «Я иду, иду…» И тут волна ка-ак ударила. Ка-ак накрыла нас… И уносит нас в океан. И тут он проснулся. Подхватил меня и поплыл к берегу. Встал на ноги, прижал меня к себе. Весь дрожит, оглядывается на океан, а потом — бегом домой. Вот тогда-то мне и сказал: «Мануэла вошла в дом. Взяла меня за руку и повела». Представляешь?..

Она закусила губу, задумалась, подперла лицо ладонями.

— И вот я взяла бы вдруг да и уехала с острова, — сказала она немного погодя. Удивленно и тревожно подняла брови. — Но как? Как бросить отца Джо? Вот он возьмет и опять заснет с сигарой. И… вообще. Ведь я люблю его, люблю! — Рика сорвала травинку, закусила острыми зубами. Лицо ее исказилось болезненной гримасой. — И отца капитана Френсиса. И отца Фернандо. Кому он будет рассказывать «Сказки дядюшки Римуса»? Кому будет читать книжки? Уеду, а он… а они…

— Рика, а зачем тебе уезжать? Что произошло?

— Что произошло? Многое произошло, — ответила она и быстро, решительно взглянула на меня, будто собираясь сказать нечто очень важное. Мотнула головой. Отвернулась и обхватила коленки ног руками. — Вот в той стороне живет злой Холодный ветер. Он начинает дуть на остров с осени. Дует, дует, дует. Ветер

несет ледяные брызги воды. Они ударяются в стены домов. И прирастают. Знаешь, зимой все стены покрываются льдом. Однажды дверь примерзла к косяку. Да! Мы колотились, колотились… — Она опять задумалась. — А кто им будет шить и стирать? Штопать? А Алекс… если за ним не следить, он столько пьет. Или вот: куры. Это я развела. Кто их будет кормить-поить? Как быть? Как поступить?

— Что как быть? О чем ты?

— Идем, — сказала она. — Скоро отлив. Мы должны быть на холме Риггинг во время отлива. А вот и мой участок! Пойдем вниз.

Мы спустились с дюны на песок пляжа. Вдоль дюн виднелись конские следы. В некоторых местах волны захлестывали на берег так далеко, что смыли следы. И казалось, что лошадь то скакала по сырому песку, то вдруг взлетала, как мифический крылатый конь, и летела вдоль дюн, взмахивая большими, широкими крыльями.

— Это был утренний объезд.

— Поиски морских сокровищ после шторма? — спросил я.

— Нет. Просто раз в сутки делается со станций объезд острова. Так положено: мало ли что. Вдруг людей выбросит? А сокровища? Летние штормы обычно ничего не приносят. Как говорил отец Фернандо — летом волна бежит по самой поверхности океана. А вот осенью, зимой и весной поднимается из глубин. И загребает все, что там оказывается. Понимаешь? И несет, несет к берегу.

Куры и петух все тем же плотным отрядом топали позади нас. Порой Петька останавливался и с утробным довольным коканьем показывал курам небольшую, но приятную находку. Рыбку, оглушенную прибоем и выброшенную на берег, маленького пупырчатого осьминога или раковинку. И куры, толкаясь и вскудахтывая, расклевывали раковину, а потом, по команде петуха, устремлялись за нами следом.

Круг спасательный с надписью «Эстаралла. Гавана», сломанное весло. Пустая канистра из-под бензина, чей-то ботинок. Продранная на ладони перчатка. А вот — большущая треска. Петька ее заметил еще издали и припустил во весь дух, обогнал нас и, подзывая замешкавшихся кур, запрыгал возле рыбины, захлопал крыльями: «Сюда, сюда! Глядите, что я нашел!..» Черным смерчем пронеслись куры. Рика засмеялась, схватила меня за руку, и мы тоже побежали, этим своим бегом несколько озадачив петуха. Вначале он рванулся за нами, но куры и не подумали следовать за ним — плотно обступив рыбину, они потрошили ее. Петух подпрыгнул, захлопал крыльями, он

возмущенно что-то выкрикивал на своем петушином языке.

— Он кричит: «Куры, как вам не стыдно! Мы же собирались совершить интереснейшее путешествие. А вы-то, вы?! Вам бы лишь свои желудки набить! Мне стыдно за вас», — на бегу сочинил я.

Рика засмеялась, задумалась.

— Ты все-таки смешно выдумываешь. Если бы ты был моим настоящим отцом…

— Если бы я был твоим отцом… — пробормотал я и вздохнул.

Мы пошли шагом. Говорить было трудно, волны заглушали голоса. И мы шли молча и посматривали во все стороны: а что же еще выкинул океан? Вот вся запутавшаяся в громадный зеленый ком валяется рыбацкая сеть. Оглядев ее, Рика сказала, что это очень хорошая сеть. Ею можно огородить маленький огород с картофелем, а то куры вечно пробираются на него и разрывают посадки. А потом мы обнаружили несколько металлических, похожих на громадные бусины кухтылей-поплавков. Откровенно говоря, мне очень хотелось увидеть на песке древнюю книгу или окованный медью бочонок. С вином. Я бы привез его на «Сириус», мы бы сели в кают-компании: мой сиплоголосый капитан, вечно пахнущий машинным маслом стармех, и наш юный штурман Шурик, и…

— Вот и холм Риггинг. Поднимаемся.

И тут я выковырнул из песка черный толстый сучок. Обломок сгоревшей коряжки, что ли? Наклонился: трубка. Поднял ее — тяжелую, будто вырезанную из железного дерева, сырую, пахнущую не табаком, а океаном. Отряхнул от песка и, достав платок, вытер, потом выбил песок из несколько прогорелого жерла. Рика стояла рядом и, приподнимаясь на носки, заглядывала мне в руки. Колечко, потемневшее у основания чубука. Я потер его платком, и колечко слегка посветлело. Надпись какая-то. Потер еще сильнее и прочитал: «Мэри Энн» — было вырезано на колечке.

— Странно. Мэри Энн курила эту трубку? — сказал я Рике.

— «Мэри Энн» — назывался корабль. Он погиб в 1852 году. И отмечен на карте спасательной станции. Пошли?

Стиснув трубку зубами, ощущая ее сырую горьковатость, я стал подниматься следом за девочкой по крутому откосу холма Риггинг.

— Подожди. Дай мне твой носовой платок. — Рика потянула меня, заставляя опуститься на колени. — Сейчас я завяжу тебе глаза и поведу за собой. А потом ты что-то увидишь. А пока — не

подглядывай.

Она плотно завязала мне глаза, проверила, не могу ли я что-либо подсмотреть через щелочки, но я и не желал этого, взяла за руку и повела.

Глухой, равномерный рокот доносился со стороны океана. Шуршал и поскрипывал песок под ногами. Порой мы пересекали участки, покрытые травой, и трава путалась в ногах, хлестала по коленям.

Все круче, круче подъем. Я слышал напряженное дыхание девочки и вскрики чаек, пролетающих над нашими головами, и заливистое стрекотание кузнечиков — порой они выскакивали из травы и ударялись то в руку, то в бок, и веселое попискивание каких-то небольших островных птиц. Когда я поворачивал лицо в сторону океана, то улавливал его влажное, пахнущее остро и тревожно дыхание, а когда поворачивался в сторону долины, которая, по моим представлениям, находилась слева от меня, по другую сторону холма Риггинг, то ощущал густой, сочный запах разогретой солнцем травы и едва уловимый пряный запах диких цветов.

— Еще немножко. Еще… — время от времени говорила Рика. — И сейчас будет такое! Ого, какое сейчас будет…

— Ты плутовка. Куда ты меня ведешь, Вика-Рика-Катрин?

— А вот сейчас! А вот сейчас! Ага, вот мы почти и пришли… Еще десять шагов. Мы уже на вершине! Стой! Пригнись, я развяжу платок. Не открывай глаза пока, не открывай. Ну, а теперь — открывай!

— Что же я сейчас увижу? — сказал я и открыл глаза. И невольно воскликнул: — А, ч-черт… вот это да!

Передо мной стояла обнаженная женщина. Вернее — не стояла, а как бы летела или тянулась длинными, тонкими руками к океану. Деревянная женщина-великанша, фигура величиной примерно в два человеческих роста. У нее было грубое, резко очерченное, с крупными чертами лицо. Нос с горбинкой, выпуклые губы, громадные, немного скошенные к вискам, будто сощурившиеся от ветра, дующего с океана, очень выразительные глаза. Небольшие груди, как форштевень судна, рассекали потоки воздуха, а тело было изящным, с тонкими бедрами, переходящими в рыбий хвост. За спиной женщины вздыбливались деревянные попорченные червем-древоточцем волосы. И все тело деревянной женщины было пробито черными отверстиями, будто кто-то расстреливал это гибкое и могучее тело из винтовок.

Я сел на песок. Рика опустилась рядом. Достав пачку с сигаретами, я распотрошил две и набил ими трубку. Щелкнула зажигалка. Я почмокал губами, распаляя трубку, и почувствовал,

как в мои легкие вошел воздух из трубки, воздух горький и соленый. Я будто ощутил дыхание морских глубин. А потом пошел теплый дым… Какая женщина!.. Трубка!.. Кто и когда дымил этой трубкой в последний раз? Капитан гибнущего корабля? Все уже покинули судно, лишь он один оставался в полуразрушенной ходовой рубке, все еще пытался удержать на курсе тонущий корабль. И стискивал, сжимал зубами трубку… Как все странно. И эта девочка… И эта женщина…

— Откуда она? Кто она?

— Это было прошлой осенью. После шторма. Я пошла на свой участок. — Рика сняла туфли, вытряхнула из них песок и, подогнув под себя ноги, поглядела на фигуру. — Иду. И вдруг чувствую: кто-то смотрит на меня из воды. Ужас! И вижу — голова торчит из волн… И то скроется, то покажется. И гляди-ит, гляди-ит… Отлив был. Я замерла, стою жду. Вода все отходила, отходила, а женщина все поднималась из воды, поднималась. И тянула ко мне руки, тянула. И я подумала: это моя мама. Ведь я — из океана, и вот она пришла за мной. Я закричала и побежала, а мне казалось, что она бежит за мной. — Рика как-то криво усмехнулась и мотнула головой, ветер все время набрасывал ей на лицо прядки волос. — Прибежала я на станцию, кричу: «Моя мама из океана! Она пришла за мной, пришла!» Отправились мы все на берег океана. А потом отец Джо привел двух лошадей и веревку принес. И все вместе мы вытащили эту женщину. Рука одна у нее была сломана, так Джо сделал ей руку. Месяца два женщина из океана стояла на берегу, сохла, а потом все мои двенадцать отцов втащили ее сюда. Вот.

— Эта фигура украшала нос какого-то парусного корабля, — сказал я. — Они укреплялись на форштевнях под бушпритом.

— Ага. Так и отец Фернандо мне говорил.

— И было такое поверье: если кораблю угрожает опасность, а команда не замечает беды, фигура оживает и кричит страшным голосом. Видно, эта деревянная женщина не заметила опасности. И корабль разбился…

— Ага. Все это так. Но все же мне долго казалось, что это моя мама. Отец — не Джо, не Грегори или там капитан Френсис, нет: мой отец — океан, а она — моя мать. И я так всегда думала, и почти каждый день приходила сюда, и разговаривала с моей Деревянной Мамой, и мне казалось, что она понимает меня, и то улыбается, то хмурится. Ужас! Все так было до вчерашнего дня. Но теперь…

Рика закусила губу. Попыхивая трубкой, которая хотя еще и держала в себе сырость морских глубин, но уже ожила, разогрелась, я ждал, что девочка продолжит свой рассказ, и

глядел то на ее лицо, то на лицо деревянной женщины и улавливал сходные черточки в линии губ, носа, в разрезе глаз. Да, Рика так похожа на нее! Эту, из океана. «Ч-черт… И на меня начинает все э т о действовать, — тут же подумал я. — Нет-нет, никакого сходства. И лицо у женщины деревянно-жесткое, грубое, ожесточенное, а у Рики… хотя и у Рики… и у нее в лице ощущается не свойственная такому возрасту суровость. Ей не хватает ласки. Вот что! Все ее отцы дружны с ней, все ее любят. Но ей нужен — один, очень добрый, очень понятливый отец. Душа ребенка тоскует по ласке, нежности и постоянном, добром внимании». А о чем я подумал, имея в виду слово э т о? А, вот о чем! Все они тут, обитатели острова, несколько свихнуты, все они в какой-то степени не очень нормальные люди. И капитан, к которому приходит зеленая, прозрачная женщина, и добряк Джо с его трубой, и рыжий Алекс с его надеждой на бочонок с золотом. И Рика… Потеря памяти? Да и может ли устоять нервная система у любого человека, оказавшегося один на один среди бушующих волн? Да-да. Все э т о действует и на меня. Проживи я тут какое-то время — и настанет день, когда я увижу, как деревянная женщина улыбается мне.

— Но теперь… — опять начала Рика.

— Что же теперь?

— А теперь… а теперь послушай. Ты слышишь, как шелестят деревянные волосы Женщины из Океана?

— Слышу, — сказал я и поднялся.

Вечерело. Солнце клонилось к горизонту, и над океаном, островом, долиной и дюнами расплывался алый свет. Солнечные блики будто омывали тело деревянной женщины и наполняли его живым теплом. И лицо.. Оно жило, жило! Деревянная женщина глядела в океан и тянулась к нему руками, звала его к себе короткими, согнутыми пальцами, просила: «Забери меня, забери!»

Чертовщина. Еще немного, и о н а заговорит со мной. Я протянул руку и дотронулся до деревянной груди. И показалось мне, будто я уловил тяжелый и ровный стук деревянного сердца. Отдернув руку, я вернулся к Рике и сел рядом. Задымил трубкой. Голова слегка кружилась. Мне все время хотелось смотреть и смотреть на деревянную женщину, но усилием воли я не поворачивал голову.

— Вот сейчас будет самое главное. Самое страшное, — сказала Рика.

— Что еще сейчас будет, что? — Мой голос сел от табака, и я не спросил, а как-то просипел: — А не пора ли нам домой? Как-то там капитан Френсис?

— Да-да. Скоро мы пойдем домой. Но вначале ты должен

увидеть э т о. И услышать э т о.

Она зябко повела плечами. Я снял куртку, накинул ей на плечи и, обняв, прижал к себе. Рика замерла, притаилась, как замерзший воробей под стрехой. Все лицо ее было полно ожидания, а в глазах прыгали и переливались золотистые огоньки.

Слабый вздох пронесся над океаном Может, это ветер прошелестел в траве? Нет, ветер почти совсем стих, и волны уже не грохотали, а лишь вяло всплескивались — начавшийся отлив убил в них силу и ярость.

И снова вздох. Рика шевельнулась и повела глазами влево.

И я посмотрел влево. И увидел, как из волн поднимается ржавый корпус судна. Погнутые леера. Зазубренный железный борт, рыжий от ржавчины якорный клюз и в нем лохматая от водорослей и ракушечника якорная цепь.

Еще вздох Тяжкий, долгий.

— Траулер «Дженни Рей». Погиб в 1954 году, — сказала Рика. — Это он так вздыхает.

— Вода выливается из него, воздух врывается в нутро. А потом волны выжимают воду и…

— Траулер вздыхает, — упрямо повторила Рика. — А вот и труба парохода «Хаймбелл» показалась. О, этот сейчас застонет!

И я увидел толстую и короткую трубу. И обломок мачты. А потом — край рубки. Отлив был стремительным, на мелководье вода всегда быстро уходит от берега, и уходит далеко. И потопленный, разрушенный океаном и временем пароход как бы выплывал из волн. Резкий и протяжный звук разнесся над водой. Я вздрогнул и почувствовал, как Рика прижалась ко мне. Да, это напоминало стон! Не зверя, не человека — странный, жуткий стон растерзанного железного существа.

— «Джейсти Ловитт». Во-он, видишь? Бушприт задрала… — шептала Рика. — А правее — обломки корабля «Гардона», а рядом — мачты «Адельфии». А вот и «Гид» показался, а там, мористее, — рубка «Арга».

Океан отступал от берега, и из воды показывались черные с дырами иллюминаторов корпуса траулеров и пароходов и осклизлые, со сломанными мачтами и реями, с путаницей обвислых, заросших водорослями вант, корабли. Сколько их! Какую страшную жатву собрал тут океан!

Любой моряк знает, что каждый год в морях и океанах гибнут, а порой и пропадают без вести, не сообщив о своей судьбе ни единым сигналом, сотни больших и маленьких кораблей. Смертельная опасность ходит, а вернее, плывет за любым моряком в течение каждого рейса. Но как солдат, идущий в бой и

знающий, что его могут убить, но верящий, что убьют-то не его, так и моряк верит, что хотя в морях и океанах гибнут многие и многие суда, а с ними и многие-многие моряки, но его-то траулер, его судно никогда не погибнет и что он — конкретный живой человек — будет всегда жив-здоров и обязательно вернется в родной порт. И шагнет с трапа, опьяненный сиянием глаз любимой, оглушенный ее жарким шепотом: «Родной, наконец-то! Я так ждала!»

Все это так. И я верил и верю в свою счастливую морскую судьбу, верю, что меня положат в землю, что моей могилой не будут черные океанские глубины. Но в этот момент при виде стольких погибших кораблей мной овладел страх. Сколько их! Когда-то красивых, стремительных, поющих вантами и гудящих парусами. Как ровно и уверенно погромыхивали живые, маслено посверкивающие, дышащие жаром в чреве этих разрушенных судовых корпусов машины. Моряки стояли на вахтах. Офицеры собирались в салонах, бренчали расстроенные пианино. Кто-то по ночам стоял на палубе под шлюпкой и любовался луной, купающейся в кильватерной струе…

— Больше не могу, — сказал я и поднялся. — Идем.

— Ты слышишь? Стонут. Они кричат, вздыхают, — сказала Рика. Она вцепилась мне в руку. — Ты только погляди, сколько погибших кораблей… Не ходи больше в море: теперь я буду думать и о тебе и беспокоиться… А мне и так тяжело!

— Идем, Рика!

— Подожди. Я тебе что-то скажу. Важное! — Она подняла искривленное гримасой лицо и выкрикнула: — Я все вспомнила!

— Что ты вспомнила?

— Ты мне раковину подарил, да? А я и раньше видела такую. А тут… И вдруг вспомнила: такую раковину мне привез с моря отец. И я вдруг увидела его. Он поднимается по лестнице, я бегу к нему, а у него в руке — раковина. А от раковины… И дом вспомнила. И маму… И дедушку, и брата.

— Как же так?.. Да-да, так бывает. Какой-то предмет как кончик в клубке возвращающейся памяти.

— Дженни Холл, вот кто я! Из Плимута. А дом наш — на Джонсон-стрит, вот! И я вспомнила, как все было, вспомнила!

— Рассказывай, рассказывай.

— Мы пошли в Канаду на нашей яхте «Марин». Втроем: папа, мама и я. И все было хорошо. И свою каюту я помню. И ту раковину — она лежала на столике у зеркала. А потом начался шторм. Сломалась мачта. И нас перевернуло. Спасательный плот отчего-то не надулся, а была лишь маленькая, игрушечная надувашка. Меня положили в надувашку. А папа и мама

держались за нее, но она не выдерживала троих и тонула, тонула… И тогда папа… — Рика передохнула, — и тогда папа отцепился и поплыл в сторону. А потом — мама. Она схватила меня, поцеловала и поплыла к отцу.

— Идем, — сказал я. — Надо сообщить. У тебя ведь остался дед и брат?

— Сообщить?! А как же отец Джо? А капитан Френсис? А… Как я могу оставить их тут, одних, как?

— Рика, Рика… — Я сжал ее худенькое тельце.

Вздыхали, стонали погибшие корабли. Солнце опускалось к расплавленной кромке океана. Тревогой и безнадежностью, отчаянием веяло от красного закатного света. Резкие черно-красные тени лежали на жестком и вместе с тем красивом лице деревянной женщины.

Было уже темно, когда мы подошли к спасательной станции. Еще издали мы увидели, что возле слипа ярко горит свет, там торопливо и как-то нервно двигались люди, что-то несли, укладывали в спасательный катер.

Отлив кончился. Начался такой же бурный, как и отлив, прилив. Из посеребренной луной океанской шири выкатывались водяные валы. Вечер был теплым, душным, и, как всегда бывает в такие теплые и душные вечера и ночи, душой овладевало неясное беспокойство. А вода, ее всплески тускло светились голубоватым фосфоресцирующим светом…

— Что-то там случилось, — сказала Рика. — Идем быстрее.

— Эй, док! «Сириус» тебя без конца вызывает, — услышал я толстяка Джо.

— А что у вас происходит? — спросил я, шагая рядом с ним.

— Огонек в океане мелькает. Погляди во-он туда.

— Вижу, вижу! — воскликнула Рика. — Наверное, огонь спасательного жилета. Или спасательного круга.

— Угу, — буркнул толстяк Джо. — Сейчас мы пойдем к нему. Накат очень сильный, если там человек — он погибнет в приливных волнах. Нам надо успеть его выхватить из воды.

— Как капитан?

— Еле заставили его лежать. Узнал про огонь в океане — и полез из койки. Хоть привязывай.

— Такие волны… Накат! — с сомнением сказал я и поглядел на океан. Разрезанные рельсами слипа, волны добрасывались чуть не до самой шлюпки.

— Разве это волны? — усмехнулся Джо. — Проскочим их и не заметим.

Он рванул дверь. Прошел в рубку, и мы с Рикой — за ним.

Сорвав трубку радиотелефона, Джо установил шестнадцатый канал и пророкотал:

— «Сириус», «Сириус»! — Прислушался, протянул мне трубку.

— Остров Сейбл! Остров Сейбл! «Сириус» на связи. Пришел там наш док? — услышал я искаженный расстоянием, шорохами, потрескиванием голос радиста. — Алло! Остров Сейбл, остров Сейбл!

— На связи остров, — отозвался я. — Ну что там у вас?

— Толик, ты? Сейчас будешь говорить с капитаном.

— Толик! Как там дела? Как больной? — тотчас зарокотал голос моего капитана. — Прием!

— С больным хорошо. Могу возвращаться на судно хоть завтра.

— Не хоть завтра, а если возможно — сегодня. Попроси островитян… Получили указание срочно сниматься в новый район. Как понял?

— Просят, если можно, доставить меня сегодня на судно, — сказал я толстяку Джо.

— Как сегодня? Как сегодня?! — выкрикнула Рика. — Мы еще должны поговорить… Мы еще ничего не решили! Мы ведь…

— Жаль, что так получается, — сказал Джо и посуровел, а потом улыбнулся, пожал толстыми плечами. — Что ж, все кстати. Мы спускаем шлюпку.

— Джо?! Черт тебя подери, ты там долго еще будешь торчать в радиорубке? — послышался голос Алекса. — Быстрее.

— Русский уходит с нами, — отозвался Джо. — Спасательный пояс для него в шлюпку. И его вещи. — Потом он сказал мне: — Пускай подходит на Мидл-Банк. Там будем ждать.

— Капитан! Идите на Мидл-Банк, — сказал я в трубку. — Как поняли? И далеко вы от Мидл-Банк?

— Да рядышком, — весело отозвался капитан. — Через час будем на Мидл-Банк. Все. Закрываю связь.

— До встречи. — Я отдал трубку толстяку Джо. — Пойдемте быстренько к Френсису и можем отправляться… Рика, где ты?

— Я тут, тут… — Девочка схватила меня за руку.

Мы вышли из дома, мимо быстро прошел Алекс, он нес мой саквояж и красный спасательный жилет.

— Поторапливайся, док, — сказал он. — Если там человек…

— Как себя чувствуете, капитан? — крикнул я еще с порога дома.

— Отлично, мой друг, — послышалось в ответ.

Капитан действительно выглядел отлично. Он сидел на койке и глядел в черное окно. Повернул ко мне свое резко очерченное,

обтянутое по скулам сухой кожей лицо, сказал:

— На мне все раны как на собаке заживают.

— Поднимите рубаху. Здесь больно? Здесь? — Шов был великолепен. Я даже залюбовался своей работой. Зарастет, и не заметишь. Чистенько получилось. — Когда будете на материке, сходите в больницу, — сказал я, опуская рубаху. — Вам там вынут нитки. Ну, салют!

Капитан протянул мне руку, я свою, и он до боли сжал мне ладонь, взглянул заблестевшими глазами в лицо, а потом отвернулся к черному окну.

— Садиться, — резко и властно сказал толстяк Джо. В красном спасательном жилете он был еще толще, массивнее: человек-гора. — Док, быстро надевай жилет. Алекс, заводи.

— Да-да… Я готов. А где же Рика? Я еще не попрощался. Я зашел к капитану, а она…

— Рика, Рика! — заорал рыжий Алекс. — Мы уходим!

— Тут я, тут! И я с вами.

Размахивая жилетом, девочка бежала к шлюпке. Она быстро вскарабкалась на эстакаду и махнула через борт. Алекс толкнул ее — выйди из шлюпки! Рика вцепилась в рукав моей куртки с таким видом, что было ясно — хоть руки ей оторви, но она не разожмет пальцев.

— Заводи! — снова рявкнул толстяк Джо.

— Всего вам доброго в жизни, — услышал я голос отца Грегори. — Я буду молиться за вас!

Взревел двигатель. Остро запахло сгоревшей соляркой. Толстяк Джо приподнялся и рванул на себя защитный каркас. Передняя половина шлюпки оказалась закрытой. Джо махнул рукой отцу Грегори, а тот повернул стопорный рычаг, и вагонетка, на которой стояла наша спасательная шлюпка, с тугим гудением колес покатилась по рельсам.

— Держи-ись! — разнесся голос толстяка Джо.

Стоя на корме, приподнимаясь, чтобы лучше видеть приближающиеся, освещенные небольшим носовым прожектором волны, он держал румпель.

Толчок. Жесткий удар днища о воду. Плеск. Волны и справа и слева. Рику бросило на меня, я схватил ее и почувствовал, как сначала шлюпка взлетела вверх, на волну, и как, спустя мгновение, ринулась вниз, под волну. Еще взлет. Еще падение. Пена и брызги летели через борт и тент, отблески света падали на лица Алекса и толстяка Джо. Алекс оскалился и весь подался вперед, а Джо улыбался и сидел на корме спокойно и величественно как днем на дюне в своем кресле.

— Как же быть? Как же быть? — шептала Рика. — Скажи мне, скажи!

— Не знаю, не знаю, — отвечал я ей. Да и что можно было ей посоветовать? — Только сердце твое… только оно может подсказать… только оно одно.

— Правее, Джо, — сказал тут Алекс.

— Вижу, дружище, вижу, — отозвался тот. — Малый ход…

— Ого-го-го-ооо! — тут же закричал он. — Есть кто там живой?

Мы все прислушались. Ровно рокотал двигатель. С сопением выплевывалась вода из трубы охлаждения. Теплый ветер незримым потоком тек над океаном. Ни звука в ответ. Молчание.

— Стоп! — приказал Джо, и Алекс перевел двигатель на «нейтралку», а сам поднялся, потянул из шлюпки отпорный крюк. И Джо поднялся. Стоя во весь свой громадный рост, он уводил румпель вправо.

Мы с Рикой выглянули из-под тента. Метрах в пятнадцати от шлюпки плясал и раскачивался яркий огонек. А чуть левее, то всплывая, то погружаясь в воду, белела полоса спасательного круга.

— Никого, — сказал толстяк Джо. — Просто сорвало ветром… Алекс, подцепи его крюком.

— А вон и ходовые огни «Сириуса», — сказал Алекс, шуруя крюком в воде. Подтянув круг к шлюпке, он перевалил его через борт и вывинтил лампочку-мигалку.

«Сириус»! Здравствуй, дружище, здравствуй! Палубные софиты там вспыхнули, потом зажегся прожектор на пеленгаторном мостике, и над водой разнесся могучий радиоголос: «Боцман! Майнай парадный тр-рап. Ну что споришь, стар-рая калоша… Капитан разр-решил!»

Волны в открытом океане были совсем небольшими, двигатель работал на полную мощность, и шлюпка быстро приближалась к траулеру. На палубе толпились люди. Несколько человек стояли на крыле мостика. Капитан в английской, закрывающей пол-лица фуражке, белоголовый, вихрастый штурман Шурик, стармех, вытирающий ветошью руки. Привычно запахло свежей рыбой и суриком. Здравствуйте, здравствуйте!

Я посмотрел на Рику. Она на меня. Если бы у меня была дочь, как бы я ее любил! Ком застрял в горле. Говорить я ничего не мог. Да и о чем можно говорить в такую минуту? Протянул руку толстяку Джо, потом Алексу. Наклонился к девочке, она прижалась лицом к моему, и я ощутил на своих губах соленую влагу. То ли слезы, то ли соленые брызги…

— Я остаюсь на острове, остаюсь! — крикнула она, когда я

уже поднимался по трапу.

Вот и все, если эта фраза подходит к концовке моего рассказа. Вот и все.

Ю. Баранов
ВТОРАЯ ГРОТ-МАЧТА
Рассказ

***БАРАНОВ** Юрий Александрович (1935 г. р.). Служил в Военно-Морском Флоте юнгой, затем закончил Высшее военно-морское училище подводного плавания им. Ленинского комсомола. Служил на подводных лодках. После увольнения в запас в 1961 году закончил факультет журналистики МГУ. Автор книг «Глубинная вахта», «Морские дороги», «Минная гавань».*

Четырехмачтовый барк лениво вспарывал зыбь. Шторм утих. Океан дышал медленно и тяжело.

Первокурсник Вячеслав Зубков, запрокинув голову, глядел на мачту, где высоко над палубой вздулись под ветром громадные паруса. Их косяки белой вереницей вытянулись к небу. И словно бы это не паруса, а журавлиная стая, только на лету она увязла в снастях и теперь жалобно стонала где-то в креплениях мачты.

Под грот-реей беспомощно качалось тело курсанта Леонида Марунова. Его босые ноги раза два отчаянно дрыгнули и повисли.

— Довольно, атлет Марунов, — сжалился над ним боцман второй грот-мачты Анатолий Никифорович Куратов.

Леонид расслабил онемевшие руки и, заскользив по канату вниз, глухо шлепнул босыми ступнями по дубовому настилу палубы. Мичман Куратов стоял перед ним, высокий, тучный, отирая платком безусое лицо и влажную от жары лысину. Он иронически кивал своей по-шкиперски округлой бородой, а его толстые, словно вывернутые наизнанку, губы ядовито усмехались:

— Неужели, голуба, трудно подтянуться на руках всего-навсего пять метров? — Мичман удивленно вскинул широкие плечи. — Я ж не прошу тебя лезть до клотика.

Куратов сердито глядел на пухлого, малорослого Леньку. Тот невольно съежился, словно хотел вобраться внутрь своей робы, как черепаха в панцирь. Вздохнув, он пробормотал:

— Не могу, товарищ мичман.

— Что?! Я те дам «не могу». И это называется будущий офицер флота, подводник!

В столь критическую минуту Вячеслав Зубков ринулся на помощь другу, решив вызвать боцманский гнев на себя. У Славки красивое, тонкое лицо с капризной линией губ и печальными

бледно-голубыми глазами. Он всегда подтянут, как бывалый морской волк.

— Между прочим, — вмешался он, даже не спросив разрешения, — теория пределов — вещь довольно упрямая. Человек тоже имеет свой предел, разумеется, пропорционально модулю упругости его мускулов.

— Это еще что?!

— Охотно поясню: Марунов сделал все, что смог.

— Ну, это по-твоему, а вот на деле человеку предела нет и быть не может. Потом, как ты с боцманом разговариваешь?

Последнюю фразу боцман произнес таким проникновенно-вкрадчивым шепотом, что Марунов начал испытывать тягостное ощущение готовых разразиться над ним громов и молний.

«Теперь понеслось…» — подумал с тоской Ленька.

Его друг Славка любил поговорить с боцманом по поводу и без повода, хотя в итоге неизменно отправлялся чистить гальюн или в ахтерпик — драить ржавый балласт. Так вышло и на этот раз. Мичман дал Славке за «непочтительное» поведение два наряда вне очереди и пошел к себе в каюту, гулко бухая по палубе охотничьими сапогами с отогнутыми книзу раструбами.

Славка направился к обрезу — бочке с водой — и сел около него на палубу, выставив загорелые длинные ноги. Рядом устроился на корточках Леонид. Закурили.

Марунов белобрыс и неуклюж. У него добрые серые глаза и оттопыренные уши. Он все еще не избавился от своих деревенских привычек и не приобрел флотской выправки.

— Тебе, Славчик, не стоит лезть в это дело. Разве этому службисту докажешь? — уныло сказал Марунов.

Славка выдохнул табачный дым и возразил:

— Ты это брось, дождешься — вышибут тебя из училища.

— Ну да, прям… — не поверил Марунов. — Было бы за что.

— А за что — всегда найдется. Допустим, влепит старикан по практике «неуд» — и будь здоров, топай строевым.

В душе Леонид понимал, что его друг прав: за неуспеваемость из училища вполне могут отчислить. Практика шла у него туго, да и учился он далеко не с таким блеском, как Вячеслав. Все неприятности начались с тех пор, когда Леонид при постановке парусов чуть не грохнулся на палубу с грот-марса-рея. Ему просто повезло: падая, он ухватился за конец пеньковой веревки — фала и потому остался цел. Теперь Леонид выше марсовой площадки, как ни уговаривали, не поднимался. У него кружилась голова только от одной мысли, что он может снова потерять равновесие и сорваться вниз.

Но Куратов и не думал оставлять Леньку в покое. Он вдруг

потребовал, чтоб Марунов без помощи ног, подтягиваясь только на одних руках, свободно влезал по отвесному канату до пятиметровой отметки. А упитанный Ленька никак не мог поднять свои семьдесят кило выше четырех метров. Бездельничать ему Куратов не давал, он гнал Марунова на канат каждую свободную минуту. Так и тянулись от перекура до перекура Ленькины корабельные будни.

Докурить не удалось. Колокола громкого боя сыграли «большой сбор». Пошвыряв зашипевшие окурки в воду, ребята побежали на шкафут. Курсанты строились по правому борту в две шеренги. Все ждали появления командира барка капитана первого ранга Свирского.

Наконец вахтенный начальник лейтенант Пантуров подал команду «Равняйсь». Строй приумолк. И тогда стало слышно, как верещат за бортом чайки, а на камбузе дробно стучит ножом по кухонной доске корабельный кок…

Паруса были убраны. Барк лежал в дрейфе. Лениво раскланивались в такт мерному колыханию океана его белые, местами тронутые ржавчиной борта. Солнце пробило мутную толщу дымки и заиграло в надраенных до блеска иллюминаторах. Ребята щурились.

Повернув голову направо, Славка видел, как полагается, грудь четвертого человека. Это была выпуклая, словно отлитая из бронзы грудь Герки Лобастова, добродушного увальня и хорошего, компанейского парня. В затылок Славке возбужденно дышал комсорг Вовка Новаковский. Ему не терпелось докончить прерванный разговор и еще раз пропесочить за нерешительность Леньку Марунова, который стоял рядом с ним во второй шеренге. Новаковский, так же как боцман, все время убеждал Леньку «пересилить свою натуру» и одолеть высоту второй грот-мачты.

Из люка неторопливо поднималась, будто вырастая прямо из палубы, длинная, сухощавая фигура командира барка.

— Смирно! — скомандовал Пантуров.

Строй замер.

Вахтенный начальник доложил, что команда для шлюпочных тренировок построена. Свирский прошелся вдоль курсантских шеренг. У борта он остановился, пристально вглядываясь в небо, потом — в океан. Казалось, что кэп принюхивается, поводя своим острым, горбатым носом, не пахнет ли где снова дождем или штормом. Затем сказал, обращаясь к Пантурову.

— Шлюпки за борт, исполняйте.

Курсанты с громким топотом рассыпались по палубе. Славка любил ходить на веслах. Как он полагал, только в шлюпке можно обращаться с океаном чуть ли не на «ты»: стоит лишь опустить

руку за борт — и сразу же в его прохладных струях словно почувствуешь ответное рукопожатие. Не терпелось, чтобы эта минута поскорей настала. Славка подскочил к шлюпке и начал стягивать брезент. Это был расхожий, с ободранными бортами, двадцатидвухвесельный баркас. На его ватерлинии кронштадтская гавань оставила свой отпечаток жирной, мазутной полосой, тогда как остальные, парадные, шлюпки сияли чистотой и свежестью краски. Но Славке нравилась именно эта работящая «скорлупка», оттого что представлялась ему прочной, объезженной и удобной.

Шлюпку дружно вывалили за борт и бережно опустили на воду. Океанский поток сразу же подхватил ее, и она стала рыскать, удерживаемая на канатах, из стороны в сторону.

Ребята, скользя по отвесным канатам, попрыгали с борта парусника в шлюпку. Сняв с себя робы, уложили их под банками и разобрали весла. Место командира на корме у транцевой доски занял Куратов. Он звучно откашлялся, прочищая голос, и строго поглядел на притихших ребят. Было душно. Мичман расстегнул китель, обнажив широченную волосатую грудь и выпятив мощный живот, потом вдруг неожиданно резко и озорно рявкнул:

— Весла… на воду!

Навалившись на весельные вальки, ребята привстали с банок. Уключины разом грохнули, а потом натужно и продолжительно заскрипели. Шлюпка стала медленно уваливать в сторону от борта парусника. Подошедший вал мертвой зыби подхватил ее, и она плавно заскользила по его отлогой спине, будто проваливаясь в бездну.

— Два-а… ать! Два-а… хыть! — надрывался мичман, подаваясь корпусом вперед после каждого гребка, словно угрожая навалиться всей массой своего тела на загребных.

— Лобастов, куда торопишься, до обеда еще далеко. А ну греби плавно. Ать! Хыть! Во-во…

С каждым ударом весел о воду парусник будто бы уходил дальше и дальше. Миновал час, жара усилилась. Накаты зыби пошли отложе, предвещая вскоре полный штиль.

Славка начал уставать. Руки, казалось, настолько одеревенели, что не было силы поднять весло. Во рту пересохло, тело исходило зудом от выступившего пота, и лишь стояло в ушах это нескончаемое, с глухим боцманским придыхом «Два-а… хыть». Думалось, что еще один гребок, и он непременно рухнет от усталости под банку. Только ладони словно приросли к вальку, весло как бы само собой ходило вместе с другими веслами. И в этом движении нельзя было остановиться, чтобы не нарушить собственного равновесия. Славка сидел по правому борту рядом

со своим дружком. Ленька греб неутомимо, как механический робот. У него так же, как у Славки, от напряжения ломило спину, каждый мускул на руках набряк усталостью. Только Марунов и виду не показывал: он был выносливее своего приятеля и махал веслом так же свободно и легко, как когда-то на «гражданке» привык махать косой во время сенокоса. Как и всякую физическую работу, Ленька «исполнял греблю» добросовестно и серьезно.

Славка решил схитрить. Вместо затяжного гребка он попробовал без напряжения провести веслом по воде, но тут же потерял общий ритм. Лопасть весла сорвалась, обдав загребных и мичмана фонтаном брызг, а Славка, выпустив из рук валек, повалился на дно шлюпки. Ребята расхохотались.

— Зубков, — рассерженно сказал мичман, отряхивая свой китель, — ей-богу, тошно смотреть, как ты гребешь.

Славка лукаво улыбнулся:

— Виноват, товарищ мичман! — А Леньке доверительно шепнул: — Но лишь в том, что мало облил его…

— Суши весла! Пе-ерекур, — скомандовал мичман и, вытянув ногу, полез в карман за кисетом.

Когда Куратов чадил своей забавной, в виде маленькой коряги, трубкой, он неизменно добрел, улыбался.

Солнце расплылось по небу сплошным слепящим маревом. Зыбь играла мутными бликами. Славка, перегнувшись через борт, потянулся к воде, окунул в нее руку, наслаждаясь прохладой и свежестью глубины.

— Гляди, хлопцы, ну и образина… — заметив что-то, сказал Вовка Новаковский.

Курсанты кинулись к борту, шлюпка накренилась. Метрах в пятнадцати от себя Славка увидал на воде панцирь крупной морской черепахи.

— Держи! — завопил Герка Лобастов и пронзительно засвистел.

«А ведь поймаю…» — подумал Славка.

В мгновение вскочил на борт баркаса и, оттолкнувшись от него, врезался в воду.

— Зубков, назад! — крикнул Куратов.

Славка не услышал его приказа. Вынырнув, он что есть мочи погнался за черепахой. Ее серовато-зеленый, иссеченный на квадраты, словно рубашка осколочной гранаты, панцирь был совсем уже близко. Заметив опасность, черепаха попыталась уйти от погони. Славка хорошо владел брассом и продолжал ее настигать. Волнение и радость будто бы удвоили силы. Но стоило лишь дотронуться рукой до черепахи, как она, вильнув ластами,

ушла на глубину. Славка с досады выругался, еле переводя дыхание. Он повернул назад, к шлюпке, но ее за валами зыби нигде не было видно.

Славка отчаянно поплыл наугад. Все — пустота… Тогда он попробовал кричать, но голос его отчего-то стал так немощен, что больше походил на шепот. Глотнул просоленной, с привкусом горькой полыни воды и поперхнулся. Едва не стошнило. Чтобы немного передохнуть, лег на спину, устало поводя руками. Зыбь не спеша поднимала его на своем пологом горбу и так же медленно опускала во впадину. Напрягая слух, он пытался уловить голоса либо всплески весел. Все тихо. Закрыв на мгновение глаза, Славка вдруг представил великую океанскую бездну, которая была под ним. Лишенный прочной опоры палубы и постоянного присутствия рядом с собою людей, он впервые ощутил страх одиночества. Показалось, что никто его уже не найдет. Словно оборвались сразу все нити, которые прочно связывали его с людьми. Его жизнь, какую успел он прожить в свои восемнадцать лет, вдруг представилась отчетливо и просто, будто Славка смотрел на нее издалека и как бы со стороны, уже не принимая в ней никакого участия. Удивительным, странным показалось в ней именно то, что совсем еще недавно считалось вполне обыкновенным. В его памяти существовала еще девушка, которую он любил. Но это была уже не его девушка… Где-то на берегу оставался отец, самый близкий, родной человек, но и он отдалялся в Славкином воображении. Отчего-то яснее представилась материнская могила, какой он запомнил ее. И Славка закричал тоскливо и безнадежно.

Когда Славку вытащили из воды, первое, что он увидал — это землисто-серое лицо мичмана: глаза навыкате, губы дрожат, на лысине капли пота. Анатолий Никифорович не обронил ни одного слова. Он только никак не мог отдышаться, поскребывая волосатую грудь ногтями. От его молчания всем стало неловко. Ребята сдержанно перешептывались, настороженно поглядывая то на мичмана, то на Славку.

Шлюпка подошла к паруснику под выстрел.

— Шабаш, — хрипло сказал мичман, — по шкентелю на палубу — марш.

Ребята друг за другом взбирались на борт парусника. Вовка Новаковский, перед тем как выйти из шлюпки, наклонился к Зубкову и тихо сказал:

— После ужина явишься в кают-компанию. Придется этот свой поступок объяснить на бюро. Считай, что выговор тебе обеспечен. И не опаздывать.

Славка угрюмо кивнул головой.

Они остались вдвоем с мичманом. Анатолий Никифорович, достав трубку, приминал пальцем табак и в упор глядел на Славку тяжелым взглядом.

— Щенок, — сказал он наконец, — спустить бы с тебя штаны и по голой заднице вот этой… — Для большей наглядности он показал свою увесистую ладонь.

Снова помолчал. Старик раскочегарил свою трубку так, что дым из нее повалил, как из крейсерской трубы.

— Твое счастье, что жарко. Акула в эту пору на глубине, а то бы — раз! — Мичман ребром ладони провел Славке по ногам. — Видал я в молодости, как это у нее получается…

Славка невольно вздрогнул. Горло перехватило спазмом. Хотел было что-нибудь ответить боцману, но вместо этого чуть не всхлипнул.

Боцман покачал головой.

— Запутался ты, парень, совсем. Пропадешь, если за ум не возьмешься.

Через фальшборт перегнулся лейтенант Пантуров.

— Анатолий Никифорович, поторопитесь.

Мичман с раздражением показал Зубкову три пальца. Это означало, что, помимо своих ранее полученных нарядов, Зубков схлопотал еще три. Славка тяжело вздохнул. Встал. Подпрыгнув, ухватился руками за пеньковый канат и влез на выстрел — отваленное от борта бревно. Дошел по нему до фальшборта и спрыгнул на палубу. Проводив курсанта долгим взглядом, Куратов грузно шагнул на трап и стал медленно подниматься на борт.

Шлюпку вновь закрепили по-походному и накрыли брезентом. Отпустив курсантов, мичман сошел на жилую палубу. В коридоре глянул по сторонам и торопливо, чтоб никто не заметил, сунул в рот таблетку валидола. Немного передохнув, толкнул дверь каюты. Она была небольшой, но в меру емкой, вмещая в себя узкий диван, прикрепленный к полу стол и «винтоногое» кресло. Ветерок дышал в иллюминатор и слегка трогал полуприкрытые шторки. В предзакатный час каюта наполнилась золотым, тусклым светом. Куратов любил ее тесноту и скупой уют. Он расстегнул ворот кителя, не раздеваясь лег на койку, свесив изнывавшие от усталости ноги. Последнее время все чаще тянуло прилечь. На исходе был шестой десяток, но пугал даже не возраст, а, пожалуй, то, что неизбежно приходит к людям его нелегкой профессии: ощущение физической немощи. Само по себе это едва ли могло казаться таким страшным, если бы за всем этим исподволь не надвигалось одиночество. Ночами боцман гнал от себя призраки воспоминаний. Они же вопреки его воле

неслышно ползли в темную каюту и обступали со всех сторон. Думалось, что это, может быть, последний рейс. Потом — «гражданка»… Его размышления со страхом обрывались в Ленинграде, перед дверью пустой квартиры. Ему некуда спешить… Мир замкнулся. Все, что у него оставалось, было здесь, рядом с ним. Оно заключалось в единственной уцелевшей фотографии, на которой была его супруга, сын и еще — сноха с внучатами… Забываясь, Анатолий Никифорович разговаривал сам с собой. В наплывавшем через иллюминатор сумраке ходили тени. И уж не с ними ли делился мыслями старый мичман?..

Скрипнув, отворилась дверь каюты. Кто-то без стука вошел, крякнув, уселся в кресло. Это был старый приятель баталер Владимир Мелехов. Анатолий Никифорович давно убедился, что его друг, как говорится, ни для кого последней собственной тельняшки не пожалеет, хотя, если дело касалось казенного имущества, он был «профессиональным жмотом». Куратов постоянно с ним ругался из-за приборочного материала, краски, ветоши. Днем, казалось, не было злее врагов, но к вечеру старики постепенно отходили, мирились, а с утра все начиналось снова.

Не выдержав боцманского молчания, Мелехов проникновенно запел:

И не понравилось ей, как стоял я оди-ин,
Прислонившись к стене, бе-езутешно р-рыдал…

— Ты что, никак, опять родненькой развеселился? — не открывая глаз, поинтересовался боцман.

— «Ро-одненькой»… — передразнил Мелехов. — Тоже мне святой. К нему гость, а он лежит себе, как боров.

— Заслужил отдых, вот и лежу. На марсах работать — это тебе не исподники попарно в баталерке считать. Тут голова нужна.

— Верно, если заместо головы не тыква…

— Каждому свое: у кого голова к месту, а у кого и зад к креслу…

— И все же ничего у тебя, Никифорыч, святого нет. Что ужинать не пошел?

— Проспал.

— А вот и врешь. Вставай, перекусим. — Мелехов призывно постучал кружкой по чайнику. — Я тут сообразил колбаски, галет.

Никифорыч знал: раз уж «баталерская душа» привяжется, спасу не будет. Боцман нехотя поднялся и присел к столу. Мелехов налил ему крепкого чаю.

— Думаешь, я не знаю, что ты опять захандрил из-за какого-то сопляка… Дал ему три наряда — и баста.

Анатолий Никифорович недовольно хмыкнул.

— Ишь ты, умник. Тут иной раз на мачте крутишь талреп и то боишься, как бы не пережать. А то — бац! И лопнул трос.

— Что у тебя-то голова болит? На это есть руководитель практики, факультетское начальство.

— Есть. Да разве легко вовремя понять, в чем тут дело? Зубков что? Думают, раз он круглый отличник, — и весь сказ. И ведь ни хрена не видит никто, что парень-то на пределе ходит, вот-вот на чем-нибудь сорвется, душу потеряет… А потом, чуть что, все как снег на голову: проглядели, мол, надо его из училища гнать. А куда? Разве что с плеч долой. Только вот какая штука: он человек, из жизни его не отчислишь. — Понизив голос, боцман как бы доверительно продолжал: — И потом, слыхал я, что мать у него недавно померла, отец на другой женился. Видать, переживает парень. Вот и чудит…

— Вон как, — сказал удивленно Мелехов, — мне-то и ни к чему… Иду раз по шкафуту, на Зубкова наскочил. Схоронился он за рубкой да рисует мелом на стенке кота. Я ему: «Что ж ты, стервец, переборку мараешь?» А он молчит, глядит на этого кота, а сам будто не от мира сего…

— Хорошо нарисовал? — поинтересовался боцман.

— Кота, что ль?

— Кота, кота.

— Да куда уж лучше.

Старые мареманы приумолкли. Потянуло на махорку. Боцман курил не спеша, всласть. Дым постепенно обволакивал каюту, мерно колыхался у подволока, словно куда-то плыл…

Казалось боцману, что это не дым, а туман, по-летнему ласковый кронштадтский туман. И снова Анатолию Никифоровичу вспомнилось, как он в последний раз провожал своего сына Василия в море. Василий в то раннее утро был взволнован своим повышением в звании. На его рукавах появились новенькие нашивки капитан-лейтенанта. Но разве мог он знать, что это повышение было для него последним? Шла война. Простившись, Василий взбежал на борт корабля. Матросы убрали за ним трап. Последнее, что слышал и навсегда запомнил Анатолий Никифорович, — это спокойный, крепкий голос своего сына, отдававшего короткие приказания швартовой команде. Его подлодка задним ходом отвалила от пирса и, развернувшись посредине Петровской гавани, пошла на задание. Вскоре плотный туман как бы укрыл ее…

Куратов устало махнул перед собой ладонью, разгоняя

табачный дым.

Вечерняя духота сменилась прохладой тропической ночи. Ушедшее за горизонт солнце раскалило докрасна небосклон, и теперь он медленно остывал под наплывом густых сумерек. В темной синеве проступали звезды. Успокоенное море, как бы глубоко вздохнув, отходило ко сну. Оно чуть всплескивало и ластилось у ватерлинии. Такелаж вкрадчиво скрипел, точно произнося заклинания. Мачты осторожно раскачивались и, словно уходя беспредельно в небо, норовили своими остриями высечь из далеких звезд искры. Полыхнул метеорит. Сгорая, он косо перечеркнул небосклон и погиб, но ему на смену загорелся другой, затем третий… Рождался августовский звездопад.

Команде разрешили спать на верхней палубе, и Зубков с удовольствием ушел на ночь из кубрика на полубак. Он ворочался на пробковом матрасе, глядя в небесную глубину. Звезды — они как глаза, и Вячеслав отыскивал в них ту пару, которая могла бы принадлежать его любимой девушке. Он думал о своей Ларисе, и ему хотелось читать стихи…

По трапу кто-то прогромыхал подкованными ботинками и стал укладываться рядом.

— Кому обязан? — полюбопытствовал Зубков.

— Это я, — сонно позевывая, отозвался Леонид.

— Не вынесла душа поэта?..

— Какая там поэзия, внизу хоть топор вешай.

— А здесь ты погляди только, Ленька!

Лежали и молча глядели на путаницу ярких созвездий, точно видели их впервые. Обоим тепло и покойно засыпать, прислушиваясь к тишине.

Склянки пробили два часа ночи. Сменилась вахта.

— На мостике! — лениво прокричал впередсмотрящий. — Ходовые огни горят ясно.

На шкафуте кто-то приглушенно кашлянул. Славка приподнялся и разглядел Куратова. Облокотившись на фальшборт, боцман что-то напряженно высматривал в океане. Так он стоял и не шевелился несколько минут. Внезапно вышедшая из-за туч луна осветила его одинокую фигуру. Тогда боцман переступил с ноги на ногу и словно нехотя отвернулся в теневую сторону. Казалось, он прятал свое лицо от лунного света, чтоб никто не угадал его мысли…

Откуда-то сбоку, шаркая по-стариковски ботинками, подошел Мелехов. Почесывая кудлатую голову, он спросил:

— Ты, что ль, Никифорыч?

— Ходил вот… — отозвался Анатолий Никифорович. —

Балласт в ахтерпике ржавеет. Ума не приложу, что с ним делать.

— И на кой хрен сдался он тебе, что ты никому покою с ним не даешь?

— Не могу, Володька, ржавчину видеть.

— Сам ты, как погляжу, ржаветь начал.

— Потому вот и чищу… Когда балласт ржа съедает, его выбрасывают за борт.

— Дурень, шел бы спать. А то бродишь тут, как «летучий голландец» по морю.

— Не бойся, беды не накличу.

— К чему это ты, Никифорыч?

— Не знаю… Сын мой, Василий, в сегодняшний день погиб… Сколько уж лет прошло, а я этому верить не хочу.

— Изведешься, Никифорыч, так нельзя… Море — оно, конечно, море: как ни крути, напоминает. Может, на бережку полегче?

— Нет. Здесь только и живу. Хоть на валидоле, а живу. Спишут на берег — пропадом пропаду, Володька…

Умолкнув, они стояли плечом к плечу и долго еще смотрели на серебристую рябь Атлантики. А парусник шел полным ветром и, натужно скрипя рангоутом, пластал густую, черную воду надвое. Луна будто плескала в океан матовый свет, лаская и завораживая белый корпус, паруса, палубу и спящих на палубе людей.

Время шло. Парусник оставлял за кормой пройденные мили. Служба морская не баловала спокойной жизнью. У берегов Мадейры гулял шторм. Атлантика ревела, дыбилась. Малахитовые волны закипали пеной, и седые клочья ее разносились далеко по ветру, будто бы срывались с морды взбешенного зверя.

Барк старался подворачивать носом к волне. Он с огромным трудом вползал на ее вершину, тяжело переваливал через гребень и, наконец, ослабев от непосильной, казалось бы, работы, немощно клевал носом во впадину. От сильного удара корпус вздрагивал. Полубак зарывался в воду, и она, пенясь и шипя, раскатывалась по нему широко и мощно, пока, отброшенная волнорезом, не взрывалась фонтанами брызг.

И так шестые сутки подряд: воет в вентиляционных раструбах ветер, стучит в иллюминаторы волна, стынет на камбузе нетронутый обед.

До вахты оставалось полчаса. За бортом, не стихая, ревет океан. В кубрике тихо. Курсанты пристроились по углам кто как сумел. Дышать муторно и тяжко. Воздух насытился влагой.

Славка, сидя на рундуке, привалился боком к переборке. Рядом полулежал Марунов. Качка до того всех измотала, что никому не хотелось даже шевельнуться.

Откинулась крышка верхнего люка. В кубрик ввалился Куратов. Скинув у трапа мокрый плащ, прошел к столу и сел на банку. Глядя на измученные, побелевшие лица курсантов, он покачал головой.

— Прямо как покойники, смотреть противно, — раздраженно сказал он. — Вы же ни на что сейчас не способны. Одно слово: балласт. — Боцман стукнул кулаком по столу и вдруг рявкнул во всю глотку: — Встать!

Курсанты испуганно вскочили на ноги.

— Разболтались, — произнес боцман тихо и внятно. — Вы что же, голодной смертью подыхать вздумали? А ну, бачковые, марш на камбуз! Приказываю так наесться, чтобы в животе ничего не бултыхалось!

Курсанты нехотя сели за стол. Через силу пообедав, осоловело поглядывали на мичмана, который степенно вышагивал по кубрику из угла в угол.

— Смотрю я на вас, — говорил боцман, — и вспоминаю блокадную зиму. В кубрике у нас холод собачий, жрать нечего. Не успеешь пообедать, как ужинать хочется. Подлодка наша в ту пору зимовала в Кронштадте. Ремонтировали механизмы, чистили балластные цистерны: словом, готовились сразу же по весне к выходу в море. У многих из нас семьи в Ленинграде оставались. Командир по возможности отпускал родных навестить. Отпросился и я как-то. Насобирал чуток сухарей, сахарку. Уложил все это в сидор. «Маловато, — думаю, — да все же таки лучше, чем ничего…» В Кронштадте с харчами немного полегче было. Пошли мы группой — человек десять. Дорога была по льду. Но пройти по ней удавалось лишь ночью, потому что днем ее простреливала вражья артиллерия. Идем… Прожектора с того берега понизу так и шастают, цель выискивают. Как только луч приближается, мы ничком на лед. Потом вскакиваем и — дальше. А кругом проруби от снарядов, того и гляди, под воду угодишь. У самого-то с голоду и с усталости голова кружится. И вещмешок настолько тяжелым показался, словно там кирпичи. Ну ничего, кое-как добрались до земли. Там поймал попутную машину. Дома у меня оставались жена моя со снохой да двое внучат. Славные парнишки… Одному из них два, а другому четыре годика. И знали бы вы, братцы, как ребятишки мои рады были, когда я вошел. Обнял их, а сам чуть не плачу. Достал гостинец. Меньшой внук схватил ручонкой сухую корку… лижет ее язычком… Она ему леденца слаще. Помню, обещал им другой

раз принести белую булку, пшеничную. То-то загорелись глазенки… — Анатолий Никифорович грустно улыбнулся. — А вы позволяете себе такую роскошь, как отсутствие аппетита…

Боцман встал, накинул плащ. Когда он рукой взялся уже за поручень трапа, Герка Лобастов его спросил:

— А булку принесли?

— Какую? — рассеянно переспросил мичман.

— Да пшеничную, которую внучатам обещали.

— Она им не понадобилась. Когда снова пришел домой, в живых никого уже не застал…

Мичман вышел.

Курсанты молчали.

Дежурный дал команду выходить на построение. Курсанты заступали на штурманскую вахту.

В прокладочной рубке рабочая тишина. По столам разложены мореходные таблицы, карты, лоции. Мерно жужжат репитеры, и на дальней переборке, вздрагивая и поворачиваясь, щелкает лаг.

Склонясь над планшетом, Зубков старался подавить в себе ощущение качки. Его сильно подташнивало. Ноги становились какими-то ватными и держали непрочно.

Славка взглянул на часы: пора брать очередной пеленг. С трудом оттолкнулся от стола и валкой походкой вышел на палубу. Еле влез по трапу на крышу прокладочной рубки, а потом изнеможенно, как спасительную опору, обхватил руками тумбу пеленгатора. Вода пробивалась за воротник бушлата и струйками текла по спине. Тут же Славку стошнило. Отплевываясь, он судорожно хватал ртом воздух, а когда отдышался, прильнул глазом к окуляру пеленгатора. В матовой завесе дождя ему не сразу удалось поймать проблески маяка, но Славка искал их упрямо, пока не добился своего. Затем он вернулся в прокладочную и долго разбирал в намокшей записной книжке неровную, путаную колонку минут и градусов. На его планшете появилась всего лишь одна точка, именуемая местом корабля на карте. Но часы не спешили, и до конца вахты было еще далеко.

Большинство ребят-однокурсников переносили качку не легче. Каждый из них боролся с морем и с самим собой. Одни через каждые пять минут бегали к борту, другие никак не могли унять навязчивую икоту. И только Леонид Марунов не выказывал никаких признаков морской болезни. Ребята завидовали ему.

К вечеру барк вошел в полосу северо-восточного пассата, и небо над ним стало чистым. Вдали от берега шторм слабел. Волны катились ровнее, шире. И Славка почувствовал заметное облегчение.

С ходового мостика неожиданно дали команду ложиться в дрейф. Марунов глянул в иллюминатор и, удивленный, потянул Славку за рукав. К борту парусника швартовался наш рыболовный траулер. Возможно, рыбаки слишком далеко ушли от своей плавбазы и у них кончилась пресная вода. В море своими запасами нередко приходилось делиться.

Леонид потянул носом воздух.

— Чую запах двойной ухи, — сказал он. — На камбуз волокут ящик со свежей рыбой.

От напоминания о еде Зубкова даже передернуло.

— Смотри-ка, — продолжал удивляться Марунов, — мичман целуется с каким-то рыбаком. Никак, дружка отыскал!

Просемафорив друг другу «счастливого плавания», корабли разошлись. Штурманская вахта подходила к концу, и Вячеслав только сейчас ощутил, как он устал. Тошнота больше не ощущалась, но в груди какая-то пустота, словно все внутренности были вынуты. Кто-то, гулко бухая сапогами, прошел по палубе мимо иллюминатора. Шторки зашевелились, и прямо на Славкину карту шлепнулся маленький серый комок. Зубков онемел от удивления и радости. Перед ним был живой котенок. Ребята облепили Славку со всех сторон. Они глядели на котенка, как на чудо, и боялись к нему притронуться, точно не доверяли своим огрубелым от палубной работы рукам. И на всех повеяло теплом давно покинутого дома…

Котенок покрутил головой, пискнул и, задрав хвостик, отправился путешествовать. Он запросто прошелся по материку, по глубинам, понюхал резиновый ластик, прикрывавший добрую половину Мадейры, враждебно царапнул на экваторе транспортир. Славка бережно взял этот пушистый, маленький комочек на руки и поднес к своему лицу. Шершавый кошачий язычок скользнул по щеке. Зубков поцеловал котенка. С испугом и удивлением он поймал себя на том, что засмеялся…

После вахты не хотелось идти в кубрик. Долго бродил по палубе, и никогда еще за последние несколько недель на душе не было так спокойно.

Вновь непогода сменилась изнуряющей жарой. Струился и дрожал в мареве отяжелевший воздух. Море пахло сгущенным запахом йода и каких-то водорослей. Дубовый настил палубы нещадно обжигал ступни ног, песчаной белизной своих досок он напоминал выжженную солнцем пустыню. И только паруса кидали вниз короткую, но спасительную тень, укрывая от палящих лучей разомлевших курсантов.

Шли такелажные работы. Куратов сидел чуть в стороне от

ребят на бухте манильского троса и дремал. Кивая головой, дышал тяжело, прикрытые веки его сонно подрагивали. Но вот он встряхнул головой, крякнул и поднялся с канатной бухты.

— Так, посмотрим, что вы тут наплели.

Подойдя к Зубкову, он без труда распотрошил его плетеный мат и заставил плести сызнова. У одного он подтянул и расправил болтавшиеся концы каболки пенькового каната, другому ничего не сказал. Но вот около Герки Лобастова дебри его густых бровей удивленно поползли кверху, а потом скучное до этого лицо расплылось в довольной улыбке.

— Где ты так наловчился, в кружке, что ль?

— Какой там кружок! — отвечал Герка. — Батя заставлял.

— Чего ж он заставлял-то?

— А чтоб не шкодили да пищали поменьше.

— Что так?

— Нас у отца шестеро, малолетки тогда были. Мать убило в войну бомбой… Батя, как пришел с фронта, взял нас из детдома. Одному с такой бандой трудно совладать, вот он и выдумывал нам работенку.

— И с шестерыми-то один?

— Ну а как же?

— Так… Чего ж он вам мачеху не нашел?

— Да кому он с такой оравой нужен?

— В море-то на каком корабле отец ходил?

— Ни на каком, просто в саперах был всю войну. Потом, правда, в порту грузчиком работал.

— Жаль, — сказал боцман и, подумав, добавил: — Такие вот крепкие душой ребята в сорок первом шли с кораблей в морскую пехоту. Толковый, Лобастов, у тебя отец.

— Скажете тоже, — польщенно фыркнул Герка, — подвигов не совершал. Человек он хороший, да уж больно выпить любит иной раз. А так ничего…

— Цены ты ему не знаешь, дурень. Отцы ваши — народ исторический. И подвиги были разные. Как бы это сказать?.. Понимаете, случается соврать иногда перед кем угодно, а перед смертью — шиш… — Для большей убедительности мичман показал соответственно сложенные пальцы. — В бою вы их видели? Что, нет?.. Ну так молчите! Перед ней-то, перед «косой», человек проглядывается, как хрусталь, насквозь, и тут уж не сбрешешь. Так вот и у Эзеля было. Корабль наш ко дну пошел, а братишки около суток на воде болтались. Поразбавили мы кровью Балтику. Держались кто за доску, а кто за воду. Думали — шабаш. Спасибо командиру: собрал он вокруг себя команду и давай нас матом чесать. А командир-то наш прежде отродясь

матом не ругался. Словом, шевелиться заставил, а потому выжили.

«Это наверняка про отца, — подумал Славка. — Он рассказывал, как они у Эзеля тонули и как потом до берега вплавь добирались. Боцман тогда служил вместе с ним… А ведь прав старик, отец не святой, он разный».

— Зубков, ты что это закручинился? — прогудел боцманский бас.

Вячеслав неопределенно хмыкнул. Он подхватил с палубы обрывок пенькового линя и сделал вид, что пытается развязать кем-то затянутый узел.

— Никак? — посочувствовал мичман.

— Подскажите. Завязали, а я вот не могу…

Анатолий Никифорович взял у Славки обрывок.

— Бывает всяко. Пыхтишь вот, развязываешь узел: ты его и так и этак — ну никак. Его бы проще рвануть на куски — и дело с концом. Опять же если не развязал, вроде бы совесть мучает. Скажи, не так?

— А если завязали намертво?

— Намертво, говоришь?.. Ну, положим, так.

Мичман рванул пеньковый шкерт на две части. Один конец, что похуже, Куратов швырнул за борт, а другой, подмигнув, обронил Славке на колени. Зубков понимающе глянул на боцмана. Глаза их встретились, и Куратов по-стариковски ласково улыбнулся. Он придавил своими тяжелыми ладонями Славкины плечи и сказал:

— Вообще, голуба, есть такие узлы, которые за тебя не распутает ни кум, ни дядя. Вечерком заходи — потолкуем.

После ужина Зубков постучал в дверь боцманской каюты. Анатолий Никифорович в это время заваривал чай. Усадив Славку рядом с собой за стол, он лукаво подмигнул:

— Чайком погреться — все равно что душу отвести.

— Не возражаю, — смущаясь, суховато согласился Славка.

Боцман кивнул. Звучно откусил сахару. Хлебнув глоток чаю, стал говорить:

— Отца твоего знаю давно. В двадцать восьмом году он пришел ко мне в боцманскую команду строевым матросом. Служили мы тогда на линкоре «Марат». Встречались и потом, в разное время. Не сразу твой отец адмиралом стал. Бывало, что и я хвалил его по службе или за дело ругал, как тебя иной раз. На моих глазах, можно сказать, он прошел весь путь от матроса до адмирала. Поэтому не думай, что вмешиваюсь не в свои дела.

Боцман поднял на Славку свой тяжелый взгляд. Славка

выдержал его и спросил:

— Хотите знать, почему я не поладил со своим отцом?

— Ну говори, коли есть охота.

— Так получилось… И не я в этом виноват.

— Не по душе мачеха пришлась?

— При чем здесь она? Я и видел-то ее всего один раз. Но вот отец… Я не могу представить рядом с ним никого, кроме мамы. Я не знаю, как это объяснить… Маму схоронили, а она все равно для меня жива. Закрою вот глаза и разговариваю с ней… Войду в нашу квартиру, а в прихожей на вешалке ее зонтик висит, ручка у него отломана еще. Дверь в комнату отворю — ноты лежат открытые на рояле. Чайник закипает, и то мне кажется, что мать на кухне или где-то рядом… Вот так я чувствовал, когда на зимние каникулы приехал домой. Открыл дверь своим ключом, вхожу, и из кухни появляется навстречу мне мамзель какая-то… И на ней мамин передник! Отец, конечно, растерялся. Позвал меня в кабинет. Сказал, что встретил и полюбил эту женщину, что она тоже несчастна: ее некто с маленьким ребенком оставил. В общем, люби и жалуй свою мачеху. Я ему: «Как же так?! Помнишь, на кладбище, ты же сам говорил, что нет и не будет для тебя человека дороже мамы… И я гордился этой верностью, как собственной. Выходит, все это неправда?!» Отец что-то стал объяснять… А мне вдруг показалось, что ничего уж в этой комнате от мамы не осталось. Не знаю для чего, сунул я под шинель ноты, сдернул с вешалки поломанный зонтик и выскочил за дверь, а там прямым ходом — обратно на вокзал.

Боцман сосредоточенно покряхтел, откинувшись в кресле и вытянув под столом ноги.

— Ты, Зубков, поступил со своим отцом плохо, не по-мужски.

— А он?!

— Что значит «он»? Ну, женился другой раз. Ну и что? Дело-то житейское.

— Смотря как полагать. Жизнь у каждого одна всегда, как родина. И любовь тоже одна. Любое повторение — уже измена прежнему. А иначе никому верить нельзя.

— Эть как ты все обернул! — Боцман заворочался в кресле, точно его подхлестнули. — А я вот, к примеру, и не так смотрю. Любовь-то бывает не только лебединая, а и попросту человечья. Ты ошибаешься… Вот ты сказал — родина… А не подумал, что твой отец — тоже для тебя родина… Это же не просто географическое понятие. Ведь недаром люди свою родину зовут отечеством.

— И все-таки виноватым себя не считаю. Сейчас для меня нет слова дороже, чем верность, а с ним не так уж страшно и одному

остаться.

— Верность… — задумчиво сказал боцман, как бы прислушиваясь к своему голосу. — Дело твое молодое, только не надо выдумывать раньше времени своего одиночества. Поверь, это слишком тяжелая болезнь под старость, потому что лекарства от нее нету. А что лебединой верности твоей касаемо, ей-богу, не знаю… Хотя, взрослея, сыновья в чем-то должны превосходить своих отцов…

Боцман закрыл глаза и некоторое время сидел недвижимо. Наконец проговорил чуть слышно:

— Устал я… Ступай, Зубков.

В кубрик Вячеслав спустился уже затемно. Кое-кто из ребят уже засыпал, но свет еще не гасили. Зубков вытащил из сетки зашнурованную койку и, развернув ее, подвесил к подволоку.

Марунов был чем-то возбужден. Выждав, пока Зубков уляжется, он приподнялся и подтянул Славкину койку к своей.

— Поздравь, — зашептал Ленька, — сегодня я махнул по мачте до самого клотика.

— Серьезно?! — тотчас встрепенулся Славка.

— Хоть у боцмана спроси. Никифорыч так расчувствовался, что даже в лоб меня поцеловал.

— Ну, молодчина! Рассказывай, как было.

— Что тут особенного… — Марунов отпустил Славкину койку.

— А все-таки, — не отставал Зубков, покачиваясь в своей койке, будто в гамаке.

— Боцман все… — Марунов блаженно потянулся. — А-а, неинтересно.

— Давай, давай! — Славка ухватился за Ленькину койку и потряс ее.

— Смеяться не станешь? — Ленька недоверчиво покосился на дружка.

— Нет.

— Учти, только между нами — как другу… В общем, вызывает меня боцман в каюту. Ну, вхожу. Он сидит в своем кресле, как царь на троне: руки в бока, живот выпятил. Показывает мне на стол. Там две бумаги лежат, две аттестации. И обе на меня. В одной так расписаны мои достоинства, хоть сейчас мне на грудь Золотую Звезду вешай. А в другой… Ну, что я трус и все такое, а выводы — не гожусь к корабельной службе. «Решай, — говорит он мне, — свою судьбу сам. Дорогу к мачте знаешь. Словом, ровно через десять минут я порву либо эту бумагу, либо ту…» И на часы посмотрел. Ох, никогда я так шибко

по вантам не лазил… И про страх свой позабыл, когда жареный петух клюнул меня.

Славка радостно засмеялся, подтянул Ленькину койку и попытался обнять товарища. Оба едва не вывалились из своих гамаков. Дневальный зашикал на них.

— Славчик, про что ты с боцманом толковал сейчас? — тихонько спросил Марунов.

— Про жизнь, — ответил Славка. — Ты знаешь, по-моему, старик в чем-то прав. Только не могу я так вот, сразу, отца простить…

— Вон вы про что, — догадался Марунов. — Чудной ты, Славка. Я вот своего батю и не помню, каким он был, только нет мне сейчас человека дороже его. Веришь или нет: лишь бы он только вернулся тогда с фронта живым, пускай калекой… Я бы не знаю что для него сделал.

Славка вздохнул.

— Ты со своим отцом хотя бы в мыслях вместе. А у меня…

— Не надо так. — Леонид понимающе протянул руку и коснулся Славкиного плеча. — Ты же сам говорил, что отец переживает.

— От этого ничего не меняется.

— Но ты должен когда-нибудь с ним помириться.

— Не знаю, как это сделать. И простить его не могу. Меня мучает вот что… Отец не ответил мне на вопрос, почему он так быстро женился второй раз после маминой смерти. А что, если он изменял ей?..

— Подозревать можно кого угодно и в чем угодно… И все-таки он не перестает быть твоим отцом. Пойми это.

— Тогда почему я ничего не знал о той женщине? Отец мог бы еще прежде поговорить со мной, посоветоваться.

— О чем? Можно подумать, что он жену себе должен выбирать по твоему вкусу.

— Нет, это его дело. У меня свои понятия о верности. Ты знаешь, дороже Ларисы и тебя у меня сейчас никого нет. Вы на всю жизнь оба мои, и мы всегда вместе. Иначе нельзя. У каждого человека должна быть любимая и должен быть друг. Все это незаменимо, как нельзя к дереву приставить новые корни. Такое дерево все равно сгниет.

— Да брось мутить воду. — Марунов подмигнул. — Вот когда Лариска осчастливит тебя потомством, поймешь, какие на самом деле бывают у дерева корни. Ты вот училище окончишь — и ходу по всем морям и океанам, только тебя и видели. А отцу что ты оставляешь в преклонном-то возрасте, пустую вашу квартиру? Уж слишком большой жертвы ты от него хочешь, будто под старость

лет он и не заслужил своего счастья.

— Не в том, Ленька, дело. Просто казалось, что мы одинаково понимаем это счастье… У Паустовского есть такой рассказ. Идет война. Маленький городок в глубоком тылу. И живет там в доме у реки старый моряк. Где-то на Балтике воюет его сын, а старик беспокоится, чтоб дорожку в саду снегом не замело: вдруг сын приедет на побывку?.. А в доме старый рояль, у двери испорченный колокольчик. За окном все снег, снег… Такая чистота, что слезы наворачиваются. И тепло… Что же это, если не счастье? Ты слышишь?

Ленька не ответил. Он спал или только делал вид, что спит.

Дежурный по низам щелкнул выключателем.

Заложив руки за голову, Славка долго лежал при тусклом свете ночного плафона с открытыми глазами. От разговора с Маруновым на душе остался горький осадок. И хотя он виноватым себя не считал, но не совсем неправы были и боцман Куратов, и Ленька Марунов. Где-то в скрещении всех их мнений лежала истина, признать которую Славка боялся: отец не заслуживал упреков, он еще не стар и ему тоже хочется счастья. Но так подумав невзначай, Славка все больше сомневался в своем праве на непримиримость. Постепенно невеселые мысли его стали как бы расплываться. Славка закрыл глаза. Тишина. Слышно лишь, как над головой шумит в шпигате падающая за борт вода. Вода…

Это же ручей! Как только его сразу не узнал? Тот самый, что течет меж камней с Бастионной горки в самом центре Риги. На его пути маленькие заводи, и вода в них подсвечена голубым, красным, зеленым… Над головой кроны столетних вязов, а внизу, у самого обводного канала, цветы. Кажется Славке, что он вновь получил в выходной день увольнительную в город и томится, ожидая свою любимую. Он видит ее… Навстречу идет стройная большеглазая девушка. Это Лариса. Она улыбается, машет рукой. Славка отчаянно спешит к ней, а ноги недвижимы. Но девушка все ближе. Когда между ними остается всего лишь несколько шагов, откуда-то появляется трамвай. Он движется мимо Славки и отрезает путь к любимой. Но трамвайный звон почему-то странно похож на пронзительную трель колокола громкого боя.

— Тревога! — кричит кто-то в темноте.

Не проснувшись еще окончательно, Зубков заученно сбрасывает с себя одеяло и прыгает с койки вниз, прямо на подвернувшегося Герку Лобастова. Тот спросонок что-то рассерженно бубнит. Курсанты хватают ботинки, робы и, стукаясь голыми коленками о высокие ступени трапа, выскакивают на палубу. Одеваются на ходу. Кругом топот десятков ног, обрывки

команд, пение дудок. Натыкаясь в темноте на чьи-то пятки, Славка бежит ко второй грот-мачте. По боевому расписанию там его пост.

Еле переводя дух, Славка занял в строю свое место. Убедившись, что опоздавших нет, боцман Куратов вскинул руку и глянул на часы.

— Минута сорок… Ну-ну.

Курсанты облегченно вздохнули. На боцманском языке это означало, что неплохо, но могло быть и получше.

— На мостике! — крикнул боцман так громко, словно по барабанным перепонкам ударило взрывной волной. — Вторая грот-мачта к бою готова.

Уже следом ему вторили доклады боцманов других мачт. Свирский каждому из боцманов отвечал в переговорную трубу каким-то жестяным, глуховатым голосом:

— Есть фок… Есть первая грот… Есть бизань.

Эта готовность парусного корабля к бою, разумеется, была символической. Но от старого ритуала ее, дошедшего еще с времен парусного флота, на ребят словно веяло пороховым дымом былых сражений. И казалось ребятам, что их далекие предки — палубные боцманы, комендоры, марсовые — плечом к плечу стоят сейчас рядом с ними. По команде они все как бы застывали в одном строю, готовые к схватке «на абордаж». Славка воображал, что с мостика вот-вот подадут команду «К бою», но вместо этого командир барка отчетливо произнес:

— По местам стоять, к повороту оверштаг.

Славка даже разочарованно вздохнул, догадавшись, что этот маневр был для командира лишь поводом для учебной тревоги. И невольно подумалось: «Схватки и абордажа не будет. Жаль…»

Подскочив к борту, Славка начал распутывать закрепленный на нагеле канат. Он был расписан старшим на нижнем грот-брам-брамселе, при помощи которого вокруг мачты поворачивали на реях паруса, меняя их угол по отношению к ветру. Когда распутанный канат растянулся вдоль палубы, Славка подал команду:

— Взяли!

Выбирая слабину, курсанты разом потянули грот-брам-брамсель на себя. Когда вытянутый в струну канат легонько задрожал, все как бы ощутили на другом его конце упругую силу ветра, напрягавшую парус. Зубкову даже показалось, что он поймал этот ветер и держит в своих руках…

Боцман, словно помолодевший, бегал и весело распоряжался, подбадривал:

— Эй, на марса-брасах! Новаковский, подтянись! Та-ак, хорош. Зубков, а у тебя ребята слишком туго взяли, дай чуток слабины. Курсанты, слушай мою команду! Не спать!

Ребята напряглись, замерли. Быстрота и точность маневра зависела от каждого из них, это было всем понятно.

— Подошли к линии ветра, — прошипел в затылок Славке Герка Лобастов, — сейчас потянем…

— Рано, — тихо отозвался стоявший за Лобастовым Ленька Марунов.

— Ничего не рано. Ты гляди: шкоты на кливерах уже раздернули.

— Замри! — оборвал их Славка.

И снова напряженная тишина. Резкий луч прожектора шарил по мачте, высвечивая паруса, реи. Все в ожидании.

— Пошел — брасы! — раздалась команда с мостика.

И тишина будто бы взорвалась от десятков голосов, криков. Упираясь ногами в палубу, ребята единым махом дернули за канат.

— И-и — раз! И-и — раз! И-и — раз! — в такт рывкам запели старшие на брасах.

Выкрикивая команду для ребят своего расчета, Славка представлял, будто бы все они настолько связаны своим канатом, что слились в нечто единое целое, живое, сильное. Странным выглядело теперь его прежнее ощущение одиночества, особенно сильно испытанное в океане за бортом шлюпки. Ныне же явилось новое, приятное и неспокойное предчувствие чего-то необычного в его судьбе.

— Эх, мать честна! — поторапливая всех, торжествовал Куратов. — Навались! Не жалей силушки! На бр-расах — давай!.. Сверлов, я те посачкую! А ну, тяни до поту!

Счастливый Анатолий Никифорович суетился у мачты. Он то приседал и смеялся, то злился и махал кому-то кулаками. Казалось, он упивался прелестью своего боцманского ремесла.

И вот реи дрогнули, величаво и медленно стали разворачиваться. Пятились, напрягая канат, ребята, и паруса послушно перемещались. Бушприт начал круто уваливать под ветер. Звезды над головой описывали небесную дугу до тех пор, пока парусник не лег на новый галс.

Маневр закончен. Дали отбой тревоги. Ребята вразвалочку подошли к боцману, поводя под робой натруженными плечами и сдержанно улыбаясь. По очереди прикуривали от боцманской трубки. Это было для ребят высшей наградой за их работу.

Попыхивая трубкой, Анатолий Никифорович говорил:

— Молодцы! Одно слово: богатыри, витязи…

— Куда там, — возразил Марунов, — от такой работенки язык впору на плечо вешать.

— Дело серьезное, — отвечал боцман, — гляди, чтоб он к погону у тебя не прилип, а то беда-а.

Боцман приглядывался к ребятам. Его мохнатые брови были нахмурены, а лицо ласковое.

— Добро, тянули на совесть.

— Больше некуда, — поддакнул ему Лобастов. — Вон у Леньки, того… аж роба трещала.

Расхохотались.

— Да будет вам, — улыбнувшись, сказал боцман, — пошли-ка спать.

Когда ребята направились на полубак, Анатолий Никифорович окликнул Славку. Тот подошел нехотя, еле сдерживая зевоту.

— Вот что, Зубков… Утречком завтра, не мешкая, полезай-ка на салинги. Проверь хорошенько блоки на горденях. Один какой-то из них заедает. Как найдешь его — замени новым…

Динамик, упрятанный где-то на марсах, громко щелкнул, потом зашипел и наконец разразился звуками «Барыни». Хриплая мелодия раздавалась до тех пор, пока не потонула в нарастающем шуме, свистках и криках. Так начиналась на корабле большая приборка. И без того негрязную палубу курсанты окатывали забортной водой, щедрыми пригоршнями сыпали речной песок и нещадно терли деревянными брусками. От песка и выступавшей соли дубовый настил белел, делался гладким, походя на ладный, пригнанный доска к доске, выскобленный деревенский стол.

Боцман ходил по палубе, чем-то расстроенный и хмурый. Он грузно наклонялся и проводил носовым платком по свежевымытому настилу. По привычке в зубах у него находилась пустая трубка. Как и все приборщики, он был в одной тельняшке и в засученных, до колен парусиновых штанах, на его груди брякала боцманская дудка. Подойдя к борту, он глянул на горизонт и потом вдруг, вынув изо рта трубку, выругался. Боцман побежал, неловко переваливаясь с боку на бок, к штурманской рубке, куда только что вошел командир.

На барк надвигался шквал. Но этому трудно было поверить. Небо оставалось чистым, океан голубым, ровным, и только где-то на зюйд-зюйд-весте матово светилась под лучами солнца небольшая тучка. По мере того как, заслоняя горизонт, она увеличивалась, крепчал с минуты на минуту ветер. Солнце растворялось, исчезало, и туча становилась все более крутой, мрачной. Дохнуло свежестью, и потемневшая вода закипела,

вспенилась.

— По местам стоять! — загремел по трансляции голос командира барка.

Ребята замерли на марсах, на горденях.

— Фок и грот на гитовы! — следует команда. — Брамсели долой! Отдать марса-фалы!

Курсанты налегли изо всех сил. Теперь главное — убрать вовремя паруса и встретить идущий шквал с наименьшим сопротивлением ветру.

— Боцман! — закричали сразу несколько голосов. — Горденя на салингах не идут!

Вячеслав почувствовал, как что-то разом оборвалось у него в груди. Вспомнил, что он так и не выполнил боцманского поручения. Заело тот самый блок, который он должен был заменить…

Куратов подбежал к ребятам, ухватившись за пеньковый канат, вновь потянул вместе со всеми, но и это не помогло. Задрав кверху бороду, он в бессильной злобе глянул на взбунтовавшуюся мачту и стиснул кулаки. Если паруса не будут убраны, произойдет беда. В лучшем случае сломается мачта, в худшем — перевернется барк. Все решали какие-то минуты, которые пока что были подвластны боцману. И ребята ждали его слова.

Анатолий Никифорович решился. С гневом глянув на Славку, он сказал:

— Братцы, выход один: кому-то лезть на мачту. Ну, кто смелый?..

Никто не успел ответить, как Ленька, застегивая на ходу верхолазный пояс, рванулся к мачте. Ему что-то кричали вдогонку, но он не слышал.

Ленька побежал наверх. А ветер уже зло высвистывал в напруженных снастях. Где-то на полпути сорвало с головы берет, но Марунов упрямо взбирался по вантам. На салинге он увидал, наконец, тот самый блок, в котором заело ходовой канат — гордень. Леонид стал вдоль реи подбираться к нему. Теперь ветер бил прямо в лицо, слепил глаза, выжимая из них слезы. Блок раскачивался где-то внизу. Стоя достать его было нельзя. Тогда Леонид пристегнулся карабином к лееру, лет животом на рею и, нащупав блок, стал распутывать захлестнутый на нем канат. И вот паруса, укладываясь в гармошку, начали прижиматься к реям.

«Теперь вниз», — успел он подумать и почувствовал, как теряет под собой опору.

— Мичман! — завопил Герка Лобастов. — Марунов сорвался, на одном шкертике висит!

— А-а, через колено в дышло… — сложно выругался мичман. — Держись, Марунов!

Тяжело дыша, Анатолий Никифорович полез на мачту. По соседней дорожке его обогнал Зубков. Старик одолел на вантах несколько перекладин и как-то сразу обмяк. Взбиравшиеся следом за ним ребята увидали, как его большое, грузное тело начало медленно клониться в сторону. За борт упасть боцману не дали. Чьи-то руки, подхватив его, бережно опустили на палубу.

— Марунов… как? — еле выговорил боцман, жадно глотая ртом воздух.

— В порядке, — успокоили его, — подтянулся на руках и влез на рею.

— Добро… Так и должно…

Боцмана уносили в лазарет. Ребята шли по бокам его носилок. Куратов пытался приподнять голову, с трудом улыбался и силился что-то сказать. Когда ребята наклонились к нему, то смогли разобрать лишь обрывок фразы о каком-то ржавом балласте. Но никто не понял, что же хотел сказать боцман…

Так же внезапно, как и появился, шквал угас. Проглянуло солнце, и вода отразила небесную синь. Зубкову казалось, что ничего не было. Это — как дурной сон: сделай над собой усилие, отгони его — и все пройдет.

«…Тогда зачем у лазарета собрались люди?» — подумал он.

Миновал час, другой, потерян счет отбитым склянкам. Но все ждут, когда появится из дверей корабельный доктор. Стало смеркаться. Ужин давно пропустили, но никто об этом даже не вспомнил. Наконец главстаршине Мелехову разрешили навестить боцмана. Ребята с облегчением подумали, что это к лучшему.

…Хоронили Анатолия Никифоровича на другой день.

По-прежнему стояла жара. В мутной дымке океан был ровным и, поблескивая на солнце блеклой рябью, казался неживым, безликим. Барк погасил ход, бросил якорь.

Перед общим построением экипажа Свирский зашел в штурманскую рубку. Приветствуя командира, лейтенант Юрий Пантуров хотел встать, но Свирский тронул его за плечо.

— Сиди. Какой там, Юра, под нами грунт?

— Мелкий песок, ракушка.

— Добро. Пусть они будут ему пухом…

Командир осторожно провел по карте ладонью, точно хотел сгладить на дне все неровности и складки.

— Товарищ командир, — спросил Пантуров, — а разве нельзя похоронить боцмана на берегу?

— Нельзя, Юра. Это была последняя просьба нашего

Никифорыча. К тому же на берегу ни родных, ни близких у него не осталось. Я понимаю желание старика: вроде бы к сыну поближе хочет…

— Может быть, не стоило его с больным сердцем в море брать? Пенсию он давно выслужил хорошую.

— Зачем она ему?.. Поймешь и ты, Юра, когда-нибудь, как трудно бывает моряку с морем расставаться… — И, глянув на часы, добавил уже по-деловому сухо: — Приспустите флаг и передайте по вахте: форма одежды на построение — парадная, офицерам быть при кортиках.

Не дожидаясь команды, весь экипаж начал собираться на юте. Ребята разговаривали тихо, словно боясь потревожить сон дорогого им человека. У борта поставили обитый линолеумом стол и положили на него широкую доску. Тело боцмана должны были вынести из дверей лазарета. Зубков глядел в ту сторону и боялся этой последней встречи.

Подошел с покрасневшими от слез глазами главстаршина Мелехов. Он протянул Зубкову серебряную боцманскую дудку и сказал:

— Никифорыч перед смертью просил тебе передать.

— Мне?! — Славкино лицо нервно передернулось. — Больше он ничего не просил передать?

— Нет.

— Хотя бы слово какое-нибудь.

— Это все. Больше он ничего не сказал. Вот еще что… Окажи Никифорычу последнюю услугу: принеси ему для груза брусок балласта.

Зубков спустился в ахтерпик. В темноте он больно ударился головой о выступ цепного привода и, чтобы не вскрикнуть, до крови прикусил губу. Под ногами лежали чугунные балластины. Одна из них должна унести боцмана с собою на дно.

С палубы кто-то постучал в крышку люка. Вячеслав выбрал самый чистый, без единого пятнышка ржавчины брусок балласта и потащил его наверх.

Мичман лежал укрытый военно-морским флагом. На его груди рядом с планкой ордена Ленина приколоты боевые медали. Анатолий Никифорович казался непривычно спокойным. Глядя на его строгое лицо и опущенную на грудь бороду, можно было подумать, что он притворяется спящим.

Зубков не слышал, что говорили, а говорили, разумеется, хорошо и трогательно. Он закрыл глаза, чтобы не видеть, как боцмана зашнуруют в койку.

За бортом раздался всплеск.

Когда Зубков заставил себя посмотреть на то место, где

минуту назад лежал Анатолий Никифорович, там уже ничего не было. Только у стола жалобно пищал и терся боком о его ножку Славкин котенок.

Далеко за полночь, стараясь быть незамеченным, Зубков вышел на палубу и, крадучись, пробрался в боцманскую каюту. Включил свет. Каюту уже прибрали, навели порядок, но жилой, хозяйский дух ушедшего навсегда человека все-таки остался. На полке тесно прижались друг к другу книжки уставов, здесь же стояла пустая банка из-под асидола, выглядывал из рундука белый рукав кителя. Как и прежде, в изголовье висела пожелтевшая фотография. Поборов стыд, Славка вытащил фотографию из рамки и сунул под робу. Несколько минут он глядел отрешенно в одну точку, не в силах больше о чем-либо думать. Потом достал из кармана боцманскую дудку и поднес ее к губам. Дудка ответила ему тихой трелью… Ночь глядела в иллюминатор, океан дремал. Вячеславу начинало казаться, что боцман встал из глубины и бродит по палубе, как тот самый капитан-призрак из древней легенды. В это мгновение дверь скрипнула. Славка вздрогнул.

В каюту боком прошмыгнул Ленька Марунов.

— Так и знал, что ты здесь, — сказал он, усаживаясь рядом.

Но Зубков отстранил товарища, как бы порываясь что-то сказать и не зная еще, с чего начать.

— Славик, ты что? — удивился Леонид.

Зубков тяжело вздохнул, потер подбородок и выговорил:

— Позавчера боцман приказал мне заменить на салинге тот самый проклятый блок. Я этого не сделал, забыл. Вот и…

— Как же так?.. — растерянно проговорил Марунов.

— Что делать? Если б знал…

— Ты кому-нибудь еще говорил об этом?

— Пока никому. Утром пойду к командиру.

— Погоди ты! Я ничего не слышал, понятно?

— Нет, Леня. Так я не могу. Пускай лучше трибунал.

— Ну зачем, кому легче-то станет?

— Мне самому.

Они умолкли. Марунов понял, что уговаривать Славку уже бесполезно. Зубков хотел было выйти, но Ленька вскочил и по-мужски крепко обнял своего товарища.

Спустя месяц парусник бросил якорь на внешнем таллинском рейде. Зубков сошел на берег. За тяжелый проступок его отчислили из училища на флот строевым матросом.

Будни в казарме полуэкипажа тянулись утомительно и однообразно. Славка прибирал широкий плац, грузил уголь,

чистил на камбузе картошку, мыл посуду. От увольнений в город отказывался.

А море было совсем рядом, где-то за поворотом соседней улицы. Только поверх каменного забора виднелись черепичные крыши домов да шпили кирх, над которыми плыли низкие тучи. Совсем уже осень. На плацу морось, гнало ветром пожухлые листья, сгущались резкие запахи плесени от древних таллинских стен.

В небольшой, узкой комнате за столом сидел незнакомый старший лейтенант. Его обмятая фуражка с позеленевшим от морской просоленной влаги «крабом» лежала на подоконнике. Зубков мельком подметил, что хозяину этой фуражки, видимо, штормовать в море не впервой. У морского офицера было широкое, грубоватое лицо и выцветшие на солнце льняные волосы. Он с любопытством глянул на вошедшего Славку.

Зубков по привычке представился:

— Курсант… Простите… Матрос Зубков по вашему приказанию прибыл.

— Добро. — Старший лейтенант встал. — Я ознакомился с вашим личным делом. Думаю, что верить вам можно. Беру вас на свой тральщик. Не подведете?

— Нет, — растерянно и радостно ответил Славка.

— Я надеюсь. Старший матрос Нерубащенко проводит вас на корабль.

Стоявший у двери матрос дружелюбно подмигнул.

Через полчаса, вскинув на плечо вещмешок с нехитрыми флотскими пожитками, Зубков шагал со своим новым знакомым. Виктор Нерубащенко, как представился сопровождавший, оказался веселым, общительным парнем. Ростом он был со Славку, но шире в плечах и плотнее. Всю дорогу, пока они спускались по булыжной мостовой к гавани, Нерубащенко рассказывал о своем корабле.

— Тебя назначили к нам в боцманскую команду, — беззаботно говорил он, — а в команде лишь ты да я, не считая самого боцмана Колупанова. Работы у нас хватает, но ребята все подобрались — во! — Виктор показал большой палец.

У пирса стояли рейдовые тральщики.

— Наш — вторым корпусом, — сказал Виктор.

Трап скрипел, и, вторя ему, скрипели над головой чайки. Высоко над палубой из носа в корму протянулись гирлянды флагов расцвечивания.

— У вас что, праздник сегодня? — спросил Зубков.

— А как же! Считай, что тебе повезло, — сказал Виктор, пропуская Славку вперед себя.

Вячеслав ступил на трап и взволнованно приложил руку к бескозырке, отдавая честь. Вслед за Виктором он спустился на жилую палубу. В носовом кубрике ужинали матросы. Во главе стола сидел маленький, на вид щуплый старшина второй статьи. Нерубащенко представил ему Вячеслава. Старшина, как оказалось, он же боцман Колупанов, пригласил Славку к столу.

— Я недавно ужинал, — пробовал отговориться Вячеслав.

Старшина поморщился:

— Вот что, Зубков, ты не в гостях, ты теперь дома. Ужинал или нет, я не знаю.

После ужина боцман вкратце объяснил его корабельные обязанности и сказал:

— Спать будешь на рундуке по правому борту, рядом с Нерубащенко. Он тебя введет в курс дела. — Боцман улыбнулся и добавил: — А если кто будет звать боцманенком — не обижайся, у нас так принято.

Колупанов вышел по своим боцманским делам. Вячеслав переоделся в робу и не спеша уложил вещи в рундучок. Вскоре в опустевший кубрик наведался Нерубащенко.

— Ну как? — спросил деловито.

— В порядке, — ответил Вячеслав.

— Вот и ладно, пока отдыхай. Ты уж извини. Я бы тебя хоть сейчас познакомил со всеми трюмными закутками, да вот палубу прошвабрить надо. Только что паклю с берега получили. Пока ее затолкали в трюм, весь ют запорошили трухой.

— Я помогу, — сказал Вячеслав.

Они вышли на палубу. Сигнальщики сворачивали флаги расцвечивания.

— Что, праздник уже кончился? — удивился Вячеслав.

— Наоборот, только начинается. — Виктор подмигнул. — Ночью выходим в море. Разве это не праздник? А флаги — просто так, их после стирки сушить повесили.

Вячеслав понимающе улыбнулся. Только теперь он почувствовал, как истосковался за то время, пока под ногами не было палубы. Подумалось, что теперь, видимо, никогда уже не сможет расстаться с морем. Что бы там ни было, судьба вновь дарила корабль и морскую службу. Приходилось начинать все сначала. Вячеслав поплевал на ладони, как это делал Никифорыч, и взялся за швабру.

А. Волков
СЕРЕЖИНЫ СТВОРЫ
Рассказ

ВОЛКОВ *Анатолий Григорьевич (1938 г. р.). В прошлом — капитан судна в Новороссийском морском пароходстве. Человек мужественный, он в октябре 1977 года смело вступил в схватку с вооруженным хулиганом. Преступник выстрелил Волкову прямо в лицо. Анатолий Григорьевич выжил, но полностью лишился зрения. Было ему в ту пору тридцать девять лет.*

Многому ему пришлось учиться заново: и ходить, и писать, и читать, и… жить. Не сразу и не вдруг решился Анатолий Григорьевич попробовать свои силы в литературе. Все было на этом многотрудном пути — и огорчения, и радости, и сомнения. Но бывший моряк и капитан дерзает, свидетельством чему является этот рассказ.

В динамике над моим рабочим столом щелкнуло, и тишину каюты нарушил голос радиста: «Внимание! Через десять минут наше судно будет проходить Сережины створы». Опять щелчок. И тишина. Ни слова больше. Да и к чему слова? Осенью прошлого года судьба каждого из нас решалась на линии этих створов. И решил ее Сергей. Наш Сергей. Ценой своей жизни.

Я сложил бумаги в папку и невольно задержал взгляд на отполированной пластинке, прикрепленной к обложке папки. По металлу красивой вязью выгравировано: «Старшему механику Лосеву В. В. В день пятидесятилетия от пятисотсильной машинной команды». Уже потом, после юбилея, узнал от ребят, что эту пластинку сделал Сергей. Да-а, золотые руки были у парня.

Я убрал папку в ящик стола, надел свежую рубашку и вышел на палубу. Форштевень буксира вспарывал морскую гладь, поднимал перед собой пенящиеся буруны, которые с громким шуршанием проносились вдоль бортов, сливаясь за кормой в длинный пенистый след. Медленно уходил назад гористый берег с поселочками в небольших долинах, с пестрыми полосками пляжей и белым многоэтажьем корпусов санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей. Почти в зените полыхало июльское солнце. Было жарко и душно.

Из открытого иллюминатора радиорубки доносилась пискливая тарабарщина морзянки. На палубе перед надстройкой собрались почти все свободные от вахты, они негромко переговаривались. Где-то в коридоре загрохотал боцманский бас:

— Я тебя такого на палубу не пущу! Штаны отутюжил, а на лице парада нет!.. Успеешь. Иди брейся…

Я достал из кармана очки и стараюсь рассмотреть очертания берега, который далеко впереди становится расплывчатым от знойного марева.

— Сережины створы уже близко. Я их вижу, — послышался мягкий, чуть дрогнувший голос поварихи Лены.

Я оглянулся. Она стояла рядом. Тоненькая, стройная, в коротком белом платье, похожая на невесту. Она бережно прижимала к груди букет алых роз. Лена подошла к фальшборту и замерла, чуть наклонив голову и касаясь губами лепестков роз. Наверняка Лена вспоминала в эти минуты ту штормовую ночь и Сергея… Как вспоминали и все мы…

Три года назад появился у нас в машинной команде новый кочегар. Впрочем, сначала он появился у меня в каюте. Переступил порог и озорно заулыбался, щуря глаза. Спрашиваю этого белокурого крепыша:

— Что вы хотели?

Он протягивает мне бумажку. Читаю: «Рускин Сергей Сергеевич. Направляется кочегаром…»

— Ясно, — говорю. — А кто это вас за дверью рассмешить успел?

Его глаза еще больше прищурились, из уголков морщинки разбежались. Губы подрагивают. Того и гляди, сейчас от смеха прыснет.

— Извините, — говорит, — но у вас вид… Чуб торчит, точно гребешок у петуха, а нос графитом измазан.

Я перед приходом Сергея с графитовым порошком возился. Предложил ему стул, сам — к зеркалу. Глянул на себя и в душе чертыхнулся. Угораздило же меня предстать перед этим парнем клоуном. А он тоже хорош… Никакой субординации.

Привел себя в порядок. Начал знакомиться с кочегаром. Во время нашей беседы украдкой рассматриваю своего нового подчиненного. Фигура не крупная, и плечи не косая сажень, однако скроен добротно, плотно. Руки жилистые. Под рубашкой мускулы играют, лицо привлекательное, а губы пухлые, розовые, как у красной девицы. Рассказал Рускин, что месяц назад уволился из Военно-Морского Флота и вернулся в свой родной город Керчь. Спросил его, почему не остался работать на берегу.

Отвечает с лукавинкой:

— Слышал я, что у вас часто ветерочек дует, и частенько крепкий. Не люблю, когда вокруг меня тишь да гладь.

Позже я узнал, что не за ветерком Сергей в Новороссийск приехал. Не дождалась его со службы любимая девушка. Все ее письма к Сергею были полны слов о любви, о верности, о счастье. А за два месяца до увольнения он получил от нее очередное письмо. Короткое. Последнее, в котором она сухо сообщала, что вышла замуж. Просила не упрекать и строго не судить.

Прошло совсем немного времени, и весь наш комсомольско-молодежный экипаж полюбил Сергея. Всегда веселый, подвижный, остроумный, он решительно не терпел, когда вокруг него царила тишина. Сергей был заводилой всего веселого, шумного, а вечерами в кубрике или на палубе он любил петь под гитару песни о море и мужестве моряков, о дальних морских походах, о девушке, оставшейся на берегу. Хорошо он пел, с душою. Только чувствовалось, что в нем все еще не затихала боль от неудачной первой любви.

Честность и добросовестность Сергея были безупречны. Помню такой случай. Около четырех часов ночи, готовясь к смене вахты, Рускин решил обжать сальник на насосе. Подналег на гаечный ключ и… сорвалась резьба на шпильке. То ли он переусердствовал, то ли металл поизносился — трудно сказать. Шпилька оказалась короткой, вторую гайку не накинешь. А пар вовсю свищет. Заступила новая вахта, а Сергей все у насоса колдует. Нарезал новую шпильку, поставил ее, обжал сальник и только после этого ушел отдыхать.

Пришел наш буксир как-то в Керчь. Рускин пригласил меня к себе домой в гости. Пришли. Познакомился с его сестрой Любой и матерью Полиной Карповной. Сестра на Сергея похожа. Белокурая, стройная, красивая. Ей тогда девятнадцать лет было. Фотографию этой девушки я видел в кубрике. Висела она на переборке у изголовья Сережиной койки.

Пока брат и сестра на стол накрывали, мы с Полиной Карповной разговорились. Рассказала она мне о своем муже, у которого через восемь лет после войны шевельнулся осколок под сердцем, и осталась Полина Карповна одна с двумя малыми детьми. Поведала она и о той девушке.

Женщина несколько раз прерывала свой рассказ, тяжко вздыхала. Под конец нашего разговора положила ладонь на мою руку и попросила:

— Вы уж там, на корабле, присмотрите за моим Сережкой. Без отца рос, и от матери нынче далеко. А что, если ему снова встретится такая?

Только зря беспокоилась Полина Карповна. Не заводил Сергей знакомств с девчатами. Все отшучивался: «Без воды и хлеба прожить нельзя, а без любви — можно».

Наступила осень. Осень прошлого года. Зачастили непогоды. Случилось так, что из трех морских буксиров в строю остался только наш, а план грузоперевозок никто не корректировал. Вот и пришлось нашему экипажу работать за троих, делать рейс за рейсом.

В конце октября мы пришли в Туапсе за нефтеналивным лихтером. Этот рейс был из разряда срочных. В Новороссийске простаивал огромный танкер, который не мог сняться в рейс без трех с половиной тысяч тонн моторного топлива, как раз погруженных на тот лихтер. А время-то какое — конец месяца! У всех на уме только одно слово: «План! План! План!»

Погода стояла премерзкая. Ветер от зюйд-веста поднял на море крупную зыбь. По низкому небу ползли мрачные рваные тучи, хлестал холодный колючий дождь.

Вышли мы с лихтером в открытое море и легли курсом на Новороссийск. С каждым часом погода становилась все хуже и хуже. Груженый лихтер шел на буксире плохо: все время рыскал из стороны в сторону. Скорость хода упала до четырех узлов. Усилилась бортовая качка. В ноль часов радист принял штормовое предупреждение. К этому времени мы прошли более половины пути. Теперь ближайшим портом, где можно было найти убежище, был Новороссийск.

В два часа ночи прогноз синоптиков оправдался. За тридцать шесть лет работы на флоте мне всякое пришлось испытать, но такого шторма и по сей день не припомню. Волны швыряли буксир, точно игрушечный кораблик, бросали его с борта на борт. Судно дрожало и стонало под их ударами.

Кубрики и каюты опустели. Весь экипаж, не ожидая команды, вышел на свои рабочие места. Выстоять в такую погоду четырехчасовую вахту у штурвала, у паровой машины или у топок котла было не под силу и бывалым морякам. Укачался третий механик, недавний выпускник мореходки. Не удержался на ногах, упал и вывихнул себе руку кочегар Шапуркин. Машинистам доставалось труднее всех. Через каждые полчаса они подменяли друг друга у маневрового клапана. Корма буксира часто поднималась на волне, оголяя винт. Машинист ловил такие моменты и, стремительно вращая отполированный диск маневрового клапана, сбрасывал обороты машины, иначе можно было потерять винт.

Начались неприятности на палубе. Волны разнесли в щепки борт спасательной шлюпки, смяли крыло мостика, сорвали с

крепления железный ящик с аварийным имуществом. Этот сундук весом в шестьсот килограммов метался по шлюпочной палубе, ломая все на своем пути. В машинном отделении были слышны его таранные удары. До сих пор не могу понять, каким чудом удалось боцману и матросам усмирить ящик и водворить его на место.

Обстановка складывалась все тревожнее. Скорость упала до трех узлов, дрейф увеличивался. Берег медленно, но неумолимо приближался. Отстояться на якорях в такой шторм было невозможно. Капитан принял правильное решение: изменить курс, лечь против волны и штормовать до улучшения погоды, которое синоптики обещали с наступлением утра. Легли на новый курс. Прошло немного времени, и стало ясно, что буксир и лихтер хоть и не продвигаются вперед, но и не дрейфуют к берегу. На душе полегчало.

Жарко в машинном отделении, тропическая жара в кочегарке. Люди устали, давала себя знать морская болезнь. Не брала она, кажется, только одного человека — Сергея Рускина. Отстоит положенное время у топок и тут же за другую работу принимается: то насосам смазку даст, то сальники обожмет, то на фланцах гайки подтянет. И все с шутками, с прибаутками.

Более часа мы удерживали лихтер против волны. И вот случилось непредвиденное: в средней топке обвалилась огнеупорная кладка. Доложил я о ЧП капитану. Котел продолжал работать на двух оставшихся топках. Через несколько минут с мостика сообщили: буксир и лихтер начали дрейфовать к берегу. Для обоих судов этот дрейф мог закончиться катастрофически: нас могло выбросить на скалы, и речь прежде всего шла не о нашем спасении, об этом мы как-то не думали. Но вот если разобьется о камни лихтер, тогда тысячи тонн моторного топлива превратят прибрежную зону в смертельно опасный район. Достаточно будет случайной искры, чтобы загорелись и море и берег. А там, на берегу, в санаториях, домах отдыха спят сотни людей, не подозревая о грозящей им опасности.

Для нас счет времени пошел не на часы, а на минуты. В Новороссийск и Туапсе были посланы радиограммы с просьбой выслать на помощь буксир. Ответы пришли безрадостные: в Новороссийске буксира нет, в Туапсе есть, но он удерживает финский танкер у нефтепричала. Через некоторое время из Новороссийска пришла вторая радиограмма. В ней сообщалось, что советский танкер, идущий из Одессы на Батуми, изменил свой курс и направляется к нам на помощь. Наш радист быстро установил связь с этим судном. Несложные расчеты — и стало ясно: помощь может не успеть, еще до подхода танкера шторм

выбросит буксир и лихтер на берег. Оставался единственный выход — произвести замену огнеупорной кладки в горячей топке.

Запросил у капитана разрешение. Долго молчал капитан. Наконец спрашивает:

— Кто пойдет в топку?

Отвечаю:

— Приказывать не могу. В топку пойдут добровольцы.

Закончил разговор. Отхожу от переговорной трубы. Стоят передо мной механики, машинисты, кочегары. Молчат. Перевожу взгляд с одного лица на другое. Губы у каждого плотно сжаты, а в глазах у всех читаю короткий ответ: «Я готов…», «Я готов…», «Я готов…».

Сергей Рускин… Нет, это был другой Сергей Рускин: не выдумщик и балагур. Двумя белесыми крыльями сошлись брови на переносице. В широко раскрытых глазах — твердость гранита. Ровным, спокойным голосом он сказал:

— Разрешите мне, Владимир Васильевич. На эсминце во время похода точно такая история случилась. Я работал в аварийной группе. Топку сделали.

Машинист Жуков положил руку на плечо Сергея.

— Один ты не успеешь. Не выдержишь. Буду работать в паре с тобой.

Начали готовиться к выполнению ремонтных работ. Рускин и Жуков, раздетые до трусов, сидели на пожарной кошме и о чем-то негромко разговаривали. Подошел к ним.

— Жарко, — говорю, — ребята, а начинать надо. Кто пойдет первым?

Поднялся Сергей. Он сделал несколько шагов и поднырнул под натянутый трос, который образовал перед котлом квадрат, напоминающий маленький ринг. При качке такое ограждение помогало людям удерживаться на ногах. Я стоял у котла, смотрел на Рускина и думал: «Вот сейчас этот парень первым начнет тяжелый и опасный бой. Мы — его секунданты. Неумолимое и беспощадное время — наш рефери. Бой надо выиграть. Надо. Иначе…»

На палубе загрохотала буксирная лебедка. Сейчас капитан развернет оба судна бортом к волне, иначе шторм может понести буксир, оставшийся без хода, на лихтер. С мостика приказали остановить машину и приступить к ремонту топки. Затихли все механизмы. В последний раз провентилировали топки. К работе все готово.

Обнаженное тело Сергея смазали техническим вазелином. Тщательно забинтовали кисти рук. Помогли надеть ватные брюки и куртку. Обмотали ветошью ступни ног, шею и голову. Втиснули

в неуклюжий жаростойкий костюм. Когда голова Сергея скрылась под асбестовым шлемом с небольшим стеклянным окошком, он стал похож на человека из мира фантастики. Подошел к нему. Хотел сказать что-нибудь напутственное, но в последний момент почувствовал — этому парню не нужны мои слова, как не нужны они настоящему мужчине перед боем.

— Иди, сынок… — только и мог сказать я Сергею.

У самой топки он на секунду задержался. Из-под шлема донесся его голос:

— Ребята, вы Жукову под мышками вазелином не мажьте. Он щекотки боится. — Он и тут продолжал шутить.

Десять минут работал Сергей. За это время подготовили машиниста Жукова. Когда Рускин выбрался наружу, его одежду начали поливать водой из шланга, освободили голову от шлема и ветоши, вытерли красное, в подтеках вазелина лицо. Жуков спрашивает:

— Ну, как там, Сергей?

Рускин подставил голову под струю воды, отфыркался, улыбнулся:

— Как у черта в прихожей… Ты там долго не задерживайся… Дыши через нос, чтобы легкие не обжечь… Кирпичи начинай выбирать из самых трудных мест… Переносную лампочку вешай на шпильку слева…

«Как у черта в прихожей…» — мысленно повторил я слова Сергея. Если и есть у черта прихожая, то она, по сравнению с горячей топкой, сущий рай. Там, в металлической пасти топки, защитная одежда быстро прогревается и начинает жечь тело. Сердце работает с предельной нагрузкой. Видимость плохая, и вдобавок льет на глаза пот, перемешанный с растаявшим вазелином. Кисти рук болят, точно их окунули в кипяток. Не-ет, в таком пекле и Вельзевул не выдержит…

Время пребывания Рускина и Жукова в топке с каждым разом становилось все короче. Они уже не могли самостоятельно выбираться наружу, по условному сигналу мы вытаскивали их за страховочный трос. Кошму пододвинули к самому котлу. Отдыхали парни лежа на спине, широко раскинув в стороны руки и ноги. Воздух в кочегарке казался им прямо-таки прохладным после удушающей жары в топке.

Несколько раз Сергей спрашивал, сколько прошло времени. Я заметил, что он работает на две-три минуты дольше Жукова. Сказал ему об этом. Рускин показал глазами на Жукова, который только что втиснулся в топку:

— Ему труднее — он же старше меня. К тому же я поспортивней. Не беспокойтесь, Васильевич… Все будет

нормально…

Помолчал и вдруг спрашивает:

— Вы любите кизиловое варенье?

«О чем это он спрашивает? Какое варенье?» — опешил я. Губы Сергея дрогнули в улыбке:

— Мама… очень любит… кизиловое… Я в Туапсе… на рынке… пять баночек… купил. Не разбились бы… в посылке…

Наверху стукнула входная дверь. На площадке показался матрос Виктор Маков. Держа в вытянутой руке брезентовую сумку и чайник, он начал осторожно спускаться по крутому трапу. Мы с удивлением смотрели на него. В такой шторм добраться по палубе к машинному отделению — занятие весьма рискованное. На последней ступеньке Маков остановился и, передавая ношу второму механику, пояснил:

— Это пирожки и какао. Повариха просила передать.

Алексей Шапуркин, удерживая здоровой рукой резиновый шланг, прокричал:

— Виктор, как там берег, далеко?

— Близко, Леха, — ответил матрос и, ловко перебирая руками поручни, поднялся наверх, громыхнув за собой тяжелой дверью.

Ремонт топки подходил к концу. Я все чаще посматривал на часы. Расчетного времени оставалось совсем мало. Вытащил из топки Рускина. Он вытянул перед собой руки и, тяжело дыша, прохрипел:

— Разбинтуйте… Больно…

Быстро освободили кисти от черных бинтов. Красная кожа сплошь была покрыта водянистыми пузырями. Во многих местах они лопнули. Из ранок розовыми струйками сочилась сукровица.

— С такими руками работать больше нельзя. В топку не пойдешь, — сказал я Сергею.

Он посмотрел мне в лицо и отрицательно покачал головой:

— После Юры еще один мой заход… Последний… Работу закончу…

И Сергей закончил работу. Вытащили его из топки. Подхватили под руки. Сняли шлем. Он обвел нас помутневшими глазами, с трудом разжал губы:

— Все, парни… Топка готова… Наша взяла… Разде…

И вдруг тело Сергея обмякло. Он потерял сознание.

Быстро сняли с него одежду, освободили от ветоши руки, ноги, голову. Положили на кошму. Облили водой. Дали понюхать нашатырный спирт, растерли виски. Сергей не приходил в себя. Доложил капитану об окончании ремонта топки и тяжелом состоянии Рускина. Через несколько минут в котельное отделение

спустились боцман и трое матросов. Забирая Сергея, боцман успел сообщить, что капитан связался с танкером и попросил высадить нам на борт своего судового врача. Сергея отнесли в каюту капитана.

Прошло полчаса. Подняли давление пара в котле. Пустили паровую машину и все механизмы. Я вышел на палубу. Ветер значительно ослабел. Сквозь серую предрассветную пелену мрачными тенями проступали контуры гор. Скалистый берег был совсем близко. Там ревел и грохотал прибой. Буксир и лихтер медленно уходили от опасного места.

Вошел в каюту капитана. Прикрытый до пояса простыней, лежал на койке Сергей. На столе судовая аптечка. Воздух пропитан запахами лекарств. С мрачным, осунувшимся лицом стоял у койки старпом. Он посмотрел на меня, покачал головой:

— Нет, не приходит в сознание. И пульс очень слабый. Ждем врача с танкера.

Через полтора часа с подветренного борта заплясала на волнах шлюпка. После нескольких попыток врачу удалось вскарабкаться на нашу палубу. Войдя в каюту, он поставил на стол саквояж, склонился над Сергеем, приподнял его веки, пощупал пульс. Выпрямился, беспомощно пожал плечами:

— Я уже ничем помочь не могу. Общий перегрев организма. Тепловой удар.

Шлюпка забрала врача и ушла к танкеру.

Я остался в каюте один. Сижу у койки Сергея, потрясенный случившимся. Горе острой болью заполнило всю грудь, перехватило дыханье. Почти явственно слышу голос Полины Карповны: «Вы уж там, на корабле, присмотрите за моим Сережкой…»

Дверь в каюту приоткрылась, и показалась голова поварихи Лены. Посмотрев на Сергея, на меня, она тихо вошла, остановилась рядом, дотронулась до моего плеча и почти шепотом спросила:

— Он заснул? Ему лучше, да?

Я встал и с трудом выдавил из себя два слова:

— Он… умер.

Лена вздрогнула, полуоткрытый рот застыл в беззвучном крике. В широко раскрытых глазах заметались боль, отчаяние. И тут до меня дошло… Штормовая ночь принесла с собой еще одно горе: ведь она любила Сергея, и никто об этом не знал.

Лена шагнула к койке. Плечи ее опустились, спина сгорбилась. Осторожно, точно боясь разбудить спящего, она провела рукой по лбу Сергея. Из ее груди вырвалось умоляющее, зовущее:

— Сережа-а…

Шутил Сергей, что без воды и хлеба прожить нельзя, а без любви можно. Вот она, любовь. Стоит рядом с ним. Жила рядом. Молчала. Ждала. Не дождалась…

Мои воспоминания прервал рассыпчатый перезвон машинного телеграфа. Сбавили ход. Обрывистый берег смотрел на нас лысинами отвесных скал, а за ними бугрились зеленые склоны гор, подпоясанные белой лентой шоссе. На ближайшей вершине четко различался знак — пирамида, составленная из трех бревен. У подножия горы, почти на самом краю обрывистого берега, высился многоэтажный корпус санатория. Через два этих ориентира можно провести прямую линию, которая в навигации называется линией створов. По этой прямой прошлой осенью шторм нес наши суда на берег. На этой прямой Сергей отдал свою жизнь, спасая всех нас.

Стоят вдоль борта члены экипажа. Лена еще ниже склонила голову, и теперь ее лицо утонуло в розах. Может быть, она неслышно шепчет самые теплые и ласковые слова, какие только может родить любовь.

С мостика раздался голос капитана:

— Флаг приспустить!

И тут же воздух содрогнулся от пронзительного звука парового гудка. Склонив головы, замерли люди на палубе. Лена берет из букета по одной розе, протягивает руку за борт и осторожно отпускает с ладони цветок. Алыми точками уходят розы за корму.

Гудок оборвал свой крик, но через несколько секунд его звук раскатистым эхом вернулся от берега. Лена подняла голову, посмотрела на меня заплаканными глазами.

— Слышите?.. Отозвались Сережины створы.

Э. Улдукис
ВОСЬМОЙ МАТРОС «ДИВОНИСА»
Повесть

УЛДУКИС *Эдвардас Антанович (1932 г. р.). Закончил историко-философский факультет по специальности журналистика Вильнюсского университета. Работал корреспондентом районной газеты, затем — центральной республиканской газеты «Тиеса», причем специализировался по транспортному и промысловому флоту. Много времени в качестве корреспондента проводил в море. Член Союза писателей. Автор романов «Все о Пронисе», «Вихрь», «Зарево», повестей «Глаз циклопа». «Восьмой матрос «Дивониса», «Бермудский треугольник», «Июньские звезды» и др.*

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Пропал Винце в первый день весенних каникул. Сразу после обеда. Ушел на тренировку и как в воду канул. Когда дедушка Доминикас спохватился внука, его уже и след простыл.

Винце — не какой-то там просто Винце, а Винцентас Юргутис: восходящая спортивная звезда и не последний ученик седьмого «В». Правда, он не отличник, но если постарается, то даже Балтрамеюса Всезнайку заткнет за пояс.

Одноклассник Винце Балтрамеюс даже сложнейшие задачи из десятого класса щелкает как орехи. Потому и прозвали его Всезнайкой. Вообще-то фамилия Балтрамеюса не звучит — Жаситис[3], но весь седьмой «В» и даже некоторые десятиклассники величают его Всезнайкой. И Балтрамеюс на это не обижается. Он даже гордится прозвищем и мечтает, достигнув вершин математических наук, пристегнуть его к своей настоящей фамилии. Прислушайтесь: доктор математических наук, профессор Балтрамеюс Жаситис-Висажитис[4]. Производит впечатление, не правда ли?

А Винце, конечно же, не такой. Его голова занята другими делами: Винце нацелился на капитанский мостик. Поэтому-то и спортом стал заниматься. Говорит, надо с юных лет закаляться, иначе в мореходку не примут. Винце и старается вовсю. Уже сейчас он прыгает дальше всех в классе. Думаю, что нет пока ему равных во всей школе. Да и в городе он уступает только двум

самым длинноногим. Это потому, что хотя ему уже четырнадцатый год стукнул, но ростом он пока не вышел. Ноги коротковаты. Вот Винце и тренирует их самыми разными способами, чтобы подлиннее вытянулись. И если ему это удастся, все рекорды прыгунов, считай, будут Винцены.

Да вот случилась беда — пропал Винце. Хотя, кажется, и не собирался пропадать. Перекинул через плечо спортивную сумку, которую подарил ему дядя Витаутас, и ушел на тренировку. А через час позвонил домой тренер Винце. Трубку поднял дедушка Доминикас Юргутис. Он уже был на пенсии и если только не шел в рыбколхоз, как он говаривает, «отвести душу», то коротал время у телевизора.

— Почему Винцентас не пришел на тренировку? — спросил тренер.

— Как так не пришел? — удивился дедушка.

Тренер объяснил, что Винце в спортзале не появлялся.

— Шкуру спущу с пострела этакого! — рассердился старый Доминикас.

Но к телевизору он не вернулся, хотя шел его любимый фильм о рыбаках. Эту картину Доминикас Юргутис смотрел уже, наверное, раз шестнадцать. И не скучал.

Дедушка позвонил Всезнайке.

— Балтрамеюс Жаситис у аппарата, — пропищал в ухо полный достоинства голосишко.

— Скажи, Всезнайка, куда это Бангпутис[5] нашего Винце загнал? — спросил дедушка.

Всезнайка сказал:

— Винцентас на тренировке.

— А еще Всезнайкой называешься! — в сердцах бросил трубку Доминикас Юргутис.

Он вышел во двор, встретил трех или четырех одноклассников Винце, и все они в один голос утверждали, что Винце на тренировке. Ведь не было еще случая, чтобы Винце в назначенное время не появился в спортзале или на стадионе. Он упорно готовился стать капитаном дальнего плавания, регулярно закалял организм и не поддавался даже болезням.

Ужасно обеспокоенный дедушка отправился в спортивный зал. Тренировка уже кончилась, тоже расстроенный тренер только руками развел:

— И куда он мог запропаститься? Такой прилежный мальчик.

Долго оба гадали.

— А может… — вдруг спохватился дедушка. — Может, он, пострел этакий, к отцу сбежал?

Позвонили в диспетчерскую рыбколхоза.

— Нет, не было его, — ответил отец Винце. — Да и почему ты беспокоишься? Сегодня у Винце тренировка.

— В том-то все и дело, — рассердился дедушка, — что не был он на тренировке. Он, наверное, пострел этакий, где-то лодыря гоняет. Спущу я с него…

— Может, он у матери? — высказал догадку отец Винце.

— Сбегай, — велел ему Доминикас.

Мама Винце вяжет в рыбколхозе сети. Из диспетчерской, где дежурит отец, недалеко — только двор пересечь. Пока отец Винце бегал, дедушка тяжело дышал в телефонную трубку. Потом услышал, как в диспетчерской скрипнула дверь и отец Винце изменившимся голосом сказал:

— И здесь его не было…

Тренер посоветовал сообщить в милицию. Дедушка Доминикас совсем растерялся. Если уж дошло до милиции, то дела плохи. До сих пор дедушка думал, что милиция лишь воров да хулиганов ловит. Оказывается, она еще и пропавших мальчишек разыскивает.

Он позвонил в милицию и был вынужден объяснить, каков Винце из себя, во что одет, какого роста, какой у него нос и множество других вещей, которых дедушка даже и вспомнить не мог. Наконец ему пообещали:

— Найдем вашего Винцентаса Юргутиса. Мальчишка — не иголка.

Конечно, не иголка. Да легче от этого не стало — не нашла Винцентаса Юргутиса и вся милиция портового города. Напрасно отец Винце посменно с дедушкой дежурили в отделении, а мама по телефону советовала, где и, главное, как искать пропавшего.

СПОР

А пропал Винце вполне обдуманно, точь-в-точь так, как было у него заранее намечено.

Однажды семиклассники писали сочинение «Кем я хочу быть». Пол-урока Винце грыз ручку и ни одного словечка не накалякал. Нет, не потому, что не знал своего настоящего призвания. К тому времени он уже четко определил свое будущее и мог запросто изложить: «Я хочу быть…» Но Винце раздумывал, как и чем свой выбор обосновать…

Вспомнилось ему, как недавно дедушка Доминикас вернулся из города и сказал:

— Встретил внука старого Густайтиса Мике. На губах у мальчишки еще молоко не обсохло, а уже в штурманских нашивках ходит, пострел этакий. Уселся на чемодан и такси

высматривает. «Куда, спрашиваю, собрался, Мике?» — «Да в Гавану, отвечает, слетать надо. Через полгодика вернусь». Вот такие-то дела, Винце. Нынче ему, пострелу этакому, Куба ближе, чем мне когда-то Паланга или Швентойи. На самолетах, вишь, летает. Словно и не рыбак он, а по крайней мере министр… Да, легко теперь молодняку на таких судах да самолетах по океанам бегать. А попробовали бы в те давние времена. Да на моем суденышке…

Тогда-то и рассказал дедушка всю историю семьи рыбаков Юргутисов. Начал с отца своего, прадеда Винце, который добывал треску у самых берегов Балтики. В открытое море рыбаки на своих утлых весельных лодчонках и парусниках ходить не смели. Попадешь в шторм и, как рыбаки говорят, вешай сушить сети[6].

Дедушке Доминикасу еще не было и пятнадцати, когда его отца забрало море. Рыбачил он недалеко от берега. А тут налетел шквал. Многие рыбаки видели, как лодчонка опрокинулась, но помочь ему никто не осмелился: пускаться в море по таким волнам без мотора — все равно что по доброй воле в могилу ложиться. К вечеру шторм выбросил на берег пустую лодку, а наутро совсем еще малый Доминикас ушел на ней рыбачить. Так и бедовал в одиночку, под фашистами натерпелся, наконец мира дождался. После войны в рыбацкий колхоз вступил, отправил в море обоих сыновей — отца Винце и дядю Витаутаса. Отец несколько лет ходил на судах тралмейстером, а теперь вот по болезни перевелся в диспетчерскую колхоза. Дядя Витаутас…

— Почему ты не пишешь, Юргутис? — прервал воспоминания Винце строгий голос учительницы, и потомок старого рыбацкого рода склонился над тетрадью.

Винцентас Юргутис решил описать в сочинении дедушкину историю и в конце сочинения сказать, что именно она заставила его избрать семейную профессию. Тут одним предложением не отпишешься, ребята не поймут и пальцами станут тыкать, а уж Нида и Всезнайка не упустят возможности перед всем классом высмеять его как хвастунишку…

Спустя несколько дней учительница вернула сочинения. А два самых лучших решила прочитать всему классу. Всезнайка сиял: его гимн математике читали первым. Потом учительница внимательно взглянула на Винце и сказала:

— Винцентасу Юргутису я тоже поставила пятерку за сочинение.

Винце оторопел и спрятался за спину и косички Ниды. А учительница начала читать. Винце слушал и краснел. Сочинение казалось ему скучным, оно даже отдаленно не напоминало рассказов дедушки. И за сердце не хватало…

— Замечательно, что Винцентас решил идти по стопам прадеда, дедушки, отца и дяди, — кончив читать, сказала учительница. — Труд рыбака и моряка требует от человека большой выдержки, смелости, мужества. Из сочинения видно, что Винцентас понимает это и готов преодолеть любые трудности. Уже сейчас, готовясь к будущей встрече с морем, он постоянно занимается спортом и закаляет себя. Да и грамматических ошибок не делает…

Чуть только началась перемена, Всезнайка ехидно ухмыльнулся, ткнул пальцем в Винце и заорал:

— Любуйтесь, тресковый король!

Нида мотнула косичками и, надув губки, повторила вслед за Балтрамеюсом:

— Рыбак? Совсем не модно…

Винце сжал кулаки и двинулся на Всезнайку:

— Ну-ка, повтори!

Всезнайка не только задачки десятиклассные щелкает. Он и хитрить умеет. Особенно если попахивает дракой, которую Балтрамеюс Жаситис боится, как угорь — рыболовного крючка.

— Ты не понял намек, Винцентас, — вывернулся Всезнайка и на сей раз. — Я только хотел сказать, что ты станешь тресковым королем в том смысле, что ты станешь капитаном. В прямом смысле этого слова. Если, конечно, не сбежишь с корабля.

Винце стоял и не знал, как ему поступить: то ли поколотить Всезнайку, то ли вообще промолчать. Вес еще сжимая кулаки, он все-таки спросил:

— Почему это сбегу?

— Попробуешь качки и после первого штормяги шмыганешь на берег.

Нида прыснула. Захихикали и другие девчонки. Даже кое-кто из мальчишек улыбнулся. Наверное, все представили себе, как драпает с траулера перепугавшийся Винце. Ему это трудности не составит — бегать он умеет хорошо.

Винце промолчал. А что ему было делать? Поколотив Всезнайку, он только показал бы всему седьмому «В», что обозлен. А если человек злится, значит, правда не на его стороне… Винце незаметно разжал кулаки, повернулся к Всезнайке спиной и через плечо бросил:

— Ты еще возьмешь свои слова обратно, профессор кислых щей!

Счастливо избежав потасовки, Всезнайка опять стал нахальным.

— Никогда! — громко заявил он и подморгнул девчонкам: смотрите, мол, какой я отважный, ни на шаг не отступаю от своих

убеждений.

Будущий капитан был уже у порога.

— Я докажу, что морская болезнь мне нипочем, — не поворачивая головы, сказал он. — И тогда ты, профессор, извинишься передо мной на виду у всего класса.

Всезнайка плохо знал Винце, поэтому и ляпнул, не подумав:

— Докажи — и я сниму перед тобой шапку посреди улицы!

— Нет, ты это сделаешь в классе, — ответил Винце.

Домой в тот день он вернулся задумчивый. Дедушка Доминикас чинил в колхозе снасти. За столом восседал дядя Витаутас и уже, наверное, в сотый раз писал на листке бумаги одно-единственное слово — «Дивонис».

— Кто этот Дивонис? — спросил Винце.

— Траулер, — ответил застигнутый врасплох дядя и тут же спохватился: — Много будешь знать — скоро состаришься.

Винце обиделся и ушел на тренировку.

Вечером дедушка Доминикас долго крутил опаленный трубкой ус, таинственно поглядывал на Винце и загадочно улыбался. Ему очень хотелось, чтоб Винце спросил, что произошло. А Винце делал вид, что ничего не замечает. Тогда дедушка набил трубку, нагнал полную комнату горького дыма, кашлянул и безразличным голосом сообщил:

— А этот пострел на капитанский мостик выскочил…

— Густайтисов Мике? — безразлично зевнул Винце.

— Тьфу! — Доминикас даже подскочил на скамеечке. — Твой дядя, а мой последыш Витаутас получил корабль.

— «Дивонис»? — вспомнив «чистописание» дяди, теперь уже Винце подпрыгнул, как на пружине.

То ли не расслышал дедушка, то ли обиделся, что Винце такой недогадливый, но он долго ковырялся в трубке и пыхтел в усы. И только укладываясь спать подобрел:

— Теперь на очереди ты, Винцентас…

А Винцентасу всю ночь снился стройный белый «Дивонис».

ПОБЕГ

Выйдя из дому, Винце зорко оглянулся по сторонам и зашагал не в спортивный зал, а вовсе в другом направлении. И не по прямейшей улице Марите Мельникайте, на которой стоит красивое здание мореходного училища, а петлял, как заяц, по узким переулкам, чужим задворкам и огородам, мимо дровяных сарайчиков и голубятен.

Мореходное училище уже давно манило Винце, но он лишь один-единственный раз побывал в заветном здании — это когда

нынешние курсанты мореходки проводили торжественную встречу с воспитанниками первого выпуска. На эти торжества дядя Витаутас взял с собой и Винце. У парня даже дух захватило от полного морского порядка, царившего на каждом шагу, и от вида молоденьких курсантов, которые в матросской парадной форме несли вахту у входа и лихо приветствовали гостей, в том числе, конечно же, и Винце…

В коридоре, на небольшой площадке, стоял настоящий корабельный штурвал. Со стен строго смотрели портреты знаменитых мореплавателей и путешественников мира. В глазах рябило от множества морских парадных мундиров, шевронов и орденов.

В тот раз Винце просто не успевал охватывать все взглядом — так много было интересного, нового, невиданного. Дядя Витаутас показал ему класс, в котором был оборудован самый настоящий капитанский мостик со всеми навигационными и поисковыми приборами, с автоматическим рулевым, со штурманской рубкой, морскими картами. В других классах Винце первый раз в жизни увидел машинное отделение рыболовного траулера, пульт управления, холодильную установку, радиорубку… Мечта! Беда только, что от скамьи семиклассника до этой мечты было далеко, как до луны.

…Никем не замеченный, Винце шмыгнул в ворота и очутился на колхозной пристани, где знал каждый закоулочек. Выждав момент, когда на причале не осталось ни одной живой души, он проскочил на палубу стального тралбота и спрятался под брезент, которым были накрыты сети. Лежал неудобно, прижав правую руку, но даже шевельнуться не смел: на палубе послышались мужские голоса. С залива тянул пронзительный ветерок. Винце продрог и сжал зубы, чтоб не клацали. Прижатая рука онемела. А рыбаки все еще курили на палубе тралбота.

— Ионас! Виктор! — наконец кто-то окликнул курильщиков. — Готовьте трюм!

Рыбаки спустились в трюм, а Винце выбрался из-под брезента и оглянулся. Прильнув бортом к тралботу, стоял новенький траулер. Дядя Витаутас сошел с его палубы на причал и куда-то зашагал. Помощник капитана Крюков и матрос Владас таскали на палубу какие-то ящики и мешки. Винце подождал, пока они сойдут на пирс, и прыгнул на палубу траулера. Здесь он заметил открытый люк трюма и скатился по трапу вниз, где царил прохладный полумрак. Удобно умостившись среди пустых ящиков, Винце наблюдал, как моряки грузили в трюм запасы продовольствия. Затем они ушли и закрыли люк. Стало так темно, что Винце не мог разглядеть даже своих рук. Ему

сделалось страшновато. От холода занемело все тело. Ожидание превратилось в вечность. Время, казалось, застыло от холода. Винце почувствовал, что скоро превратится в сосульку.

Вдруг что-то заурчало, траулер задрожал всем корпусом, стал легонько раскачиваться. Пустые ящики, за которыми прятался Винце, тоже задвигались, и Винце понял, что «Дивонис» отчалил от пирса и взял курс в открытое море… От радости он позабыл о холоде. А когда спохватился, то уже не чувствовал ни ног, ни рук. Тогда Винце выбрался из своего убежища и стал прыгать вокруг ящиков. Устав и кое-как согревшись, он снова спрятался в укромном местечке и незаметно задремал.

ПОТОМОК БАРТОВ

В нашем рыболовецком колхозе насчитывается более полусотни морских судов, но среди них вы напрасно будете разыскивать траулер с чудным названием «Дивонис». У нас и рыболовные боты, и средние черноморские сейнеры, и стальные тралботы, и производственные рефрижераторы, и новенькие траулеры типа «Балтика» ходят под номерами. А о «Дивонисе» никто никогда не слыхал. Даже председатель колхоза о существовании такого траулера не знал.

И все-таки такое судно было. В тот день, когда пропал Винце, «Дивонис» стоял у колхозного причала, готовый выйти в свой первый промысловый рейс. На капитанском мостике хозяйничал дядя Винце Витаутас Юргутис и злился. Видите ли, отдел кадров до сих пор не нашел для «Дивониса» кока. А промысел без хозяина камбуза на борту — это, простите, не промысел, а бесполезная прогулка по морю.

Дядя Витаутас с мальчишеских лет увлекался морем и историей. Эти два предмета его увлечения и определили его дальнейшую судьбу. Витаутас Юргутис поступил работать матросом на колхозный флот и стал заочником Клайпедского мореходного училища. В свободное время он часами простаивал у стендов краеведческого и морского музеев или корпел над историческими фолиантами в читальном зале библиотеки. Дедушка Доминикас с большим удивлением однажды узнал, что его младший сын, а, следовательно, и он сам являются выходцами из давно исчезнувшего древнего прусского племени — бартов, которые несколько столетий назад обитали у побережья Балтики и промышляли рыбу в Куршском заливе.

Штудируя в библиотеках и музеях исторические источники, Витаутас открыл для себя много интересного. Так он узнал, что еще в начале нашей эры римский историк Тацит,

соотечественники которого закупали у берегов Балтики янтарь и хорошо знали местных жителей, писал о смелых мореплавателях из этих земель. Летописец одиннадцатого столетия Адам Бременский в своих хрониках упоминал моряков бартов, которые, бывая в Скандинавских странах, никогда не промышляли морским разбоем, а, наоборот, всегда спешили на помощь подвергшимся нападению пиратов судам. Особенно заинтриговала дядю Витаутаса старинная датская сага о моряке с берегов Куршского залива Видгаутасе, который на торговых судах в двенадцатом веке захаживал в города Ютландского полуострова и в Великий Новгород.

Обитая у моря, наши пращуры вывозили в другие страны лес, смолу, мед, янтарь, пушнину, даже живых зубров, а у соседей закупали и доставляли морскими путями соль, сахар, сукно, металл. Рыбной ловлей они занимались в Балтийском море, Куршском заливе и реке Неман.

И еще узнал Витаутас, что начало городу и порту Клайпеда дало небольшое рыбацкое поселение, выросшее в устье реки Дане на заре тринадцатого века. Удобное географическое положение поселения наших далеких предков и незамерзающий порт не раз привлекали внимание заморских грабителей. Захватить литовское взморье постоянно стремились то датчане, то шведы, то немцы. Особенно жестокие сражения вспыхивали с крестоносцами, которые в 1252 году все-таки захватили Клайпеду, сожгли рыбацкое поселение и выстроили на пепелище свой замок. Целых семь столетий Клайпедский край был оторван от Литвы и страдал под игом чужестранцев.

Литовцы, а особенно жемайтийцы, множество раз пытались отбить захваченные земли, сжигали Клайпедский замок, но всегда отступали под натиском крупных сил крестоносцев, которых благословлял римский папа и поддерживали рыцари всей Европы. Четырнадцать лет пылало восстание пруссов и западных литовцев против засилья крестоносцев. Руководил восставшими Геркус Мантас, именем которого теперь названа центральная улица Клайпеды. Крестоносцы задушили восстание, а Геркуса Мантаса убили.

В честь наших мужественных предков капитан Витаутас Юргутис и назвал новый траулер «Дивонисом». Только об этом никто и знать-то не знал, так как это название оставалось лишь в голове капитана. В официальных же документах колхоза и порта судно значилось как траулер № 2429.

Да разве в номере дело? Мы траулер тоже будем называть «Дивонисом». А чтобы не гадать, что обозначает это имя, скажу, что Дивонис был предводителем бартов и совместно с Геркусом

Мантасом и другими прусскими и литовскими повстанцами колотил в 1260—1274 годах крестоносцев.

Итак, потомок бартов Витаутас Юргутис, начавший трудовую деятельность матросом колхозного флота, через год освоивший специальность тралмейстера, изучивший судовождение на заочном отделении мореходного училища и назначенный после мореходки помощником капитана, теперь готовился самостоятельно вести в Балтику траулер «Дивонис». Таких судов колхоз до сих пор не имел и вот сразу получил несколько траулеров типа «Балтика»…

В тот день, когда пропал Винце, а его дядя поднялся капитаном в рубку «Дивониса», я закончил отпуск и перешагнул порог отдела кадров колхоза.

— Жми к капитану Юргутису, — увидев меня, обрадовалась кадровичка. — Мы просто обезножели, разыскивая ему кока.

— А я не привык менять ни кораблей, ни капитанов, — ответил я так, чтобы кадровичка почувствовала, что не на того напала. — Вернусь только на свой сейнер.

Я три года кормил экипаж СЧС[7]. Едят, бывало, рыбаки мои блюда и в кастрюльки заглядывают: много ли еще осталось? Капитаны других судов мне золотые горы сулили, чтобы я к ним на камбуз перешел. Но я не летун, где однажды стал на якорь, там и держусь. Потому и к Юргутису идти не хотел.

— Ваш сейнер на ремонте, — прервала мои размышления кадровичка. — И весь экипаж перешел на этот траулер. Лишь капитана отправили в санаторий на поправку. Потому и назначили туда капитаном Юргутиса.

«Ах ты, бумажная душа! Так бы сразу и сказала, — думал я, печатая шаги по гулким коридорам конторы. — А то заладила, словно она одна здесь всему голова: «Отправили, назначили»! Есть и без тебя кому моряков назначать и распределять. Вот вернусь из рейса, загляну в твою канцелярию и выложу мнение настоящего рыбака о бумажных душонках…»

По причалу я бежал, подпрыгивая от радости: опять своих ребят кормить буду! Да еще на новеньком траулере! А уж молодого капитана сегодня же вечером своим кулинарным мастерством подивлю…

— Ура! Марите[8] явился! — еще издали услыхал я громоподобный голос Владаса, и мою радость словно девятым валом снесло. Опять… И когда это только кончится?

Поднимался на палубу злой как черт. А моряки подхватили меня под руки, начали обнимать, поздравлять с возвращением… Нет, в такой обстановке амбициям не место. Я размяк, кому-то пожал руку, кого-то толкнул под бок, а Владасу все-таки

напомнил старый уговор:

— Забыл, что у причала стоим?

— Прости, Мари… — ухмыльнулся Владас и тут же поправился: — Извини, Марий, уж очень я по тебе соскучился.

— Еще не известно, по ком ты соскучился: по Марионасу или его блюдам? — подковырнул матроса дед.

— Утоплю! — взревел Владас и, раскинув руки, медведем двинулся на старшего механика.

— Где кэп? — спросил я.

Повилас Валужис указал через плечо на рубку. Я деликатно постучался:

— Разрешите, капитан?

— Почему опаздываете, Грабаускас? — словно ледяной водой окатил меня Юргутис и, кинув взгляд на часы, приказал: — Ужин должен быть готов вовремя. Идите!

Я выскочил на палубу, как буй из воды. А навстречу Владас с ухмылочкой:

— Что скажешь о новой «метле», Марите?

— На судне должен быть порядок, — сухо отрубил я. — Кэп как кэп. А вот ты… слова не держишь.

— Черт за язык дернул, — оправдался Владас.

Вот уже сколько раз я давал себе зарок не делать ни малейших уступок судовому острослову, но Владас умеет поддеть человека и тут же приласкаться, смягчить сердце.

Вахтенный береговой матрос отдал швартовые. Застучал двигатель, и «Дивонис» легко побежал по серебристой ряби залива. Совсем по-весеннему играло солнце, с Балтики дул свежачок, траулер шел навстречу ему, в открытое море. Много раз хаживал Витаутас Юргутис этим путем, но сегодня он впервые самостоятельно вел на промысел «Дивониса» и потому все, что видел из рулевой рубки глаз молодого кэпа, было по-особенному торжественно, празднично, ново…

Я забыл напомнить, что у нас, моряков, есть свой запас терминов, выражений и словечек, без которых на судне просто невозможно обойтись. Капитана мы нередко называем кэпом, его старшего помощника — чифом, старшего механика — дедом, повара — коком, его помощника, который, кстати сказать, не числится в судовой роли, то есть в списке экипажа траулера, — камбузником. К берегу мы не подплываем, а причаливаем или швартуемся. Еду для команды я готовлю не на кухне, а на камбузе. На судах нет лестниц. Мы их называем трапами. Пороги — комингсами. Комнат на судне нет, только каюты или кубрики. Стены между ними называются переборками. Рулевую рубку, где размещены штурвал, компасы, эхолот, другие

навигационные и рыбопоисковые приборы, мы называем капитанским мостиком. На нем всегда несут вахту штурман и рулевой.

Название «капитанский мостик» пришло из далекого прошлого, когда моря бороздили парусники. В те времена мореплаватели не имели никаких приборов, ориентировались в океане по солнцу, звездам, ветрам. На высочайшей мачте парусника подвешивалась специальная корзина. В ней сидел вахтенный матрос и внимательно смотрел по сторонам. Увидев судно, землю или какой-нибудь предмет, он сообщал об этом капитану, находившемуся на специальном возвышении над палубой. Эту площадку моряки в старину и назвали капитанским мостиком. Времена парусников давно минули, а капитанский мостик остался. Только «переселился» он в рулевую рубку…

Хорошо торчать на палубе, но уже близится вечер. Я пошел на камбуз, осмотрел свое хозяйство, остался им доволен и приступил к обязанностям кока. Спустившись в трюм, где хранились продовольственные запасы на целый месяц, я почувствовал, что зябну. Это потому, что в трюме «Дивониса», способном принять семнадцать тонн рыбы, смонтирована холодильная установка, которая поддерживает такую температуру, при которой свежая рыба не портится. Правда, мы еще только шли на промысел, в трюме громоздились пустые ящики, но здесь хранились свежее мясо, яйца, овощи, фрукты, поэтому холодильная установка была включена. Разглядывая заготовленные помощником капитана Николаем Крюковым припасы, я обдумывал, что приготовить на ужин, да еще так, чтобы и команде пришлось по вкусу, и кэп с первого раза увидел, что такие коки, как Марионас Грабаускас, на дороге не валяются…

В море я не новичок. Штормы меня не пугают. Даже ураган мне нипочем. Морская болезнь, качка — лишь детская забава. Но крысы… Да еще такие, что ящики по трюму швыряют…

В один миг я выскочил на палубу и позвал Владаса. Он сооружен из таких мускулищ, что не только крыс — медведя или тигра морским узлом завяжет. Владас спустился по трапу в трюм, разбросал ящики, схватил кого-то за загривок и, задрав голову вверх, крикнул:

— Эй, Марите, а крыса-то твоя — двуногая и бесхвостая, ха-ха-ха!

— Что там, Бальчитис? — вдруг раздался строгий голос кэпа.

— Морской заяц, капитан, — загремел Владас и легко, как соломинку, поднял не крысу, даже не зайца, а… мальчонку.

Парнишка не сопротивлялся. Только закрыл глаза. Мы все,

хотя и замерзшего, узнали его — Винце! Племянник капитана!

ЧЕСТЬ МУНДИРА

Кэп не кричал, не топал ногами и даже ремня не расстегнул. Он только грозно взглянул на племянника, произнес одно-единственное слово «та-а-ак» и закрылся в радиорубке.

Холодный ветер раздергивал клочья тумана, которые развесил над морем вечер. Жалобно кричала заблудившаяся во мгле чайка. На траверзе засветился огнями корабль, до боли напоминая Винце оставшиеся далеко-далеко за туманами город, уличные фонари, уютное тепло родного дома. Сидел он на перевернутом ящике униженный, пристыженный к совсем маленький и жалкий.

На палубе, сливаясь с ровным гуденьем машины, звучали голоса моряков. И их голоса, и жалобный призыв чайки, и пронзительный вечерний холодок, и многозначительное «та-а-ак» капитана не обещали Винце ничего хорошего. А тут еще Владас, эта огромная трещотка, подсмеивался над ним:

— Ребята, а что в морских законах записано насчет найденного на судне «зайца»?

Мы молчали. А помощник капитана Крюков пристыдил насмешника:

— Кончай травлю, Владас. Разве не видишь, что парню не до твоего зубоскальства?

— Закон — не столб, его не обойдешь, — разглагольствовал Владас, подмигивая второму механику Феликсасу Вагнорюсу. — Предлагаю высадить гражданина Винцентаса Юргутиса на необитаемый остров.

Винце из-под насупленных бровей зыркнул на матроса и негромко сказал:

— В Балтийском море нет необитаемых островов.

— Знает географию, чертенок! — хлопнул в ладоши Владас. — Но и морские законы не дураками писаны… Повилас! — окликнул он деда. — Что ты скажешь по этому поводу?

— Первым делом надо бы накормить парня, — сдержанно сказал он, — а потом — в теплую постель. А мы…

— Пустяки болтаешь, дед, — отмахнулся Владас и приказал Вагнорюсу: — Принеси с капитанского мостика первый том морских законов. Разберемся.

Второй механик не спеша направился в рулевую рубку. Феликсас уж таков: если Владас прикажет, то и за борт бросится. И только в воде подумает, правильно ли поступил или глупость

сморозил. Не знаю, чем его обворожил Владас, но дружат они так, что водой не разольешь.

Тралмейстер Антанас Паулюс, стоявший в рулевой рубке у штурвала, видимо, пристыдил Вагнорюса, ибо второй механик вернулся на палубу с пустыми руками и какой-то пришибленный.

— Ну! — прикрикнул на него Владас, но тут на палубе появился кэп.

Был он озабочен и зол. Владас вмиг прикусил язык. А капитан еще раз взглянул на Винце да как гаркнет:

— Марш на камбуз!

Винце подскочил с ящика и растерянно огляделся. Только позже я смекнул, что он просто-напросто не знал, где находится камбуз.

— Кому сказано? — опять прикрикнул капитан и, схватив Винце за плечо, подтолкнул в мою сторону. — Посади его чистить картошку, Марионас!

А я ничего умнее не сообразил, как радостно воскликнуть:

— Ура! На завтрак будут картофельные оладьи!

— Смотри, Марите, производительно используй дармовую рабочую силу! — громко захохотал вслед нам Владас.

А капитан озабоченно сказал:

— Связь с берегом пропала…

Говорят: пришла беда — отворяй ворота! Так случилось и на «Дивонисе». Мало забот было капитану с беглецом, и на́ тебе — радио забарахлило. Траулер новенький, впервые на промысле; в порту радиостанция работала как часы, а пришли в район — и началось… Ну, да ничего страшного, у нашего Владаса, кроме ловко подвешенного языка, еще и золотые руки есть, и светлую голову он имеет. Найдет неисправность, как пить дать. Найдет и устранит.

Я усадил Винце на камбузе у большого ящика с картошкой, сунул ему ножик, а сам присел на корточки с другой стороны. Винце выбрал самую крупную картофелину и не успел я глазом моргнуть, как он выстрогал из нее грязный квадрат. Вторую он еще старательнее обстрогал. Получился малюсенький кубик. Тут мое сердце не выдержало.

— Лучше уж ты отдохни, Винце, — сказал я. — Обогрейся. В трюме ты, наверное, продрог.

— Дядя, видимо, вызовет пограничный катер, — вздохнул Винце. — А я даже малюсенького штормика не понюхал.

— Глупости, — возразил я. — У тебя еще вся жизнь впереди. Нанюхаешься.

— Нет, не будет мне теперь жизни, — еще тяжелее вздохнул Винце. Сидел задумавшись, бдительно прислушиваясь к каждому

звуку за переборкой камбуза.

Мне и вовсе стало жаль парня.

— Ну, зачем ты прятался в трюме? Зачем в море стремился? — спросил я.

Винце строго поглядел на меня, взял из ящика картофелину, повертел-повертел ее и, бросив обратно, сказал:

— Даешь слово?

— Какое слово?

— Честное слово моряка, — уточнил Винце, — что не разболтаешь мою тайну.

— Слово!

Но Винце все еще сомневался.

— А почему тебя этот… Владас Маритей обзывает? — строго спросил он.

Сознаюсь: даже в краску вогнал меня этот прямой вопрос. Растерялся я. И пробормотал что-то о камбузе, прозвище, нашем договоре, о котором Владас то и дело забывает…

— Нехорошо, — сказал Винце. — Мужчин ни в море, ни на берегу нельзя женскими кличками обзывать. Мужскими — пожалуйста. Или морскими. Скажем, винт. Или… фарватер… А Марите — некрасиво.

Нашу беседу прервал Владас.

— Комедия! — приоткрыв дверь камбуза, захохотал он. — Бесплатный спектакль! Веселенький аттракцион с березовой кашей вместо концовки! Тащи, Марите, свою картофелечистку на суд кэпа! Быстро!

Капитан сидел в радиорубке и слушал посвистывание аппаратуры. Винце застыл у комингса как вкопанный.

— Товарищ председатель… — проговорил капитан. — Как это — возвращаться? Ведь первый рейс…

Он подкрутил регулятор, и в радиорубке четко прозвучал голос председателя колхоза:

— Нашел другой выход, Юргутис? Выкладывай. Слушаю.

Ничего наш капитан не нашел. Но, как утопающий за соломинку, схватился за слова председателя.

— Я… Мы можем передать его на транспортное судно… Или… на рефрижератор… Который пойдет в порт, мы…

— Это не выход, — раздраженно ответил председатель.

Витаутас Юргутис показал племяннику кулак. Винце втянул голову в плечи. Он прекрасно видел, сколько неприятностей доставил и капитану, и председателю, не говоря уже о маме с папой и дедушке Доминикасе.

— Товарищ председатель! — вдруг на что-то решившись, крикнул капитан. — Тогда… тогда разрешите продолжать

промысел с «зайцем» на борту…

Председатель помолчал и уже не так грозно спросил:

— Где он теперь?

Капитан метнул быстрый взгляд на Винце и… соврал:

— На камбузе. Картошку чистит.

— Ну, и шут с ним, — вздохнул председатель. — Пусть чистит.

Капитан закурил, глубоко затянулся дымом и повернулся к племяннику:

— Долго будешь стоять? Или не слыхал, что сказал председатель?

Винце выскочил из радиорубки.

— Присмотри, Марионас, чтоб он всю ночь чистил картошку, — велел мне капитан. — Наказание есть наказание.

— Но… — начал было я, но Юргутис оборвал меня на полуслове:

— Выполняйте приказание, товарищ Грабаускас!

Не будешь ведь осуждать человека лишь за то, что он — молодой капитан. Знамо дело, нелегко нашему Витаутасу Юргутису. Потому и прорывается у него порой злость там, где можно просто, по-человечески сказать. И горячится он не к месту, и Винце так жестоко наказывает без надобности. Председатель далеко, а здесь, на траулере, мы все свои, можно ладить и без этих строгостей…

Однако приказ капитана — закон. И обойти его как столб, по образному выражению Владаса, нельзя. Но и моряк не лыком шит. Он, выполняя приказание, всегда должен думать, как лучше это сделать. Потому-то я вроде бы и не нарушил закон, послав Винце в свою каюту спать. А сам засел чистить картошку. Взгляните только, какой из Винце камбузник! Одна беда, да и только. Ведь всю картошку переведет на квадратики и кубики.

Так успокаивая себя, я и просидел с ножичком до самой полуночи.

ЗАГОВОР

Винце открыл глаза и долго лежал, соображая, где он находится. Только что он видел во сне свой дом и маму, жарившую на кухне ароматные картофельные оладьи. Оладьями действительно пропах весь траулер. И Винце, вспомнив, что произошло, с тяжелым вздохом отправился на камбуз.

— Как спалось на матросской койке? — спросил я, угощая Винце горяченькими оладьями.

Винце ел за семерых.

— Ты — настоящий друг, Марионас, — сказал он. — И я никогда не назову тебя Марите. Ни в море, ни на берегу. И этому… Как его… Владасу не позволю.

Я согласился, что Винце прав, но засомневался, каким образом мой юный друг заставит Владаса отказаться от всех этих дурацких шуток. Винце задумался и ответил, что мы сделаем это общими усилиями. Вдвоем. Он и я.

— Но как?

— А ты не откликайся, когда он назовет тебя Маритей, — посоветовал Винце. — Позже я еще что-нибудь придумаю…

Тут на камбузе появился кэп. Увидев, что Винце уплетает оладьи, он молча убрал из-под его носа тарелку, отыскал взглядом ящик с картошкой, ногой пододвинул его к Винце, собственноручно всучил ему нож и вышел.

— Капитан… — я выскочил за ним на палубу, — ведь Винце — не первый… И не последний… Во все времена мальчишки стремились тайком проникнуть на суда. Это у них в крови…

А Витаутас Юргутис строго ответил:

— Думаю, что этот будет последним.

Пришлось мне несолоно хлебавши вернуться на камбуз.

— А еще дядя, брат папы, родной сын дедушки, — грустно сказал Винце. — Представляешь, Марионас, какова моя жизнь с таким родичем?

— Представляю, Винцентас, — вздохнул я.

— А что еще будет, когда вернусь домой… — продолжил Винце. — Дедушка, понятное дело, сразу же за ремень. Современная педагогика для него не существует. Дедушка ничего не смыслит в новейших достижениях воспитательной науки. Он признает лишь одно средство воздействия — ремень…

— Ужас! — вырвалось у меня.

Винце усердно искромсал большую картофелину и бултыхнул в кастрюлю ее ничтожные остатки.

— Для него специально неоднократно по телевизору объясняли, что лупить детей ремнем не педагогично, — рассуждал между делом Винце. — А что толку? Дедушка только ухмылялся. Я, мол, своих ребятишек с малых лет ремешком воспитывал, и вот какие славные рыбаки выросли. Это он о папе и… и капитане. А нынче, когда согласно всяким педагогиям детишек портят, из них только оболтусы получаются.

— Что ни говори, а оболтусов встречать приходится, — поддержал я деда Доминикаса. — Но ты, Винцентас, во всех отношениях на них не похож, а дедушка, видимо, не подумал, что каждый ребенок требует к себе индивидуального подхода.

Одному, смотри, действительно требуется всыпать березовой каши, а другого можно и добрым словом воспитать.

— Конечно же, папа начнет мораль читать, — продолжал Винце свою мысль. — «Что ты наделал? Маму чуть в могилу не загнал…»

— С отцом, думаю, будет полегче…

— Легче-то легче, да кому приятно проповеди выслушивать? — возразил Винце.

— Проповеди иногда помогают, — ответил я, но мой друг даже на дыбы встал:

— И не говори, Марионас! Лучше уж на камбузе картошку чистить, чем…

Тут уж не выдержал я:

— Не обучен ты, Винцентас, полезный продукт беречь. У картошки все витамины под кожурой. А ты… Ты что делаешь?! Тебе что, никогда раньше не доводилось картошку чистить?

— Я же не девчонка, — даже обиделся Винце.

— Ну, если ты так рассуждаешь, Винцентас, то напрасно в море стремился, — упрекнул я его.

— Не думай, что я сюда… картошку чистить пробрался, — отрезал Винце. — У меня здесь поважнее дела есть.

— Ты вроде обещал о них поведать, — напомнил я.

Вторично честного слова моряка Винце у меня не потребовал. И тут же раскрыл всю подноготную своего побега: рассказал о классном сочинении, Всезнайке, стычке с ним и ее последствиях…

— А оладьи? — вдруг спохватился Винце. — По-моему, команде уже пора завтракать.

Я взглянул на часы.

— Картофельные оладьи свой настоящий вкус и аромат приобретают лишь тогда, когда, облитые сметаной, положенное время потомятся в духовке, — назидательно сказал я. — Итак, через десять минут — завтрак.

Винце еще усерднее стал строгать картошку.

— Может, уже хватит, Винцентас? — Я попробовал дипломатично остановить его.

— Нельзя, Марионас… Еще нагрянет капитан… Сам знаешь мое положение…

— Ты, Винцентас, хотя бы витамины побереги, — попросил я. — В море они очень нужны организму.

Винце попробовал чистить бережливее, но ему явно недоставало опыта. Правда, срезанная кожура стала чуть-чуть тоньше, а квадратики очищенной картошки — немножко побольше.

Вскоре за тонкой переборкой, которая отделяла камбуз от салона, послышались тяжелые шаги, голоса. Винце многозначительно взглянул на меня:

— Помни наш уговор, Марионас!

Окошечко, через которое я подавал в салон блюда, приоткрылось. В нем показалось любопытствующее лицо Владаса. Матрос шумно потянул носом:

— Салют, Мария! Запахи твоих оладьев просто с ног сшибают. Нагружай самую большую порцию!

Я молча занимался кастрюлями.

— А как обстоят дела у известного морского «зайца»? — гремел Владас. — Получится из него хороший камбузник, Марите?

Я сунул ему под нос тарелку с оладьями, захлопнул окошко и гордо поглядел на Винце.

— Правильно, Марионас! — одобрил эти действия мой друг — заговорщик.

Вскоре Владас по давней своей привычке сунул в окошечко пустую тарелку.

— Вкусно! Подбрось еще несколько штук, Марите.

Я молча положил ему полную тарелку румяненьких оладьев. Владас внимательно взглянул на меня:

— Неужто язык проглотил, Марите?

Я захлопнул окошко и расслышал горячий шепот Винце:

— Он что же… всегда так?

— Как? — не понял я.

— Так много ест?

— Всегда, — кивнул я. — За двоих. А иногда и за троих. Но и вкалывает на палубе за троих…

— Все! — категорично заявил Винце. — С этой минуты Владас будет получать лишь то, что положено по норме. И ни на грамм больше.

— Ничего не выйдет, — заспорил я. — Ты только погляди, какая у него комплекция… Гора — не человек. Сразу ноги протянет.

— И хорошо! — воскликнул Винце. — Мне такого ничуть не жалко!

— Владас — мой товарищ, — осторожно напомнил я.

— Ничего себе… товарищ! — презрительно фыркнул Винце. — «Марите, Марителе»… Я бы ему за такую кличку… бока намял!

— На судне драться запрещается, Винцентас.

— Везде запрещается! — ответил Винце. — А мы и не будем его лупить. Только добавки лишим. Перестанет обзываться —

получит. Назовет тебя Марите — дулю с маком.

На палубе загудела лебедка.

— Трал выбирают! — обрадовался я. — Пошли, Винцентас.

На больших рыболовных траулерах все члены команды распределены по должностям. Одни ставят и выбирают трал, другие разделывают рыбу, третьи грузят ее в ящики, солят, работают в трюмах, несут вахту в машинном отделении и рулевой рубке. Словом, каждому — свое. А на маленьких суденышках вроде нашего «Дивониса» все члены экипажа — рыбаки. Трал выбирают и матрос, и тралмейстер, и машинная команда, и помощник капитана, и кок. В рулевой рубке остается один капитан… Вот почему, услышав гул лебедки, я потащил на палубу и Винце.

В глаза ударило солнце, море переливалось всеми цветами радуги, дул легкий, по-весеннему теплый ветерок. Чайки сновали над всплывающим из глубины тралом…

— На палубе! — прокричал из рулевой рубки капитан. — Кто там у команды под ногами болтается?

— «Заяц», кэп! — ответил Владас.

— Винцентас Юргутис! — свирепо прикрикнул капитан. — Ваше место на камбузе! Убирайтесь с палубы!

С болью в сердце я видел, как Винце, глотая слезы обиды и унижения, уходил на камбуз…

После аврала я нашел его у ящика с картошкой. В иллюминаторах играло солнце, даже сюда, на камбуз, долетал радостный гам чаек, а Винце сидел в духоте, как узник.

— Всегда так, — сокрушался он. — Где интереснее, где удовольствие, там для Винце места нет. Его место, видите ли, на камбузе. У ящика с нечищеной картошкой. Тоже мне моряки — без картофеля ни шагу не могут сделать. Столько рыбы наловили, а едят картошку… Чистишь ее, чистишь, аж пальцы почернеют, а они за один присест весь твой труд слопают, обжоры.

— Что поделаешь, Винцентас, закон моря, — по-дружески посочувствовал я.

Винце вроде и не расслышал. Приплюснул нос к стеклу иллюминатора и глазел в море.

— Будем жарить котлеты, — сказал я.

Винце громко зевнул. Тогда я вздохнул:

— А Всезнайка, по-моему, не слишком ошибся.

— Что? — отпрянул от иллюминатора Винце.

— Из тебя не выйдет настоящего моряка, Винцентас.

— Почему?

— Каждый моряк должен уметь чистить картошку, жарить котлеты, готовить на камбузе, скатывать палубу, промышлять

рыбу, делать любую работу на судне. А ты скучаешь, как… Как турист.

Винце минутку подумал.

— Понимаешь, Марионас, — стал оправдываться он. — В последнее время я много тренировался, поэтому почти не помогал маме на кухне.

— Так чего же бежал на судно? Шел бы на стадион.

— Хорошо, Марионас, — после длительного молчания кивнул Винце. — Учи меня быть настоящим моряком.

— Это будет длительный, тяжелый и не всегда интересный труд. Выдержишь?

— Слово, — сказал Винце. — Слово моряка.

— Тогда приступим к первому уроку.

Вдвоем мы славно потрудились у мясорубки, потом делали и жарили котлеты. Кулинария не увлекала Винце. Но он дал слово моряка и старательно выполнял каждое поручение. Я тут же убедился, что из него получился бы отличный камбузник. Но Винце об этом не сказал: боялся обидеть своего помощника. Ведь цель его жизни — капитанский мостик. В худшем случае — штурманская рубка. Камбуз мой друг презирал, и мне было больно, но я сдерживал свои чувства.

Во время обеда я тайком от Винце подбросил в тарелку Владаса две лишние котлеты. Но этому обжоре и их оказалось мало.

— Насмехаешься, Марите? — взревел он. — Вдвоем кухарили, а жратвы кот наплакал!

Я не ответил. А Винце заглянул в тарелку Владаса, выудил оттуда лишние котлеты, закрыл окошко и упрекнул:

— Нехорошо, Марионас, ломать уговор. В другой раз так не поступай.

— Больше не буду, Винцентас, — пристыженный, пообещал я.

А в салоне рычал Владас:

— Пара котлеток! Такому мужику! Ведь это… это же просто нахальство! Голодный, я не могу работать… Вы, ребята, как хотите, а я объявляю голодовку…

— И я! — подключился к излияниям друга Вагнорюс. — Где это видано?

Владас распахнул раздаточное окошко:

— Давай еще парочку, Марите!

Я показал ему спину и — ни слова. Взревев, Владас выбежал из салона. Наверное, жаловаться капитану. Ну и пусть…

— А мне, Марителе, — сунул в окошко пустую тарелку Вагнорюс. — Хоть самую малюсенькую. И с подливочкой.

Я взял тарелку и захлопнул окошко. Пусть и этот учится. А

«деду» положил три котлетки.

— Сынки и пасынки! — заголосил второй механик. — Полная дискриминация! Глумление над достоинством моряка! Я буду жаловаться в профсоюз!

Винце тихонечко хихикал в кулак, а после обеда похвалил меня:

— Ты держал себя мужественно, Марионас.

— Одному мне не хватило бы выдержки, — сознался я. — Знаешь, как жалко мне было Владаса и Феликсаса…

— Этих пиратов? — вознегодовал Винце: он, видимо, не мог забыть, как Владас выволок его из трюма и подверг насмешкам.

— Нет, они замечательные ребята… Только…

Винце прервал меня:

— Я и говорю: духовные пираты!

— Ну, если только духовные… — был вынужден согласиться я. — А так они хорошие рыбаки.

— Что будем готовить на ужин? — переменил тему разговора мой прилежный ученик, и я гордо изрек:

— Фирменное блюдо кока Марионаса Грабаускаса.

БЕЗ ЗАВТРАКА

После ряда успешных тралений в трюме нашего «Дивониса» скопилось несколько тонн свежей рыбы. Недалеко работал колхозный производственный рефрижератор, и капитан, решив сдать ему улов, изменил курс.

Мы ловко ошвартовались у рефрижератора. Его команда уже третью неделю работала в море и еще ни разу не видела «Дивониса». Поэтому все моряки высыпали на палубу рефрижератора. Мы торопились и, быстро сдав груз, пошли в новый квадрат промысла…

…Когда пришло время ужина, первыми окошко камбуза атаковали Владас и Феликсас. Чего уж чего, а рыбы на «Дивонисе» хватало, вот оба и рассчитывали насытиться и за завтрак, и за обед. Я всучил им точно взвешенные порции — то, что полагалось по раскладке.

— О Бангпутис всемогущий! — завопил ошеломленный Владас. — На берегу я расквашу тебе нос, Марите…

Феликсас Вагнорюс уже не возмущался. Он молча съел ужин и, возвращая пустую тарелку, учтиво сказал:

— Спасибо, Марионас…

— Может, добавочку? — дружелюбно спросил я и, не дожидаясь ответа, навалил ему в тарелку несколько ароматных кусков томленой в сметане трески с луком и картошкой.

Тут уж и Владас подбежал к окошку:

— А мне, Марите?

Я сделал вид, что не слышу, и отвернулся от него. Представляю, с каким удовольствием Владас запустил бы мне в спину пустой тарелкой. Но он хорошо знал, что за драку на судне существует лишь одно наказание — списать на берег. Поэтому и сдержал свой гнев…

Ночью, когда команда спала, Владас потихонечку принес из трюма трески, забрался на камбуз и попробовал ее зажарить. Увы, рыба обуглилась, была горькой на вкус и к тому же сырая. Владас выбросил «блюдо» за борт и пошел к своему другу Вагнорюсу.

— Тяжело? — посочувствовал ему второй механик.

— Объясни, что происходит на этой калоше? — рвал и метал Владас. — Скажи, почему тебя Марите кормит как на убой, а меня морит голодом?

Феликсас многозначительно постучал ему пальцем по лбу:

— Пустота…

Владас не понял, обозлиться ему или не стоит? А Вагнорюс продолжал:

— Из-за твоей дурости и я чуть с голоду не подох. Хорошо, быстренько смекнул, что к чему и как…

— А… что и как? — оживился Владас.

— Разве еще не дошло, что Марионас за кличку мстит?

— Придем в порт, измочалю проклятого «зайчишку»! — взвыл Владас. — Это все его выдумки! Раньше Марите не брыкался…

— Ну вот, ты опять за свое… — передернул плечами Вагнорюс.

Владас инстинктивно оглянулся:

— Так Марионас не слышит нас…

Я действительно не слыхал их разговора, так как лежал под теплым одеялом рядом с Винцей и слушал его исповедь.

…Случилось это еще зимой, когда в кинотеатре «Вайва» шел фильм «Геркус Мантас». Дядя Витаутас, этот отпрыск древних пруссов, вернулся из кино в гневе и весь вечер говорил о своих пращурах, которых уничтожили крестоносцы. Винце решил посмотреть «Геркуса Мантаса» и наутро сказал об этом Всезнайке. Будущее светило математических наук Балтрамеюс Жаситис никогда не увлекался кино, но попросил Винце купить билет и ему.

Сеанс начинался в пятнадцать часов. В четырнадцать тридцать Всезнайка обещал зайти к Винце. Но ни в назначенное время, ни позже Балтрамеюс Жаситис не явился. Винце выждал двадцать минут и только тогда позвонил Всезнайке домой. Мать Балтрамеюса Жаситиса сказала, что Всезнайка еще в

четырнадцать ноль-ноль ушел в кино. Винце бежал к «Вайве», как на пожар. И, конечно же, опоздал на киножурнал. Лишний билет продать было некому.

В середине второй серии оборвалась лента. В зале вспыхнул свет. Винце глянул через плечо и увидел… Балтрамеюса Всезнайку. Прикинувшись, что не замечает Винце, он с самодовольным видом что-то объяснял сидевшей рядом с ним Ниде. Она улыбалась, очарованная, видимо, красноречием Жаситиса, а на Винце даже внимания не обратила…

— Вот тогда я и заметил, как не идут Ниде веснушки, — вздохнул в темноте Винце. — А до того мне эти веснушки были красивее всего на свете, понимаешь?

— Понимаю… Ну, а фильм? — спросил я.

Винце, кажется, и вовсе забыл про кино. Лишь после затянувшейся паузы он переспросил:

— Какой… фильм?

— «Геркус Мантас».

— А-а… — наконец очухался парень. — Знаешь, Марионас, концовка мне показалась скомканной и вовсе неинтересной…

Он надолго замолчал. Я даже подумал, что Винце уснул. Но вот он глубоко вздохнул и почему-то стал оправдываться:

— Ты только не подумай, что мне жаль того полтинника, что я на билет Всезнайки ухлопал. Дружба не деньгами измеряется…

— Правильно, Винцентас! — согласился я. — Всезнайка во всех отношениях поступил не по-товарищески… Мы будем дружить иначе.

Винце нащупал в темноте мою руку и крепко пожал. В словах не было надобности. Мы и так прекрасно поняли друг друга.

— Давай спать, — помолчав, сказал я. — Скоро уже вставать, готовить завтрак.

Я напрасно беспокоился. Правда, мы проснулись даже раньше, чем обычно, но готовить завтрак нам не пришлось.

ШТОРМ

Удар был такой силы, что я шмякнулся с койки и очухался у противоположной переборки. Где-то в темноте сдавленно икал Винце. Сообразив, что случилось, я поднялся и выбежал из каюты.

Винце остался один. За бортом гудело разбушевавшееся море. Света не было. Винце стало страшно, он на четвереньках добрался до комингса. Противный комок, появившийся под грудью, поднялся выше и встал поперек горла. Винце закрыл рот ладонью. В эту минуту новая волна швырнула траулер в глубокую пропасть, Винце вновь покатился к переборке.

Неожиданно открылась дверь. Щелкнул выключатель, ярко вспыхнуло электричество. В каюту вошел капитан «Дивониса» Витаутас Юргутис. Винце вцепился руками в край столика и поднялся. Его лицо позеленело, приняло цвет морской воды.

— Ясненько, — ухмыльнулся капитан и, ничего больше не сказав, вышел.

Вернувшись в свою каюту, я сунул Винце кусочек соленой трески.

— Поешь… Помогает.

— От… — икнул Винце. — От… чего… помогает?

— От морской болезни…

Винце с трудом проглотил кусочек. Потом второй. Ему вроде полегчало.

— Знаешь… — проговорил Винце, — я… больше… никогда… не пойду в море…

— Глупости, — успокоил его я. — Болезнь пройдет, и все станет на свои места. Ты еще будешь настоящим моряком, Винцентас.

— Не-ет… — снова икнул Винце. — Какой я… моряк… если… качки… не выношу…

Новый удар шторма бросил нас в объятия друг друга.

— А Нельсон? — воскликнул я. — Известный английский адмирал? Он всю жизнь не выносил качки и тем не менее выиграл много морских сражений.

Упоминание имени адмирала Нельсона помогло Винце взять себя в руки. Он успокоился и больше не хныкал.

— Оставайся в каюте. А мое место там, — указал я рукой наверх. — Аврал.

— Я тоже… пойду, — шагнул было за мной Винце.

— Нельзя! Смоет, — остановил я его. — Девять баллов — не шутки. Без разрешения капитана выходить на палубу строжайше запрещено. Берег приказал вернуться в порт или искать где-нибудь затишья. Но…

Я прикусил язык, соображая, стоит ли говорить Винце то, что узнал у моряков, когда бегал за соленой треской.

— Что но? — обеспокоенно спросил Винце.

— Мы приняли SOS…

— Всем судам колхозного флота немедленно вернуться в порт! Всем судам колхозного флота вернуться в порт! — монотонно бубнил по радио голос вахтенного диспетчера. — Слышите меня? Всем немедленно вернуться в порт!

— Да заткнись ты на минутку! — разозлился капитан. — Говорит капитан «Див…» траулера № 2429 Юргутис… Говорит

Юргутис…

— Что случилось, Юргутис? — наконец ответил диспетчер. — Приказ принял? Немедленно в порт. Девять баллов.

— Вернуться не могу! — ответил ему капитан. — Принял SOS… Спешу на выручку.

Диспетчер помолчал.

— Смотри, чтоб самому не пришлось посылать SOS, — предупредил он. — Циклон такой силы не для твоей калоши…

Эфир смолк. На Балтике свирепствовал девятибалльный шторм.

В радиорубке каждого морского судна обязательно имеются большие настенные часы с белым циферблатом. Они похожи на все часы мира, только поперек их циферблата наклеена узенькая бумажная полоска. Не знающему неписанных законов моря она может показаться совсем ненужной, ибо закрывает несколько минутных делений. Однако это не так. Чуть только минутная стрелка приближается к бумажной полоске, на всех судах мира замолкают радиостанции. Радисты прерывают всякие разговоры и лишь слушают эфир. Дважды в течение часа — с пятнадцатой до восемнадцатой и с сорок пятой по сорок восьмую минуты — в эфире царит бдительное молчание. Сорок восемь раз в сутки корабли во всех морях и океанах земного шара одновременно прислушиваются, не зазвучит ли на частоте 500 килогерц сигнал бедствия — призыв о помощи. Неписанный международный закон моряков в эти минуты молчания разрешает посылать в эфир лишь единственный сигнал SOS! Услышав этот международный сигнал бедствия, все находящиеся поблизости суда должны спешить на помощь тем, кто ее просит, SOS — это первые буквы английских слов «save our souls» — «спасите наши души». Этим сказано все.

«Дивонис» принял сигнал почти одновременно с первой волной шторма, обрушившейся на траулер. Его передал радист очутившегося в бедственном положении польского рыболовного траулера. Капитан Юргутис встал у штурвала и резко изменил курс «Дивониса». Траулер, тяжело подвывая машиной, карабкался почти на отвесную гору воды, вершина которой щетинилась белыми барашками пены. Оголившийся винт с завыванием бессильно сек воздух, только изредка касаясь своими лопастями воды. А гора на глазах росла, вздувалась и вдруг бросала траулер в глубокую пропасть. Небо в этот миг пропадало, казалось, что море вдруг поднималось из своего тысячелетнего ложа, становилось на дыбы и готово было поглотить со своей поверхности все живое.

Словно бессильная щепка мотался в бескрайнем просторе разбушевавшейся стихии малюсенький «Дивонис». Стихия сильна,

но она слепа. А маленьким траулером управляли люди, их ум, умение, знания и воля. И стремление помочь терпящим бедствие морякам. Волны заливали стекла рулевой рубки, клокочущие потоки воды перекатывались по палубе, и Витаутас Юргутис почти вслепую, уповая лишь на показания приборов и свою интуицию, вел «Дивонис» к цели.

Крюков склонился над картой. Суровая морщинка перечеркнула высокий лоб старпома. Взмахом руки Николай пригласил капитана подойти к карте.

— Бальчитис, к штурвалу! — приказал Юргутис, и Владас облапил своими огромными ручищами рулевое колесо.

Юргутис подошел к старпому. Крюков ткнул остро отточенным карандашом в карту. Капитан нахмурился. Две маленькие точки на голубом поле карты отметили координаты терпящего бедствие судна и «Дивониса». Почти рядом с ними это поле обрубалось ломаной линией берега.

— Можем расколоться, как куриное яйцо, — сказал Крюков.

— Команде надеть спасательные жилеты! — объявил по трансляции капитан. — Всем на палубу! Старпом, к штурвалу!

Владас Бальчитис хранил свой жилет в каюте, поэтому задержался дольше других и на палубу вышел самым последним. У него непроизвольно дрожали колени. Нет, наш Владас не был трусом. Он просто не умел плавать.

Придирчивая медицинская комиссия, ежегодно проверяющая здоровье моряков, обязательно спрашивает каждого: умеет ли он плавать. Владаса тоже спрашивали. И он, не моргнув глазом, всегда отвечал: «Как рыба!», и собственноручной подписью подтверждал это.

У штурвала Владас стоял, как настоящий мужчина. Глыба! А на палубе у него начинали дрожать колени. Но известно, что море особенно коварно по отношению к тем, кто его боится. Владас отлично знал этот закон, но совладать со своим страхом не мог.

Ощерив белые клыки пены, грозная волна, словно насмехаясь над струхнувшим матросом, хлынула через фальшборт, всей своей тяжестью обрушилась на Владаса, бросила его на палубу и потащила за борт…

— А-а-а! — Ветер, разорвав в клочья крик матроса, понес его в бушующее море.

А ШТОРМ ВСЕ КРЕПЧАЛ

Оставшись снова в каюте один, Винце быстро съел соленую рыбу, и ему действительно полегчало. Но не надолго. После

нескольких падений «Дивониса» в пропасть противный комок опять зашевелился в груди, стремясь выскочить наружу. Легким не хватало воздуха. Винце не выдержал и, забыв строжайший капитанский запрет, почти ползком выбрался на палубу. Свежий солоноватый воздух сразу вернул ему силы. Но палуба, как живая, уходила из-под ног. Винце знал, что с волнами шутки плохи, намертво вцепился руками в мокрый фальшборт.

Вдруг сквозь грохот шторма он услышал крик. «Дивонис» сильно накренился. Винце почти повис на руках: палубная обшивка ушла из-под ног. Сердце от страха сжалось в комочек. И тут Винце увидел, как волна поволокла по наклонившейся палубе человека. Словно играя со своей жертвой, она несколько раз перевернула беспомощное тело и швырнула через фальшборт в клокочущее море. Траулер выпрямился.

Забыв про качку и осторожность, Винце стремительно перебежал палубу, перегнулся через фальшборт и увидел в кипящей воде оранжевое пятно спасательного жилета. Оно мелькало почти рядом, казалось, только протяни руку и достанешь. Увы, руки Винце были слишком коротки. Поняв это, он схватил спасательный круг и бросил тонущему человеку…

Произошло это на корме «Дивониса». А на носу траулера капитан Юргутис обнаружил, что среди членов команды нет матроса Владаса Бальчитаса.

— Посмотри, Марионас, чего он там копошится, — велел капитан мне.

По палубе «Дивониса» через равные промежутки времени перекатывались грохочущие потоки черной воды. Мертвой хваткой цепляясь за леер, я выбрал удобный момент, проскочил на корму и обомлел, увидев перегнувшегося через фальшборт Винце. Без лишних слов я схватил его в охапку и хотел отнести в каюту, но парень брыкался, что-то кричал и показывал рукой в море. Гул ветра и волн заглушал голос Винце, я так ничего и не понял, но бросил взгляд за борт. Между катящимися друг за другом, сшибающимися волнами металось пламя, отблески которого освещали оранжевый спасательный жилет.

Человек за бортом!

Придерживая одной рукой Винце, другой я нащупал на скользком планшире фальшборта тонкую нить троса, который трепетно, как натянутая струна, задрожал под ладонью…

Все современные суда оснащены надежными спасательными средствами. Это и самораскрывающиеся на воде надувные плотики, и катера, и моторные шлюпки, и яркие индивидуальные жилеты, которые выдаются каждому моряку и пассажиру. Кроме того, на палубе в специально отведенных местах прикреплены

спасательные круги. Соединенные с судном длинным тонким тросом, они в нужный момент выбрасываются за борт и, попав в руки тонущего, помогают ему удержаться на воде. Но волны могут и оборвать трос, да и утопающий может очутиться далеко от судна. В таких случаях человек остается один на один с морем. Найти его ночью, в шторм или в туман так же трудно, как разыскать иголку в стоге сена. Вот почему каждый спасательный круг оснащен специальным факелом. Когда круг выбрасывают за борт, факел самовоспламеняется и горит в течение часа, испуская сильный свет, видимый на расстоянии до двух миль.

Теперь именно такой факел указывал в бушующем море место схватки человека со стихией. Оранжевый жилет вместе с кругом то поднимался на волне выше ходового мостика «Дивониса», то исчезал в разверзшейся ямине. Тонкий капроновый канат обжигал ладони. Но я продолжал его выбирать. Море не желало отдавать Владаса, оно рвало из рук канат, обдирая в кровь мои ладони, и с остервенением трепало вцепившегося в круг человека. Крепкая нить капрона была единственной его связью с «Дивонисом». А если грохочущий вал вырвет из ослабевших рук Владаса спасательный круг? Или он сам потеряет сознание и выпустит его? Ведь весной вода в Балтийском море холодная как лед…

Я почувствовал, что и Винце помогает мне. Мокрый с головы до ног, расстегнутый, с растрепанными волосами. Но и вдвоем мы никак не могли вытащить Владаса. Море словно насмехалось над нашим бессилием и все злее и злее хлестало матроса разъяренными кулаками волн.

Подбежал тралмейстер Паулюс, которого обеспокоенный капитан послал разыскивать меня и Владаса. Втроем мы все-таки подтянули матроса к борту и подняли его на палубу. Владас клацал зубами и не мог вымолвить даже слова.

— Винце — в каюту капитана! — крикнул я Паулюсу. — И закрой на замок, чтоб…

— Где вы запропали, черт побери? — грозным окриком встретил Владаса и меня капитан и тут же отвернулся: в свистопляске волн показался терпящий бедствие польский траулер. Море безжалостно швыряло суденышко, и оно то поднималось на гребне очередной волны, то проваливалось в яму так, что из глаз исчезали даже верхушки его мачт.

— Марионас, выброску! — почти на ухо крикнул мне капитан. Разговаривать спокойно в этой свистопляске просто не было никакой возможности.

Корабли, как и люди, постоянно общаются друг с другом. Они разговаривают между собой по радио, при встрече в море

или океане здороваются, помогают один другому в беде, обмениваются запчастями, продуктами, передают с борта на борт почту. А для того чтоб в таких случаях судам не швартоваться друг к другу, моряки придумали выброску. Это — тонкий канат с тяжелой «грушей» на одном конце. С помощью выброски с одного судна на другое передается крепкий трос, к которому прикрепляется груз.

Польские моряки уже стояли на носу своего судна и ждали. Я взял аккуратно смотанную выброску и со всех сил кинул соседям. Влекомый тяжестью «груши» эластичный трос вычертил в воздухе полукольцо и нырнул в море рядом с траулером.

Сматывая канат, я выудил из моря «грушу», снова размахнулся. И в этот момент большая волна с шумом накрыла «Дивониса». Меня швырнуло к мачте. В следующий раз я непременно послал бы выброску точно, но теперь волна подбросила вверх польское суденышко, показав нам намотанную на его винт сеть. Об эту сеть и стукнулась «груша»…

Ох, уж эти потерянные рыбаками или утащенные бурей сети! Они не тонут, а, гонимые волнами и течением, кочуют в море, угрожая бедой кораблям. Винт польского траулера, видимо, подцепил именно такого «кочевника», и судно стало беспомощным, как малый ребенок. В безветренную погоду моряки умеют быстро освобождать винт от такого «сюрприза». А при этаком штормище…

Море опять насмехалось над нами. А запутавшийся в сетях польский траулер удалялся от «Дивониса». Витаутас Юргутис побежал в рулевую рубку: нам предстояло поворачивать на обратный курс. Только с пятого или шестого раза «груша» наконец очутилась на польском траулере. Мы быстренько прикрепили к выброске толстый буксирный трос. Капитан взмахом руки подал знак полякам, и трос, зазмеившись, по палубе, шлепнулся в море.

— Всем быть на своих местах! — приказал кэп. — Марионас, со мной.

Мы прошли в рулевую рубку. У штурвала стоял Крюков.

— Навряд ли выкарабкаемся, капитан, — сказал он. — Рядом — шхеры.

Юргутис склонился над картой, что-то разглядывая, и, не поднимая головы, приказал Крюкову:

— Меняй курс, Николай.

Старпом повернул штурвал. Юргутис передал в машинное отделение команду «Полный вперед!», и корпус «Дивониса» задрожал точно в лихорадке.

Я стоял в рулевой рубке у иллюминатора, обращенного в

сторону кормы, и не спускал глаз с буксируемого траулера. Толстый буксирный трос то натягивался, как струна, то, ослабнув, исчезал в морской пучине. Волны швыряли польское судно вверх, вниз, в стороны, и оно то окуналось в воду так, что я видел лишь верхушки мачт, то, очутившись на гребне водяной горы, угрожающе нависало, казалось, прямо над нами.

Вдруг буксирный трос лопнул, и «Дивонис» так зарылся носом в воду, что волна захлестнула даже верх рулевой рубки. Польский траулер исчез с горизонта. Я подхватил выброску и выскочил на палубу. «Дивонис» развернулся и пошел на сближение с поляками.

Еще три раза обрывался буксирный трос, и мы трижды возвращались назад, снова и снова беря траулер на буксир.

А шторм все крепчал.

ШХЕРЫ

После всего, что произошло на палубе, Винце почувствовал, что морская болезнь оставила его в покое. Качка усиливалась, но комок в горле исчез, и очень захотелось есть. Винце вспомнил, что в его спортивной сумке были хлеб и колбаса. Но сумка осталась на камбузе, а Винце сидел под замком в каюте капитана. За стеклом иллюминатора катились мутные серо-зеленые волны, и свет начинающегося дня с трудом проникал сквозь их толщу.

Когда я, улучив свободную минутку, заскочил навестить друга, Винце даже не повернул головы. Стоял у иллюминатора злой и взъерошенный.

— Скучаешь? — спросил я.

— Давно завтракать пора, — пробурчал Винце, — а ты бездельничаешь…

— Завтрака сегодня не будет, Винцентас. Обеда тоже. Аврал. А я…

Он оборвал меня на полуслове:

— А еще хвастал: флот… морской порядок… Базар тут у вас, а не порядок.

Я смекнул, что Винце перестал мучиться морской болезнью и теперь затосковал от безделья. Вот и придирается. Лучшее средство от этой «болезни» — труд. Но какое занятие придумать для Винце? Чем его занять?

— Пошли.

Я взял его за руку и повел по коридору к каюте с надписью на двери: «Посторонним вход воспрещен». Винце прочел и уже без прежней обиды взглянул на меня.

— Аврал, — повторил я. — Вся команда с ног сбилась. Нужно

помочь Владасу. Он один не успевает. А еще после такой купели.

— Надо так надо. В чем вопрос? — сказал Винце. — А сумею ли я?

Владас сидел в радиорубке и работал ключом. В помощнике он, конечно же, не нуждался. Но я незаметно подморгнул ему, и Владас понял, что от него требуется.

— Бездельничаешь, камбузный «заяц»? — вроде как с укором буркнул Владас. — А мне тут хоть вторую пару ушей одалживай. Совсем запарился… Слушай эфир! — Он сунул Винце запасные наушники и, показав, как их следует надевать, снова застучал ключом.

И тут я сообразил, что Владас передает в эфир сигнал бедствия SOS.

Наш капитан не сразу решился на эту крайнюю меру. Вначале он рассчитывал, что шторм скоро выдохнется и «Дивонис» самостоятельно отбуксирует аварийный траулер в безопасное место. Но циклон все еще набирал силу, и разъяренная стихия погнала два связанные буксирным тросом судна к шхерам. Вот тогда Юргутис и приказал Владасу садиться к радиопередатчику.

Шхеры стояли перед моим мысленным взором. Я увидел их через плечо капитана в лоции Балтийского моря, над которой в рулевой рубке склонились Юргутис и Крюков. Лоция — настольная книга мореплавателей. Даже опытнейшие капитаны не имеют права, да и не смеют идти без нее в открытое море или океан. В ней расписано все, что судно может встретить в плавании: острова, мели, заливы, подводные скалы, камни, даже когда-то затонувшие корабли. Имея на корабле морскую карту, компас и лоцию, капитан или штурман, образно говоря, могут вести судно даже с закрытыми глазами.

Шхеры — это ощетинившиеся острыми выступами и валунами, утыканные скалистыми островками и полуостровками прибрежные районы моря, которые даже при полном штиле суда проходят только в сопровождении опытнейших лоцманов. Попасть в район шхер в штормовую погоду — почти верная гибель любому судну. Поэтому и маленькие рыбацкие суда, и океанские лайнеры всячески их остерегаются, стараются обойти стороной… А нас циклон нес именно к ощерившимся хищными клыками шхерам…

Под палубой стучал, время от времени взвывая от перенапряжения, двигатель траулера. Но «Дивонис» почти не двигался вперед. А в те моменты, когда волна поднимала корму над водой и винт со свистом рвал воздух, разъяренное море бросало оба траулера все ближе и ближе к берегу.

Владас автоматически работал ключом радиопередатчика.

Натренированные пальцы непроизвольно выстукивали знаки азбуки Морзе, а Винце внимательно прислушивался к характерному потрескиванию в наушниках.

— Ваши координаты? — вдруг послышался в них чей-то спокойный отчетливый голос.

Винце молниеносно сорвал наушники и протянул Владасу. Матрос прислушался к голосу и поднял на Винце посветлевший взгляд:

— Матрос Юргутис!

Винце не сразу смекнул, что обращение Владаса адресовано именно ему. А поняв, вытянулся, как настоящий матрос перед капитаном.

— Жми в рулевую рубку, матрос Юргутис! — приказал Владас. — Принесешь новейшие координаты «Дивониса». Поторапливайся!

А Винце — ни с места. Как застыл напротив Владаса, так и стоял.

— Кому сказано?! — прикрикнул Владас и, уже не обращая внимания на Винце, прильнул к микрофону. — Говорит траулер № 2429. Говорит траулер № 2429. Слышите меня, «Рамбинас»? Сейчас сообщу координаты…

— Жду, — ответил радист аварийно-спасательного буксира «Рамбинас». — Что у вас случилось?

Винце не расслышал, что ответил Владас. Переборов свой страх перед новой встречей с дядей Витаутасом, он бросился выполнять приказание.

ОПЯТЬ КАРТОШКА

Нового нагоняя Винце страшился напрасно. В тот момент, когда он прибежал в рулевую рубку за координатами «Дивониса», капитан спускался по отвесному трапу в машинное отделение.

Запарившийся «дед» хлопотал у двигателя, а его помощник Феликсас пошатывался, как былинка на ветру. Совсем выдохся Вагнорюс от качки, но стармех не разрешал ему отлеживаться, поднял с койки и всучил ему в дрожащие руки масленку. От морской болезни, как и от тоски по земле, лечит только труд…

— Больше выжать ничего не можешь? — спросил капитан «деда».

Валужис развел руками.

— Нас постепенно сносит на шхеры, — объяснил капитан. — Надо что-нибудь придумать, «дед».

— Машина — не человек, — вздохнул Валужис. — Это только человечьи силы беспредельны. А техника что, металл…

Бледной тенью подошел к ним Вагнорюс, прислушался. «Дед» пересыпал свою скороговорку афоризмами собственного сочинения. Капитан хмурился.

— Ограничитель… — икнув, сказал Феликсас.

Капитан и Валужис переглянулись. Смысл сказанного будто озарил их. Старик хлопнул себя ладонью по лысине.

Любой новый двигатель имеет два предела мощности. В начальный период эксплуатации на двигателе стоит ограничитель, и пока механизм не отработает положенного времени и его детали еще как следует не притрутся, разрешается достигать лишь первого предела. Впоследствии, когда все детали приработаются одна к другой, разрешается снимать ограничитель и пускать двигатель на полную мощность. Наш «Дивонис» был только что получен с завода, и ему еще долго предстояло работать с ограничителем…

Капитан ждал, какое решение примет «дед». Конечно, он мог бы и приказать. Будь другой на месте Юргутиса, он бы так и поступил, но наш капитан не таков.

— Ограничитель — не голова, снять можно, — решился стармех и глянул на Вагнорюса: — Подсобишь мне, Феликсас.

Капитан вернулся наверх и увидел Винце.

— Почему посторонние в рулевой рубке? — строго спросил он Крюкова, который что-то быстро писал на листке бумаги.

Старпом выпрямился:

— Наш SOS принял аварийно-спасательный буксир «Рамбинас». Матрос Бальчитис поддерживает с ним радиосвязь и прислал Вин… — Крюков запнулся и продолжал: — …Прислал пассажира Винцентаса Юргутиса уточнить наши координаты. Разрешите передать, капитан?

Капитан чуть заметно кивнул и больше не обращал внимания на Винце. Крюков сунул Винце листок с координатами. «Пассажир» юркнул в дверь.

— Где сейчас «Рамбинас»? — спросил капитан у Крюкова. Старпом показал на карте:

— Далеко. Пока доберется до нас, расцелуемся со шхерами.

— Поцелуев не будет, Николай, — спокойно возразил капитан.

Словно в ответ на его слова, мощно заработала машина. Крюков бросился на крыло ходового мостика:

— Неужто трос лопнул?

— Второй механик предложил снять пломбу ограничителя, — остановил старпома капитан.

«Дивонис» медленно, но упорно пошел вперед. Только вперед!

Вдруг в рулевую рубку ворвался Винце.

— Еще один спасатель, капитан! — крикнул он. — Поляк! И совсем рядом!

Капитан посветлел лицом и, улыбнувшись, кивнул Винце. Кажется, он больше не сердился на «пассажира».

…Через час польский спасатель взял на буксир своего соотечественника. Оба судна распрощались с «Дивонисом» гудками. Мы ответили им.

— Вот и все, — сказал наш капитан.

Я обнял за плечи своего друга:

— Пошли готовить ужин, Винцентас…

Мы чистили картошку. Много картошки. Ведь сегодняшний ужин — это сразу и завтрак, и обед, и ужин… Винце работал усердно, старался орудовать ножом так, как учил его я, однако ему не все еще удавалось. Я вздыхал, сожалея о витаминах, пропадающих с очистками, но молчал. Умение и навыки приобретаются со временем. Винце учился, и я скрепя сердце должен был мириться с непроизводительными потерями.

— Вот скажи, Марионас, у тебя есть цель в жизни? — осторожно спросил Винце.

— Я нашел свое призвание в море, — без колебаний ответил я. — На всю жизнь.

Винце был огорошен.

— На всю жизнь? — воскликнул он. — Всю жизнь хлопотать у плиты и чистить картошку? Ну, знаешь…

Он оборвал себя на полуслове. Наверное, испугался, что обидел меня. Но я и не думал обижаться.

— Кто-то ведь должен кормить рыбаков и моряков, — напомнил я. — Так почему этим «кто-то» не могу быть я? Мне, например, нравится чистить картошку, хлопотать у плиты и вкусно кормить команду. Увидел бы ты, Винцентас, как и чем питаются моряки на некоторых других судах… Прямо жаль хороших ребят. А почему? Да потому, что не все коки любят свое дело, не хотят возиться на камбузе… А мной рыбаки довольны. Так почему мне не любить свою специальность?

— Прости, Марионас, — тихо сказал Винце. — Я не по злому умыслу посмеялся над твоей работой. Она действительно и интересная и нужная людям. Мне даже думается, что в недалеком будущем ты станешь кормить экипаж большущего океанского судна… — И тут же он горестно вздохнул: — А мне бы хоть последним матросом на тралбот попасть…

И Винце загрустил. Еще бы: ведь он чистит картошку на камбузе «Дивониса» на правах «зайца», где уж ему мечтать о матросской службе хотя бы на крошечном тралботе…

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ УЖИН

Мне по душе флотский порядок, с давних времен принятый на крупных морских судах в кают-компании. Офицеры собираются в ней за две-три минуты до начала завтрака, обеда или ужина, но не садятся за сервированные столики — ждут капитана. По традиции капитан первый наливает себе суп. Только после него за это дело принимаются другие. Если кто-нибудь опоздал, то сесть к столу спрашивает разрешения у капитана. Тот, кто поел раньше капитана и хочет выйти по каким-либо делам, тоже спрашивает у него разрешения встать из-за стола. Порядок!

В кают-компании большого судна не сядешь там, где тебе вздумается. Места за каждым столом строго распределены. Во главе первого стола сидит капитан, справа от него располагается старпом, слева — второй штурман. Дальше по рангу усаживаются другие штурманы. За соседними столами старшинствуют «дед», первый помощник капитана, начальник радиостанции. С ними — тоже по рангам и занимаемым должностям — сидят их подчиненные.

На малом рыболовном флоте весь этот церемониал почти изжил себя. Где уж там будешь следовать флотским традициям, если на судне, как говорится, хлопот и забот полон рот. Не прививались старые добрые традиции и на «Дивонисе», хотя наш капитан, как уже было сказано, любит флотские порядки. Однако следовать этим традициям у нас просто-напросто нет условий. Вот почему капитан и «дед» первым делом отправляют в салон весь экипаж, а уж потом и сами за ложку берутся. У единственного стола на ранги — ноль внимания: кто первым покончил с работой и первым занял место у раздаточного окошка, тот, как говорится, и главный. А на «Дивонисе» всегда «главный» матрос Владас.

Но сегодня всем этим отклонениям от флотских традиций и этикета пришел конец. За полчаса до ужина, который мы с Винце готовили после шторма, на камбузе появился капитан. И с ходу направился к моим кастрюлям. Поднял одну крышку, вторую, потянул носом. «Ну, — думаю, — держись, Марионас, начинается…»

Предчувствие меня не обмануло: возрождение флотских традиций началось с камбуза. Как и на любом крупном судне, капитан снял пробу всех блюд. На предмет их качества все было в полном ажуре, но капитан обратил внимание на еле заметное пятнышко на моей белоснежной курточке, в которой я работаю на камбузе:

— Что это такое?

Я попробовал было объяснить родословную несчастного пятнышка, из-за которой оно не смывается и не исчезает, но капитан не желал ничего слушать и приказал немедленно переодеться в чистое. Ладно, была у меня в запасе еще одна курточка, поэтому приказание было исполнено на глазах у кэпа.

Тогда пришла очередь Винце.

— Почему камбузник работает без спецодежды? — кивнув на моего помощника, спросил капитан. — Вы что, товарищ Грабаускас, забыли правила санитарии и гигиены?

Я молча покопался в своем рундуке и разыскал среди других вещей белый фартук. Винце дрожащими руками подвязал его и стал похож на маленького поваренка.

Капитан взглянул на часы:

— Через пять минут стол должен быть сервирован к ужину всей команды.

И вышел.

Мы с Винце переглянулись.

— Отправляйся в салон, Винцентас, — со вздохом сказал я. — Будем насаждать на «Дивонисе» добрые флотские обычаи.

На нашем колхозном флоте вы не найдете ни одного суденышка, на котором сервировались бы столы. Каждый рыбак подходит к окошку камбуза, берет что ему положено, несет к столу и лопает без оглядки. У нас нет ни буфетчиц, ни официантов, которые занимаются сервировкой на крупных рыболовных и торговых судах. У нас, братишки, каждый — сам себе официант… Но капитану «Дивониса» такое положение вещей перестало нравиться. А вы, хозяева камбуза, засучивайте рукава.

Через окошко я подал Винце горку мисок, он выстроил их на столе, рядом разложил ложки и вилки, а посередке устроил большую кастрюлю с супом. Потом отнес две тарелки с нарезанным хлебом. Взглянув из камбуза на стол, я остался доволен «сервировкой». Еще бы вазочку с букетом — и вот вам плавучий ресторан первого класса…

Появился и первый посетитель «ресторана». Конечно же, Владас. Да только сегодня его просто не узнать: побрит, расфранчен, даже при ярком галстуке, на котором раскрашенная в неимоверные цвета обезьяна бьет в пестрый барабан. А какой вежливый и почтительный! Одним пальцем постучал в приоткрытое окошко камбуза, дружески прогрохотал:

— Чем сегодня потчевать будешь, Марионас?

Я с достоинством показал на стол. Владас нисколько не удивился, будто всю жизнь восседал за сервированным столом на «Дивонисе».

— Видишь, Марий, после шторма и купанья у меня в брюхе

точно стая голодных псов расплодилась, — разглагольствовал Владас. — Никак не придумаю, чем бы им заткнуть пасти.

— Смотри, чтоб они твой желудок не съели, — снова кивнул я в сторону стола, приглашая отведать первое.

Владас не шелохнулся. Стоял с улыбочкой, будто кого-то поджидая.

Насвистывая модную песенку, перешагнул комингс салона тралмейстер Антанас Паулюс. Тоже приоделся, как на парад: под новым пиджаком — белая рубашка. Увидев Винце с тряпкой в руке, сообщил ему, как ровне:

— Трески заграбастали — во! А кру-у-упная! — раскинул руки. — Если и вторым заходом столько поднимем, придется в порт топать. Трюм, как пить дать, загрузим, а крупную треску приказано в свежем виде на рыбозавод доставить.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! — ввалившись в салон, трижды сплюнул Феликсас Вагнорюс, веривший в разные приметы и предрассудки. — Ну, кто тебя просил языком трепать! Сглазишь…

При взгляде на сегодняшнего Феликсаса никак не скажешь, что он работает в машинном отделении и даже в салон приходит весь в масле, как черт. На этот раз второй механик так умылся, что блестел, как камбузная кастрюлька… Что за чудеса происходили на «Дивонисе»?

— Верьте моему слову, хлопцы: вот этот ужин — последний в этом рейсе, — продолжал предсказывать Паулюс.

Эти слова тралмейстера точно нож в сердце Винце: если исполнится предсказание Паулюса — а наш тралмейстер в таких случаях редко ошибается, — то уже завтра Винце предстанет перед суровым судом своих домочадцев… Ох, и не завидую я своему другу! Сам был мальчишкой, знаю, чего стоит возвращение блудного сына под отчий кров. Да еще после этакого переполоха.

В точно назначенное время в салоне появился капитан. В парадном мундире, торжественно и по всем правилам он занял свое место за столом, пригласил садиться остальных. Только мы с Винце трудились.

Когда мы подали на стол второе, необыкновенное молчание в салоне нарушил Владас.

— О Бангпутис всемогущий, со множеством своих помощников! — пророкотал он. — Цеппелины![9] И даже со шкварками! Марий, человечище, ты — кудесник камбуза, величайший кок из всех великих мастеров кулинарного искусства!

Капитан укоризненно взглянул на матроса. Владас вспыхнул и уставился в тарелку.

После ужина капитан похвалил меня за цеппелины. Я ответил с достоинством:

— Благодарите камбузника Винцентаса Юргутиса, капитан. Он чистил и тер картошку.

Все наперебой стали благодарить Винце. И только капитан, родной дядя Винце, ни слова не произнес. Винце молча убрал посуду. Но никто не поднимался из-за стола. Это насторожило меня. А Винце просто струхнул. Но вот капитан встал, одернул парадный мундир и обвел взглядом малочисленную команду «Дивониса». Мой бедный камбузник так и застыл в уголке салона с тряпкой в руке.

— Винцентас Юргутис, тайно сбежав из дому и пробравшись в трюм «Дивониса», поступил, честно говоря, по-свински, — сказал капитан. — Однако не в наших флотских правилах вечно судить человека за один-единственный проступок, — продолжал он, уже мягче поглядывая на племянника, который непроизвольно комкал в руках тряпку. — Тем более в море, во время шторма, Винцентас вел себя как настоящий моряк и даже первым бросился на помощь попавшему в беду товарищу…

Владас медведем вывалился из-за стола и по-мужски облапил Винце. Потом, повернувшись к капитану, как загрохотал из пушки, захлопал в ладоши. Аплодировала вся команда. И, конечно же, в первую очередь я. Винце то краснел, то бледнел. Но его глаза светились от счастья.

Когда аплодисменты смолкли, капитан шагнул к Винце:

— Экипаж «Дивониса» решил с этого момента считать тебя, Винце, восьмым членом нашей команды…

Он хотел пожать руку племяннику, но Винце уткнулся лицом в парадный мундир капитана. Узенькие его плечи вздрагивали… Рыбаки, как по команде, выскользнули из салона. Я тихонечко прикрыл окошко камбуза.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОРЯКА

Потом был аврал. Предсказание тралмейстера Антанаса Паулюса сбылось: мы забили трюм крупной треской и даже часть улова сложили в ящик на палубе. Ночью Винце, в последний раз укладываясь на матросскую койку, жалобным голосом попросил:

— Если ты, Марионас, настоящий друг, то проводи меня завтра домой.

— Струхнул? — удивился я. — Шторма не испугался, товарища спас, а здесь…

— Не то чтобы струхнул… — вздохнул Винце. — Просто не переношу душеспасительных разговоров и слез.

— Так меня… вместо громоотвода берешь?

— Почти… — согласно кивнул восьмой матрос «Дивониса». — При постороннем они… постесняются… Понимаешь?

Я прекрасно понял. И все-таки спросил:

— А позже? Когда я уйду?

— Когда ты уйдешь, первая вспышка гнева уже выдохнется. Понял?

— Понял…

И вот мы с Винце сошли с автобуса невдалеке от дома Юргутисов. Винце сознался, что у него чуть-чуть трясутся колени. Может, от того, что, пробыв столько времени в море, он отвык ходить по суше? Ведь и у старых морских волков, после длительного плавания сошедших на берег, иногда слабеют колени и их пошатывает…

Домой Винце не спешил. Он вдруг вспомнил, что должен сказать мне что-то очень важное, но никак не находил нужных слов. Наконец высказался:

— Знаешь, Марионас, будь я на месте начальника всех рыбаков, я бы открыл школу судовых коков, а их учителем назначил бы тебя. Тогда все рыбаки…

— Винце! — Кто-то окликнул его по имени.

Винце обернулся на голос и нахмурился:

— Нида… Только ее здесь и не хватало! Подожди минуточку, Марионас…

Он поправил на плече спортивную сумку и шагнул навстречу Ниде.

— Здравствуй, — сухо сказал он.

— А Всезнайка говорил, что ты пропал, — сообщила Нида.

— Твой Всезнайка только хвастается, что все знает, — хмыкнул Винце. — Я был в море.

— На корабле? — удивилась Нида.

— На корыте, — отрезал Винце.

Нида не хотела ссориться, не выяснив всех обстоятельств. Ее разбирало любопытство, потому она и не обиделась. Только спросила:

— А кто это с тобой? Может, соизволишь познакомить?

— Марионас Грабаускас. Кок нашего рыболовного траулера, — сделав ударение на слове «нашего», сказал Винце.

— Кто-о? — не поняла Нида.

— Кок. Или, по-сухопутному, повар.

— Повар? — На лице Ниды, казалось, даже веснушки подпрыгнули от удивления. — Тогда знакомить не надо.

— Пока, — сказал Винце, небрежно кивнул Ниде и вернулся

ко мне. Ему было горько от того, что Нида не пожелала знакомиться с каким-то поваром.

Много позже я узнал, какое большое значение для Винце имел этот разговор и сколь много он решил. Винцентас еще раз убедился, как не идут Ниде веснушки, и в тот же миг сказал себе, что обязательно сам станет коком…

Мы пошли дальше, и я спросил о Ниде:

— Та самая?

— Да. Даже стыдно вспомнить… — улыбнулся Винце. — А веснушчатая! Как сорочье яйцо.

— Я тоже веснушчатый, — напомнил я.

— Да ну? — удивленно вскинул брови Винце. — Я и внимания не обратил…

Он пристально вгляделся мне в лицо.

— Ну, твои веснушки вроде и не веснушки вовсе. Маленькие, еле заметные. Они даже украшают твое мужественное лицо.

Я не успел возразить: Винце решительно подал мне руку и сказал:

— Спасибо, Марионас. Ты — настоящий друг. А домой я пойду один.

Я крепко пожал ему руку и взволнованно ответил:

— Ты — парень что надо, Винцентас. Так держать! Настоящие моряки никогда не прячутся за чужую спину. Не падай духом, Винцентас. И не забывай, что в море ты, как настоящий мужчина, перенес девятибалльный шторм!

— Дома, думаю, шторм будет похлеще, — почти весело откликнулся Винце. — Привет всей команде «Дивониса».

Я направился к остановке автобуса, чувствуя, что Винце смотрит мне вслед. Остановился. Винце действительно глядел в мою сторону.

— Верю, что ты станешь настоящим моряком, Винцентас! — крикнул я. — И кто знает, может, морские пути еще сведут нас с тобой где-нибудь на просторах Атлантики.

* * *

Когда Винце тихонечко открыл дверь и переступил порог отчего дома, в комнате звучали голоса. Он прислушался. Так и есть: дедушка Доминикас ошвартовался у телевизора.

Винце оставил спортивную сумку в коридоре, снял ботинки, нашел тапочки и тихонечко юркнул на кухню…

Придя с работы домой, мама отправилась на кухню готовить ужин. Вдруг дедушка и папа услыхали ее горестный и вместе с

тем радостный голос:

— Господи! Столько картошки мы не съедим даже за три дня!

Дедушка Доминикас и папа заглянули на кухню, увидели большую кастрюлю, наполненную не слишком умело очищенной картошкой, и услыхали вздрагивающий от волнения голос Винце:

— Завтра будем готовить цеппелины… По рецепту моего друга кока Марионаса Грабаускаса. Пальчики оближете…

ПОСТАНОВЛЕНИЕ №…

До школы Винце бежал вприпрыжку, но поднимался по лестнице, шагал по коридору и вошел в класс солидно, как и должно делать это много повидавшему и испытавшему человеку. Семиклассники были осведомлены и о его исчезновении, и о возвращении, поэтому с нескрываемым любопытством уставились на Винце. А Всезнайка и на сей раз не вытерпел, подковырнул:

— А много березовой каши всыпал тебе дедушка Доминикас?

Винце оставил колкость без внимания. Даже о состоявшемся когда-то споре не напомнил: стоит ли закаленному в бурях матросу вспоминать детские истории? Он спокойно обошел Балтрамеюса, положил книжки и спросил у товарища по парте:

— А ты, Пранас, все задачки решил? У меня, понимаешь, одна что-то не клеится.

Они склонились над учебником и до самого звонка выясняли, где Винце сделал ошибку. И на переменах Винце просто не замечал Всезнайку, который все время так и вертелся у него на глазах.

Такое поведение Винце просто огорошило семиклассников. А особенно Балтрамеюса Жаситиса, который хорошо помнил свое обещание снять перед Винце шапку, если тот только докажет, что морская болезнь ему нипочем. А Винце вроде совсем забыл, о чем они поспорили.

После уроков в седьмой «В» пришла пионервожатая. Она что-то шепнула учительнице, а потом обратилась к классу:

— Наша школа, ребята, получила один документ. Он очень важен для вас, так как имеет прямое отношение к одному нашему пионеру, вашему однокласснику. Послушайте…

Семиклассники замерли. Пионервожатая прочла:

— *«Постановление №… правления рыболовецкого колхоза «Балтия», состоявшегося 20 апреля 197… года.*

За смелость, мужество и находчивость, проявленные при спасении во время шторма рыбаков соседней дружественной страны, наградить именными часами и Почетными грамотами членов команды траулера № 2429:

1. Витаутаса Юргутиса, капитана.
2. Николая Крюкова, помощника капитана.
3. Повиласа Валужиса, старшего механика.
4. Антанаса Паулюса, тралмейстера.
5. Феликсаса Вагнорюса, второго механика.
6. Владаса Бальчитиса, матроса.
7. Марионаса Грабаускаса, кока.
8. Винцентаса Юргутиса, камбузника».

В классе стало тихо-тихо. Все смотрели на Винце. А он так вспыхнул, что уши у него запылали огнем.

— А что значит слово «камбузник»? — громко спросила Нида.

На нее зашикали со всех сторон. Нида стушевалась и низко-низко склонилась к парте.

Все взгляды скрестились на Всезнайке. Балтрамеюс Жаситис сидел, как на углях: то краснел, то бледнел, смахивая рукой выступивший на лбу пот. А класс глядел на него, как один большой, насквозь сверлящий глаз.

Авторизованный перевод с литовского И. Маркеловой.

Н. Черкашин
КРИК ДЕЛЬФИНА
Повесть

ЧЕРКАШИН *Николай Андреевич (1946 г. р.). Закончил философский факультет и заочную аспирантуру МГУ. Работал корреспондентом «Комсомольской правды», затем был призван на военную службу и работал корреспондентом «Красной звезды». Изъявил желание служить заместителем командира подводной лодки по политчасти. Его просьба была удовлетворена. Сейчас Н. А. Черкашин капитан 3-го ранга запаса, член Союза писателей. Его перу принадлежат книги «Соль на погонах», «Море многопалубное», «Лампа бегущей волны», «Траектория шторма», «Крик дельфина», «Одиночное плавание» и др.*

Командир еще раз ругнул этих мудрецов из Центра. Назвать новейший корабль флота «Архелоном»?! Именем гигантской черепахи, и к тому же давно вымершей! Хороша черепаха, летящая под водой со скоростью курьерского поезда…

По обычаю в центральных постах атомных субмарин крепился щит с изображением животного, в честь которого назван корабль. Коммодор Рэйфлинт помнит, как прекрасно смотрелся бронзовый дракон в пилотской «Дрэгги». Его принес из тибетской коллекции первый и последний командир «Дрэгги» Кьер.

Рэйфлинт служил на «Дрэгги» старшим помощником командира.

У бронзового дракона в центральном посту были рубиновые глаза. Старшина-радист вставил в них микролампочки и соединил их через пьезоэлемент с глубиномером. «Дрэгги» погружался, и глаза у дракона разгорались; всплывал — медленно гасли. Интересно, как полыхнули его буркалы, когда подводная лодка промахнула предельную глубину? Это случилось в позапрошлом году на глубоководных испытаниях в Атлантике. Рэйфлинт находился на обеспечивающем судне и держал в руке микрофон звукоподводной связи. На глубине в двести сорок метров динамик сообщил голосом Кьера: «Нас слегка обжало, но я всех обнимаю крепче…» Магнитофоны бесстрастно записали шутку на пленку. «Дрэгги» плавно приближался к трехсотметровой отметке, когда динамик пискнул и в странном

нарастающем шорохе Рэйфлинт едва разобрал: «Небольшой дифферент на нос… Кажется, ничего страшного… Если…»

Это были последние слова Кьера, последний сигнал «Дрэгги», если не считать хлопка вроде лопнувшей лампочки, что услышали гидроакустики спустя десять секунд после потери связи с лодкой.

Потом правительственная комиссия целый месяц изучала обрывок кьеровской фразы, пытаясь выведать из нее тайну гибели ста двадцати человек и стратегического атомохода. Но тайна эта покоилась на марганцевых плитах пятикилометровой Канарской впадины. Ясно было одно, что титановый корпус «Дрэгги» не выдержал сверхдавления. Но почему возник дифферент на нос, почему корабль провалился за расчетную глубину — этого не успел узнать и сам Кьер…

На всякий случай «Архелону», пребывавшему тогда в чертежах, срочно усилили прочность корпуса. Может быть, поэтому, за сходство с черепашьим панцирем, ему и дали имя древней рептилии. Но не выбивать же на геральдическом щите старую Тортиллу?!

Коммодор еще раз окинул взглядом корабль. «Архелон» стоял у плавучего пирса, и лобастая черная туша его сыто лоснилась под майским солнцем. Могучим спинным плавником торчала черная рубка. Спереди она смотрелась куда как зловеще. Два немигающих ока, насупленных к узкой переносице, растопыренные рубочные рули, придавали ей вид грозного языческого идола, приподнявшего куцые сильные крылья.

За спиной рубки, в длинном и плоском горбу, убегали в два ряда, словно пищики на фаготе, потайные люки. Двадцать четыре ракетные шахты скрывали они от чужих глаз и забортной воды. Двадцать четыре ракеты ростом с добрую водонапорную башню таились в стальных колодцах. У каждой из них был свой порядковый номер, но какой-то шутник из ракетчиков написал на крышках названия столиц, чьи координаты были введены в электронную память ракет. Рэйфлинт не отказал себе в мрачном удовольствии прогуляться по уникальному кладбищу, где на круглых «надгробных плитах» значились города-покойники. Конечно же, он приказал убрать надписи, дабы не нарушать режим секретности. Но с тех пор шахты стали называть не по номерам, а по столицам, подлежавшим уничтожению в первый же час войны.

В очертаниях «Архелона», если не считать рубочных рулей и вертикального стабилизатора, не было ни одной прямой линии. Даже сварные швы разбегались по корпусу прихотливо, как будто подчинялись игре природы, а не технологической карте. Носовые

цистерны были продуты до конца, поэтому широкий лоб «Архелона» с титановым оскалом гидролокатора выходил из воды высоко — по «ноздри» торпедных аппаратов. Гибрид бегемота, кита и тритона — так определял для себя Рэйфлинт форму своей субмарины. Черный идол-громовержец с растопыренными крыльями восседал на теле лодки злым всадником. Но и это могучее тело, и это хмурое божество безраздельно повиновались ему, коммодору Рэйфлинту.

Рэйфлинт не страдал честолюбием, однако в этот утренний час, час, безусловно, исторический — шутка ли, новейшая стратегическая лодка отправляется в первое боевое патрулирование?! — не мог отрешиться от тщеславного чувства: это мой корабль, краса и гордость флота, а это я, самый молодой — тридцатитрехлетний — командир подводного ракетоносца. И это меня, мой корабль, мой экипаж приедет провожать сегодня сам президент…

Как ни пытался Рэйфлинт отыскать в силуэте родного корабля черты изящные и стремительные, он волей-неволей приходил к мысли, что округло-кургузый корпус «Архелона» напоминает сократившуюся от сытости пиявку.

Странно было подумать, что в чреве этого черного левиафана прячется уютнейшая двухкомнатная каюта, отделанная полированным эвкалиптом и флорентийской кожей. Планировку, мебель, убранство конструкторы отдали на выбор командиру, и Рэйфлинт вместе с Никой убил целый отпуск на то, чтобы минимум объема наполнить максимумом комфорта. Ника превзошла самое себя. Это она придумала сделать бортовую переборку командирской спальни в виде деревянной стены их ранчо, где они провели медовый месяц. В сосновую панель было врезано окно, в котором горел дневным светом цветной слайд: панорама холмистых перелесков с белой пирамидой лютеранской церквушки. Снимок сделала сама Ника. И теперь Рэйфлинт, как бы далеко от родных берегов и как бы глубоко в океанских тартарах ни находился, мог в любой момент воочию вспомнить их милый уголок. И не только. Стоило нажать кнопку дистанционного переключателя, как в импровизированном окне вспыхивала картина, открывавшаяся им когда-то с седьмого этажа отеля «Палаццо» на реку Арно и самый старый мост Флоренции Понте-Веккио. Столь же простым способом в глухой капсуле стального отсека могла возникнуть прекрасная «марина» поверх красночерепичных и белых крыш Дубровника — родины Ники — и пляж нудистов близ руин Карфагена, где черноволосая сербиянка выходила из воды в костюме боттичеллевской Венеры… Запас автоматически сменяющихся слайдов был

достаточно велик, чтобы превратить ностальгию в сладкую грусть.

В командирском кабинете справа от стола Ника разместила компакт-бар с набором любимых мужем греческих коньяков и французских ликеров. Сюда же она хотела поставить и сейф. Но Рэйфлинт распорядился все же вмонтировать несгораемый ящик под изголовьем кровати. В сейфе хранились ключи к шифрозамкам стартового комплекса и запалы к ядерным торпедам. Зато мягкие кресла и стол Ника подобрала по своему вкусу. Под прозрачную столешницу она придумала встроить аквариум, так что пестрые рыбки плавали под набросанными на стол казенными бумагами. «Во-первых, — утверждала Ника, — созерцание тихих аквариумных тварей успокаивает нервы. Во-вторых, твой стол будет походить на трон Нептуна».

Выходить за пределы стометрового ракетопогрузочного пирса Рэйфлинт уже не мог: «Архелону» с утра была объявлена двухчасовая готовность. К тому же с минуты на минуту над гаванью должны были взвыть сирены, оповещающие, что на «Архелоне» начались особо опасные работы — прием атомного боезапаса. Рэйфлинт позволил себе эту прогулку лишь потому, что с приемом ядерных боеголовок покидать корабль ему, командиру, строго запрещалось вплоть до конца похода, вплоть до выгрузки и сдачи ракет в арсенал.

Гавань эскадры атомных подводных лодок укрылась в скалах и походила на высокогорное озеро, налитое в продолговатую каменную чашу с неровными краями. В одном месте чаша треснула, и сквозь расщелину — утесистые ворота из красного гранита — субмарины выбирались в море по лабиринту природных каналов.

Рэйфлинту нравились здешние края. Трудно было подобрать более величественное и суровое место для тайной заводи подводных драконов, цепко державших в своих лапах, как полагал командир «Архелона», судьбы континентов, судьбу самого «шарика». Огневой мощи одной только их патрульной эскадры было достаточно, чтобы превратить любой материк в подобие лунного ландшафта, в подобие вот этой нависшей над гаванью сопки, что пучилась гроздью серо-рыжих валунов, округлых и растресканных, словно купола мертвого азиатского города.

Всходило солнце. Сочетание пастельно-розового неба с угрюмой чернотой скал резало глаз вопиющим контрастом.

Дисгармоничный восход был освистан сиренами субмарин. Сирены взвыли обиженно, зло, угрожающе — в разных концах гавани. Рэйфлинт вздрогнул, хотя и был наготове.

Обрывки резких воплей еще гуляли по гранитным фьордам, а вдоль причального фронта уже зазмеилась колонна грузовиков, крытых черным брезентом. Тут же табакерочными чертиками повыскакивали невесть откуда автоматчики в черных куртках и беретах; они перекрыли ворота гавани, опустили шлагбаумы на железнодорожных путях, выстроились вдоль причальной стенки и даже встали к трапу «Архелона», несмотря на то что там прохаживался вооруженный вахтенный.

Коренастый майор морской пехоты подбежал к Рэйфлинту.

— Коммодор, у нас новые правила. Трап и верхнюю палубу охраняем мы. Уберите своих людей вниз.

— Может, мне и самому убраться вниз?! — мрачно осведомился Рэйфлинт. Он недолюбливал этих бесцеремонных ребят из ракетного арсенала.

— Вы можете находиться там, где сочтете нужным, — сухо отрезал майор.

— Благодарю за доверие, — усмехнулся Рэйфлинт.

Пастор Бар-Маттай успел проскочить сквозь первое кольцо оцепления, но перед вторым его «фольксваген» остановили, и рослый негр-автоматчик долго листал документы. Охранник никак не хотел поверить, что святой отец не только имел доступ на секретный подводный рейдер, но и собирался выйти на нем в море. Парень прекрасно знал, что священники плавают лишь на авианосцах и крейсерах, на субмаринах они никогда не служили, так что мало ли с какой целью пытался проникнуть на «Архелон» этот худой, горбоносый, явно не атлантических кровей человек. Негр-автоматчик не верил вообще никаким бумажкам, он верил только в свой сороказарядный «дункан»[10] и только своему лейтенанту. И потому он вызвал по мини-рации офицера. Лейтенант тоже долго копался в бумагах, хмуро сличая фотографии, но взять на себя ответственность не рискнул и позвонил оперативному дежурному по эскадре. К счастью, дежурному было известно, что после загадочной гибели «Дрэгги» на новой лодке в помощь компьютерам, проигрывающим тысячи способов спасения корабля при любой аварии, призвали небесные силы, то есть назначили в штат экипажа военным капелланом человека, умеющего их заклинать, — пастора Бар-Маттая.

Лейтенант махнул чернокожему автоматчику, и «фольксваген» медленно двинулся дальше — к стоянке перед въездом на причал. Рэйфлинт, занятый приемкой боезапаса, сухо кивнул человеку в сутане цвета комбинезонов ненавистных ему автоматчиков. Бар-Маттай замер за спиной коммодора черной тенью…

Над пирсом и ракетными люками «Архелона» натянули огромный тент, чтобы прикрыть место будущей мистерии от спутников-разведчиков, если они появятся над гаванью вне известного контрразведке графика пролета. Под навес въехали автокран с эмблемой арсенала и первый грузовик. Но прежде чем черные автоматчики стащили с кузова брезент, коренастый майор потребовал у Рэйфлинта доверенность на получение ядерного оружия. Рэйфлинт отдал небрежным жестом листок, сложенный вчетверо, и повернулся к майору боком. Он принимал атомный боезапас еще старпомом на «Дрэгги» и ничего нового не ожидал увидеть, но все же волновался, ибо с этой минуты хищноглазый языческий идол с растопыренными крыльями и в самом деле становился громовержцем. Этого идола и то, что сообщало ему всеразрушительную силу, Рэйфлинт называл про себя именем бога войны и огня своих скандинавских предков — Тором.

Тор покоился в цилиндрическом пенале, напоминающем древнееврейский ковчег для хранения свитков. Серо-голубой ковчег был абсолютно прочен и надежен. В переднем его торце торчали влагопоглотительный патрон и перепускной клапан, чтобы уравнивать давление при воздушной транспортировке. В задней панели поблескивала клемма заземления. Ковчег спасал Тора от воды, воздуха, пыли, тряски, магнитных полей, перепадов давления и «дикого» — статического — электричества. Чтобы изделие ненароком не уронили, поднимая краном, по бортам футляра алели предупредительные надписи: «Ручки т о л ь к о для снятия крышки».

Автокран осторожно выгрузил на пирс первый пенал, и четыре черных сержанта встали возле него так, как обычно траурный эскорт становится возле гроба, — по углам. Они бережно сняли крышку и, ступая в ногу, отнесли его в сторону. Тор предстал солнцу и почтительным взглядам. Ярко-зеленое тело его резало глаза кроваво-алым пояском. С него аккуратно сняли красно-медный колпак, предохраняющий лобовую часть от случайных ударов. В самом центре тупого рыла проглянуло крохотное отверстие для уравнивания давления под водой, когда крышки ракетных шахт сдвигаются перед залпом в сторону. Отверстие прочищается специальной иглой — той самой, которой черный майор чистил сейчас ногти в ожидании автокрана.

Рэйфлинт вдруг усмехнулся: по стальному черепу Тора ползла божья коровка. Трудно придумать более резкий контраст: абсолютной сверхмощности и абсолютной беззащитности.

Кран наконец поставили на упоры и заземлили. И начался обряд, похожий на отпевание. Помощник арсенальского майора с книгой инструкций в руках пономарским голосом зачитывал

наставление по осмотру и проверке ядерной боеголовки. Два юрких петти[11] выполняли все, что требовали строгие параграфы, быстро и педантично. Центр всеобщего внимания переместился на них, и тишина на пирсе сгустилась еще больше под пристальными взглядами многих глаз.

— Пункт первый. Осмотр корпуса на предмет царапин и вмятин, — скороговоркой читал помощник.

Оба петти едва не столкнулись лбами, отыскивая повреждения корпуса. Ни вмятин, ни царапин они не нашли. Боеголовка, отлаженная с точностью швейцарского хронометра, лоснилась маслянисто. В судный час планеты, отбитый стартовым секундомером, Тор в некой ведомой лишь его электронной памяти точке траектории разделялся на шестнадцать боеголовок, каждая из которых неслась к своему городу, как несутся к родным крышам почтовые голуби… При мысли о голубях легкая усмешка во второй раз тронула губы Рэйфлинта.

— Пункт второй. Отключить транспортировочную ступеньку предохранения…

Один из петти вставил в потайное гнездо штекер прибора-отключателя, раздался легкий щелчок, жало бойка перескочило на одну из семи предохранительных ступенек. Остальные шесть снимет сам Рэйфлинт, повинуясь личному приказу президента.

Наконец застропленный Тор медленно поплыл в воздухе к раскрытому люку первой ракетной шахты. Два арсенальных сержанта бережно придержали снаряд над обезглавленной пока ракетой, помогли ему мягко состыковаться с телом носителя, а затем, натянув белые перчатки, стали свинчивать «коня» и «всадника» длинными ключами-коловоротами.

— Почему так туго идет? — недоумевал сержант.

— Правило креста нарушаешь! Перекрестно завинчивай! — поучал его вездесущий майор.

— Правило креста? — переспросил вдруг Бар-Маттай, почти бесплотный в общей суете. — В чем его смысл?

Майор досадливо дернул щекой — не время для досужих разговоров, но все же пояснил:

— Стыковочные болты надо завинчивать в крестообразном порядке. Иначе от перекоса возникают напряжения…

— Благодарю вас.

Бар-Маттай бесшумно отступил в тень рубки.

Правило креста. Мир давно уже распят на перекрестьях прицелов. В тело Христа гвозди вбивались тоже крестообразно. Теперь болты — длинные, тонкие, то ли из титана, то ли из молибдена…

Пастор Бар-Маттай не был военным капелланом.

Предложение Центрального духовного управления принять участие в походе атомной подводной лодки весьма удивило его, заставило долго решать, да или нет.

Бар-Маттай, в чьих жилах текла кровь самого воинственного народа древности — ассирийцев, ненавидел оружие. Он ненавидел кинжалы и сабли с тех пор, как курды вырезали всех женщин его рода. Он ненавидел пистолеты и ружья с тех пор, как отец и оба брата погибли в перестрелке с англичанами. Он ненавидел пушки и танки с тех пор, как единственный его сын был разорван немецким фугасом под Дюнкерком.

Бар-Маттай смутно догадывался, почему выбор ЦДУ пал именно на него — настоятеля хоть и столичного, но куда как скромного храма ассирийской общины. По генеалогическим документам корни рода Бар-Маттая тянулись к библейскому апостолу Матфею. Да и церковные службы пастор-ассириец вел на языке Христа и своего детства — на арамейском, что привлекало в храм множество прихожан и любопытных. Это была бы неплохая реклама и для адмиралтейства, и для Центрального духовного управления — осенить новейший ракетоносец крестом потомка легендарного евангелиста.

Бар-Маттая даже затрясло от такого кощунства. Ночью, как всегда в трудные моменты жизни, он раскрыл наугад Библию и прочел строки о праведнике Ионе, пустившемся к берегам Ассирии в чреве китовом. Не полагаясь лишь на одну книгу, он достал из потайного шкафчика золотую фигурку древнего ассирийского божества Энку. Энку держал в руках весы с серебряной и медной чашами. На серебре пращур Бар-Маттая выбил слово «ги», на меди — «ля»[12]. Обычно чаши пребывали в равновесии. Но стоило человеку, принимающему решение, сосредоточить взгляд на Энку, как через минуту-другую чаши начинали опускаться или подниматься.

Бар-Маттай утвердил взгляд сухих черных глаз на золотом челе Энку. Серебряная чаша дрогнула и медленно пошла вниз.

Бар-Маттай усмехнулся: «Если Голгофа не идет к Христу, то Христос идет на Голгофу».

Едва черная гвардия арсенала запрыгнула в свои грузовики и облегченные «доджи» вырулили за ворота с клыкастыми якорями, как взвыли сирены полицейских машин и гавань снова оцепили, но не автоматчики, а рослые парни в серых плащах и шляпах. Теперь они внимательно проверяли документы тех, кто был приглашен на проводы «Архелона».

Просторный пирс быстро заполнялся гражданскими чинами, репортерами, женщинами. С высоты рубочного руля,

превращенного на время в крыло мостика, Рэйфлинт увидел в толпе сухопарую жену своего старшего помощника Роопа, красавицу Флэгги — подругу жизни старшего радиста Барни. Ника в желтом сафари помахала ему из толпы. Он ответил ей легким кивком: «Вижу. Люблю. Счастлив». Это прочтет только она. Для всех остальных его кивок лишь жест вежливости.

Вот это номер! С Никой притащился и ее кузен, то ли скульптор, то ли художник. Один из тех молодчиков, профессия которых — шокировать публику. Кажется, он так себя и называет — «режиссер уличных скандалов». Похоже, что и на этот раз не обойдется без сюрприза: кузен сгибается под тяжестью длинной коробки. Поймав взгляд Рэйфлинта, он оставил свою ношу, воздел руки и заорал на весь пирс:

— Привет, Рэй!

Коммодора передернуло: скотина, нашел место для амикошонства. Уйти в рубку? Поздно. Все уже смотрят на этого «крейзи». Вот он раскрывает свою коробку — и, о боже! Рядом с ним вторая Ника. В том же желтом сафари, с теми же черными волосами. Кукла? Манекен?

— Рэй, это тебе! Поставь в каюте. Она скрасит твой поход!

На пирсе засмеялись, кузен приподнял Нику-два за талию, и репортеры защелкали камерами.

— Один к одному! — не унимался «режиссер уличных скандалов».

Манекен под аплодисменты понесли к трапу. У Рэйфлинта отлегло от сердца. Если это все, то куда ни шло. Кузен был способен на большее… Коммодор распорядился отнести куклу в каюту. Ника снова осталась на пирсе в единственном числе.

Взвыли сирены, и из-за гранитного уступа выскочила кавалькада мотоциклистов, а за нею правительственный кортеж. Толпа инстинктивно подалась назад, освобождая место перед трапом. Президентский лимузин въехал прямо на пирс, и понтоны заколыхались под тяжестью элегантного броневика. Распахнулась пуленепробиваемая дверца, и едва президентская нога коснулась стального настила, Рэйфлинт и все офицеры взяли под козырек. Президент помахал из-за плеча телохранителя публике и быстро прошел на корпус. Рэйфлинт встретил его у верхнего рубочного люка. Представился, ответил на рукопожатие. Первым скользнул в колодец люка телохранитель, за ним Рэйфлинт и, наконец, сам президент. Бегло осмотрев центральный пост и оба смежных отсека — слава богу, куклу успели спрятать в каюту, — президент сел в командирское кресло, и коротконогий человечек в кожаном пиджаке утвердил перед ним шар микрофона.

— Дамы и господа, — привычно начал репортер. — В этот час я нахожусь на борту «Архелона» — подводного форпоста нашей обороны. Ни один корабль не стоил нашей стране так дорого. Но мир на планете стоит еще дороже… Слово господину президенту.

Ничего нового, к разочарованию Рэйфлинта, президент не сказал. Прочитал на память что-то вроде текста предвыборной речи, и коротконогий владелец микрофона, пока президент поднимался наверх, продолжил свой репортаж торопливой скороговоркой:

— Напоминаю, дорогие друзья, что по понятным причинам операторы телекомпаний не допущены на борт сверхсекретного ракетоносца. Поэтому мне придется работать как бы в режиме монитора. Все, что увижу своими глазами, я постараюсь изобразить словесно… Итак, подводный атомоход типа «Архелон». Он может одновременно выпустить из-под воды двадцать четыре баллистические ракеты, каждая из которых способна уничтожить целую страну.

Запускающее устройство смонтировано во вращающейся рукоятке, напоминающей рукоятку кольта 45-го калибра, только на ней нет ствола. Вместо него к рукоятке прикреплен электрический шнур, который соединяет ее с консолью ЭВМ. Рукоятка сделана из тяжелой пластмассы с насечкой для уверенного захвата. Электрический шнур выглядит, как шнур обыкновенного тостера или утюга.

Для тренировок предназначена черная рукоятка, а для реальных пусков — красная… Если это война, то вахтенный офицер объявляет: «Боевая тревога! Ракетная готовность!» Сообщение о действиях в чрезвычайной обстановке поступит через шифровальщика. Реальный приказ на запуск ракет отдаст сам президент. Два офицера подтверждают подлинность полученного сообщения, сличая его с образцом, который хранится в личном сейфе командира подводной лодки. Затем они передают его командиру.

Радиокомментатор разыскал Рэйфлинта на мостике.

— Что думает командир «Архелона» о предстоящем походе?

Рэйфлинт, несмотря на нетерпение репортера, с минуту поразмыслил:

— Океан — весы мира. Наша подводная лодка — одна из гирек, которая позволяет сохранять равновесие. Если мы не выйдем в море, одна из чаш пойдет вверх, другая вниз…

— Хорошо сказано, сэр!

Настырный репортер не отстал от них и тогда, когда с берега после отъезда президента была дана команда проститься с семьями. Он пристал со своим микрофоном к Нике:

— В вашем муже нет ничего воинственного. Он похож на респектабельного ученого и спортсмена одновременно. Таков ли он дома?

Ника улыбнулась:

— Да. Он сама кротость. Я горжусь своим мужем. И очень его люблю.

Старший радист прощался с Флэгги.

Барни незаметно перевесил на ее плечо ремешок транзистора.

— Он настроен на волну «Архелона», — шепнул ей на ухо. — Держи его всегда включенным. Когда мы будем возвращаться, я передам короткий сигнал… Вот такой: «тип-топ». И ты поймешь, что очень скоро мы снова будем вместе…

— Да, милый…

— Не сбей настройку. И никогда не выключай.

— Я все время буду ждать: «тип-топ». Это хороший сигнал.

— И тогда мы снова будем вместе!

— Да, милый…

Старший помощник Рооп посмотрел на часы и поднес к губам мегафон:

— Окончить прощание. Команде вниз!

Рэйфлинт много раз прощался с берегом, и у него вошло в обычай выискивать в момент отхода знаки, сулившие удачу. Однажды это была радуга; в другой раз — лунное гало[13] (уходили полярной ночью), а еще — ручная канарейка, улетевшая из чьей-то клетки и севшая Рэйфлинту на плечо. И только ныне не было знаков благополучного возвращения. Едва отошли, как и без того серая погода разразилась снежным зарядом, так что и пирс и буксир скрылись из виду. Старший помощник Рооп без команды с мостика включил тифон, и «Архелон» заревел на всю гавань хриплым бычьим басом. Это уж и вовсе было против всяких правил. По давней традиции подводные лодки выходили на боевое патрулирование бесшумно, не включая ни сирен, ни тифона.

Рэйфлинт вспылил, назвал Роопа болваном и тут же пожалел, потому что педантичный старпом действовал по инструкции. Переход до Больших Кокосовых островов был открытым, следовательно, боевое патрулирование начиналось по-настоящему с выходом из Сан-Пальмаса. А в тумане, это и первогодку понятно, полагалось подавать звуковые сигналы. Настроение было испорчено, в голову полезли мрачные мысли. Подумалось вдруг, что из всего их небольшого выпуска половина ребят уже вычеркнута из списка живых. Бен Хасберт погиб в

Норвежском море. Штормовая волна выбила лобовой иллюминатор ограждения рубки и осколком стекла бедному Бену перерезало горло.

Красавчику Джуди оборвавшийся в качку трехтонный перископ снес голову, как гильотина. Но хуже всех пришлось Глобусу — капитан-лейтенанту Хаске. Глобусом его прозвали за идеально круглую голову. Хаске вырезали аппендикс, и он лежал на столе в кают-компании со вскрытой брюшиной, когда в отсеке взорвался водород из аккумуляторных батарей. В открытую рану ему плеснуло добрую пинту серной кислоты. Обожженный извне и изнутри, он еще жил, точнее, корчился несколько минут, пока не задохнулся во фреоне — огнегасящем газе, поданном в аварийный отсек…

— Господин коммодор, с буксира передали: «Закончил работу. Счастливого плавания!»

— Есть. Поблагодарите капитана.

Рэйфлинт увеличил ход с «малого» до «среднего». «Архелон» взрыл океан широким лбом, и под округлыми его боками забурлили глубокие водяные ямы. Командир сдал вахту Роопу. Обиженно поджав губы, старпом выслушал все указания.

Рэйфлинт спустился в каюту и велел подать кофе по-варшавски. Внимательно оглядев усаженную в кресло Нику-два, он еще раз нажал кнопку селектора.

— Два кофе, стюард!

— Есть, сэр.

Войдя в командирскую каюту, стюард Ахтияр опешил при виде дамы в желтом, но, ничем не выдав замешательства, поставил чашечку сначала перед манекеном, потом перед командиром.

— Дама есть дама, сэр! — осклабился стюард.

— Ты правильно все понимаешь, Ахти, — кивнул ему Рэйфлинт.

— Как учили, сэр!

— О да, ты очень похож на примерного ученика…

— Ученика багдадского вора, сэр.

— Не прибедняйся. Багдадский вор рядом с тобой — жалкий приготовишка.

— Вы мне льстите, сэр. — Стюард довольно огладил крепкие руки. Наколотые макаки и змеи скрывались в их курчавой поросли, словно в джунглях. Лишь на тыльных сторонах ладоней отчетливо синели скрещенные полумесяцы — знаки Магомета.

Пастор Бар-Маттай на секунду замер перед входным колодцем рубочного люка. Если у преисподней есть вход, то он

выглядит именно так: сумрачная стальная труба, отвесно уходящая вниз. И только блестящие поручни, меркнущие в глубине шахты, да узкие перекладинки трапа выдавали назначение колодца. Бар-Маттай отказался от помощи и полез по ступенькам сам, то и дело поглядывая вниз. На мгновение ему показалось, что он так и будет спускаться до самого дна океана, но тут шахта закончилась полутемным гротом — боевой рубкой, где лоснились шлифованные стволы перископов, а затем под ногами раскрылся новый зев, и Бар-Маттай погрузился в него сначала по пояс, потом весь, пока снизу не просочился свет и обрез трубы не остался над головой. Открыв глаза, он обнаружил себя посреди тесного зала, сплошь увитого трубами, толстыми пучками разноцветных проводов. Рябили стекла приборов, перемигивались цветные огоньки… «Черепом сатаны» назвал для себя Бар-Маттай это место — центральный пост.

Люди в голубых свободного кроя костюмах сидели перед панелями со шкалами и огоньками, уткнув глаза в резиновые тубусы, закрыв уши резиновыми чашками. Похоже было, что жужжащие электрические токи входили в их тела так же просто, как и во все эти приборы, а сами они, отдав «Архелону» свою способность видеть и слышать, врастали в чрево корабля живыми механизмами.

Толстый человек с носом большим и гнутым, как рукоять старинного пистолета — Бар-Маттай без труда определил в нем перса, — подскочил к священнику.

— Ваше преподобие, ваша каюта там!

И он показал в круглый лаз, жутковато напоминавший паровозную топку. Перс с удивительной для грузного тела легкостью нырнул в переборочный люк и, когда пастор, придерживая черную сутану, пролез вслед за ним, наглухо закрыл стальную круглую дверь, прижав ее кривым рычагом.

— У нас так принято, — пояснял он на ходу. — Если вода ворвется в отсек, то у соседей будет сухо. Двери всегда перекрыты. Хе-хе… Таков закон: отсек погибает, корабль живет.

Помещение, куда они попали, разительно отличалось от «черепа сатаны»: панели из голубого пластика выгораживали под полукруглым сводом нечто вроде столовой. Посередине стояла машина для поджаривания кукурузы.

— Мои владения. — Перс-стюард обвел короткой рукой небольшое пространство. — Здесь мы крутим фильмы, и тогда жареная кукуруза дядюшки Ахти нарасхват! — словоохотливо сообщал провожатый. — По субботам устраиваем здесь что-то вроде казино: бридж, рулетка… И тогда я готовлю пиццу. Настоящую итальянскую пиццу! Ваше преподобие, не упустите

случая попробовать.

— Я не люблю итальянскую кухню.

— Какая жалость! А вот ваши апартаменты.

Они остановились перед узкой оранжевой дверью.

— Моя каюта напротив. У нас с вами самые роскошные места!

— Почему?

— Здесь тихо. Рядом камбуз. Значит, сытно. А потом, у миделя меньше качает. Правда, есть одно «но»… Да ведь вам вроде детей не заводить?!

Бар-Маттай выжидательно посмотрел на стюарда.

— У нас с вами в ногах реактор. Хе-хе!

Пастор открыл дверь и вошел… в одноместное купе спального вагона. Только там, где обычно помещается окно, желтел глухой скат борта. Над изголовьем узенького ложа торчал красный маховик. Бар-Маттай невольно потрогал его рукой — надо же, над самой головой.

— Это вентиль аварийного затопления отсека, — раздался голос из динамика. Пастор узнал Рэйфлинта. — …Не надо его трогать! Переложите подушку на другой конец постели, и он не будет вам мешать.

Бар-Маттай оглянулся: черный прибор, похожий на электрический фонарик, следил за ним стеклянным глазком.

— Монитор внутреннего телевидения, — тут же отозвался динамик. — В ящике стола лежит колпачок. Наденьте его на объектив и чувствуйте себя как дома. Спокойной ночи!

До Больших Кокосовых островов оставались сутки крейсерского хода. В Сан-Пальмасе «Архелон» должен был принять на борт свежие фрукты и свежее мясо, после чего погрузиться ночью в лагуне и скрытно выйти в район боевого патрулирования.

Так предписывал Рэйфлинту секретный приказ, извлеченный из засургученного и прошитого шелковыми нитками пакета.

Считалось, что за время перехода экипаж окончательно проверит все системы и механизмы, а главное — деловой визит в Сан-Пальмас должен был повысить скрытность выхода на позицию.

Утром в каюте Рэйфлинта щелкнул и затих динамик трансляции. Щелчки повторились несколько раз. Это деликатный Рооп будил командира. Рэйфлинт быстро оделся, протер лицо лосьоном и вылез на мостик.

— Прямо по курсу — Сан-Пальмас, сэр. До входных маяков три мили.

Старший помощник передал командиру бинокль. В четком окружье Рэйфлинт разглядел оба входных маяка и скопище рыбацких лодок, яхт, джонок, перегородивших вход в лагуну.

— Пикетчики, сэр. Хотят пожелать нам доброго утра.

Рэйфлинт не принял шутку, нахмурился, перевел рукоять машинного телеграфа на «самый малый». Водяные морщины, взрытые лбом «Архелона», опали. «А зря, — пожалел Рооп, — отбойная волна живо бы их образумила. Ну перевернулась бы пара джонок — другим наука». Рооп вспомнил свою белоснежную тужурку, безнадежно испорченную в прошлогодний визит гнилым манго. Посмотреть бы на этого гуманиста под градом тухлых яиц. Спустится в центральный пост, а наверху непременно оставит его, Роопа. Старпом неприязненно покосился на командира.

Пикетчики приближались. Уже простым глазом были видны транспаранты, натянутые между хилыми мачтами: «Убийцы городов — вон из Сан-Пальмаса!» На некоторых парусах извивался черный дракон с большой буквой «А» на спине. Символы атомных субмарин жирно перечеркивали косые красные кресты — «Нет!». Сотни смуглокожих туземцев выкрикивали это слово хором, подкрепляя его взмахами кулаков.

— Штурман, — нажал Рэйфлинт тангенту квикфона, — глубина у входа в лагуну?

— Шестьсот футов, сэр!

— О'кэй! Все вниз! Срочное погружение.

«Архелон» грузно ушел под воду, выставив рожки обоих перископов. Но на подходе к авангарду пикетчиков скрылись и они. Субмарина всплыла почти в самой лагуне, оставив плавучую баррикаду далеко за кормой.

Губернатор острова принес свои извинения и увез офицеров «Архелона» на трех «кадиллаках» за город. Роскошный обед на вилле с бассейном, где обнаженные мулатки сплетались в узоры фигурного плавания, с лихвой возместил моральный ущерб, нанесенный пикетчиками. Губернатор уверил Рэйфлинта, что фрукты и мясо будут поставлены без проволочек и самого отменного качества. Единственное, что он оговаривал, так это то, чтобы погрузка провизии шла ночью.

— Ночью у саботажников меньше шансов на успех.

Рэйфлинт приподнял бровь:

— Почему?

— У нас в разгаре сезон ночного лова. Путина.

В полночь, в час полной воды, когда джонки в лагуне приподнимаются почти вровень с набережной, на «Архелоне»

погасли якорные огни. Сливая мокрую чернь своих бортов с чернотой тропической ночи, подводная лодка бесшумно — на электромоторах — развернулась в заливе. Потом раздался тяжелый вдох, и две небольшие волны схлестнулись на том месте, где только что высилась крылатая рубка. Всплеск был отмечен зеленой вспышкой фосфоресценции…

Спустя несколько минут рыбаки, караулившие свои сети у выхода из лагуны, увидели, как под днищами их лодок прошло огромное веретенообразное чудище в зеленовато-призрачном сиянии. За исполинской рыбиной тянулся вихревой светящийся след. «Архелон» уходил на позицию…

Рэйфлинт набрал номер каюты пастора и пригласил его на чашечку кофе. Святой отец был единственным на корабле человеком, который стоял вне рамок субординации и с которым можно было держать себя на короткой ноге. Рэйфлинт окончательно расположился к пастору, когда на прямой вопрос, верил ли тот в бога, Бар-Маттай ответил без обиняков «нет».

— Тогда почему же вы носите сутану? — изумился коммодор.

— Я согласен с Вольтером в том, что если бога нет, то его следует выдумать. Седобородого старца Саваофа нет, но есть идея бога. А она более чем реальна. Ведь если эта идея приводила в движение армады крестоносцев, заставляла людей возводить прекрасные храмы и сочинять гениальную музыку, если этот фантом на протяжении тысячелетий определял и определяет миллионы судеб, то какая мне разница, существует бог или нет. Достаточно того, что существует его идея. И я служу ей.

Рэйфлинт нашел это логичным:

— Лучше поклоняться богам в хитонах, чем в пиджачных парах… Так безвреднее…

Сегодня он собирался развлечь пастора голосами глубин. Барни подсоединил его квадродинамики к гидрофонам акустической рубки, и Рэйфлинт уже который вечер наслаждался забортными симфониями. Впрочем, симфонией это можно было назвать лишь в авангардистском толковании жанра. Певучие свисты сциен, урчание, писки, барабанные дроби пятнистых дорад, щелчки креветок, чьи-то вурдалачьи стоны, мяуканье, клекот, шипение, цвирканье — сотни звуков сплетались в величественную какофонию жизни. Порой весь хор перекрывал густой утробный бас, в котором слышались совершенно человеческие интонации, будто немой исполин отчаянно пытался прорвать свое мычание осмысленной речью. И тогда Рэйфлинту казалось, что это сам океан говорит с ним на древнем, забытом людьми языке. От этой мысли тревожно ныли виски и холодели пальцы.

На пастора «премьера симфонии» произвела ошеломляющее впечатление.

— Если не знать, откуда эти голоса, можно поверить, что слушаешь фонограмму фильма ужасов.

— Да. Особенно эти протяжные вздохи. Но обратите внимание на блеющий щебет. Слышите? Это дельфины. Они идут за нами третьи сутки…

— Простите, в прошлый раз вы спросили меня о моей вере, могу ли я узнать, во что верите вы?

Рэйфлинт усмехнулся и долго возился с тумблерами, выделяя из биошумов дельфиний щебет.

— Я верю… А почему бы и нет?! Мой бог — дельфин. По крайней мере, эти твари не уничтожают друг друга, и, я читал, они ничуть не глупее нас. Вы не замечали — дельфин похож в профиль на Сократа?!

— Возможно.

— Вы носите на груди крест. Крест — виселица Христа, орудие пытки. Я же, — Рэйфлинт отогнул клапан нагрудного кармана с жетоном в виде дельфина, — как видите. Чья религия гуманнее?

— Вы — тотемист?

— Отнюдь. Я — эпикуреец, — засмеялся Рэйфлинт и потрепал искусственные волосы искусственной Ники. — Вас не шокирует это соседство?

— Нет… Теперь я знаю: вы язычник-идолопоклонник.

— Пусть будет так! — еще больше развеселился коммодор. — Но если серьезно, мне хочется верить в грядущую аквакультуру — в подводные города, в освоение шельфа и всего гидрокосмоса, в человека, вернувшегося в свою праколыбель — океан, живущего в нем без аквалангов, как дельфины…

— А пока вы принесли в праколыбель жизни коконы смерти.

— Что делать! Хочешь идти по канату, соблюдай равновесие.

— Старо. Я тут нашел в Библии слова пророка Луки: «Вы — как гробы сокрытые, над которыми люди ходят и не знают того». Воистину подводные лодки — могильные черви человечества.

— О, нас с вами слишком далеко занесло… — Рэйфлинт встал из-за стола-аквариума. — Хотите сюрприз?

Бар-Маттай молчал, разглядывая на стенках чашечки узоры кофейной гущи.

— Предупреждаю, — мягко, но властно настаивал на своем Рэйфлинт. — Я не хочу оскорбить ваше благочестие. Но коль скоро вы взялись за спасение наших душ, то должны знать, чем живут ваши овцы на глубине в тысячу футов…

Он провел Бар-Маттая в носовой — торпедный — отсек,

самое большое помещение субмарины. Здесь уже сидели и лежали на запасных — стеллажных — торпедах свободные от вахт люди. Судя по оживлению, зрители собрались отнюдь не на фильм и даже не на игру в «тото». Больше всех суетился стюард, поминутно выглядывая из-за ширмы, расставленной перед круглыми крышками торпедных аппаратов. Наконец он выбрался оттуда в чалме, обнаженный по пояс, с флейтой в руках. Тут же вспыхнули первые аплодисменты и погасли. Ахтияр уселся по-турецки рядом с негром-барабанщиком, и оба они завели тягучую и ритмичную мелодию Больших Кокосовых островов. Из-за ширмы — Бар-Маттай глазам своим не поверил — выплыла изящная женщина.

— Катарина Фёрст — звезда Больших Кокосов, — наклонился к уху пастора Рэйфлинт. — Как и вы, она решила пойти вместе с нами, чтобы спасать наши души. Только не от греха, а от скуки. И заметьте — счет пока не в вашу пользу… Вахтенный офицер, глубина?

— Глубина тысяча футов, сэр. Горизонт чист.

— Есть.

Танцуя, Катарина пела:

Зачем нам жены?
Зачем нам дети?
Земные радости не для нас.
Все, чем живем мы
Сейчас на свете, —
Немного воздуха и
Приказ…

Пастор смятенно вопрошал:

— Но как же обычай?.. Во все времена женщина на корабле приносила несчастье?!

— Вам не пристало верить предрассудкам, святой отец!

— И все-таки как она здесь появилась?

— Спросите вашего соседа Ахтияра. Этого мерзавца я спишу в первом же порту.

Катарина Фёрст и сама бы желала знать, каким образом очутилась она в отсеках «Архелона». Последнее, что удержала ее зыбкая девичья память, был столик в портовом баре. Об остальном она знала со слов Ахтияра.

— Когда ты уснула, моя серна, я отнес тебя на руках к трапу, бережно спустил вниз и уложил в своей каюте, а сам сидел в ногах и охранял твой сон, о возлюбленная!

Это была полуправда. Ахтияр действительно отнес Катарину на руках, но предварительно завернув в ковер, который купил тут же, в баре, не торгуясь. Покупку с драгоценным вкладышем он притащил на лодку ночью — в самый разгар погрузки — и, благополучно миновав старшего помощника, спустил ковровый рулон в торпедопогрузочный люк вслед за освежеванной тушей барана. Стюард никак не предполагал, что командир решит уйти из Сан-Пальмаса на сутки раньше — нынешней же ночью.

Придя в себя двадцатидвухлетняя звезда шоу не стала горевать. Подводные гастроли обещали по меньшей мере сногсшибательную рекламу. Три дня Ахтияр уговаривал доктора пойти к разгневанному командиру замолвить за него слово. Во время обеда Коколайнен заметил невзначай, что из любого происшествия всегда можно извлечь и нечто полезное…

— Что вы имеете в виду?! — вскинулся Рэйфлинт.

— Раз от этой девицы никуда не деться, то пусть принесет пользу как умеет. Мальчикам нужна психологическая разрядка. Впереди столько напряженных вахт…

Офицеры за столом зашумели, дружно поддержав «самого мудрого флотского эскулапа».

Рэйфлинт промолчал, но вечером разрешил выступление.

Дельфины шли за «Архелоном» стаей. Они привыкли, что три раза в сутки огромная черная рыбина выбрасывала вкусное облако кухонных отбросов. Это стюард выстреливал из специального бункера камбузные отходы. Акустики слышали в наушниках воздушный хлопок, а затем переливчатое щебетание. Дельфины смеялись. Рэйфлинт включал у себя в каюте динамики и вслушивался в веселую перекличку. Он начинал различать их по голосам. Самому бойкому он придумал кличку — Тэдди. Так звали его младшего брата, умершего еще в детстве.

…Первым обнаружил признаки этой странной болезни стюард. Точнее, пастор, который с ужасом наблюдал, как Ахтияр, опершись ладонью на раскаленную плиту, завинчивал под подволоком клинкет вентиляции. Ладонь дымилась и потрескивала, а стюард, не отрываясь от клинкета, удивленно бормотал:

— Черт побери, где-то подгорает мясо!

И тут он дико уставился на ладонь. Он совершенно не чувствовал боли…

Коколайнен нашел у него атрофию болевых нервов, тактильных и температурных рецепторов. Кожа всего тела потеряла чувствительность.

— Ничего, — утешал его доктор. — Если в драке тебя пырнут

ножом, ты не будешь вопить, как кролик.

— И на том спасибо, Коко…

Через несколько дней на ладонях, лбу и щеках Ахтияра проступили бронзовые пятна, а черная поросль на руках и остатки шевелюры побелели, как у глубокого старика.

Рэйфлинта ничуть бы не обеспокоили изменения в порочном организме стюарда, если бы в один недобрый вечер он не увидел седого как лунь Роопа.

— Скверные дела, — невозмутимо сказал старпом, разглядывая побронзовевшие пальцы. — Должно быть, барахлит биологическая защита. У старшего радиста Барни точно та же история.

Проверили биозащиту реактора, но она оказалась в норме. Утром на прием к Коколайнену пришли три седых турбиниста. Доктор развернул походную микробиологическую лабораторию. Сделав первые анализы, он поспешил к командиру. Надо было срочно превращать один из концевых отсеков в изолятор и держать там всех больных до конца похода.

— Не надо никаких изоляторов, — мрачно процедил Рэйфлинт.

— Но почему?!

— Я не могу управлять кораблем из изолятора.

И командир показал доктору бронзовые ладони.

Было поздно устраивать карантин, потому что начальные признаки неизвестной болезни обнаружились почти у всех членов экипажа. Рэйфлинт вынужден был дать тревожную радиограмму в Генеральный морской штаб. Через сутки седоусый Барни положил ему на стол ответный дешифрант:

> «Окончить боевое патрулирование. Следовать на север. Встать на якорь в миле от внешнего рейда базы. Командующий флотом».

Обратно возвращались полным, сорокаузловым, ходом. В кают-компании обедали молча. Без обычных шуток. Бар-Маттай ходил по отсекам, искал для больных слова утешения. Одни слушали его с надеждой, другие — криво усмехаясь, третьи — их было совсем немного — зло отмахивались.

Каждое утро пастор осматривал тело. Бронзовые пятна не появлялись, седины в волосах не прибавлялось.

Когда радар «Архелона» отбил на экране бледные очертания родных скал, пришла новая радиограмма:

> «Командиру подводного рейдера S-409. С приходом в назначенный район встать к барже на внешнем рейде.

Перенести на баржу контейнер с биологическим материалом. После передачи бактериологических проб отойти южнее мыса Шедруп и лечь в дрейф. Ждать дальнейших распоряжений. Командующий флотом».

Баржу обнаружили сразу. Старая посудина одиноко стояла на двух якорях. Внешний рейд был пуст.

Коколайнен перенес на ржавую палубу контейнер и выстрелил зеленую ракету. С удовольствием прошелся по плавучему островку и нехотя перепрыгнул на корпус субмарины. «Архелон» взял курс на мыс Шедруп.

— Алло, Флэгги! Ты еще не надумала выйти за меня замуж?
— Еще нет.
— Я же тебе говорил, что подводники — это камикадзе.
— Что-нибудь с Барни?!
— И не только с ним…
— Говори же, ради бога!
— По телефону не могу.
— Тогда приезжай немедленно!
— Но сейчас почти полночь. Мне с утра на службу.
— Черт побери, у меня четыре комнаты, и все пустуют!
— О! Наконец-то я слышу речи не девы, а жены… Еду.

Помощник флагманского эпидемиолога капитан медицины О'Грэгори повесил трубку уличного автомата. Не надо было бы называть имени Барни. Телефон наверняка прослушивается… Хотя вряд ли тому, кто сидит в подземелье с наушниками, известно, кто такой Барни и где именно он служит. Главное, что эта недотрога Флэгги впускает его в свою крепость. А уж за ночь в пустой квартире он найдет общий язык и с монахиней… Конечно, О'Грэгори не так прост, чтобы расплачиваться за ночь любви государственными тайнами. Результаты бактериологического анализа биопроб с «Архелона» были немедленно засекречены, едва он и его шеф доложили в адмиралтейство, что обнаружены бациллы неизвестной доселе формы проказы — весьма скоротечной и инфекционной. Выяснилось, что микробы лепры в условиях слабой радиации ядерного реактора переродились в новый, крайне опасный для здоровых людей вид микроорганизмов. Его условно назвали — «суперлепра XX».

Ничего этого Флэгги не узнает. Просто надо будет сказать, что возвращение Барни откладывается на неопределенный срок из-за эпидемии гриппа. Бедная Флэгги! Если бы она знала, что уже наполовину вдова, быть может, была бы куда снисходительнее к гонцу печальной вести…

О'Грэгори нажал на акселератор и вырулил на шоссе к городку подводников. Протяжный взрыв со стороны моря заставил его оглянуться. Вспомнил: это на внешнем рейде взорвали баржу, на которой побывали носители бацилл суперлепры XX…

В Генеральном морском штабе адмиралы вместе с учеными-микробиологами решали судьбу «Архелона». Капитан медицины О'Грэгори никогда еще не видел такого скопища больших звезд на погонах. Он тихо сидел рядом с шефом, обхватив ладонями щеки. Поза его выражала глубокую озабоченность, столь подобающую случаю. Она была еще и удобной, потому что позволяла, во-первых, скрывать легкую щетину, проступившую после бессонной ночи (О'Грэгори не успел побриться — шеф назначил ему рандеву на аэродроме рано утром, а у Флэгги не нашлось бритвы); во-вторых, задумчиво опустив голову на ладони, можно было дремать с открытыми глазами. О'Грэгори всю ночь расточал красноречие и обаяние, подогревая себя кофе с коньяком и бразильскими сигарами. Может быть, все и удалось бы, если бы не этот кретинский транзистор. Дернуло же его поискать музыку. Флэгги чуть не ударилась в слезы: «Ах, Барни!..» Дался же ей этот лысый маркони! Послушала бы, что уготовано ее муженьку…

Только что закончил содоклад начальник медико-санитарного корпуса флота. Суть его сводилась к тому, что на острове Юджин в заброшенном концлагере можно без особых затрат устроить лепрозорий для пораженного экипажа. Проблема заключалась лишь в том, что делать с подводной лодкой. Подлежала ли она дезинфекции? Если нет, то уничтожение столь дорогостоящего корабля наносило ощутимую брешь как в военном бюджете, так и в боевой мощи флота.

Президент микробиологического общества профессор Сименс стоял на том, что полную дезинфекцию в отсеках «Архелона», набитых электроникой и разнообразной машинерией, провести невозможно. Надо менять всю начинку. Проще построить новый корабль.

Морской министр требовал хотя бы частичной дезинфекции и скорейшего выхода стратегического атомохода на боевое дежурство.

— Тогда через месяц вам придется подыскивать еще один остров Юджин! — запальчиво возражал профессор.

— Но я не могу отправить на дно целый ракетодром. Нация мне этого не простит.

— Нация во сто крат не простит вам, если вы заразите ее суперлепрой!

Перепалке, которая вот-вот грозила перейти правила приличия, положил конец начальник Генерального морского штаба.

— Пусть каждый из присутствующих выскажет свое мнение. По старому флотскому обычаю начнем с младшего. Капитан медицины О'Грэгори!

О'Грэгори вздрогнул, как школьник, вызванный учителем врасплох. Он встал, потирая небритый подбородок (жест крайнего смущения или, напротив, сосредоточения).

— Мне кажется, есть смысл не менять на «Архелоне» экипаж… — О'Грэгори сказал первое, что пришло ему в сонную голову, и тут же судорожно стал придумывать обоснование. Нужно было немедленно найти хоть какой-нибудь довод, пусть нелепый, лишь бы не стоять столбом. Карьера висела на волоске…

— А в этом что-то есть! — первым нарушил напряженную тишину начальник Генморштаба. — Как сказывается лепра на работоспособности больного?

— Никак! — откликнулся флагманский эпидемиолог. — На ранних стадиях болезни человек почти полностью сохраняет умственную и трудовую способность. Безобразен лишь внешний вид больного…

— Ну это уже из области эстетики, — прервал его адмирал. — В предложении капитана О'Грэгори я нахожу выход из сложившейся ситуации. Энергетическая установка «Архелона» заряжена на пять лет непрерывной работы. Таким образом, если экипаж пробудет некоторое время в море, то отпадает нужда в лепрозории, также как снимается с обсуждения и вопрос о дезинфекции. А главное — не страдает стабильность нашей обороны.

— Страдают люди! — не удержался Сименс.

— Это военные люди, профессор! Они призваны к страданиям и лишениям. А вы, ученые, точно так же призваны им помочь. У вас будет предостаточно времени, чтобы найти противоядие.

— Наука ищет его столетиями. Медицина пока бессильна.

— У нашего флота несколько иной девиз! Если враг обнаружен, его уничтожают!

— Браво! — воскликнул морской министр.

— Чудовищно! — резюмировал президент микробиологического общества.

— Прошу разрешения сесть! — напомнил о себе капитан медицины.

— Садитесь, майор! — одобрительно кивнул морской министр.

«О, Флэгги! — радостно простонал про себя помощник флагманского эпидемиолога. — Покровительница морской медицины!»

За полночь в каюту пастора тихо постучали. Бар-Маттай заложил страницу и открыл защелку. В узенький проем двери заглядывал усталый Рэйфлинт.

— Вы не спите? Хочу с вами посоветоваться… Прочтите.

Бар-Маттай поднес к глазам бланк шифрограммы.

«Совершенно секретно.

Командиру подводного рейдера-409.

Руководствуясь принципами гуманизма, предлагаю на ваше усмотрение следующий выбор:

1. Идти к острову Юджин для изоляции больных членов экипажа в лечебнице закрытого типа с передачей корабля дезинфекционной команде.

2. Заправиться у баржи за внешним рейдом базы и выйти в район стартовых позиций для несения боевого дежурства. После изыскания учеными эффективных средств лечения суперлепры XX, которое будет проведено в кратчайшие сроки, вернуться в базу.

В случае выбора второго варианта денежное содержание членов экипажа за время пребывания на позиции будет увеличено вдвое. Морской министр».

Бар-Маттай дважды перечитал бумагу, пытаясь вникнуть в смысл казенных формулировок.

— Мне кажется, первый вариант человечнее…

— Я тоже так думаю.

— И потом, этот стальной склеп начинает действовать на нервы.

— С удовольствием размял бы ноги на острове. Даже если он сплошь из камня. Надеюсь, нам не возбранят ловить рыбу удочкой…

— Вы правы, камень куда теплее металла. И потом, одно только созерцание неба…

— Ну, уж на небо нам рановато. Хотите подышать под звездами? Идемте на мостик.

Они выбрались наверх и вышли на рубочные рули, нависавшие над морем, как балконы. Бурлила захлестывавшая на корпус вода.

— Видите, альфа Малой Медведицы. Полярная звезда. Полярис. Через нее проходит земная ось. К ней же привязана и залповая точка «Архелона». Если хотите, это погребальная звезда

человечества.

— От Вифлеема до Поляриса…

— Что-что?

— Я говорю, человечество прошло путь от звезды Вифлеема до Поляриса…

— Звездный путь, — усмехнулся Рэйфлинт. — Сквозь тернии — к звездам…

Остров Юджин открылся в предрассветных сумерках. На алом фоне заревой полосы четко выступали утесистые скалы. Глубины позволяли подойти к острову совсем близко, и вскоре все, кто стоял на мостике, увидели бараки за колючей проволокой, вышки с прожекторами…

— Прелестный санаторий… — скривился Рэйфлинт и впервые при пасторе выругался. Бар-Маттай рассматривал из-под ладони отвесные скалы. — Рооп, играйте большой сбор, — распорядился коммодор. — Постройте экипаж на ракетной палубе!

Когда подводники неровной чередой встали вдоль крышек ракетных шахт, Рэйфлинт показал рукой на остров, который даже в лучах поднявшегося солнца оставался черным и угрюмым, и прокричал в мегафон:

— Выбирайте! Либо это, либо океан…

— Океан! — вразнобой грянули архелонцы. Ветер трепал седые волосы, жутковатой неживой бронзой отливали их лица. Яростно ругаясь, матросы сыпались в верхний рубочный люк. У нижнего обреза входной шахты они натыкались на Катарину, не рискнувшую выбраться на палубу, обходили, бесцеремонно задевая плечами.

— Эй, красотка! — окликнул ее негр-барабанщик. — А почему ты такая же рыжая, как и была? Уж не ты ли нас наградила этой «бронзовкой»?!

Катарина сжалась.

Сэм рванул на ней платье.

— Ага! Я же говорил! — возопил негр. — На ней ни одного пятнышка!

— Я ничего не знаю! — кричала девушка. — Я никогда ничем не болела!

Толпа, сбившаяся в центральном посту, заревела:

— Мы тоже ничем не болели, пока ты не принесла на хвосте эту заразу!

— Суд Линча этой стерве!

— В торпедный аппарат ее, Сэм!

Сэм ловко перехватил танцовщицу за пояс и ринулся в

носовые отсеки. Катарина отчаянно брыкалась, но ей стянули ноги остатками платья. Кто-то услужливо распахнул крышку нижнего торпедного аппарата — его недавно красили, и он был пуст. Сэм затолкал извивающееся тело в узкую темную трубу. Крышку тут же захлопнули и задраили. Крики и мольбы Катарины глухо пробивались сквозь толстый металл. Но тут открыли переднюю — забортную — крышку, и в аппарат ворвалась вода. Еще слышно было, как билась и царапалась в трубе жертва, когда Сэм заученно рванул рычаг боевого баллона. Двести атмосфер вышвырнули хрупкое тело в глубину. Испуганно шарахнулись дельфины. Сжатый воздух вырывался на поверхность черными хрустальными шарами…

Педант Рооп записал в вахтенный журнал:

> «В 7.00 на траверзе острова Юджин привели в исполнение приговор суда Линча над гражданкой федерации Больших Кокосовых островов Катариной Фёрст, виновной в заражении экипажа суперлепрой XX. В 7.15 дали обороты турбинам и легли на обратный курс для дозаправки продуктами».

Ахтияр прибежал в торпедный отсек, когда народ уже расходился. Выпихнув из лаза чью-то голову, стюард пронырнул в круглый люк, пронесся по проходу между стеллажными торпедами, сталкивая встречных, и яростно забарабанил в аппаратную крышку.

— Открой, — заревел он Сэму.

— Пожалуйста, сэр! — Торпедист крутнул рычаг кремальеры и галантно распахнул зев трубы. Маленькая морская звезда распласталась на мокром металле… Ахтияр, издав странный горловой звук, долго смотрел на нее, затем извлек звезду из аппарата, бережно расправил лучи на ладони и, с трудом переставляя ноги, понес ее к выходу.

Сэм пощелкал пальцами у виска:

— Похоже, он решил, что его красотка слегка уменьшилась в размерах!

— Держу пари, она сегодня попадется тебе в компоте, Сэм! — захохотал негр-барабанщик. Но тут взвыли внутриотсечные динамики: «По местам стоять! Корабль к бою и походу!»

Бронзовые сверла гребных винтов вбуравились в воду.

На этот раз буксиры вывели в море старый лихтер, груженный ящиками, мешками, бочками и коробками — со всем необходимым для годичного автономного похода.

Выждав, когда на лихтере никого не осталось, «Архелон» подошел к борту. Без малого сутки перетаскивали подводники

провизию, медикаменты, запчасти, загромождая отсеки и трюмы. Субмарина ушла, и лихтер взорвали.

Океан принял в свои недра заразные обломки точно так же, как принимал он бетонные капсулы с отравляющими газами и радиоактивными веществами.

Ахтияр после гибели Катарины почти перестал выходить из каюты. В знак траура он отпустил щетину. Редкие жесткие волоски торчали из кожи серебряными занозами. Несколько раз он ходил к Коколайнену, выменивая спирт на шоколад и сгущенные сливки. Однажды постучал к пастору и попросил его прочитать по душе убиенной какой-нибудь псалом.

— Она была католичкой. Ей было бы приятно знать, что я попросил вас об этом…

Бар-Маттай выполнил просьбу.

— А нельзя ли нас обвенчать? Заочно?

— Нет. Я должен был услышать сначала ее согласие.

— Она согласна! Я знаю. Мы бы неплохо зажили. У меня кое-что отложено.

— Этого нельзя сделать еще и потому, — покачал головой пастор, — что вы мусульманин.

— У меня нет веры, святой отец. Мне все равно. Магомет или Христос. Я верю только в него! — И стюард выхватил из потайных ножен кривой индонезийский крис с волнистым лезвием. — А что до ее согласия, то вы его услышите, пастор.

— Я не умею вызывать души мертвых.

— А вы попробуйте, ваше преподобие! Я бы дорого дал, чтобы услышать ее голос. Хотя бы с того света…

И Ахтияр отправился к доктору с очередным свертком. Стюард постучал, и дверь под ударами полусогнутого пальца легко отворилась.

Коколайнен сидел в кресле, уронив голову на стол, будто вслушивался, что там творится в выдвижном ящике.

— Эй, док… — осекся на полуслове Ахтияр. Щеки корабельного врача были не бронзовы, а сини. Синюшные пятна проступали на лбу и руках. Из-под микроскопа торчал обрывок ленты штурманского рекордера. Строчки запрыгали у стюарда в глазах:

> «Я, корабельный врач «Архелона», майор медицины Уго Коколайнен, сим свидетельствую… (зачеркнуто) … разглашаю известную лишь мне служебную тайну… (зачеркнуто). За неделю до выхода в море я дал согласие… (зачеркнуто). Я единственный член экипажа,

который знал, что среди ракетных боеголовок, принятых на борт подводной лодки, четыре выполнены в варианте носителей бактериологического оружия. Они начинены ариновирусами… Генная инженерия…

Очевидно, произошла разгерметизация и утечка… Мои функции по контролю… (зачеркнуто). Видит бог, я ни в чем не виноват. По всей вероятности, ариновирусы в условиях слабой радиации и нашего микроклимата переродились, дали новый штамм… Я искал противоядие. Все бесполезно… Все бессмысленно… Я принял цианистый калий, убедившись, что имею дело с неизлечимой формой лепры. Подводный лепрозорий ничуть не лучше острова Юджин. Те, кто думают иначе, пусть живут и уповают на бога…»

Ахтияр разыскал Сэма-торпедиста в кубрике кормового отсека. Сэм спал на нижней койке и долго не мог понять, почему оказался на палубе и что за бумажку тычет ему в нос стюард.

— Читай, скотина! Читай, подонок! Она ни в чем не виновата!.. Ты мне еще ответишь за нее, ублюдок!

Рэйфлинт долго вертел записку в пальцах, затем набрал кнопочный код сейфа, приподнял защелку замочной скважины. Открывшийся запор мягко вытолкнул ключ. На внутренней панели коммодор еще раз набрал код — буквенный — «Княженика»: полное имя Ники он ввел в электронную память замка сам; щелкнула дверца «секретки» — сейфа в сейфе, — и Рэйфлинт извлек наконец бордовый пакет из освинцованной ткани, прошитый шелковой ниткой крест-накрест. Кривыми маникюрными ножницами перестриг нитки, вспорол плотную ткань. Из чехла выпал бумажный конверт; в красной треугольной рамке чернели слова, каллиграфически выведенные тушью:

«Внимание! Пуск ракет в контейнерах № 21, 22, 23, 24 производится только по получении сигнала «Эол».

Рэйфлинт швырнул конверт в «секретку», вызвал старшего помощника:

— Рооп, необходимо полностью герметизировать четыре кормовые шахты. Выясните у механика, возможно ли заварить крышки этих шахт.

— Заварить?

— Да, заварить. Наглухо. Ракеты, которые в них находятся, небоеспособны.

— Не проще ли выстрелить их в безопасный район?

— Не проще. Для этих ракет безопасных районов не существует… Рооп, если я вас люблю, то только за то, что вы не задаете лишних вопросов.

— Вас понял, сэр!

Старший помощник исчез. Рэйфлинту вдруг захотелось разрядить кормовые шахты по Генеральному морскому штабу. Вспомнился прием у командующего флотом: «На ваш подводный рейдер, коммодор, возложены особые задачи…»

Мальчишкой в «индейских» играх Рэйфлинт всегда был на стороне бледнолицых только потому, что те не применяли отравленное оружие. Теперь же в его ракетный колчан тайком вложили отравленные стрелы. И кто?! «Бледнолицые братья» в адмиральских погонах. Он, коммодор Рэйфлинт, командир «Архелона», на самом деле всего лишь жалкий лучник, призванный спустить тетиву по сигналу… Скрыли. Не доверили… Впервые за много лет захотелось расплакаться. Пешка! Рэйфлинт хватил кулаком по столу. Испуганно метнулись в глубь аквариума рыбки.

Коколайнена командир приказал хоронить по морскому обычаю, но без ружейного салюта, исполнения гимна и приспускания флага.

Пастор, ежась от ночной сырости, прочел над зашитым в брезент телом погребальный псалом. Бар-Маттай не любил самоубийц, и эта смерть ничуть его не тронула.

Когда брезентовый куль с зашитыми в ногах гантелями доктора сполз по доске в воду, Барни, стоявший в первой шеренге, услышал за спиной шепот Ахтияра: «Вот первый, кому удалось сбежать из этой крысоловки…»

В ту же ночь Рэйфлинт получил странную радиограмму, адресованную ему начальником Генморштаба:

> «Всплыть в 0 часов 30 минут. Принять телевизионную передачу по 7-му каналу. После сеанса телевизионной связи погрузиться и выполнять поставленную задачу».

В полчаса пополуночи Рэйфлинт включил в каюте телевизионный приемник и попросил Барни поточнее сориентировать антенну. На экране появился диктор в форме офицера связи:

«Вниманию экипажа «Архелона»! Передаем специальную программу с видеозаписью ваших родственников и членов семей».

Конечно же, первой выступала Ника. Она говорила сдержанно, как и подобает жене командира. Видимо, текст

обращения ей помогли составить в центре связи. Ника никогда не употребляла таких высокопарных и правильных слов о воинском долге, патриотизме, героизме.

Странно и больно было видеть родное лицо, сотканное из голубоватых строчек телевизионного экрана. Рэйфлинт вдруг понял, что отныне жена превратилась для него в некий электронный призрак, точно так же, как и он сам стал для нее ничуть не реальнее телевизионного изображения.

Тощая супруга Роопа произносила все те же скучные слова, которые, как ни странно, казались ее собственными.

И лишь Флэгги, запнувшись на одной из фраз казенного текста, искренне разрыдалась. Ее тут же убрали из кадра. И Барни бросился к рукояткам настройки, как будто мог вернуть Флэгги на экран. Естественно, ему это не удалось, и он долго сидел в радиорубке, прикрыв глаза ладонью.

Программу закончили выступлением новомодных джазистов. Рэйфлинт выключил телевизор и велел вахтенному офицеру погружаться.

Затем он открыл бар и налил рюмку арманьяка. В последнее время к этому лекарству приходилось прибегать все чаще и чаще. После записки Коколайнена он перестал следить за календарем. Доктор Коко был первоклассный медик, и если он считал суперлепру неизлечимой, то, значит, так оно и есть. Кстати, в очередном сеансе связи надо будет попросить нового врача. Все-таки сто человек экипажа… «Бронзовка» «бронзовкой», но погибать от какого-нибудь аппендицита ничуть не радостнее… Нового врача… Ха-ха! Кто к ним пойдет?! Разве что с электрического стула. Пускай присылают смертника. Одним будет больше… Опять же разнообразие — свежий человек оттуда, из того мира, с того света…

Парадокс судового времени: минуты тянутся часами, а недели пролетают секундами. После телевизионной встречи с Флэгги время для старшего радиста Барни потекло еще медленней. На «Архелоне», быть может, для него одного вращение часовых стрелок имело особый сокровенный смысл. У Барни созрел план побега. Надо было только дождаться очередного подхода к перевалочной барже. И Барни дождался…

Тот вожделенный день с самого утра оказался подмоченным кровью.

Едва «Архелон» всплыл, как дюжина моряков, соскучившись по свежему воздуху, свету и простору, полезла из рубочной шахты на палубу. Напрасно старший помощник Рооп пытался остановить их, кричал и ругался. Ахтияр просто-напросто отодвинул его в сторону. При виде синеватой кромки берега архелонцы

совершенно, ошалели. Казалось, будь он поближе, они непременно попрыгали бы в воду и поплыли к земле не щадя сил. Но приходилось довольствоваться созерцанием утраченного рая, и тяжелый морской бинокль переходил из рук в руки. Сэм-торпедист нетерпеливо вырвал его у Ахтияра. Стюард взъярился. Тяжелый крис с волнистым лезвием вспорол мускулистый живот обидчика. Сэм, выронив бинокль, рухнул в воду.

— Передай мой привет Катарине, каналья! — Ахтияр еще любовался дымящимся ножом, когда к нему подскочил старший помощник Рооп.

— Арестовать мерзавца! — крикнул он, стараясь держаться подальше от окровавленного лезвия.

Стоявший рядом Барни не шелохнулся, а рослый турбинист и негр-барабанщик — оба с мутноватыми от гашиша глазами, не сговариваясь, заслонили стюарда. Более того, сжав кулаки, они двинулись на офицера. Рооп отступил в ограждение рубки и быстро захлопнул стальную дверь. Пожалуй, это и спасло его от участи Сэма-торпедиста. Рооп доложил о происшествии командиру и был поражен равнодушием, отсутствующим взглядом Рэйфлинта.

К полудню «Архелон» пришвартовался к старому сейнеру, просевшему в воду под тяжестью ящиков и бочек чуть ли не по фальшборт.

Барни сам напросился в погрузочную партию. Он таскал тяжелые пластиковые пакеты, контейнеры, коробки и прочие грузы с энергией человека, разбирающего себе лаз из засыпанной пещеры. Выждав момент, когда ящиков на палубе осталось совсем немного, Барни проскользнул в люк машинного отделения и спрятался под пайолами в промежутке между дизелями. Он слышал, как грохотали поверху чьи-то каблуки, как спихнули на сейнер сходню, как взвизгнула отходная сирена… Его хватятся нескоро. С погружением радиовахта закрывается, до опорного сеанса связи — восемь часов. За это время портовый буксир оттащит сейнер в гавань, а уж там… Нет-нет. Барни не так безрассуден, чтобы немедленно пробираться к Флэгги, хотя соблазн пусть не обнять — а повидать ее издалека дьявольски силен. Он уйдет в горы, в альпийские луга и, как больной зверь чутьем выбирает себе целительную траву, так и он будет поедать всевозможные корешки и ягоды, соскребать в пещерах мумиё, пить родниковую воду, купаться в горячих источниках, пока эти проклятые бронзовые пятна не исчезнут.

Барни выглянул в иллюминатор и убедился, что «Архелон» исчез, растаял, развеялся, как дурной сон, как кошмарное наваждение. Тогда он выбрался на твиндек и пустился в дикий

радостный пляс. Он подпрыгивал и орал детскую песню:

У Флэгги жил веселый гусь,
Он знал все песни наизусть,
Спляшем, Флэгги, спляшем!

Солнце ушло за горизонт, запахнувшись синими дымками, будто рухнул в горы алый болид, подняв дымные вихри. В сумерках на фарватере зажглись чьи-то ходовые огни. Барни ничуть не сомневался, что это буксир.

Это была последняя радость, дарованная ему судьбой. Оператор на береговой станции морской стражи нажал тангенту радиовзрывателя. Двести килограммов тротила, заложенного вдоль килевой коробки, взметнулись огненным смерчем…

Флэгги лежала с широко открытыми глазами. О'Грэгори восхищенно разглядывал ее профиль.

С Флэгги ему повезло. Флэгги катализатор идей. В ее присутствии, в ее биополе у него рождаются гениальные решения. Как тогда, например: превратить «Архелон» в подводный лепрозорий… Сегодня снова осенило. Судя по последним сообщениям с субмарины, несколько членов экипажа оказались неподверженными суперлепре XX. Что, если ее бациллы воздействуют лишь на определенный этнический генотип? Тогда можно было бы вывести культуру, поражающую ту или иную национальную группу. Вдруг в один прекрасный день вымерли бы все чернокожие, рассеянные среди белых. Или все желтые. Смертоносная эпидемия, совершенно безопасная для белого большинства. Этническое оружие. И он, майор медицины О'Грэгори, его изобретатель. Не пора ли флагманскому эпидемиологу, этому старому склеротику, уступить свое кресло, а заодно и генеральские звезды?

Транзистор в изголовье вдруг пронзительно пискнул: «Тип-топ»!

Флэгги привскочила, будто ее кольнули.

— Это Барни! Это его сигнал! Он возвращается! Слышишь?!

— Совершенно исключено, — с олимпийским спокойствием откликнулся О'Грэгори.

— Но это же он! Ты не знаешь! Мы с ним условились. Перед возвращением он даст сигнал. Он сам настроил приемник на свою волну…

— Сядь и выслушай внимательно. — О'Грэгори ласково, но властно привлек ее за плечи. — Барни не вернется ни-ког-да… На «Архелоне» не грипп. Там лепра. Суперлепра, от которой нет

противоядия. И вряд ли в обозримом будущем оно появится. «Архелон» похоронен в океане заживо… Надеюсь, ты понимаешь, что все это не для широкого круга.

— Но сигнал! Ведь это же его сигнал! Я слышала сама!

Флэгги не знала, да и не могла знать, что радиоимпульс, пробудивший ее транзистор, привел в действие взрыватель на сейнере. Оператор станции морской стражи нажал тангенту передатчика… Совпадают не только мгновения, события и мысли. Совпадают и частоты радиоволн.

О'Грэгори любил запах свежих газет. Терпкий дух типографской краски приятно бодрил по утрам, как лосьон после бритья, как аромат закипающего кофейника. У себя в коттедже он хозяйничал сам, и ни одна женщина, даже Флэгги, не могла похвастаться, что сделала бы это лучше.

Едва он развернул «Атлантический курьер», как в глаза ударила шапка: «Сто обреченных. Жена погребенного заживо обвиняет». И портрет Флэгги чуть больше почтовой марки.

О'Грэгори знал об обмороках только из медицинских учебников. Он мог поклясться, что теперь он пережил это состояние сам, не выпуская из рук ни газеты, ни кофейной чашки. Печатные строки вдруг резко почернели, и чернота расползалась по всей странице…

Весь день он пролежал дома, не найдя даже сил позвонить на службу. Его телефон молчал тоже, и О'Грэгори дорого бы дал за чей-нибудь праздный звонок. От нехороших предчувствий спасался греческим коньяком и американскими детективами. Включил телевизор и тут же во весь экран увидел кислое лицо шефа. Шеф не то оправдывался, не то объяснял:

«…Для спасения больного экипажа мобилизованы лучшие научные силы страны. В микробиологическом центре ведутся поиски эффективных лекарственных препаратов».

Переключил на другую программу. После конкурса усачей и строителей самого высокого карточного домика передали сообщение, что группа депутатов обратилась к морскому министру с запросом о дальнейшей судьбе «Архелона».

О'Грэгори выключил телевизор, проглотил таблетку снотворного и лег спать. Уснуть удалось после долгих монотонных повторений: «Все обойдется, все будет хорошо. Все обойдется…» О'Грэгори верил в аутотренинг.

Ночью забренчали караванные колокольцы в прихожей. Майор медицины вышел в махровом халате, пошатываясь от сонной одури. Замочная скважина выходной двери источала в темень прихожей слабый желтый свет. Там, снаружи, стояли с

карманными фонарями. О'Грэгори не стал спрашивать кто…

— Майор О'Грэгори? — спросил тот, который и в самом деле был с фонариком. — Одевайтесь. Быстро!

Бар-Маттай поддернул черные рукава и взялся за перо. С тех пор как он начал «Неоапокалипсис», жизнь его на «Архелоне» обрела смысл и заточение в стальном склепе перестало страшить безысходностью. Пастор не знал, каким способом он передаст «записки из преисподней» в мир живых. Пока это даже и не занимало его. Важно было успеть изложить на бумаге то, что до́лжно было сказать человечеству с амвона-эшафота. Бар-Маттай, как и герой его любимого романа, полагал, что рукописи не горят, а значит, и не тонут, не развеиваются в радиоактивный прах…

> «Возлягшие в тишине, проснутся в грохоте… Океан, веками кормивший миллиарды людей, заражен ныне черными коконами субмарин, как каравай куколем… Стрела, вонзенная в спину, да превратится в ангельское крыло…»

Старший помощник Рооп осторожно тронул Рэйфлинта за плечо. Рэйфлинт вздрогнул и проснулся. Невыключенные с вечера гидрофоны струили в каюту вздохи глубин, попискивали рыбьими голосами.

— Господин коммодор, считаю своим долгом предупредить, что дальнейшее пребывание на глубине становится опасным.

— Что-нибудь с реактором?

— Хуже, сэр! Люди не хотят нести вахты. Вчера провалились на тридцать футов ниже предельной глубины. Теперь на рулях я сижу сам. Матросы выходят из повиновения…

Рэйфлинт щелкнул тумблером внутреннего телевидения. Экран реакторного отсека показал, что у контрольных приборов не было ни одного человека. В турбинном отсеке резались в карты. В жилом кормовом сливали спирт из противолодочных торпед.

Рэйфлинт выключил пульт.

— Всплывайте! Будем ложиться в дрейф.

— Но режим скрытности, сэр… Наверху утро.

— Глубина под килем?

— Семь тысяч футов, сэр.

— Рооп, вы хотите, чтобы в скрытности мы переплюнули «Дрэгги»?

— Вас понял, сэр.

В цистернах «Архелона» заревел сжатый воздух.

С тех пор, как камбузные отходы по настоянию эпидемиологов стали выбрасываться за борт в пластиковых пакетах, дельфинья стая, сопровождающая подлодку, заметно поредела, а затем исчезла и вовсе. Лишь Тэдди с непонятным упорством шел за субмариной. Это всех удивляло. Потом к нему привыкли и стали подкармливать. Дельфин привязался к «Архелону», как собачонка. Скорее всего, его привлекали какие-то звуки из шумового спектра атомной субмарины, возможно, они совпадали с биологическими частотами электрического поля дельфина, и Тэдди слышались любовные зовы. Как бы там ни было, но дельфин шел за «поющим» ракетоносцем, как на гигантский манок. Рэйфлинта это даже начинало слегка занимать.

— Вот единственное в мире существо, — заметил он однажды на мостике Бар-Маттаю, — которое нас не покинуло. Жаль, если оно попадет к нам под винты.

Тэдди пронзал гребни волн живой торпедой. Океанское солнце сверкало на его черно-зеркальной спине.

— У него и в самом деле лоб Сократа, — припомнил пастор давний разговор.

— Командир! — крикнул Рооп, не отрываясь от бинокля. — Слева двадцать, угол места десять — вертолет. Идет к нам на пересечку курса.

— Все вниз! Боевая тревога! Срочное погружение!

Дверь квартиры Флэгги оставалась распахнутой до позднего вечера. Внизу, у входа в подъезд, поблескивала табличка с торопливой гравировкой: «Кураториум «Спасение «Архелона». 4-й этаж».

Две комнаты Флэгги отвела под штаб-квартиру созданного ею кураториума. Конечно, во многом помог брат, корреспондент «Атлантического курьера», но инициатива призвать общественность на помощь экипажу несчастной субмарины принадлежала ей. Она и возглавила кураториум «Спасение «Архелона». Теперь в ее квартире не умолкал телефон, то и дело приезжали журналисты, адвокаты, врачи, священники. В кураториум вступил и президент микробиологического общества профессор Сименс. Однако ничего утешительного или даже просто обнадеживающего о ходе работ над «антилеприном» сообщить он не мог.

Может, есть какие-нибудь новости в Военно-медицинском корпусе? Флэгги несколько раз звонила О'Грэгори. Он бы мог быть весьма полезным кураториуму. Но телефон О'Грэгори молчал третьи сутки…

О'Грэгори прекрасно понимал, за что арестован, хотя ему ни разу не предъявили обвинения. Флэгги — роковая женщина!.. Неужели ради этого кретина Барни она так легко и жестоко могла пожертвовать боготворящим ее человеком? Оставалось утешаться примерами из истории — Клеопатра, Юдифь… Он отчетливо сознавал: степень его вины, а значит, и мера наказания будет зависеть от того, каким грифом пометят разглашенную им служебную тайну: «секретно», «чрезвычайно секретно», «сведения особой важности» и, наконец, самое страшное — «сведения серии Z». К последней категории относились материалы стратегического характера. За разглашение «сведений серии Z» грозило пожизненное заключение или электрический стул. «Архелон», вооруженный межконтинентальными ракетами, считался стратегическим объектом. Следовательно, любая связанная с ним информация автоматически попадала под зловещий гриф.

На третьи сутки О'Грэгори, донельзя истерзанный догадками и сомнениями, был выведен из камеры гарнизонной гауптвахты и доставлен, к величайшему его изумлению, не в здание трибунала, а в кабинет шефа.

Впрочем, председатель трибунала, тучный полковник юстиции, сидел рядом с флагманским эпидемиологом, а чуть поодаль разглядывал в окно гавань седоватый мужчина в хорошо сшитом костюме.

— Майор О'Грэгори? — Джентльмен у окна присел на подоконник. — Надеюсь, вы понимаете, что разгласили «сведения серии Z»? Я не говорю уже о том моральном уроне, который вы нанесли нашему флоту перед лицом мировой общественности!

О'Грэгори судорожно глотнул.

— Разглашение сведений серии Z, — бесстрастно напомнил полковник юстиции, — карается бессрочным тюремным заключением, а в случае особого ущерба, причиненного обороноспособности страны, — смертной казнью.

Майор медицины вцепился в спинку стоявшего перед ним стула.

— О'Грэгори, — вступил в разговор шеф, — мне очень жаль, что все так случилось. Я всегда ценил вас как отличного работника… Однако у вас есть шанс не только избежать суда, но и достойно продолжить карьеру. На «Архелоне» открылась вакансия корабельного врача…

О'Грэгори тихо сел на стул.

— Подумайте, О'Грэгори, — подошел к столу седоватый джентльмен. — Вы не только избежите позора, но и станете

национальным героем. Весь мир узнает о благородном поступке военного врача. Через какое-то время найдут вакцину, и вы все вернетесь с триумфом!

— Лепра неизлечима, — проронил наконец арестованный.

— Делать такие категорические заявления подобает лишь господу богу… Решайте, О'Грэгори: электрический стул или лавры героя? Не будьте же болваном, подполковник!

О'Грэгори смахнул с бровей капли пота.

— Я согласен…

— Тогда подпишите вот это! — Пожилой джентльмен быстро достал из папки листок. — Это заявление для печати.

> «Я, подполковник медицины О'Грэгори, помня клятву Гиппократа, решил отправиться на борт подводной лодки «Архелон», чей экипаж заражен неизвестной науке болезнью. Я буду оказывать пострадавшим медицинскую помощь пока не будет найдено эффективное лекарственное средство против суперлепры XX и корабль не вернется на базу…»

Утром тщательно выбритый, в тужурке с новенькими погонами О'Грэгори предстал перед журналистами. Накануне ему сделали инъекцию препарата, снимающего страх, так что держался герой нации раскованно и даже весело.

О'Грэгори не увидел своих портретов в вечерних газетах, так как после обеда его отвезли на один из приморских аэродромов. Там он пересел в кабину двухместного учебного истребителя, который спустя три часа полета над океаном совершил посадку на палубу авианосца «Кондор». На взлетной площадке О'Грэгори уже ждал вертолет.

Огромный многоугольник палубы «Кондора», исчерканной колесами самолетов, был последним земным видением О'Грэгори. Потом бортовой иллюминатор вертолета надолго посинел от безбрежной шири океана.

Черная сигара «Архелона» открылась издалека, но едва вертолетчики успели взять на нее курс, как подводная лодка погрузилась. Чертыхаясь, пилоты зависли над местом погружения — волны даже не успели разметать пенное пятно, опустили в воду трос с капсулой гидролокатора, и штурман долго вызывал «Архелон» по звукоподводной связи. Наконец ракетоносец всплыл. Видно было, как на мостике забелели офицерские фуражки. Подлетели поближе — стали видны лица. Потом мостик уплыл назад, и под брюхом вертолета оказалась ржавая, позеленевшая от водорослей палуба «Архелона».

О'Грэгори спустился на нее по висячему трапу. Вертолет взмыл и ушел в сторону. О'Грэгори видел, как от него отделилась веревочная лестница и, извиваясь, упала в воду. Ее выбросили, потому что она касалась палубы зараженного корабля.

У О'Грэгори защемило сердце. «Оставь надежду, всяк сюда входящий…» Выброшенная лестница давала понять это безжалостно и зримо.

В центральном посту нового врача окружила толпа золотушного вида людей, абсолютно лысых и голобородых. «Вторая стадия суперлепры», — отметил про себя О'Грэгори.

— А где же Барни? — спросил он, не выдержав звериного любопытства, горевшего в глазах прокаженных.

— Хо-хо, док! — воскликнул яйцеголовый крепыш, похожий на турка. — Барни стал настоящим подводником. Кормит рыбок под водой.

Но никто вокруг не засмеялся.

Рэйфлинт позвонил Бар-Маттаю.

— Добрый вечер, святой отец! Сегодня юбилей — третья годовщина нашего плавания. Приглашаю отпраздновать.

Последнее время все их беседы были проникнуты горькой иронией. Правда, случались они все реже и реже.

А с тех пор как «Архелон» всплыл в надводное положение и дрейфовал почти месяц, общение их свелось к просмотру телевизионных программ. Молчали. Пили кофе, глядя на экран.

В потоке реклам то и дело мелькало имя «Архелона»: какао «Архелон», мопед «Архелон», женская прическа «а ля «Архелон», слабительные фруктовые кубики «Архелон», батники с силуэтом печально известной субмарины.

В книжном обозрении обсуждали книгу Княженики Рэйфлинт «Моя жизнь с командиром «Архелона». Потом на экране пошли фотографии из их семейного альбома: Ника и Рэйфлинт на александрийской набережной. Рэйфлинт верхом на муле. Рэйфлинт и Ника кормят голубей на площади Сан-Марко.

«В Венеции, — читал диктор отрывок из книги, — мы провели медовый месяц. Рэй купил два аквалангa, и мы заплывали с пляжа в каналы города. Он был большой шутник…»

— Почему «был»?! — вскричал вдруг Рэйфлинт. — Я есть!.. Есть! Слышите, вы!

— Да-да! — поспешил успокоить его пастор. — Вы есть. Вы живы. Но вы уже не шутник. Ваша жена имела в виду, что вы были шутником, а сейчас вам не до шуток…

— Простите, святой отец. Это нервы…

После книжного обозрения начался репортаж с аукциона.

Любителям сувениров продавали с молотка вещи командира подводной лодки «Архелон». Рэйфлинт с удивлением узнавал в руках аукционера свою настольную зажигалку — подарок Ники, чайную ложечку с арабской вязью — память об александрийском отеле, в котором они провели свою первую ночь, подводное ружье, купленное у браконьера на венецианском рынке…

— Боже, — простонал Рэйфлинт, — мои любимые пляжные туфли! А что будет делать эта мадам с моей кисточкой для бритья?!

— Может быть, переключить программу?

— Сделайте одолжение. Пастор щелкнул рукояткой.

Кадры светской хроники заставили Рэйфлинта побледнеть: «Бывшая жена командира «Архелона» Ника Рэйфлинт отправилась сегодня в свадебное путешествие с нефтяным королем из Абу-Даби».

Ника, одетая в платье на манер бурнуса, поднималась по трапу авиалайнера. Ее сопровождал довольно элегантный нувориш-аравиец.

Рэйфлинт с минуту сидел молча, потом нажал кнопку «стюард».

Ахтияр недобро глянул с порога.

— Ахти, я давно хотел освободить свой рундук. Там лежит кукла-манекен. Отправь-ка ее за борт.

Стюард фамильярно обхватил Нику-два за талию.

— Жалко выбрасывать такую красотку, сэр, — осклабился Ахтияр. — И потом, я не привык так обходиться с дамами. Дама есть дама, сэр, даже если она всего лишь кукла.

— Пожалуй, ты прав, старый фавн… Посади ее в надувную лодку и пусти, как говорят поэты, на волю волн. Ты меня понял?

— Да, сэр.

— Ну, так что там еще новенького, святой отец? — с деланным равнодушием спросил Рэйфлинт, поворачиваясь в винтовом кресле к экрану.

Утром Рэйфлинт прошелся по отсекам. Более омерзительного зрелища он не видел за всю свою службу. Пустые консервные банки и бутылки перекатывались по коридорам и проходам в такт качке. Стаи рыжих «лакированных» тараканов расползались по переборкам и подволоку. Ржавчина покрывала механизмы. Реактор был остановлен. Работали лишь аварийные дизель-генераторы, питая осветительную сеть да камбузные плиты. Все остальные машины молчали. Двери кают были выломаны, плафоны разбиты. Из затхлой темноты доносились храп, ленивая ругань и чей-то плач. Никто при появлении командира не вставал. Всюду его встречали мрачные пустые глаза, взгляды

исподлобья. Гладкие розовые головы были смешны и трогательны. Рэйфлинт вдруг ощутил прилив сострадания. «Мы все здесь невольные братья. Во всяком случае, мы ближе друг к другу, чем кто-нибудь к нам из оставшихся на земле». Он привык относиться к подчиненным покровительственно, ибо понимал, насколько его власть на корабле выше, чем права любого из них. И даже теперь, когда власть эту он почти утратил и права их уравняла суперлепра XX, он испытывал нечто вроде угрызений совести оттого, что на его корабле страдали люди, безоглядно вверившие ему, коммодору Рэйфлинту, свои судьбы.

Рэйфлинт был приятно удивлен, когда на мостике бодро щелкнул динамик:

— Акустик, сэр!

— Слушаю, акустик.

— По пеленгу сорок пять — шум винтов. Предполагаю, транспорт. Пеленг не меняется. Цель движется на нас.

Рэйфлинт объявил боевую тревогу и не без опаски увел корабль под воду: «Архелон» слишком давно не погружался… Рэйфлинт приказал Роопу держаться на перископной глубине и поднял смотровой прибор. В мощных линзах качалась оранжевая точка спасательной лодки. Прямо на нее надвигался белоснежный лайнер типа «Трансатлантик». Рэйфлинт с любопытством ждал, что же произойдет.

На мачте лайнера взвился желто-красный «Оскар» — «Человек за бортом». Кран-балки левого борта развернулись, и в воду довольно неловко плюхнулся катер. Рэйфлинт дождался, когда катер подошел к лодке. Жаль, не видны лица спасателей. Можно лишь представить себе их изумление — женский манекен посреди океана. То-то будет досужих домыслов, загудят портовые кабачки…

…Катер вернулся к борту. «Трансатлантик» дал малый ход. Он прошел в каких-нибудь трех кабельтовых от головки поднятого перископа, и Рэйфлинт отчетливо разглядел на променад-палубе танцующие пары. Ему даже показалось, что он слышит фокстротную музыку. Сверкнула выброшенная за борт жестянка из-под пива…

Много позже, пытаясь проследить, как вызрела в нем эта дьявольская идея, он составил себе довольно логичную схему, в которой звено к звену выстраивались и тюремный острой Юджин, и посмертная записка Коколайнена, и лестница, сброшенная с вертолета в воду, и свадебное путешествие Ники с нефтяным королем, и та мысль о братстве отверженных, что возникла при виде гологоловых архелонцев, и белоснежный лайнер с беспечным дансингом… Все это Рэйфлинт выстроил в единую

цепь много позже. А тогда, в полумраке боевой рубки у опущенного перископа ему показалось, что перед глазами полыхнул белый спет выхода из подводного склепа, и путь к новой жизни для его заживо похороненного экипажа открылся в мгновенном озарении. Еще не решаясь этому поверить, Рэйфлинт позвонил инженеру-механику и спросил, сколько лет еще может работать реактор без смены урановых стержней.

— Три года, — ответил механик.

— Прекрасно.

Рэйфлинт спустился в каюту и набросал на бланке текст радиограммы:

> «Пожар в реакторном отсеке. Потерял ход и управление. Разгерметизировался первый контур. Растет уровень радиации. Прошу…»

Фразу «Прошу срочной помощи» он оборвал намеренно. Так легче поверят, что «Архелона» уже не существует…

Рэйфлинт вызвал старшего помощника:

— Рооп, я хочу знать, как вы посмотрите на мой план…

Капитан «Иберии-трансатлантик» не поверил докладу вахтенного помощника.

— Кукла в шлюпке? Что за чертовщина? Несите ее сюда.

Нику-два не очень почтительно доставили в ходовую рубку.

— А что? — прищурился капитан. — Хороша! Похоже, я ее где-то видел…

— Жаль, что пассажиры уже выбрали «мисс Атлантику», — заметил помощник.

— Они еще не разошлись?

— Нет. Поздравляют победительницу в музыкальном салоне.

— Превосходно. И кто же она?

— Пассажирка из «люкса». Ничего. Смазливенькая.

— Отправьте эту куклу в музыкальный салон. И скажите, что я выдвигаю свою претендентку на титул «мисс Атлантика». Вернее, не я, а сам океан. Так и скажите, сам океан прислал ее на конкурс. Пусть посмеются.

Ника еще стояла на пьедестале почета, когда помощник капитана внес на руках огромную куклу в желтом сафари. Он бесцеремонно поставил ее рядом и радостно провозгласил:

— Конкурс продолжается! Эту леди нам прислал сам океан.

Ника заглянула в неживые глаза и сдавленно вскрикнула.

— Боже, как они похожи! — всплеснула руками дама из первого ряда.

Элегантный аравиец едва успел подхватить оседающую Нику.

Он отнес ее в каюту и вызвал врача.

Это событие ничуть не омрачило веселья в салоне. Напротив, вызвало волну шуток.

— Она была ошеломлена красотой соперницы и грохнулась в обморок.

— Безусловно, справедливость восторжествовала. «Мисс Атлантика» — она!

Нику-два под аплодисменты и рояльный туш водрузили на пьедестал.

«Иберия» наверстывала упущенное время. Возня с дурацкой шлюпкой задержала судно минут на сорок, и теперь капитан сдвинул ручки машинных телеграфов до отказа — на «самый полный». В таком положении они пробыли недолго.

— Прямо по курсу — спасательная шлюпка! В шлюпке шесть человек.

Рукоятки под ругань капитана запрыгали по секторам «полный ход», «средний ход», «малый ход», «самый малый», «стоп».

— Еще одно такое стопорение, — проворчал капитан, — и на телеграфе придется ставить дополнительный указатель: «Гроб-машина»… Надеюсь, на сей раз не куклы?

— Они машут руками и жгут фальшфайер. Приготовить катер к спуску?

— Не надо. Слишком много возни. Подойдем с наветренной стороны и сбросим шторм-трап.

Помощник спустился вниз.

Спасенные кутались в черные плащ-накидки военного образца. Помощника поразило, что все они были лысы, безбровы, голощеки. В своих одинаковых просторных одеждах они походили на монахов, давших странный обет — уничтожить на теле любую растительность, будь то ресницы, усы или волосы.

Старший «монах» шагнул к помощнику:

— Срочно проведите меня к капитану. Вашему лайнеру угрожает смертельная опасность.

Помощнику не понравилось, что вся остальная пятерка двинулась за ними следом.

— Может быть, ваши люди нуждаются в отдыхе?

— Нет, — сухо отрезал старший.

— Тогда пусть они останутся вни… — помощник осекся: из-под плаща высунулось дуло автомата. Дверь в ходовую рубку была уже рядом, и помощник распахнул ее спиной. В рубке «монахи» выхватили, из-под накидок автоматы, защелкали откидными прикладами.

— Всем стоять на своих местах! Где радиостанция?!

Помощник после тычка стволом автомата в грудь покорно вышел в коридор в сопровождении двух пиратов. Вскоре оттуда донеслась короткая очередь, звон стекла, треск пластмассы…

— Передатчик расстрелян, сэр! — доложил один из конвоиров помощника. Тот, кого назвали «сэром», вышел на крыло мостика и выпустил зеленую ракету.

Капитан с ужасом увидел, как синева океанской глади взбурлила белыми пузырями и из воды показалось нечто черное, глазастое, округлое, похожее на тело спрута без щупалец. Вслед за рубкой всплыло и все тулово лодки.

— Я старший помощник командира этой подлодки. — Сухощавый налетчик забросил автомат за плечо. — Выполняйте мои указания. Торпедные аппараты нацелены на ваше судно.

Рооп приказал спустить спасательные шлюпки и, как только они переправили с «Архелона» на борт «Иберии» абордажную группу, велел капитану собрать команду в носовом трюме.

События развивались столь стремительно, что пассажиры по-прежнему веселились в ресторанах, барах, салонах. Разгоняя артисток варьете, на эстраду вышли лысые люди в голубых комбинезонах подводников. Их автоматы смотрели в публику.

Три года они не видели женщин… Мужскую часть пассажиров загнали в кормовую баню и наглухо задраили двери. Дрожащих претенденток на титул «мисс Атлантика» свели в банкетный зал ресторана первого класса. Камбузные лифты едва успевали подавать закуски, так что блюда, бутылки, салатницы, бонбоньерки, соусники приходилось ставить в проходы между столиками. Узники подводного лепрозория возмещали все, чего были лишены последние годы…

Экипаж «Архелона» перебывал на «Иберии» в два потока. Лишь Рэйфлинт и пастор провели время в своих каютах. Обе смены переправили с лайнера все, что только могло войти в шлюпки и пролезть в люк: ковры, кадки с пальмами и даже автомат для мороженого. Рэйфлинт вызвал к себе старпома:

— Рооп, вам придется сделать еще один рейс. Я хочу, чтобы вывезли судовую библиотеку.

Шесть ящиков с книгами забили каюту Рэйфлинта до подволока.

…Подводная лодка отошла на дистанцию торпедного залпа и, развернувшись к «Иберии» носом, тихо вздрогнула. Стальная сигара неслась почти поверху. Проломив белый борт, торпеда всадила в топливную цистерну заряд прессованного тротила. Взрыв выбросил лайнер из воды по нижнюю марку и разломил пополам.

Убедившись, что на поверхности не осталось ни людей, ни

обломков, «Архелон» погрузился туда, куда только что ушли останки «Иберии»… Так началась новая жизнь отверженной субмарины.

Через трое суток они вынуждены были всплыть для небольшого, но срочного ремонта.

Стояло раннее утро. И хотя район всплытия был далек от трасс рейсовых самолетов, Рэйфлинт торопил матросов, которые меняли прохудившуюся захлопку на газоотводе вспомогательных дизелей.

Пастор тоже вылез на мостик, с радостью наполнил ослабевшие глаза целебным солнечным светом и вдруг застыл в ужасе: «Архелон» покачивался в море… крови. Красные волны нехотя лизали черные бока подводного рейдера. Сотни рыб кишели в густой кровавой массе, выпрыгивали из нее, высовывались по грудные плавники, выпускали из жадно распахнутых пастей фонтанчики воды и умирали.

— Похоже, что мы всплыли в аду, не правда ли?! — тронул пастора за плечо Рэйфлинт. — А вокруг трепещут души грешников.

Бар-Маттай ошеломленно молчал.

— Не принимайте близко к сердцу. Это всего лишь «красный прилив». Цветут жгутиковые водоросли. В океане такое случается… По местам стоять — к погружению!

Багровые волны сомкнулись над «Архелоном».

Сообщение о гибели «Архелона» и таинственном исчезновении «Иберии» вышли в газетах почти одновременно. Если кто и связывал два этих факта, то только фразой: «Опять эти проклятые Бермуды!» Обе катастрофы произошли вблизи границ Бермудского треугольника.

— Не такой уж он проклятый, — заметил морской министр начальнику генерального штаба. — Теперь, по меньшей мере, приутихнет пресса и прекратятся эти запросы в парламент.

— Да, все решилось как нельзя лучше, — согласился адмирал. — «Архелон» сделал свое дело, «Архелон» может… Кхм!

— Три года боевого дежурства — это беспрецедентно. Честно говоря, я не думал, что они продержатся так долго…

— Господин министр, я полагаю, что коммодор Рэйфлинт достоин ордена «Рыцарь океана» первой степени. Посмертно.

— Несомненно.

Кураториум «Спасение Архелона» распался сам собой. Флэгги очень удачно вышла замуж за президента микробиологического общества профессора Сименса и помышляла о создании подобного же комитета «Память «Архелона».

А для «погибшей» субмарины наступила эра благоденствия. Каюты были убраны с дворцовой роскошью; отсеки ломились от изобилия фруктов, вин, изысканных закусок. В офицерской кают-компании играл всемирно известный скрипач, захваченный на одном из трансатлантических теплоходов.

Бар-Маттай настоял, чтобы пленник жил у него, и таким образом в его затворничество вошла музыка. Это было тем прекраснее, что философские беседы у Рэйфлинта совершенно прекратились, и пастор отводил душу со скрипачом.

Командир по-прежнему не появлялся на захваченных судах. То немногое, что составляло его долю добычи, были, в основном, книги. Он читал ночи напролет, препоручив все корабельные дела старшему помощнику.

Рооп был доволен. Команда заметно подтянулась. И хотя в кормовых отсеках его еще посылали иногда к черту, но вахты неслись исправно, особенно перед атакой очередной жертвы. Единственный, кто по-настоящему отравлял старпому жизнь, так это Ахтияр. На захваченных теплоходах стюард шарил по судовым аптекам, добывал морфий и другие наркотики. Его каюта превратилась в подпольный «приют радости». Человек шесть наркоманов ходили за ним по пятам и были готовы выполнить любое желание стюарда. В отсеках поговаривали о нем, как о втором командире «Архелона». Рооп хмурился и с некоторых пор стал носить пистолет в потайном кармане.

Каждое утро О'Грэгори с замиранием сердца разглядывал свое тело. И каждое утро тихо ликовал: судьба хранила избранника — ни одного бронзового пятнышка, ни одного седого волоска. Идея этнического оружия не оставляла его, и О'Грэгори нашел, что нет худа без добра. По крайней мере, здесь, на «Архелоне», он мог беспрепятственно ставить опыты над людьми. В боксах медицинского изолятора вот уже третий месяц жили японец, чех, араб и негр. О'Грэгори выяснял, генотип какой расы успешнее противостоял «бронзовке». Он вел дневник наблюдений и верил, что рано или поздно лавры «отца этнического оружия» с лихвой возместят ему и флоту ущерб, причиненный разглашением «сведений серии Z». Он верил в это столь же страстно, как Бар-Маттай в то, что его «Неоапокалипсис» прочтут миллионы людей, прочтут, содрогнутся, прозреют и уничтожат все подводные лодки мира, а заодно танки, пушки, бомбардировщики…

В кают-компании места доктора и пастора находились рядом, так что порой, сидя локоть к локтю, они нечаянно задумывались о вещах более чем полярных, спохватывались, невидяще скользили

друг по другу глазами и продолжали трапезу.

Дорожку в медицинский блок Ахтияр протоптал еще при докторе Коколайнене. И с новым корабельным врачом он тоже нашел общий язык.

Произошло это так. О'Грэгори заглянул как-то в радиорубку и увидел под стеклом бывшего столика Барни фотографию Флэгги. Роковая женщина смеялась так невинно и обаятельно, что О'Грэгори, забыв о всех принесенных ею бедах, извлек фото и прикрепил у себя в каюте. Ахтияр, наведываясь к доктору поболтать о жизни, а заодно и подлечить застарелый радикулит, заприметил красотку на стене и смекнул, что к чему.

— Могу устроить свидание! — подмигнул он О'Грэгори.

— Каким образом?! — изумился подполковник медицины.

— Возьмите фотографию и приходите ко мне в каюту вечером.

О'Грэгори помрачнел: неужели суперлепра вызывает еще и умственное расстройство? Однако вечером все же заглянул к стюарду. Ахтияр усадил его в ковровое кресло, раздул кальян, бросил в медный раструб щепоть зелья и велел вглядываться в лицо Флэгги, потягивая из мундштука дым. О'Грэгори все понял, но соблазн увидеть «жрицу любви», хотя бы в галлюцинации, был столь велик, что доктор последовал совету. «В конце концов, — подбадривал он себя, — гашиш не героин, с одного сеанса не втянешься».

Он действительно увидел Флэгги такой, какой хотел увидеть… Придя в себя, он расчувствовался и подарил Ахтияру три маленьких шприца с набором шведских игл. Так они сошлись…

Однажды стюард полушутя-полусерьезно заметил, что если бы Рэйфлинт был чуть поумнее, он бы давно смог устроить экипажу райскую жизнь на каком-нибудь тропическом острове. Кто бы их стал искать, если бы эту проклятую консервную банку «Архелон» притопить в какой-нибудь котловине?..

— Да, — подлил масла в огонь О'Грэгори, — это лучше, чем гнить тут заживо. И потом солнце, свежий воздух, фрукты, море… Уверен, наши дела пошли бы на поправку.

— Если бы не Рэйфлинт…

Оба замолчали, поглядывая друг на друга так, будто встретились впервые. Наконец О'Грэгори решился:

— Все диктаторы кончали одинаково…

— Но есть еще Рооп, — понял намек Ахтияр. — И вся эта офицерская сволочь… не в обиду вам, док! Оружие выдается лишь в группу захвата… А в ней одни офицеры.

— Есть хороший способ… — замялся О'Грэгори, — но он

требует надежных людей.

— На верное дело люди найдутся.

— Надо, чтобы в каждом отсеке было хотя бы по человеку.

— Можно…

— Я изучил систему судовой вентиляции. Она легко перекрывается по отсекам…

— Это известно любому новичку.

О'Грэгори пропустил колкость мимо ушей.

— Если бы у запорных клинкетов стояли нужные люди… Литр эфира в вентиляционную магистраль, и через три минуты все спят. И командир, и Рооп, и все, кто может помешать…

— И мы с вами тоже…

— Мы с вами наденем кислородные маски.

Сами того не замечая, они перешли к обсуждению деталей будущей — теперь в этом никто из них не сомневался — операции.

— Значит, наши люди будут держать маски наготове… — уточнил мысль доктора Ахтияр; он пробовал ее на зуб, как монету.

— Да! И в первую голову машинист на станции всплытия. Как только эфир подействует, мы всплывем. Отберем чистых и нечистых. Рэйфлинт, Рооп и все, кто сможет помешать, умрут не просыпаясь. Это будет тихо и… гуманно.

— А кто поведет корабль? Вы?! — испытывал идею Ахтияр.

— Мы оставим двух офицеров: штурмана и инженер-механика…

— Трех, — хохотнул стюард. — Вас тоже. Жаль, национальный банк мы брали без вас, док! Вы бы очень нам пригодились тогда. Клянусь костылями всех калек!

О'Грэгори было не до шуток. Он изложил, и почти под настроение, просто так, сокровенный план, продуманный до мелочей в глухие ночи подводных засад. И кому! Этой уголовной горилле, у которой череп начинается от бровей… Ахтияр уловил перемену в собеседнике, досадливую гримасу.

— Тайна двух долго не живет, — насупил он валики бывших бровей. — А если вмешался третий, и подавно…

— Кто третий?

— Аварийный Джек. Машинист станции всплытия. Аварийным его прозвали за цвет волос — рыжий. Теперь он лыс, как яйцо. Хе-хе!

— У вас хорошее настроение, Ахти, — кисло заметил О'Грэгори.

— Да, черт побери! Когда надо действовать, мне становится весело. А действовать надо быстро. Сегодня же ночью.

— К чему такая спешка?

— Я вам не верю, док. Вы из кают-компании…

О'Грэгори усмехнулся.

— Иногда за молчание можно получить больше, чем за донос…

Торопливые трели ревуна заставили вскочить обоих.

— Что это? — побледнел доктор.

— Нас засекли. Сработала сигнализация, как в банке. Хе-хе… Успокойтесь, док! Это ракетная тревога.

Рэйфлинт нажал клавишу «Слушают все отсеки».

— Вниманию экипажа! Срок пребывания ракет на борту истек год назад. Хранить их в шахтах небезопасно. Я принял решение выпустить весь комплект по пустынному району океана. По местам стоять — к пуску ракет!

Он снял телефонную трубку и вызвал центральный пост:

— Рооп, пригласите ко мне в каюту пастора.

Бар-Маттай пришел весьма встревоженный и гудками ревунов, и этим неожиданным приглашением. Он с удивлением оглядел каюту, заваленную книгами…

— Освободите себе кресло и садитесь. — Рэйфлинт нервно поигрывал шнуром пусковой рукояти, рукоять была красной. — Святой отец, я пригласил вас для того, чтобы исповедаться. Не в грехах — в мыслях. Исповедаться в том строе рассуждений, который покажется вам не то что греховным — чудовищным. Но я убежден в его справедливости и совершу то, что должен… Готовы ли вы меня выслушать?

— Да. — Бар-Маттай сплел на коленях пальцы.

— Я прочитал все эти книги. Я припомнил все, что когда-либо читал еще. Я вспомнил все, чему меня учили, все, все, что я когда-либо видел и слышал. И я пришел к очевидному выводу. Мы прекрасно приспособились к внешней среде, к нашей планете. Лучше, чем какие-либо другие существа подлунного мира. Но мы не смогли устроиться социально. Люди не смогли приспособиться друг к другу. После двух мировых боен, на пороге третьей, человечество похоже на самоубийцу, которому дважды не удалось размозжить себе голову и он наконец забрался этажом выше. Что толку от совершенства нашего биологического аппарата, если вот это, — Рэйфлинт постучал себя по виску, — не хочет рубить сук, на котором висит наша общая петля. Человечество — тупиковая ветвь эволюции. И если ваш господь бог существует, он убедился в этом уже тысячу раз. Да и что может быть абсурднее, чем поножовщина сиамских близнецов?! Мы пришли именно к этому! Так не разумнее ли помочь эволюции начать все сначала? Десять

тысяч лет нашей истории для творца Вселенной — десятиминутный эксперимент. Одним опытом больше, одним меньше — пусть считают их археологи, — но рано или поздно на Земле возникнут такие существа, которым достанет разума не уничтожать друг друга. Я хочу, чтобы это произошло как можно раньше. Десять ракет по Евразии, десять по Американским континентам, и запылает всеочистительный костер. Так выжигают жухлую траву для новой поросли. Я не параноик и не шизофреник, но я чувствую, что это мой долг — перед богом ли, перед эволюцией… Я, Кароль Рэйфлинт, вызван к жизни за тем, чтобы спасти планету от плесени, именуемой человечеством!

Бледный коммодор откинулся на спинку «трона Нептуна», не выпуская красной рукояти. Бар-Маттай, потупившись, молча следил за играми рыб в аквариуме.

— Самое страшное, — проронил он наконец, — это зло, возомнившее себя добром…

Рэйфлинт качнулся в кресле.

— Я пригласил вас не за тем, чтобы пускаться в дискуссии. Для этого у нас с вами было предостаточно времени… Я хочу, чтобы похороны человечества состоялись, как положено, при священнике и… — Коммодор снял трубку: — Рооп, пришлите ко мне музыканта. С инструментом.

Эти минуты, пока скрипач перебирался из четвертого отсека во второй, они провели, как бы оцепенев, и Бар-Маттай дорого бы дал, если бы в оцепенении этом они оба окаменели, но раздался стук в дверь каюты. Рэйфлинт перехватил красную рукоять поудобнее:

— Войдите.

Длинноволосый музыкант переступил комингс, склонив голову. Он встряхнул волосами, и это означало, что приветствие окончено.

— Играйте реквием! — нетерпеливо кивнул ему Рэйфлинт.

Скрипач обвел глазами пульт, на котором горели двадцать транспарантов-окошечек с зеленым словом «Готово», и поднял смычок.

Он не успел опустить его на струны — Бар-Маттай рывком дотянулся до тумблера, каким Рэйфлинт включал обычно гидрофоны, и повернул рычажок. Шумный вздох океана ворвался в каюту. И снова забубнили, забулькали на все лады невнятные голоса потусторонней жизни — жизни, простиравшейся по ту сторону поверхности океана, жизни, древней, как белок, жизни, выплеснувшейся на континенты и в космос и уже потому только неуничтожимой и вечной… Океан молил о пощаде. Его гигантское жидкое тело всколыхнулось и сжалось, еще теснее

обхватило земное ложе. Он, миллионы лет являвшийся лишь мантией разума, вдруг собрался в одну болевую точку, и точка эта вспыхнула в недрах полушарий мозга Рэйфлинта.

Кричал дельфин. То ли шестилопастный винт субмарины полоснул ему по спине, то ли одинокого зверя настиг резак пилы-рыбы, то ли он кричал, повинуясь инстинкту-интуиции, как воют собаки, предвещая покойника. Но Тэдди кричал по-человечьи надрывно и осмысленно. Единственное преданное «Архелону» живое существо взывало о помощи. А может быть, оплакивало тех, кто сам в ней нуждался.

Рэйфлинт выключил гидрофоны. Рэйфлинт выключил ракетный пульт и боевую трансляцию. Рэйфлинт уронил голову на руки, и пальцы взгорбились на лысом черепе. Брошенная стартовая рукоять качалась на шнуре, как маятник. Маятник вечных часов человечества.

Сколько они так просидели, Бар-Маттай не помнил. Сквозь полусон слышал, как щелкнула дверь — это удалился скрипач.

Пастор думал о том, что когда-то гуси своим криком спасли Рим, теперь же на его глазах дельфины спасли мир. Он думал об этих странных и прекрасных животных, когда ноздри его уловили резкий аптечный запах. Приятно кружилась голова, а в ушах тихо звенело. Рэйфлинт пришел в себя и недоуменно принюхался тонким хищным носом.

— Что за дела? Эфир?! Похоже, доктор перебил свои склянки… Вахтенный офицер! — крикнул он в микрофон. Ответа не последовало.

Коммодор выбрался из-за стола и пошатываясь направился в спальню. В висках ломило, перед глазами плясали сине-красно-зеленые змейки. Стараясь не дышать, Рэйфлинт отыскал в шкафу портативный дыхательный аппарат и промыл легкие кислородом.

Бар-Маттай, уронив голову на плечо, сползал с кресла. Рэйфлинт бросился к нему, прижал маску к губам пастора и дождался, почти теряя сознание от спертого в груди воздуха, пока Бар-Маттай приоткроет глаза. Используя старый аквалангистский прием — попеременно дышать из одного загубника, — коммодор вывел пастора в центральный пост, где под креслом спящего штурмана Рэйфлинт отыскал второй дыхательный прибор и передал его Бар-Маттаю.

Вокруг спали все. Вахтенный офицер свисал с консоли торпедной ЭВМ, инженер-механик лежал поперек коридорчика, подтянув ноги к груди. Штурманский электрик привалился спиной к прокладочному столу. Но хуже всего было то, что в «пилотском» кресле спал боцман, уткнувшись головой в штурвал,

так что и кормовые и рубочные горизонтальные рули смотрели «на погружение». Дифферент на нос нарастал быстро. Рогатая стрелка 400-метрового глубиномера приближалась к сектору, заклеенному черной бумагой. Сектор приходился на запредельные глубины, и цифры здесь уже были не нужны…

Рэйфлинт перехватил штурвал и выровнял корабль.

— Пройдите по отсекам! — крикнул он пастору, вынув на минуту загубник. — Посмотрите, что случилось.

Бар-Маттай кивнул головой и пошатываясь двинулся к круглой межпереборочной двери. Он не успел взяться за рычаг кремальеры, как тот сам резко взлетел, литой кругляк распахнулся, и, пребольно толкнув пастора, в отсек перемахнул Рооп. Старпом выстрелил в приоткрытую дверь, тут же ее захлопнул, опустил рычаг и навалился на него грудью. Сухо и зло щелкнула в сталь переборки ответная пуля, за ней другая, третья… Стреляли скорее в бессильной ярости, чем по здравому расчету. Пробить двухдюймовую пластину можно было разве что из противотанкового ружья.

— Рооп! — крикнул Рэйфлинт из глубины центрального поста. — Что стряслось?!

Старший помощник дышал тяжело — видно кислород в его аппарате кончался.

— Командир… Это Ахтияр… Я видел… Эта каналья вливала какую-то дрянь… В лючок вентиляции… С ним еще двое… Они в масках…

Рычаг кремальеры задергался, и Бар-Маттай поспешил помочь Роопу. Тяжести их тел явно не хватало, чтобы преодолеть нажим с той стороны. Рооп уперся ногами в верхний свод лаза…

Первой мыслью Рэйфлинта было немедленно всплыть и провентилировать отсеки. Но едва он услышал выстрелы, как перед глазами встал призрак сиамских близнецов, всаживающих друг в друга ножи… Рэйфлинт резко отодвинул штурвал, и стрелка глубиномера пошла к черному сектору…

В распахнутую дверь второго отсека он видел, как перекосился коридор среднего прохода. Он слышал, как захлопали выдвижные двери кают, как загремела в кают-компании посуда, летящая с полок, как замычал в дурном сне боцман, съехавший лбом в переборку… Дифферент становился все круче и круче, по глухим ударам, сотрясавшим корпус, он чувствовал, как срываются с фундаментов дизеля, турбины, аккумуляторные баки…

Мимо пролетели тела Роопа и пастора, сорвавшиеся с переборки, которая почти стала подволоком. Субмарина клонилась на нос, превращаясь с каждым градусом дифферента в

подобие башни. И семь отсеков громоздились один над другим — этажами, а этажи расходились кругами ада…

Рэйфлинт успел поразиться — каким чужим и зловещим вдруг стал такой знакомый, привычный коридор, уходящий теперь в бездну…

Тэдди пошел за громадной черной «рыбиной» вниз — на глубину. Голубая вода быстро синела, темнела, пока за хвостом не сомкнулась плотная мгла.

Тэдди давно уже пересек границу вечной ночи. Он испустил тонкий, слышимый только ему самому свист, и к нему вернулось замирающее эхо. И все последующие звуки приходили все слабее и слабее — «рыбина» погружалась опрометчиво быстро. Тэдди подал сигнал опасности: «Пора выходить! Не хватит воздуха!» Но эхо к нему не вернулось и вовсе. Тогда он рванулся вверх и, бешено работая хвостом и плавниками, вбуравился в огромную толщу. Ни один дельфин еще не нырял так глубоко, и Тэдди показалось, что он никогда не выплывет на поверхность. Снизу его догоняли большие черные пузыри, вогнутые, как шляпки медуз… Тэдди почувствовал, как потеплела вода, и он наддал хвостом изо всех сил. Вот уже показалась, засверкала, заколыхалась над головой солнечная изнанка волн. Он вылетел из воды с распахнутым дыхалом, и весь прыжок едва уложился в глубокий и сладкий вдох.

Солнце алым дельфином выгибало над горизонтом спину, и Тэдди помчался к нему, пронзая гребни невысоких волн.

А. Елкин
ТАЙНА «ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ»
Документальная повесть

***ЕЛКИН** Анатолий Сергеевич (1929—1975). Русский советский литературовед и писатель, кандидат филологических наук, член Союза писателей. В 1952 году закончил факультет журналистики ЛГУ, а затем там же и аспирантуру. Автор повестей «Айсберги над нами», «Летящие над волнами», «Арбатская повесть», «Атомные уходят по тревоге» и др. Был первым редактором-составителем сборника «Океан» (1972). Ему принадлежат историко-литературные и литературоведческие книги «Степан Тудор», «Ярослав Галан», «Одна тропка из тысячи», «Повесть о книгах и их судьбах».*

Документальная повесть, в которой главные действующие лица пожелали остаться неизвестными и где неожиданно сталкиваются судьбы линейного корабля, последних Романовых, академика Крылова, Гришки Распутина, революционных матросов, адмирала Колчака, инженера из Заполярья, наших современников и многих других людей, сил и обстоятельств.

7 октября 1916 года в Северной бухте Севастополя взорвался и затонул линейный корабль «Императрица Мария». Причина катастрофы осталась неизвестной.

«Черноморский флот». Исторический очерк.

Воениздат. М., 1967, стр. 88.

«Разгадать тайну «Марии» — этому стоит посвятить годы».

Из записок инженера А. С. Романова.

НАХОДКА У КОРОЛЕВСКОГО ЗАМКА

Для меня эта история началась в 1947 году, когда журналистская судьба забросила меня в Калининград, бывший

Кенигсберг.

После ожесточенного штурма город был сплошным морем развалин. Вернее, города не было: холмы битого оплавленного кирпича, рыжие прутья арматуры вместо домов и улиц. И над всем этим пеплом и прахом мрачно высились изрешеченные снарядами, в рваных пробоинах и зияющих каменных ранах готовые вот-вот рухнуть башни старинного Королевского замка.

Они видели и великих магистров Тевтонского ордена, и Альбрехта Бранденбургского, и Фридриха Великого, и не менее «великого», по его собственному мнению, гаулейтера Коха. Ставшие символом неукротимой военщины и «прусского духа», лежали они, поверженные в прах советским солдатом.

Горьким дымком и затхлостью тянуло от каменных холмов и остовов, и только кое-где в этой пустыне попадались чудом сохранившиеся части квартир, переходов и некогда пышных залов.

Я не помню точно, что привлекло тогда мое внимание к развалинам около Королевского замка. Вероятнее всего — книги. Да, книги. Засыпанные известью. Промокшие. В скрюченных, искореженных сыростью переплетах. Они образовывали холмик у полуобвалившегося стеллажа, и когда, стряхнув грязь, я раскрыл одну из них, то с удивлением увидел, что это не что иное, как «Очерк русской морской истории» Веселаго, изданный в Санкт-Петербурге в 1875 году.

Не помню точно, что еще там было. Запомнилось только несколько томов «Истории русской армии и флота», вышедших в издательстве «Образование» к юбилею войны 1812 года.

Как раз в одном из таких томиков и лежали эти фотографии. Вначале показалось, что это дубли одного и того же кадра. Но, внимательно присмотревшись, я увидел — они разнятся. На снимках — большой военный корабль, над которым встал огромный султан дыма. Вот размеры этого «султана» и были на разных снимках отличными друг от друга. На одном — корабль еле дымился. На другом — вихрь дыма взлетел почти к самому небу. На третьем, очень смутном, корабль едва проглядывался сквозь черную, окутавшую его пелену.

Не фотографии тогда поразили меня (что на них изображено, я не знал), а книги. Откуда здесь, в Кенигсберге, неплохо подобранная морская библиотечка русских книг? Как они попали сюда? Кто их хозяин?..

Ответы на эти вопросы найти в мертвом, безлюдном городе, где и старожил не узнал бы ни одной из улиц, было явно невозможно. Фотографии я взял на память и вскоре забыл бы о них, если бы не один разговор, происшедший через три месяца

совсем в другом городе и имевший для меня совсем неожиданные последствия.

ВСТРЕЧА НА СЕВЕРЕ. ИНЖЕНЕР РОМАНОВ

Родители мои жили тогда в Мурманске, в большом доме номер тринадцать по улице Самойлова. Соседом их по лестничной площадке был известный в Заполярье инженер Ареф Сергеевич Романов, инженер, корабел и, сколько я его помню по дням юности, человек, бесконечно влюбленный в «свой Севастополь», ибо, по его словам, «только такие города способны вырастить из мальчишек стоящих парней».

Романов строил на Севере мосты, ремонтировал корабли, был, по-моему, счастлив, и каждый отпуск отправлялся в свой Севастополь, откуда однажды и привез похожее на гречанку очаровательное создание — Марию Ивановну, человека столь же доброго, сколь и беспомощного в элементарных житейских вопросах.

Дом их походил подчас на бивуак иностранной армии, оккупировавшей совсем не дружественное государство, но дышалось в нем легко и радостно. Атмосфера эта была не только следствием характера хозяев: постоянными гостями Романова были боцманы, капитаны, полярники, морской люд всех званий и сословий, а знаменитейший водолаз — эпроновец Золотовский надписал тогда на титуле до сих пор популярной и переиздающейся книги «Подводные мастера»:

> «Дорогому Арефу на память о «Марии», давней мечте и нашей подводной молодости».

Прилетев из Кенигсберга к своим, я часто бывал у Романовых. Не только ради интереснейших людей, приносивших с собой в его квартиру ветры всех широт. Ареф Сергеевич имел небольшую библиотеку, но, во всяком случае, для Дальнего Севера, исключительную: старые «Морские сборники», издания ЭПРОНа, книги о море. Перелистывая как-то их, я и наткнулся на надпись Золотовского.

— Это о какой же «Марии» идет здесь речь? — спросил я Романова.

— О линкоре «Императрица Мария». Не слышал?..

— Очень немногое…

— Это темная история… Если хочешь, я дам тебе кое-что почитать. — Он порылся на книжных полках и протянул мне томик сборника «Эпрон» со статьей академика Крылова. —

Просмотри, а потом я тебе кое-что расскажу. Как-никак я поднимал «Марию». Вернее — снова ее топил…

Тогда я впервые узнал об этой действительно таинственной и загадочной истории. Возвращая Романову сборник, вспомнил надпись Золотовского.

— А о какой мечте идет там речь?

— Я мечтал разгадать тайну «Марии» и потратил на это многие годы. Но… пока в этой истории все так же темно, как было и в самом начале…

По какой-то ассоциации я рассказал ему о Калининграде и снимках, найденных у Королевского замка.

— Они с тобой?

— Сейчас принесу.

Взглянув на снимки, Романов вскочил:

— Но это же «Мария»! — И, еще раз просмотрев карточки, тихо добавил: — Это она… Одного только я не могу понять: кто и как умудрился все это снять? Ничего не понимаю… Насколько я знаю, взрыв произошел рано утром. Мгновенно… Значит, тот, кто снимал, знал, когда произойдет взрыв.

ГАЛЕРЫ «ВЕЛИКОЙ АРМАДЫ» И «ХОББИ», РАСТЯНУВШЕЕСЯ НА ГОДА

Почти двадцать пять лет отделяют этот разговор от времени, когда пишутся эти строки.

В те годы я, наверное, и сам не смог бы толком объяснить, почему среди бесконечных важных и главных занятий, которые выпадают на долю каждого человека, живущего в реальной жизни, где бы я ни был, куда бы ни летел, какие бы книги ни читал, все время думал о тайне «Императрицы Марии».

Масла в огонь подлила появившаяся через год после нашего разговора с Романовым — в 1948 году — повесть Анатолия Рыбакова «Кортик». Образы ее, судьба ее героев — Полевого и Никитского — еще больше разжигали желание «проявить» тайну.

Много раз перечитывались страницы повести, посвященные все более захватывающей меня истории:

> «И еще Полевой рассказывал о линкоре «Императрица Мария», на котором он плавал во время мировой войны.
>
> Это был огромный корабль, самый мощный броненосец Черноморского флота. Спущенный на воду в июне пятнадцатого года, он в октябре шестнадцатого взорвался на Севастопольском рейде, в полумиле от

берега.

— Темная история, — говорил Полевой. — Не на мине взорвался и не от торпеды, а сам по себе. Первым грохнул пороховой погреб первой башни, а там тысячи три пудов пороха было. Ну, и пошло… Через час корабль уже был под водой. Из всей команды меньше половины спаслось, да и те погоревшие и искалеченные.

— Кто же его взорвал? — спрашивал Миша.

Полевой говорил, пожимая широкими плечами:

— Разбирались в этом деле много, да все без толку, а тут революция… С царских адмиралов спросить нужно».

Коротко повествовалось в книге и о гибели «Марии»:

«— Так вот. Никитский, — рассказывал Полевой, — служил там же, на линкоре, мичманом. Негодяй был, конечно, первой статьи, но это к делу не относится. Перед тем как тому взрыву произойти… минуты так за три, Никитский застрелил одного офицера. Я один это видел. Больше никто. Офицер этот только к нам прибыл, я и фамилии его не знаю… Я как раз находился возле его каюты. Зачем находился, про это долго рассказывать — у меня с Никитским свои счеты были. Стою, значит, возле каюты, слышу — спорят. Никитский того офицера Владимиром называет… Вдруг бац — выстрел!.. Я в каюту. Офицер на полу лежит, а Никитский кортик этот самый из чемодана вытаскивает. Увидел меня — выстрелил… Мимо. Он — за кортик. Сцепились мы. Вдруг — трах! — взрыв, за ним другой, и пошло… Очнулся я на палубе. Кругом — дымище, грохот, все рушится, а в руках держу кортик. Ножны, значит, у Никитского остались. И сам он пропал».

История кортика сама по себе могла увлечь воображение. Но она волновала меня не сама по себе. Что же все-таки произошло на «Марии»? Об этом повесть молчала.

Не хотелось примириться с самой мыслью, что тайна корабля навсегда ушла вместе с ним под воду. Ведь люди раскапывали истории и подревнее.

Многие годы, скажем, бельгийский профессиональный водолаз Роберт Стени собирал данные о кораблекрушениях и выбирал в архивах Европы сведения из самых противоречивых отчетов о Великой Армаде, мечтая найти ее корабли. Ему удалось установить, что в 1588 году трехмачтовая галера «Гирона» из

Великой Армады разбилась о скалы и затонула в маленькой бухте возле Гианте Козуэй, называемой и сегодня «Портом испанцев». И через четыре столетия Стени нашел останки галеры: бронзовые пушки, золотые цепи и слитки, украшения, утварь, реалы, эскудо, дукаты, медные пряжки. Даже крест рыцаря Мальтийского ордена, возможно принадлежавший капитану «Гироны» Фабрицио Спиноле, который был членом этого ордена.

Да мало ли и других удивительных находок принесло наше время!

Линкор — не средневековая галера, рассуждал я тогда. И погиб он не четыре столетия назад, а немногим более полувека. Следы катастрофы должны были отыскаться. И я искал их, расспрашивал немногих оставшихся в живых очевидцев, роясь в архивах, изучая противоречивые свидетельства пожелтевших от времени газет.

Но пока лишь прояснялась в подробностях картина самой катастрофы. Причины ее упорно прятались в тени, словно кто-то заинтересованно оберегал их от людского внимания.

Королевский замок, разговор в Заполярье, «Кортик», догадки Крылова…

В жизни удивительно переплетаются встречи, находки, ассоциации и простое человеческое любопытство. Во всяком случае, первый интерес, «хобби», если это слово вообще применимо к изучению судьбы «Императрицы Марии», вдруг неожиданно из увлечения стал серьезным поиском.

Но как искать? Куда направить внимание? Где лежат хотя бы крупицы документальной правды об «Императрице Марии»? Как воссоздать общую картину давно случившегося?..

Одним словом, более двадцати лет шел поиск. Шел в Севастополе и Мурманске, Калининграде и Одессе, Ленинграде и Москве. В десятках государственных и частных архивов. В книгохранилищах, старых и новейших изданиях, в следственных делах и докладных записках. Более двадцати лет прошло, прежде чем туман начал рассеиваться, и хотя на карте случившегося в далеком 1916 году на Севастопольском рейде еще остались «белые пятна», трагедия и ее истоки стали проясняться в документальных и достоверных подробностях.

Картины давно минувшего оживали, наполнялись голосами, красками, движением.

КУРЬЕР ГЛАВНОГО ШТАБА

7 октября 1916 года в кабинет директора Главной физической обсерватории и начальника Главного военно-метеорологического

управления академика Алексея Николаевича Крылова буквально ворвался запыхавшийся младший адъютант Главного морского штаба и протянул «адмиралу корабельной науки» опечатанный сургучом пакет:

— Ваше превосходительство, срочное!..

По верху конверта — жирно подчеркнутый красным карандашом гриф: «Совершенно секретно».

Расписавшись в получении депеши, Крылов, взяв ножницы, осторожно вскрыл конверт и пробежал глазами бумагу.

Из полученного предписания явствовало, что он, Крылов Алексей Николаевич, включен в состав некоей утвержденной по высочайшему повелению комиссии, председателем которой назначен член Адмиралтейского совета адмирал Н. М. Яковлев.

Крылов хорошо знал Яковлева. Это он был командиром «Петропавловска» в те трагические минуты, когда он пошел ко дну, унося с собой в пучину находящихся на борту броненосца флотоводца и ученого адмирала Макарова и художника Верещагина. «Что ж, — подумал Крылов, — этот человек знает море не понаслышке…»

Он стал читать письмо далее:

> «…Вам надлежит в 10 часов утра 8 октября с. г. со скорым поездом отбыть вместе с другими членами Комиссии в г. Севастополь… Для Комиссии выделен специальный салон-вагон… Форма одежды — сюртук при кортике…»

— В чем дело? — удивленно спросил Крылов адъютанта штаба. — Что за комиссия, создатель?.. И почему я, бросив все дела, должен неведомо для чего мчаться сломя голову в Севастополь?..

— Не могу знать, ваше превосходительство… Все теряются в догадках… Ни адмирал Яковлев, ни начальник штаба, никто ничего не знает… Морской министр сказал, что о причине командировки вы все узнаете по приезде в Севастополь…

— Хорошо, ступай!.. — отпустил он адъютанта. — Черт его знает, что творится! — проворчал Крылов.

На столе его лежали наброски новой книги о непотопляемости боевых кораблей. Рукопись, что называется, «шла», и отрываться от нее не хотелось. А тут эта поездка.

«Ладно, на месте разберемся… — Человек решительный по натуре, Крылов быстро находил себя в предлагаемых судьбой обстоятельствах. — В конце концов, идет война, и не обо всем можно писать в депешах…»

Утром 8 октября ровно к десяти утра он был на вокзале.

Здесь он снова попытался разузнать, в чем дело и что произошло в Севастополе. Но никто ничего не знал.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО», ИЛИ О ЧЕМ БОЛТАЮТ ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧНЫЕ…

Около десяти часов вечера поезд, в котором следовала на юг образованная «высочайшим указом» комиссия, медленно пыхтя, втянулся под своды Курского вокзала в Москве.

Адмиралы вышли на перрон поразмяться.

— Смотрите! — удивленно воскликнул Крылов, показывая Яковлеву на состав, стоящий напротив. — Севастопольский скорый!

— Давно, братцы, прибыли? — спросил Яковлев стоящего на перроне у севастопольского состава проводника.

— За минуту до вас, ваше превосходительство…

Перрон гудел, как улей. Кто-то кого-то встречал, кто-то ругался…

Кругом толпились встречающие и провожающие. Сновали носильщики, нагруженные тяжелыми чемоданами.

До адмиралов донесся вдруг разговор:

— А ты знаешь, в Севастополе «Мария» взорвалась.

— Как взорвалась?

— Опрокинулась и затонула.

— Не может быть!

Оглянувшись, Крылов увидел, что беседовали пожилой моряк, капитан 2-го ранга, и господин в котелке. Моряк тронул господина за рукав, кивая в сторону Крылова и Яковлева:

— Да вы посмотрите… Адмиралы едут следствие производить…

Крылов вздрогнул… Новость ошеломила его. Хотелось подойти к моряку, расспросить обо всем подробно. Но как он будет перед этим моряком выглядеть? Ничего себе — едет из Петербурга «высшее начальство» и понятия не имеет, зачем едет. Красивая ситуация!..

Адмирал Яковлев, кажется, думал о том же самом.

Войдя в салон-вагон, он долго молчал, потом взорвался:

— Кажется, наших штабных мастодонтов в Петербурге только могила исправит! От людей, по долгу службы облеченных доверием, скрывают то, что известно всем и каждому и о чем вслух болтают все на вокзалах. Черт знает что такое!..

— «Совершенно секретно», — зло поддержал его Крылов. — «Совершенно секретно»… Как и все в нашей богоспасаемой монархии.

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ВИЦЕ-АДМИРАЛ КОЛЧАК…»

Утром поезд вырвался на Бельбекскую долину. Не успели члены комиссии позавтракать, как железнодорожное полотно начало подниматься на Мекензиевы горы. Свет за окном внезапно сменялся темнотой — состав проходил туннели.

Крылов машинально считал их, пока не показались Инкерманская долина, развалины средневековой крепости Каламиты, Суздальская гора и, наконец, живописный берег Северной бухты.

Выходя из салон-вагона на севастопольском вокзале, Крылов взглянул на часы. Ровно десять.

На перроне комиссию встречал начальник штаба Черноморского флота.

Озабоченно приветствовав прибывших, он сухо сообщил:

— Командующий флотом вице-адмирал Колчак просил передать свои извинения, что не может вас лично встретить… у нас здесь такие дела! — Начальник штаба развел руками. — Впрочем, сами увидите…

— «Мария»? — бросил Крылов.

— Вам уже известно?..

— Только сам факт. Подробности — нет.

— Сейчас все узнаете. Командующий ждет вас на флагманском корабле «Георгий Победоносец»…

Александр Васильевич Колчак, когда члены комиссии переступили комингс роскошной каюты «Победоносца», нервно расхаживал по каюте. Честно говоря, он еще не знал, кого видеть в этих прибывших из столицы господах — друзей, союзников или врагов. Может быть, поэтому рукопожатие вышло довольно официальным, без свойственных принятым в высших сферах флота прославленным теплоте и гостеприимству.

Крылов встречался с Колчаком и ранее, но сейчас исподволь с интересом наблюдал за ним. Вице-адмирал только недавно принял флот и, это было видно, заметно нервничал. Хотя кому приятно расхлебывать такую кашу!

Тонкое, осунувшееся лицо. Холодный и подозрительный взгляд. Что он мечется? Что скрывает? Боится, что комиссия обнаружит на флоте то, что совсем не обязательно знать господам из Главного штаба: в конце концов, в каком хозяйстве, тем более таком, как огромный, раскиданный по всему Черноморью флот, нельзя найти при желании промахов и просчетов. Завистников же у Александра Васильевича Колчака хватало. А тут еще на его голову эта история с «Марией».

Да, это был тот самый честолюбивый Колчак, которому, по словам его приятеля, «страшно не повезло».

Весна 1917 года, свержение царя будут концом его флотской карьеры. Он напишет тогда:

> «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, я хотел дать родине вооруженную силу… но обезумевший, дикий (и лишенный подобия), не способный выйти из психологии рабов народ этого не захотел».

6 июля делегатское собрание матросов и солдат Севастопольского гарнизона отстранит его от должности командующего флотом, и он в страхе за свою жизнь вынужден будет бежать из Севастополя в вагоне военно-морского атташе США Гленонна. Потом озлобленный адмирал по приказу английского правительства встанет во главе русской контрреволюции, заслужит вечное проклятие народа, и 7 февраля 1920 года в заснеженном Иркутске рабочая пуля поставит последнюю и заслуженную точку в конце его кровавого пути.

Ничего этого Крылов, конечно, тогда не мог и предположить и с любопытством разглядывал адмирала.

Пригласив прибывших сесть, Колчак, казалось, раздумывал, с чего начать разговор.

— В принципе о нашей трагедии вам известно…

— Извините, Александр Васильевич, не только не известно, но и… Одним словом, мы узнали о случившемся от случайных людей на московском вокзале, — перебил Колчака Яковлев. — Нечего сказать — «совершенно секретно»! Кажется, под таким грифом, Алексей Николаевич, мы получили пакеты с уведомлением о поездке?

— Какое это имеет значение, — буркнул Крылов.

Колчак поморщился:

— Алексей Николаевич прав… Никакого значения, по крайней мере здесь, это действительно не имеет. «Мария» взорвалась на виду у всего Севастополя… Прошу, господа, со всеми просьбами обращаться ко мне в любое время дня и ночи. Мною дано указание, чтобы к вам немедленно направлялись все, кого вы сочтете необходимым вызвать. Думаю, что для успеха дела вам нужно осмотреть и линкор «Екатерина Вторая». Это однотипный с «Марией» корабль… А в подробностях все это выглядело так…

Члены комиссии не выходили из каюты Колчака более трех часов.

Многие адмиралы хорошо знали судьбу корабля. И никто из них не мог предположить, что она окажется такой короткой.

ОПЕРАЦИЯ «МАРИЯ»

8 июля 1915 года началась одна из самых ответственных и тщательно законспирированных операций Черноморского флота.

У входа в Босфор тайно развернулись на боевых позициях подводные лодки «Нерпа», «Краб», «Морж» и «Тюлень». Мощные эскадры готовились покинуть рейд Севастополя. Германо-турецкий флот, рискни он в эти дни выйти из проливов, был бы надежно блокирован.

Все эти приготовления были связаны с обстоятельством, известным лишь самому узкому, доверенному кругу лиц: 6 июля вступил в строй новейший линейный корабль императорского флота «Императрица Мария»…

Лето 1915 года для командования Черноморским флотом было особенно хлопотным. Ко всем прочим заботам острой и напряженной борьбы на море с немецкими лодками и такими мощными противниками, какими были орудовавшие на Черноморье пираты «Гебен» и «Бреслау», к этим заботам добавилась новая и, как говорилось в секретной директиве из Петербурга, «чрезвычайная»: предстояло обеспечить переход из Николаева в Севастополь новых русских линкоров.

В 1911 году на верфях в Николаеве были заложены линейные корабли «Императрица Мария», «Императрица Екатерина II» и «Император Александр III». Первые два вступили в строй в 1915 году, третий — в 1917-м, под новым названием «Воля». Это были мощные по тем временам гиганты. Так спущенная на воду еще в 1913 году «Мария» имела весьма «солидный» с военной точки зрения «паспорт»: водоизмещение — 22 600 тонн, скорость — 21 узел. Корабль нес двенадцать 305-миллиметровых орудий главного калибра и двадцать 130-миллиметровок. Боевой комплект для первых составлял 1200 снарядов, для вторых — 4900. На линкоре имелись также противолодочная артиллерия, восемь 75-миллиметровых пушек и торпедные аппараты. Главный пояс брони составлял 280 миллиметров, верхний — 127. Дальность плавания исчислялась в 2184 мили, экипаж — в 1386 человек.

Штаб флота сделал все для того, чтобы операция прошла успешно. Для охранения «Марии» на переходе морем 9 июля из Севастополя в Одессу вышел мощный отряд боевых кораблей: крейсер «Память Меркурия», восемь эскадренных миноносцев, гидроавиатранспорт «Александр I», посыльное судно «Летчик». Шел первый эшелон эскорта.

Во второй вошли главные силы флота, покинувшие Севастополь три дня спустя: пять линкоров, крейсера «Алмаз» и

«Кагул» и три эскадренных миноносца. Эти корабли шли южнее своего нового собрата — «Марии», защищая ее на случай прорыва противника из Босфора.

12 июля, как щитом прикрывшись силами эскорта, «Мария» вышла из Одессы, а уже 13 июля ее восторженно встречал Севастополь.

Тяжелые немецкие корабли появились в море только к восемнадцатому числу. В этот день из Босфора пытался выйти крейсер «Бреслау». Мины, поставленные «Крабом», сделали свое дело: «Бреслау» подорвался, принял 642 тонны воды и еле добрался до Стении, где его поставили в док.

Операция под кодовым названием «Мария» успешно завершилась…

Но привести линкор в базу — еще не значит ввести его в строй действующих кораблей. «Мария», впрочем как и все другие новейшие гиганты моря, оказалась созданием довольно беспокойным. Многие подробности стерло время, но по данным историографии можно точно установить, что «каждый выход «Императрицы Марии» из Севастополя для боевой подготовки обеспечивался сильным противолодочным охранением. Так, 26—28 августа во время практических стрельб линейный корабль охраняли 3 крейсера и 8 эскадренных миноносцев. Кроме того, 24—25 августа 12 эскадренных миноносцев осуществляли активный поиск подводных лодок противника у берегов Крыма».

Могучая сама по себе, «Мария» тем не менее нуждалась в надежной защите. Нет, время линейных кораблей еще не клонилось к закату, но еще в «Анти-Дюринге» Энгельс прозорливо предчувствовал этот закат:

> «…Соперничество между панцирем и пушкой доводит военный корабль до степени совершенства, на которой он сделается *столь же неуязвимым,* сколь негодным к употреблению… Это, по-видимому, будет достигнуто усовершенствованием самодвижущихся торпед… громаднейший броненосец побеждался бы тогда маленькой торпедой».

Подводные пираты, рыскавшие в Черном море, были как бы овеществленной правдой этих пророческих слов.

«ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ» ДАЕТ БОЙ

На «Марию» возлагалось командованием слишком много надежд, и, хотя еще не все механизмы корабля были доведены до

боевого совершенства и к самостоятельным действиям линкор не совсем был готов, ему не было дано стоять в бездействии у стенки.

Через какие-то месяцы вахтенный журнал «Императрицы Марии» стал сводом боевых реляций с самых напряженных участков битвы на морском театре войны.

Уже 30 сентября 1915 года «Мария» вместе с крейсером «Кагул» и пятью эскадренными миноносцами прикрывает ударный отряд флота — вторую бригаду линейных кораблей «Евстафия», «Иоанна Златоуста» и «Пантелеймона», крейсеров «Алмаз» и «Память Азова», семь эсминцев, нанесших мощный удар противнику в юго-западной части моря. Более 1200 снарядов обрушили тогда корабли на Козлу, Зунгулдак, Килимли и Эрегли.

А потом было все: отражение атак немецких субмарин, тяжелые штормовые походы, ожесточенные бои, ответственнейшие операции.

В октябре на стороне кайзеровской Германии вступает в войну Болгария. Это был первый поход флота к болгарским берегам. 1—2 ноября «Мария» и «Кагул», держа под прицелом своих мощных орудий выходы из Босфора, прикрывают действия русской эскадры в Угольном районе, а 23—25 ноября она снова здесь. Моряки видят, как пылает вражеский порт Зунгулдак и стоящий на его рейде пароход. Эскадра стремительно прошла вдоль берегов Турции, потопив два неприятельских судна.

24—26 ноября — новый поход к берегам Болгарии.

У «Марии» появился уже и мощный собрат — однотипный линкор «Екатерина II», более известный нам под другим, данным ему после Февральской революции именем: «Свободная Россия». Встретившись с «Гебеном», он показал, что время безнаказанных действий для кайзеровского пирата прошло.

А боевой опыт самой «Марии» рос ото дня ко дню. 2—4 февраля она прикрывает эскадру, поддерживающую с моря наступление у Виче. Турки были отброшены тогда к Агине.

Потом — операция по переброске войск для усиления Приморского отряда. На «Марии» тогда держит флаг командующий флотом. Линкор прикрывает постановку мин у Констанцы, несет боевую и патрульную службу в море, а 29 февраля идет на перехват обнаруженного в Синопской бухте «Бреслау». Пирату тогда чудом удалось уйти, но 22 июля орудия «Марии» наконец настигают его. Правда, «Бреслау» отделался легкими повреждениями, но его крейсерская операция была сорвана. Преследуемый «Марией», «Бреслау» укрылся в Босфоре.

Говоря о главных задачах флота в 1914—1915 годах, историки отмечали, что они сводились в основном к нарушению

морских сообщений противника. И за это время Черноморский флот «потопил свыше 60 больших и 3100 мелких судов. Эти потери были невосполнимы для Турции».

Появление «Марии» и «Екатерины II» на коммуникациях означало также, что время безнаказанных действий на море «Гебена» и «Бреслау» кончилось: в первой половине 1916 года «Гебен» всего три раза рискнул высунуться из Босфора.

Одним словом, новые русские линкоры, уже успевшие причинить немцам великое множество неприятностей, становились для кайзеровского флота врагами номер один.

Над тем, как их уничтожить, ломали себе головы не только лучшие умы в Главном немецком морском штабе, но и в кабинетах руководителей тайной войны против России.

Но что же произошло на «Марии» и что узнали почтенные члены комиссии в первые же два дня после прибытия в Севастополь?

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЛИ ВАХТЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ

7 октября 1916 года город и крепость Севастополь были разбужены мощными взрывами, разнесшимися над притихшей гладью Северной бухты.

Люди бежали к гавани, и их глазам открывалась жуткая, сковывающая холодом сердце картина. Над новейшим линейным кораблем Черноморского флота — над «Императрицей Марией» поднимались султаны черного дыма, разрезаемые молниями чередующихся почти в запрограммированной последовательности взрывов.

В те страшные минуты было не до хронометража событий, но позднее по записям в вахтенном журнале стоящего неподалеку от «Марии» линкора «Евстафий» можно было проанализировать последовательность происходящего:

> «6 ч. 20 м. — на линкоре «Императрица Мария» большой взрыв под носовой башней.
>
> 6 ч. 25 м. — последовал второй взрыв, малый.
>
> 6 ч. 27 м. — последовали два малых взрыва.
>
> 6 ч. 30 м. — линкор «Императрица Екатерина» на буксире портовых катеров отошел от «Марии».
>
> 6 ч. 32 м. — три последовательных взрыва.
>
> 6 ч. 34 м. — три последовательных взрыва.
>
> 6 ч. 35 м. — последовал один взрыв. Спустили гребные суда и послали к «Марии».
>
> 6 ч. 37 м. — два последовательных взрыва.

6 ч. 40 м. — один взрыв.

6 ч. 45 м. — два малых взрыва.

6 ч. 47 м. — три последовательных взрыва.

6 ч. 49 м. — один взрыв.

6 ч. 51 м. — один взрыв.

6 ч. 54 м. — один взрыв.

7 ч. 00 м. — один взрыв. Портовые катеры начали тушить пожар.

7 ч. 01 м. — один взрыв. «Императрица Мария» начала погружаться носом.

7 ч. 08 м. — один взрыв. Форштевень ушел в воду.

7 ч. 12 м. — нос «Марии» сел на дно.

7 ч. 16 м. — «Мария» начала крениться и легла на правый борт».

Записи в вахтенном журнале «Евстафия» почти не разнились с аналогичными пометками в вахтенном журнале линкора «Императрица Екатерина»:

«6 ч. 19 м. — на линкоре «Императрица Мария» пробили пожарную тревогу.

6 ч. 20 м. — на линкоре «Императрица Мария» сильный взрыв в носовой части корабля. Команда начала бросать койки и бросаться в воду»…

Далее последовательность событий в вахтенных журналах «Евстафия» и «Императрица Екатерина» совпадала почти полностью. Разницу в минутах легко объяснить взволнованностью людей, наблюдавших развитие трагедии.

ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА ПОСЛЕ УТРЕННЕЙ ПОБУДКИ

Но это — общая схема событий. Комиссию же интересовали подробности.

Они были ужасными.

Через четверть часа после утренней побудки матросы, находившиеся рядом с первой носовой башней, обратили внимание на странное шипение, доносившееся из-под палубы.

— Что это? — спросил кто-то.

Ответить ему не успели: из люков и вентиляторов башни, из ее амбразур стремительно вырвались багровые языки пламени и черно-сизые всполохи дыма.

Оцепенение людей длилось секунды.

— Пожарная тревога! — закричал фельдфебель, стремительно отдавая команды. — Доложить вахтенному

начальнику! Пожарные шланги сюда!

По кораблю пронеслись тревожные сигналы пожарной тревоги. Все пришло в движение. По палубе стремительно раскатывали шланги, и вот уже первые упругие струи воды ударили в подбашенное отделение.

И тут произошло, казалось, непоправимое.

Мощный взрыв в районе носовых крюйт-камер, хранивших двенадцатидюймовые заряды, разметал людей. Упругий столб пламени и дыма взметнулся на высоту до трехсот метров. Как фанеру, вырвало стальную палубу за первой башней. Передняя труба, носовая рубка и мачта словно испарились, снесенные гигантским смерчем. Повсюду слышались крики и стоны искалеченных людей. За бортом «Марии» барахтались в воде выброшенные за борт ударной волной оглушенные и раненные матросы. К «Марии» спешили портовые баркасы.

В грохоте рушащихся надстроек метались офицеры и механики. Полуослепшие от бьющего в глаза огня, полузадохшиеся от едкого порохового дыма, они, пытаясь спасти то, что возможно, отдавали команды:

— Затопить погреба второй, третьей и четвертой башен!

— Принять шланги с баркасов! Доклады были малоутешительными:

— Освещение потухло! Электропроводка сорвана!..

— Вспомогательные механизмы не действуют! Паровая магистраль перебита!

— Пожарные насосы не действуют!

Горящие с гудящим пламенем длинные ленты артиллерийского пороха бенгальскими огнями рассыпались по палубе, вызывая то здесь, то там новые очаги пожара. Люди стремительно бросались к месту опасности. В дело шло все — одеяла, бушлаты, вода. А тут еще ветер гнал пламя прямо на еще не тронутые взрывом надстройки и башни.

— Завести буксир на портовый пароход! — скомандовал старший помощник. — Повернуть корабль лагом к ветру!

К семи часам утра людям показалось, что опасность миновала: пожар начал стихать. «Мария» накренилась, не имела дифферента на нос. Появилась какая-то надежда спасти корабль.

В семь часов одну минуту новый, еще более страшный, чем первый, взрыв потряс «Марию». Нос ее стал уходить под воду. Дрогнула задняя мачта, описывая в небе полукруг, и, перевернувшись вверх килем, «Мария» легла на дно.

Над бухтой пронесся крик ужаса. Корабли и баркасы поднимали из воды тех, кого еще можно было спасти.

К вечеру стали видны ужасающие размеры катастрофы: погиб

один из сильнейших кораблей. Инженер-механика, мичмана, двух кондукторов, 225 матросов убитыми потерял русский флот в этот роковой день. 85 тяжело раненных и обожженных моряков надолго, а многие навсегда покинули строй. Остальных членов команды «Императрицы Марии» удалось спасти.

Крылова долго преследовали страшные картины случившегося: «…В палубах, наверное, была масса убитых и обожженных… в полном мраке там царил неописуемый ужас… Вы скажете, что это мои фантазии, — да, но основанные на сотнях (более 400) показаний экипажа «Марии»…»

«КТО МОГ ПРОНИКНУТЬ В КРЮЙТ-КАМЕРУ?..»

Перед комиссией один за другим проходили люди. Все, кто хоть в какой-то мере мог прояснить случившееся.

Вопросы, задаваемые свидетелям, часто повторялись. Но лишь потому, что найти вразумительный ответ на них было почти невозможно.

— Кто мог проникнуть в крюйт-камеры, где хранился боезапас?

— На линкоре имелось два комплекта ключей от нее. Один, как положено, хранился, другой был «расходным».

— Что значит «расходным»?

— Он находился у старшего офицера и утром разносился дежурным по погребам.

— Кому еще выдавался на руки этот комплект ключей?

— Старшим башен или дневальным у погребов.

— И какое время он у них находился?

— Весь день до семи часов вечера или до окончания работ.

— Кому сдавались после этого ключи?

— Дежурному по погребам унтер-офицеру. А тот отдавал старшему офицеру.

— Где же в это время находился тот комплект ключей, который хранился «как положено»?

— Под охраной. И считался неприкосновенным.

— Был ли порядок хранения ключей обусловлен приказом по кораблю?

— Нет, такого приказа не было.

— Как — не было?

— Порядок установили в связи со сложившейся традицией…

Когда были опрошены десятки людей, Крылов сказал коллегам:

— А вы знаете, у меня сложилось впечатление, что для того, чтобы пройти в крюйт-камеры, вообще не нужно было иметь

никаких ключей. Причем доступ к зарядам был возможен в любое время дня и ночи.

— Каким образом?

— Судите сами. Люки бомбовых погребов снабжены крышками, которые должны быть всегда заперты на замок. На «Марии» же они не только не запирались — их не было совсем.

— Куда же они делись?

— Выясняется одно таинственное обстоятельство: их сняли под предлогом, что для удобства ручной подачи снарядов над люками были поставлены столы с отверстием…

— Час от часу не легче!

— А все это означает, что бомбовые погреба всегда открыто сообщались с крюйт-камерами. А в бомбовые погреба можно было запросто проникнуть, минуя запертый люк, из самой башни. Кроме того, в этой башне существуют лазы, через которые можно пройти к нижнему штыру. Штыр этот окружен кожухом. Помещение штыра отделяется им от крюйт-камеры. В кожухе же есть горловина из крюйт-камеры, закрываемая дверцей.

— Значит…

— Это еще не все… На «Марии» эта дверца не только не имела замка, но была снята совсем во всех башнях. Значит, из помещения штыра любой человек мог преспокойно проникнуть в крюйт-камеру…

— Это только ваши предположения?

— Нет, это объективные данные. Впрочем, мы все это можем проверить у свидетелей.

— Кого вызовем?

— Начнем с Урусова. Как-никак он старший артиллерийский офицер корабля.

УСТАВ И ЖИЗНЬ

Старший лейтенант князь Урусов казался безнадежно равнодушным и к тому, что произошло, и к тому, что его сейчас допрашивают. Видимо, переживания и боль последних дней что-то надломили в его душе. Отвечал он монотонно, словно повторяя уже не раз рассказанное им другим:

— Да, я старший артиллерийский офицер корабля… То, что предполагает господин Крылов, правда. Люк в крюйт-камере из бомбового погреба действительно не запирался. Я не помню, была ли сделана крышка и, следовательно, предполагалось ли запирать ее. Подробности сейчас не вспомнишь, — Урусов удрученно развел руками, — все происшедшее — как дурной сон… Но, вероятно, я просто не приказывал эту крышку сделать или

приказал снять ее.

— Для чего?

— Через люк производилась ручная подача зарядов. Для облегчения ее над люками были сделаны деревянные столы с отверстиями для подачи.

— Но ведь все это открывало доступ возможному злоумышленнику в погреба.

Урусов тяжело вздохнул.

— Врать не хочу, но этому обстоятельству я не придавал значения… Вернее, — уточнил он, — не подумал об этом…

Члены комиссии переглянулись. Версия Крылова подтверждалась даже в мелочах.

— Но как такое все же стало возможным? — спросил Крылов вызванного после Урусова старшего офицера, капитана 2-го ранга Городысского.

Тот усмехнулся:

— Устав — это устав, а жизнь — это жизнь. Требования устава подчас расходятся с требованиями, предъявляемыми каждой минутой жизни корабля. Попытки совместить их у нас, на «Марии», почти всегда были болезненными и производили впечатление тормозящего дело педантизма…

— Вот и попробуй разберись во всем этом! — ворчал Крылов, когда Городысский покинул каюту.

Но разобраться «во всем этом» было необходимо, и комиссия продолжала работу.

МАСТЕРОВЫЕ С ПУТИЛОВСКОГО

— Кто, кроме членов команды, бывал на корабле?

— На «Марии» немало незавершенных работ. Поэтому, когда линкор стоял на якоре, на нем работало до ста пятидесяти мастеровых от разных заводов.

— Какие работы были так или иначе связаны с погребами? Особенно с первой башней?

— В бомбовом погребе первой башни работали четверо мастеровых Путиловского завода.

— Чем они занимались?

— Устанавливали лебедки.

— В какие часы?

— Приходили они на «Марию» примерно в семь тридцать. Заканчивали работу в шестнадцать часов. Правда, были в этом смысле и исключения: экстренные и ночные работы.

— Как проверялись люди, допускаемые на корабль?

— Теперь можно сказать — плохо. Поименной проверки на

берегу не велось. После прибытия людей на борт уточнялось лишь их число. Поименные же списки представлялись старшим из мастеровых каждой партии.

— Значит, при такой системе один человек или даже группа людей могла не только проникнуть на корабль под видом мастеровых, но и оставаться там столько, сколько им могло понадобиться?

— Выходит, что так…

Все происходящее начинало уже напоминать членам комиссии бег на месте. Дело не только не становилось более ясным, но все более и более запутывалось.

Установить истину было невозможно: многие погибли, другие всё помнили лишь приблизительно. При существовавших на корабле порядках удивляться тут было нечему, и комиссия за неимением более точных данных, посовещавшись, вынуждена была записать в решении:

> «…Показания мичмана Мечникова, на вахте которого съехали последние четыре мастеровых Путиловского завода, работавшие в бомбовом погребе 1-й башни, находятся в противоречии с показаниями нескольких нижних чинов, которые утверждают, что в ночь с 6-го на 7 октября после 10 ч. вечера они видели двух мастеровых. Установить в точности справедливость этого показания или опровергнуть его не представляется возможным».

Клубок не распутывался. Нити, за которую можно было «потянуть», не было.

16 октября комиссия закончила свою работу. Председатель и старший член ее адмирал Маньковский поехали отдохнуть в Ялту. Крылов засел за следственное заключение. 19 октября он уже представил его главному морскому прокурору, сенатору генералу Матвеенко, включенному к тому времени в состав комиссии. Матвеенко прочел заключение и целиком его одобрил.

ТРИ ВЕРСИИ НА ВЫБОР

Петербург встретил их ледяным ветром с Невы и мокрым талым снегом.

Настроение у Крылова было под стать этой погоде. Особенно после доклада у министра.

Тот хмуро выслушал членов комиссии. Перелистал папку, на обложке которой каллиграфическим почерком писаря было

выведено: «Заключение Следственной комиссии по делу о гибели линейного корабля «Императрица Мария».

— Кто автор? — Министр постучал пальцем по столу.

— Крылов… Но после обсуждения принято комиссией единогласно для дальнейшего направления…

— Что ж, оставьте…

Министр только старался казаться равнодушным. Как только члены комиссии покинули его кабинет, он начал скрупулезно изучать дело.

В докладе подробно описывалось все, что произошло на «Императрице Марии».

Причины? Комиссия останавливалась на трех возникших у нее версиях:

> «1. Самовозгорание пороха.
> 2. Небрежность в обращении с огнем или порохом.
> 3. Злой умысел».

Рассмотрев подробно первую версию, комиссия пришла к выводу, что «обстоятельств, при которых известно, что может произойти самовозгорание пороха, не обнаружено». А потому «предположение о самовозгорании пороха является маловероятным».

По версии второй комиссия высказывалась менее категорично, отмечая «некоторую допустимость предположения о возможности возникновения пожара от небрежности или грубой неосторожности».

Всем известная научная добросовестность Крылова заставила его сделать здесь следующую оговорку:

> «Из всей прислуги, находившейся в первой башне, спасся тяжко обожженным лишь один человек, и, значит, высказанное допущение остается лишь маловероятным предположением, причем нельзя даже утверждать, был ли кто-либо в это время в крюйт-камере или нет».

Соображения по версии третьей были перечитаны министром три раза.

> «Комиссия считает необходимым разобрать и третье предположение…
>
> *Злой умысел* — вероятность предположения не может быть оцениваема по каким-либо точно установленным обстоятельствам. Комиссия считает лишь необходимым указать на сравнительно легкую

возможность приведения злого умысла в исполнение при той организации службы, которая имела место на погибшем корабле:

а) крюйт-камеры заперты не были, ибо в них всегда был открыт доступ из самой башни;

б) башня вместе с зарядным отделением служила жилым помещением для ее прислуги в числе около 90 человек, следовательно, вход и выход из башни кого-либо, особенно в форменной одежде, не мог привлечь ничьего внимания;

в) чтобы поджечь заряд так, чтобы он загорелся, например, через час или более после поджога и этого совершенно не было видно, не надо никаких особенных приспособлений — достаточно самого простого обыкновенного фитиля; важно, чтобы злоумышленник не мог проникнуть в крюйт-камеру, после же того, как он в нее проник, приведение умысла в исполнение уже никаких затруднений не представляет;

г) организация проверки мастеровых не обеспечивала невозможность проникновения на корабль постороннего злоумышленника, в особенности через стоявшую у борта баржу; проникнув на корабль, злоумышленник имел легкий доступ в крюйт-камеру для приведения своего замысла в исполнение».

Итак, выводы? К каким выводам они пришли? Последние страницы дела министр отчеркнул красным карандашом.

«Сравнив относительную вероятность сделанных трех предположений о причинах возникновения пожара, комиссия находит, что возможность злого умысла не исключена, приведение же его в исполнение облегчалось имевшими на корабле место существенными отступлениями от требований по отношению к доступу в крюйт-камеры и несовершенством способа проверки являющихся на корабль рабочих».

«Невесело, — подумал министр. — Что же получается? Выбирай любую версию. По вкусу».

Рассмотрев все три версии, комиссия приходила к выводу, что

«прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя

выяснившиеся при следствии обстоятельства».

Исписана гора бумаги, а единственно верная причина так и не найдена.

Туман… Сплошной туман. Рассеется ли он когда-нибудь?!

«ПЛЕМЯННИЦА» ГРИШКИ РАСПУТИНА

За три месяца до гибели «Императрицы Марии» командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард получил записку, весьма смахивающую на ультиматум:

> «Мы тебя знаем и верим тебе, но если ты хочешь преуспеть, должен подчиниться нашей воле.
>
> *Григорий Распутин».*

Адмирал не привык к ультиматумам: он отослал записку. Адмирал еще не понимал в полной мере, чем рискует и какие последствия сей поступок может иметь.

Как раз в это время Крылову знакомый, близкий к бывшему министру финансов и премьеру Коковцеву, передал рассказ Коковцева: «Ко мне навязывался Гришка (Распутин. — *А. Е.*) и все хотел о чем-то переговорить, я отнекивался. Докладываю царю, он и говорит:

— Владимир Николаевич, с вами хотел бы переговорить Григорий Ефимович, назначьте ему время.

Высочайшее повеление! Назначил день и час приема и нарочно пригласил сенатора Мамонтова. Приехал Гришка, поздоровался, сел в кресло, начал бессодержательный разговор… Затем говорит:

— Я хотел с тобою… по душам поговорить, а ты сенатора пригласил, ну, бог с тобой, прощевай.

На следующем докладе спрашивает меня царь:

— Что, у вас Григорий Ефимович был?

— Был.

— Какое произвел на вас впечатление?

— Варнак (каторжник. — *А. Е.*).

— У вас свои знакомые, а у меня свои. Продолжайте доклад.

Этот доклад был последним…»

Через неделю Коковцев получил отставку. Эбергард переоценил свои силы.

Распутин, казалось, вначале проглотил обиду. Но вскоре Эбергарду вручили новое послание:

«Посылаем тебе наше благословение — образок. Ты же, в знак подчинения нашей воле, должен жениться на нашей племяннице, ныне проживающей в Севастополе (прилагался адрес. — *А. Е.*)…

Григорий Распутин».

Эбергард вызвал адъютанта и, вручая ему записку Распутина, срывающимся от ярости голосом приказал:

— Адрес здесь имеется. Чтоб этой «племянницы» через двадцать четыре часа в Севастополе не было. Это — приказ…

Через несколько дней Эбергарду было предложено сдать командование флотом вице-адмиралу Колчаку, охарактеризованному историком достаточно красноречиво:

«Ярый монархист, близкий к реакционным кругам Ставки и Морского министерства».

История с «племянницей» явно приобретала иную окраску. Судьба «племянницы» Распутина больше не волновала. Значит, он кому-то расчищал путь. Но кому?

Как выяснилось впоследствии, женщина, на которую указывал в своих записках Распутин, была связана с прогерманскими петербургскими кругами, а значит, и с германской разведкой.

О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛОСЬ В ЗАКЛЮЧЕНИИ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Когда читаешь заключение комиссии, обращает на себя внимание своего рода «локальность» выводов по третьей версии. Каждому, кто сейчас возьмет дело о гибели «Марии» в руки, станет ясно, что элементарная логика требовала расширения заключения и распространения выводов на более широкие и важные явления и события, чем гибель корабля сама по себе.

Почему такого не случилось, хотя все нити вели явно в распутинский кружок? Мог ли Крылов или любой другой член комиссии не знать о том, о чем знал в Петербурге любой самый заурядный чиновник, — о всемерном покровительстве всему прогерманскому при дворе и о роли, которую играл там Распутин? Конечно, нет! Во флотских кругах был широко известен хотя бы разговор Александры Федоровны с командиром царской яхты «Штандарт» Саблиным, в котором императрица прямо сказала, что даже такой человек, как «верховный главнокомандующий» Николай Николаевич был низвергнут по

указанию «нашего друга» — Распутина.

Официальные выводы о высоких покровителях германского шпионажа, даже родись они в голове у всех членов комиссии (а не думать об этом они, конечно, не могли), были в 1916 году попросту нереальными.

В книге «Мои воспоминания» Крылов уже ничему не удивляется. Особенно после того, как прочел опубликованные после революции переписку между царицей, бывшей в Царском Селе, и царем в Ставке, и дневник французского посла Палеолога.

> «Эти две книги, — гневно пишет Крылов, — надо читать параллельно, с разностью примерно в 4—5 дней между временем письма и дневника. Видно, что письма царицы к царю перлюстрировались и их содержание становилось известным. Например, царица пишет: «Генерал-губернатор такой-то (следует фамилия), по словам нашего друга (Григория Распутина. — *А. Е.*), не на месте, следует его сменить». У Палеолога дней через пять записано: «По городским слухам, положение губернатора такого-то пошатнулось, и говорят о предстоящей его смене».
>
> Еще через несколько дней: «Слухи оправдались, такой-то сменен, и вместо него назначен Х».
>
> Но это еще не столь важно, но вот дальше чего, как говорится, идти было некуда. Царица пишет: «Наш друг (Григорий Распутин. — *А. Е.*) советует послать 9-ю армию на Ригу, не слушай Алексеева (начальник штаба верховного главнокомандующего при Николае II. — *А. Е.*), ведь ты главнокомандующий», и в угоду словам «нашего друга» 9-я армия посылается на Ригу и терпит жестокое поражение».

Позднее об обстановке, в которой работала тогда германская разведка в России, в фундаментальном труде «Пять столетий тайной войны» будет сказано: «Развитию немецкого и отчасти австрийского шпионажа в царской России способствовало несколько благоприятных условий», и в том числе «сильное германофильское течение при дворе. Оно концентрировалось вокруг царицы-немки, которая могла вертеть как хотела жестоким и тупым деспотом, носившим имя Николая II», и «существование большого числа немецких поселенцев, в частности в юго-западном крае». Историки подсчитали, что

> «в первом десятилетии XX века в царской России действовало более дюжины крупных организаций,

созданных немецкой и австрийской разведкой… Русская контрразведка имела данные о большинстве немецких шпионских групп. Но все же факторы, о которых говорилось выше, помогли немецкой агентуре уйти из-под удара».

В этой же фундаментальной работе дан подробный рассказ о том, какой воистину огромный размах приобрели действия немецких и австрийских диверсантов, старавшихся любой ценой вывести из строя наиболее мощные корабли союзных флотов.

«Главой диверсантов, — рассказывается в книге, — был некто Луиджи Фидлер. И он и его люди долго жили в населенных итальянцами областях Австро-Венгрии и в совершенстве говорили по-итальянски. В арсенале военной базы в Поле были изготовлены адские машины, замаскированные под бочонки с нефтью и краской, консервные банки и другие вещи».

Фидлер разработал даже план взрыва итальянских подводных лодок около Таранто. Но диверсанты попались с поличным.

Изучаем другие документы эпохи — картина та же. Скажем, в материалах следствия, проведенного следователем по особо важным делам о «возможности доставления на территорию России подрывных снарядов». В ходе следствия выяснилось, что эти «подрывные снаряды» шли многими путями, и, в частности, через Швецию. «Особенно интенсивно транзит «адских машин» происходил в районе Северного Кваркена и у станции Корпикюля». У обвинявшихся в совершении диверсионных актов было найдено немало таких зарядов, выполненных в виде небольших подрывных патронов, легко переносимых и маскируемых.

Нет, история гибели «Марии» в свете всех этих и многих других фактов приобрела бы, получи возможность комиссия располагать приведенными здесь нами материалами, совсем иное и весьма определенное толкование.

«СТРАННЫЕ» ВЗРЫВЫ ИЛИ ПРОДУМАННАЯ АКЦИЯ?

Серия таинственных взрывов взбудоражила тогда общественное мнение.

В ночь со 2-го на 3 августа 1916 года на внутреннем рейде в Таранто взлетел на воздух новейший линейный корабль итальянского флота «Леонардо да Винчи».

11 августа 1916 года раздался взрыв на бельгийском

пароходе «Фрихандель». Сработала адская машина, подвешенная на медной проволоке под трапом.

В тот же день и почти одновременно с «Фрихандель» взорвалась в 9 часов 30 минут (здесь — в 10) в порту Шескюль на рейде «Маньчжурия»: сработал заряд, спрятанный внутри корпуса у левого борта на дне трюма сзади переборки машинного отделения.

7 октября пришла очередь «Императрицы Марии».

8 ноября 1916 года взрыв разнес транспорт «Барон Дризен» на рейде в Архангельске…

Не слишком ли много «случайных» и «странных» взрывов? И не направляла ли их одна злая воля? Сопоставим авторитетные свидетельства и проанализируем обстоятельства этих, казалось бы, никак не связанных друг с другом катастроф.

В книге Х. Вильсона «Линейные корабли в бою 1914—1918 гг.» завеса над тайной «странных» взрывов уже немного приподнимается: 27 сентября, говорит исследователь, в Бриндизи погиб от пожара и внутреннего взрыва итальянский линейный корабль «Бенедетто Брин», на котором погиб 421 человек, в том числе контр-адмирал Рубин де Червин.

> «Впоследствии выяснилось, что причиной взрыва было предательство: подкупленные австрийцами матросы поместили в один из погребов адскую машину».

В ночь на 2 августа 1916 года на линейном корабле «Леонардо да Винчи», стоявшем на якоре в Таранто, начался пожар, и после ряда взрывов он затонул; 203 моряка погибло, 80 — ранено.

> «Подробное расследование, — рассказывает Х. Вильсон, — показало, что его гибель была результатом измены».

Но что думают по этому поводу другие специалисты?

В ноябре 1916 года, как пишет К. П. Пузыревский в своем фундаментальном труде «Повреждение кораблей от артиллерии и борьба за живучесть», на причины гибели «Леонардо да Винчи»

> «был пролит свет. Следственные органы посредством длительного и более обстоятельного расследования напали на след большой шпионской германской организации, во главе которой стоял видный служащий папской канцелярии, ведавший папским гардеробом. Был собран большой обвинительный материал, по которому

стало известно, что шпионскими организациями на кораблях производились взрывы при помощи особых приборов с часовыми механизмами с расчетом произвести ряд взрывов в разных частях корабля через очень короткий промежуток времени, с тем чтобы осложнить тушение пожаров».

Не правда ли — полная аналогия тому, что произошло на «Марии»? Но ни Крылов, ни другие члены Следственной комиссии тогда еще не знали этих подробностей.

Между тем картина всех этих диверсий до мельчайших деталей совпадала со всем случившимся на «Марии». Изучим еще один материал:

«8 ноября 1916 года в 13 часов в Бакарице (район Архангельска. — *А. Е.*) на разгружавшемся транспорте «Барон Дризен» «от неизвестной причины» произошел взрыв в носовой части, где находились сложенные артиллерийские снаряды. Перед началом первого взрыва на корабле был слышен слабый звук, напоминавший выстрел из охотничьего ружья. Вследствие начавшегося пожара в кормовой части транспорта произошел второй взрыв невыгруженного тротила. Далее последовало еще несколько сильных взрывов, которые разнесли транспорт, превратив его в обломки, разлетевшиеся на большие расстояния: они были найдены на путях железной дороги».

Замени в этом свидетельстве название корабля «Барон Дризен» на другое — «Императрица Мария», — и все будет точно соответствовать уже известным нам обстоятельствам гибели линкора.

Один из авторитетнейших исследователей аварий и взрывов кораблей в период первой мировой войны К. П. Пузыревский, работу которого А. Н. Крылов назвал «ценным вкладом в кораблестроительную литературу», исследуя причины катастрофы на «Марии», также приходит к выводу, что здесь имел место «злой умысел» (см. *К. П. Пузыревский,* «Повреждение кораблей от артиллерии и борьба за живучесть». Судпромгиз, 1940, стр. 288).

Сам Крылов принадлежал к тем людям, которые не могут успокоиться на версиях, допускающих самые различные толкования. Чем больше размышлял он над катастрофой «Марии», тем сильнее утверждался в предположении, что, вероятнее всего, здесь имел место третий, высказанный как

предположение комиссией случай — диверсия.

Ход раздумий «адмирала корабельной науки» прослеживается уже по изменениям, которые он вносил в текст очерка «Гибель линейного корабля «Императрица Мария». Написанный в 1916 году и по цензурным соображениям не могущий тогда появиться в печати, он впервые увидел свет в малотиражном сборнике «Эпрон» в 1934 году, а затем вошел в первое издание книги «Некоторые случаи аварии и гибели судов» (1939). При включении очерка во второе издание (1942) к нему были присоединены «Примечания» Крылова, взятые из его же сообщений в заседаниях Следственной комиссии, напечатанных в ее протоколах.

Крылов писал, что за время с начала войны 1914 года «по причинам, оставшимся неизвестными», взорвались в своих гаванях три английских и два итальянских корабля:

> «Если бы эти случаи были комиссии известны, относительно возможности «злого умысла» комиссия высказалась бы более решительно».

Архивные документы позволяют восстановить картины этих диверсий даже в мельчайших деталях.

ЭЛЕКТРИК С «БЕНЕДЕТТО БРИН»

23 мая 1915 года в роскошный кабинет главы австро-венгерской торговой фирмы «Поликан» Теодора Вимпфена в Цюрихе вошел малопримечательный молодой господин. Усевшись в кресла друг против друга, хозяин и гость некоторое время молчали.

— Вы, конечно, знаете, что сегодня утром Италия объявила войну Австро-Венгрии и Германии?

— Конечно.

— Настало время действовать.

— Объект «выключатель»?

— Он самый.

— Будет исполнено…

— Отлично… Это — на предварительные расходы, — Вимпфен протянул гостю пачку кредиток. — Но деньги любят счет, — рассмеялся Теодор. — Напишите расписку.

Пока молодой человек писал расписку, Теодор Вимпфен, он же капитан 1-го ранга Австро-Венгерского флота, он же агент австрийской разведки № 111 по кличке «Майер», еще раз разглядел гостя. «Нет, пожалуй, такой справится… Молод,

энергичен, любит деньги…»

— План будет таким, — начал Майер, спрятав расписку в карман. — Вас знают как представителя генуэзской торговой фирмы по ввозу электротоваров… Сейчас начался так называемый «патриотический угар». — Майер улыбнулся. — Им мы и воспользуемся. Завтра же будьте на призывном пункте. Как электрику вам ничего не стоит попасть на флот. А там выходите на главную цель — линкор «Бенедетто Брин»… Как-никак эта посудина имеет тринадцать с половиной тысяч тонн водоизмещения, восемьсот человек команды. Да и вообще — это грозный противник… Повторяю — на мелочи не разбрасываться. Главная цель — «Бенедетто Брин»…

2 августа 1916 года страшный взрыв, поднявший в воздух двенадцатидюймовую орудийную башню, расколол «Бенедетто Брин». Корабельного электрика на борту линкора не оказалось. Накануне он «случайно» попал на гарнизонную гауптвахту. Мощный линкор, 454 человека команды и сам адмирал де Червин перестали существовать.

ГОСПОДИН ТАНДЕНФЕЛЬД И «ДОРОГОЙ КОЛЯ»

Усмехнувшись, человек еще раз перечитал полученное утром письмо:

> «Дорогой Коля, план удался, тетя на брак согласилась. Конечно, перевозки вещей не избежать; но я достал справки. Все обойдется не дороже 500 руб.; передам подробности лично. Опущу это письмо на вокзале, и во вторник получишь его не позже 5 часов дня. Целую тебя, твой
>
> *Андрей».*

— Это нашли при обыске? — Начальник одного из отделов русской морской контрразведки встал из-за стола.

— Да. Агент пытался письмо уничтожить. Пришлось применить силу…

— Расшифровать удалось?

— Пока нет. Работаем.

— Послушайте… — Начальник задумался, вспоминая что-то. — Помните дело Вернера?

— Да.

— Помните, тогда для расшифровки они применяли транспарант. Какие-то слова им закрывались, и оставался нужный текст.

— А это идея! Сейчас попробуем, покомбинируем…

Через час в кабинете раздался звонок.

— Записка расшифрована.

— Читайте.

— «План достал. Обойдется 500 руб. Передам лично на вокзале во вторник в 5 часов».

— Но ведь сегодня вторник!

— Да. И уже два часа дня.

— Быстро людей на вокзал! И не спугните…

— Слушаюсь…

Вечером на стуле перед следователем сидел благообразный пожилой господин. Вероятно, он решил, что выложить все начистоту — его единственный шанс сохранить жизнь.

— Ваше главное задание?

— Взрыв линейного корабля «Полтава»…

История «Марии» выглядит совсем иным образом, если ее поставить в ряд с другими тревожными фактами активизации деятельности германской морской разведки, о которых мог не знать Крылов, но которые не могли не быть известными во всяком случае Генеральному штабу.

Как мы только что рассказали, русской контрразведкой был взят с поличным — со взрывчаткой — немецкий агент финн Танденфельд. На следствии выяснилось, что его главное задание — взрыв линкора «Полтава». Диверсия была предотвращена лишь благодаря энергичным действиям контрразведчиков.

По другому аналогичному делу проходил человек, имевший задание взорвать миноносец «Новик» — корабль новейшей постройки, обладающий среди судов Балтийского флота наибольшей скоростью. За диверсию была назначена даже сумма вознаграждения — 50 тысяч рублей.

Но не всегда преступную руку удавалось схватить вовремя, и вот уже взрыв разламывает в Белом море пароход «Барон Дризен», немецкие агенты проникают во Владивостоке на суда Добровольческого флота, гибнет «Императрица Мария».

ПОСЕТИТЕЛЬ, ПОЖЕЛАВШИЙ ОСТАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ

— Мне нужно видеть директора… — Посетитель говорил с сильным иностранным акцентом.

— Он сейчас занят, — ответил научный сотрудник Центрального военно-морского музея в Ленинграде, что расположен в здании бывшей фондовой биржи. — Может быть, я

смогу быть вам полезен?.. Директор освободится через полчаса. У него совещание.

— Ничего, — улыбнулся посетитель. — Я подожду… Хотя, как это по-русски — «Ждать и догонять — хуже некуда».

— Почти так, — подтвердил сотрудник и развел руками. — Тогда могу вам только предложить осмотреть наши коллекции.

— Гут! То есть карашо! Я согласен.

Человек в форме иностранного моряка отошел в сторону и с любопытством начал разглядывать старинные бронзовые пушки времен Петра I, огромную модель «Потемкина» и надолго задержался у витрины, где на синем бархате лежали закладные серебряные доски линейных кораблей «Гангут» и «Императрица Мария».

Потом внимание его привлекли находившиеся рядом экспонаты, относившиеся к периоду первой мировой войны: спасательный круг с германского броненосного крейсера «Фридрих-Карл», взорвавшегося на русских минах, спасательный круг с крейсера «Паллада», участвовавшего в захвате германского крейсера «Магдебург», и трофейный компас с «Магдебурга», реликвии с подводного линейного заградителя «Краб», кораблей «Новик» и «Сивуч», спасательный пояс с немецкого миноносца «76».

— Это все, — пояснил сопровождавший иностранного моряка сотрудник, указывая на пояс, — что осталось от семи новейших немецких миноносцев, подорвавшихся на русских минах в одну ночь, которую немцы назвали «Черной ночью немецкого флота»…

— О, я немного знаком с историей того времени, — хмуро ответил гость. — Кстати, герр директор еще не освободился?..

Сотрудник взглянул на часы.

— Видимо, совещание уже закончилось. Пойдемте, я вас провожу.

По длинным переходам, где в застекленных шкафах стояли модели старинных парусных кораблей, они прошли в кабинет директора. Из кабинета выходили люди.

— Мы как раз вовремя, — заметил сотрудник. — Прошу…

— Чем могу служить? — Директор поднялся из-за стола.

— Я хотел бы поговорить… как это… инкогнито…

— Вы хотите сказать — один на один?

— Именно…

— Ну что же, оставьте нас, Сергей Павлович! — Директор улыбнулся сотруднику. — Видимо, у гражданина есть на то какие-то причины…

Далее посетитель повел себя более чем странно.

— С кем имею честь? — спросил его директор, когда

сотрудник вышел.

— Это не столь важно… Не имеет значения, — пояснил гость. — Я имею к вам деловой предложений…

— Слушаю вас.

— Я только что рассматривал в витрине закладную доску линкора «Императрица Мария»… Я мог бы обогатить вашу экспозицию… — Он вынул из кармана несколько снимков и разложил их на столе директора.

— Это же «Мария»! — удивленно воскликнул тот.

— Да, — удовлетворенно согласился гость. — Она самая. Вернее — ее гибель. Катастрофа, так сказать, во всех ее фазах. Это уникальные снимки… Никто и никогда вам снова их не предложит.

— Но откуда они у вас?

— Это тоже не имеет значения… Таковы обстоятельства… Я продаю — вы покупаете. Ничего большего я, к сожалению, сообщить вам не имею права…

Музей купил снимки.

Посетитель ушел, так и не назвав ни своей фамилии, ни источника, откуда к нему пришли уникальные фотокадры…

Вот когда карты сошлись. Увиденные мной в Морском музее фотографии были копиями тех, кенигсбергских. Как они попали в Кенигсберг? Ясно — их мог привезти сюда только разведчик. Немец, живший в Кенигсберге, не мог сделать таких снимков ни «на память», ни получить в качестве «сувенира»: между Германией и Россией в то время, когда снимки были сделаны, шла война.

Подтверждения к этим своим раздумьям я нашел и в комментариях к очерку Крылова, опубликованном во втором издании его книги «Некоторые случаи аварии и гибели судов».

> «…Линейный корабль «Императрица Мария» стал жертвой диверсионного акта со стороны германских шпионов».
>
> «Гибель «Императрицы Марии» от германской диверсии не предположение, а вполне обоснованный факт. Подтверждением этого может служить, в частности, следующий случай. Однажды в Военно-морской музей явился неизвестный иностранный морской офицер и предложил коллекцию фотографий «Императрицы Марии», произведенных в момент гибели корабля.
>
> Заключение экспертизы, последовавшее за изучением снимков, не допускало двух толкований: «Подобную серию снимков могли сделать лишь люди,

знавшие день и час замышлявшейся диверсии, иначе говоря — участники диверсионного акта».

«Действительно, — прокомментировал мне снимки и сложившуюся в связи с их находкой ситуацию один из крупнейших фотоэкспертов, — происхождение этих снимков не может вызвать двух толкований. Во-первых, кто бы разрешил фотолюбителю фотографировать в военное время Северную бухту Севастополя, где стояли военные корабли? Никто. Тем более что все газеты кричали тогда о германском шпионаже. Такой человек немедленно обратил бы на себя внимание и был бы задержан. Во-вторых, для того чтобы сделать такую серию, нужно заранее выбрать и точку съемки, и иметь необходимое количество пленки. В-третьих, трудно представить себе фотолюбителя, ежели бы даже такой нашелся, который бы встал ни свет ни заря к утренней побудке на кораблях, когда произошел взрыв, чтобы сделать снимки, которые можно спокойно сделать днем, при гораздо лучшем освещении».

Нет, фотолюбительство здесь исключалось.

Вот когда стали в один ряд оказавшиеся совершенно идентичными находки у Королевского замка в Кенигсберге и снимки, предложенные Морскому музею таинственным посетителем, пожелавшим остаться неизвестным.

Видимо, для этого у него были достаточно веские причины…

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ И ВТОРАЯ СМЕРТЬ

Но что же стало с самой «Императрицей Марией»?

История ее, как мы знаем, должна была иметь продолжение: когда Крылов, расследовавший причины катастрофы, вернулся в Петербург, он был назначен председателем организованной при Морском техническом комитете комиссии для проектирования мер к подъему «Марии».

Нужен был проект максимально экономичный и оперативный: кто мог знать тогда, сколько протянется война, а морское дно для новейшего линкора в такой ситуации — не лучшее местонахождение. «Мария» должна была вернуться в строй.

Крылов мыслил все это себе следующим образом:

«Корабль поднимался вверх килем нагнетанием в него воздуха, в этом положении вводился в сухой док,

где предполагалось заделать люки, кожухи дымовых труб, повреждения и всякие отверстия борта и палуб, затем после всех исправлений корабль вверх килем выводился из дока, накачивалась вода в междудонные отсеки, и корабль самым небольшим усилием переворачивался в нормальное положение».

Но даже смелым и талантливым проектам не всегда дано сразу осуществиться. Войны, мятежи и революции сотрясали страну. О «Марии» снова вспомнили не скоро.

Водолазы, осмотревшие «Марию», нашли ее в плачевном состоянии. Некогда прекрасный корабль зарос тиной и ракушечником. От дна до верха палубы по длине 115 футов легла образованная взрывом котловина, края которой касались обоих бортов линкора. Корабль опрокинулся. На дне, как сказочные чудовища, лежали огромные орудийные башни, выпавшие из корпуса.

Изучив проект А. Н. Крылова, инженер Г. Н. Сиденснер, которому поручили руководить работами, взял его за «рабочую основу». При помощи сжатого воздуха, нагнетаемого в корпус, «Марию» подняли и поддерживали на плаву до мая 1919 года.

21 мая 1919 года тысячи севастопольцев, облепивших склоны Северной бухты, видели, как мощные портовые буксиры «Водолей», «Пригодный» и «Елизавета» осторожно повели «Марию» в док.

Инженеры еще раз осмотрели здесь корабль. Неожиданно обнаружилось, что 130-миллиметровые пушки линкора хорошо сохранились.

Разруха, голод, гражданская война — тяжелое было время.

Устанавливали «Марию» в доке, когда в Севастополе была Красная Армия. А скоро «Мария» увидела других гостей: линкор пожаловал осмотреть сам Деникин…

Наступали и откатывались армии, по всей стране полыхала гражданская война, лилась кровь, а «Мария» продолжала стоять в доке. Существовали десятки проектов определения ее судьбы. Но если отбросить самые нелепые и фантастические из них, то, судя по официальной переписке тех лет, в основном предлагалось: 1. Восстановить «Марию» как линейный корабль. 2. Превратить ее в коммерческий пароход. 3. В зерновой или угольный склад. 4. Разобрать судно в доке и использовать его как сырье для заводов.

Но к Крыму подходила Красная Армия, и, перед тем как уйти, врангелевцы затопили док.

Севастополь снова стал советским. Но могла ли молодая

республика думать тогда о строительстве линейных кораблей, когда средств не хватало на самое необходимое!

Осенью 1922 года док подняли. «Марию» вывели из него, отбуксировали к тому месту, где когда-то, во времена далекой Крымской войны, чтобы преградить врагу путь, легла на дно гордая парусная эскадра, и снова затопили. В этой грустной акции по долгу службы принял участие и молодой тогда инженер Романов.

Корабли — это не просто куски мертвого железа. Это и память, и история, и человеческие судьбы. Прекрасные, как море, и, как море, бессмертные.

ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

Год 1916-й и год 1970-й…

Кажется, целая вечность разделяет эти рубежи. Но тайны истории имеют свойство не всегда оставаться тайнами. Время часто разматывает клубок казавшихся современникам неясных, туманных обстоятельств, по-новому заставляет взглянуть на уже известные, но в свое время необъяснимые факты и обстоятельства.

Так случилось, к счастью, и с тайной линейного корабля его императорского величества флота «Императрицей Марией». Тайна «Императрицы Марии» до последних дней считалась неразгаданной. Даже в таком авторитетном издании последнего времени, как исторический очерк «Черноморский флот», изданном Воениздатом в 1967 году, в связи с этим сказано:

> «7 октября в Северной бухте Севастополя взорвался и затонул линейный корабль «Императрица Мария». Причина катастрофы осталась неизвестной»
>
> *(стр. 88).*

В другом фундаментальном труде, «Флот в первой мировой войне» (Воениздат, М., 1964, т. 1, стр. 511), вероятно, за недостаточностью данных авторы вообще ушли от разговора о причинах гибели линкора. Здесь читателю предложена весьма туманная формулировка:

> «Тяжелым событием для флота была катастрофа, повлекшая гибель линейного корабля «Императрица Мария».

Ареф Сергеевич Романов как-то горько пошутил:

— Есть какая-то символика в том, что одна из Романовых, императрица Мария, и линкор имели одинаковые имена. Как будто над обоими ими тяготел рок…

В известном смысле основания для такой иронии, как мы видели, были. В трагедии «Марии», как в фокусе, сходятся нити продажности, коррупции, разложения императорского двора последних Романовых, сделавшие возможной безнаказанную и легкую работу германской разведки в те годы. Над «Марией» действительно висели мрачные тени Марии Федоровны Романовой, Григория Распутина, продажных сановников двора его императорского величества, всей той доживающей последние дни камарильи, которую смела революция.

СОПКИ НАД МУРМАНСКОМ, ИЛИ ЛЮДИ И КОРАБЛИ

Сопки над Мурманском курились золотом, но здешняя осень не похожа на подмосковную: чувствуется дыхание спускающихся все ниже и ниже с высоких широт льдов.

Когда машина, миновав музей с мемориальной стеной-памятником «Ермаку» — гигантским якорем, поднятым на каменные глыбы, — взлетела на сопку, внизу широко распахнулся залив с сотнями больших и малых кораблей, траулеров, рефрижераторов, буксиров. Воздух был неподвижен, как застывшее голубоватое стекло.

Прилетев в Мурманск, я поехал с другом навестить Арефа Сергеевича. Вернее — его могилу. Вскоре после войны его не стало. Мария Ивановна, уже поседевшая, уехала на родину — в Севастополь. Какое-то время мои родители с ней переписывались, а потом я узнал и о ее конце. Слишком многое случилось за эти годы, и мой отец, старый коммунист и кораблестроитель, лежал рядом со своими товарищами — Арефом Сергеевичем и Анатолием Бредовым, которому высится памятник в центре города. Бредов застыл, как ушел в бессмертие — с гранатой, поднятой в последнем броске.

Друзья при жизни, они словно договорились встретиться там, за последней своей чертой.

Последняя гавань инженера Романова была видна издалека. Над легкой металлической оградой темнел шпиль с распластавшимся в полете кораблем.

Мы удивились, увидев в ограде женщину, подметавшую листья. Увидев нас, она спросила:

— Вы родственники?

— Нет. Знакомые.

Старушка посмотрела на нас с любопытством.

— Мало у него осталось здесь знакомых. Ох как мало!

— А вы его знали?

— Нет. Вот к мужу на могилу прихожу. Да и за этой приглядываю. Несколько лет назад Мария Ивановна здесь часто бывала. Тут с ней и познакомились. А потом пропала. Люди сказывают, уехала.

— Она умерла. Три года назад. В Севастополе.

Старушка перекрестилась:

— Царствие ей небесное! Видно, заботливая была. Сильно, сильно, голубка, горевала. Сюда придет — плачет. Целый день сидит. Насилу ее уводила. И так несколько лет. Крепкой привязанности женщина. Сейчас, поди, и нет таких, чтоб так мужа чтили.

— Он был хорошим человеком.

— Известное дело. По плохому так не убиваются.

— Спасибо вам.

— За что? — удивилась она.

— За то, что за могилой присматриваете.

— Стара я стала, сынок. Стара. Все трудней на гору-то подниматься. Вот и я помру — кто навестит, не знаю.

— Не надо таких грустных мыслей…

— Это не грустные мысли. Я старуха, а Мария Ивановна моложе меня была… Все в руках божьих, и неизвестно, где твой предел…

Когда мы возвращались в город, глядя на забитый судами залив, я подумал, как причудливо переплетаются судьбы людей и кораблей и как долго хранит история свои тайны.

Разбирая бумаги отца после его смерти, я нашел среди них тетрадку, исписанную характерным почерком Арефа Сергеевича. Видимо, он рассказывал о своем поиске и своей мечте не одному мне.

Были в той тетрадке и такие строки:

> «Тайна «Марии» наверняка окажется связанной с важнейшими процессами, идущими тогда в России. Я не верю, что это случайный взрыв… Разгадать тайну «Марии»… — этому стоит посвятить годы…»

Строки эти — как завещание к тем, кому попадут его тетради.

Да, поговорить бы сейчас с Арефом Сергеевичем, рассказать о том, что удалось расшифровать, посоветоваться, как продолжать поиск, как построить большую повесть о тайне «Императрицы Марии», над которой я сейчас работаю. Но, к сожалению, находки в жизни часто случаются после смерти тех, кого бы они могли сделать немного счастливее…

Обратно мы ехали молча. Каждый думал о своем. И только на улице Ленина товарищ мой вдруг попросил:

— Покажи мне дом, где жили Романовы и твои…

Рядом с цветочным магазином мы въехали в арку и развернулись на широком дворе, окантованном четырехугольником старых, довоенной постройки зданий.

— Видишь вот этот подъезд?

— Вижу.

— Четвертый этаж. Налево от лестницы.

Я вышел из машины. И сразу тоскливо, одиноко стало на душе. Нелегко возвращаться в страну детства. Тем более, когда гнездо разорено и живут в нем теперь чужие люди. «Подняться? Посмотреть?» Я тут же отогнал эту мысль. Только еще больше расстроишься.

За стеклом окна квартиры, где когда-то, в те давние времена, жил Романов, маленькая девчонка, увидев, что мы смотрим на нее, строила нам рожицы.

Нет, там все иное. И незачем тревожить тени и голоса, которые, быть может, еще сохранил этот дом.

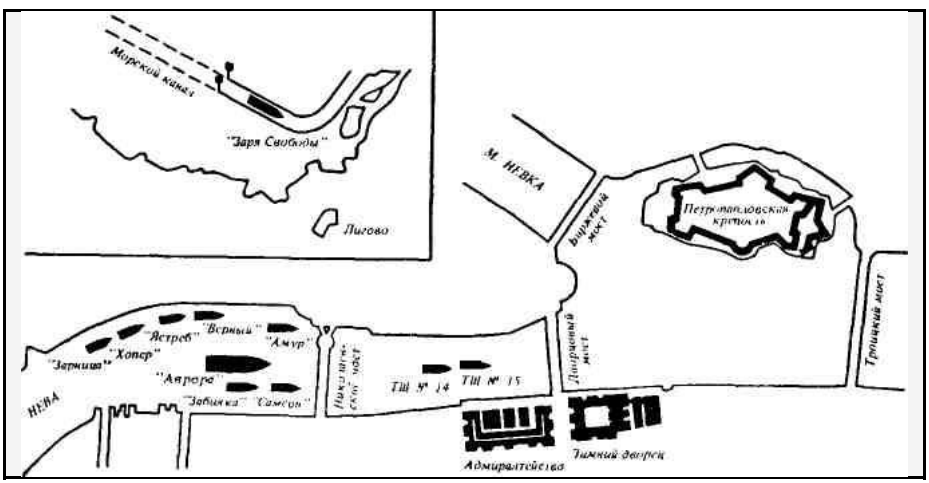
— Пойдем, друг. У нас с тобой еще дальняя дорога. Очень дальняя… И дорога, и поиск…

АРХИВ НЕПТУНА

Архив Нептуна

Н. Бадеев
КОРАБЛИ РЕВОЛЮЦИИ
Очерки

***БАДЕЕВ** Николай Андреевич (1917 г. р.). Капитан 2-го ранга в отставке. Закончил Военно-политическое училище им. А. А. Жданова. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом центральной газеты ВМФ «Красный флот» по Краснознаменному Балтийскому флоту. Член Союза журналистов СССР. Автор книг «Комиссар Флягин», «Высылай устав» и «Принимаю бой».*



Эти корабли по приказу В. И. Ленина 25 октября 1917 года вошли в Неву, чтобы помочь питерскому пролетариату свергнуть буржуазное Временное правительство, принимали участие в установлении власти Советов на юге, Дальнем Востоке и севере страны, героически защищали завоевания Великого Октября в годы гражданской войны. Народ назвал их Кораблями революции.

«Аврора», крейсер.

Матросы «Авроры» вместе с питерскими рабочими в феврале 1917 года принимали участие в свержении самодержавия. В апреле встречали В. И. Ленина на Финляндском вокзале.

В ночь на 25 октября 1917 года «Аврора» заняла боевую позицию у Николаевского моста (ныне мост Лейтенанта Шмидта).

Радиостанция крейсера передала воззвание «К гражданам России!», написанное В. И. Лениным.

Вечером 25 октября крейсер произвел исторический выстрел, послуживший сигналом к штурму Зимнего дворца, где находилось Временное правительство.

Матросы «Авроры» штурмовали Зимний, участвовали во взятии Центральной телефонной станции, охраняли Смольный.

После революции в мирные годы крейсер служил учебным кораблем.

В годы Великой Отечественной войны орудия «Авроры» были отправлены на сухопутный фронт для защиты Ленинграда, на корабли Чудской флотилии.

За революционные и боевые заслуги крейсер в ноябре 1927 года был награжден орденом Красного Знамени, в феврале 1968 года — орденом Октябрьской Революции.

Поставлен на вечную стоянку в Ленинграде как мемориальный памятник Великому Октябрю.

Вступил в строй в 1903 г. Водоизмещение — 6731 т, длина — 123,7 м, ширина — 16,8 м, углубление — 6,4 м. Мощность машин — 11 610 л. с. Скорость — 20 узлов. Дальность плавания — 4000 миль без захода в порты. Вооружение: 14 — 152-мм, 4 — 47-мм орудия, 4 пулемета, 2 торпедных аппарата. Экипаж — 570 чел.

«Заря свободы» (бывший «Император Александр II»), линейный корабль.

В 1902 году на нем начал действовать один из первых на Балтийском флоте подпольных революционных кружков.

В 1917 году экипаж линкора твердо шел за большевиками. «Аврора» и «Заря свободы» — названия самых известных большевистских крейсеров», — писал Джон Рид в книге «10 дней, которые потрясли мир».

25 октября 1917 года по приказу Петроградского Военно-революционного комитета вышел из Кронштадта и занял боевую позицию в устье Морского канала, взяв под прицел дальнобойных орудий железные и шоссейные дороги, идущие к столице. Вооруженный десант высадился с линкора на станцию Лигово. Экипаж «Зари свободы» надежно прикрывал подступы к городу на случай появления контрреволюционных сил.

В последующие дни корабль стоял в Петрограде, его экипаж бдительно охранял революционный порядок в городе.

В конце октября В. И. Ленин распорядился направить в Москву для оказания помощи рабочим и солдатам в закреплении

победы пролетарской революции отряд питерских красногвардейцев и балтийских матросов. В его составе были и моряки с «Зари свободы», возглавляемые комиссаром линкора Иваном Колбиным. «Много бодрости и организованности нашему восстанию придали вовремя прибывшие из Петрограда товарищи матросы, — писала «Правда» 7 ноября 1917 года (по старому стилю). — Они резко выделялись своей сознательностью и революционной дисциплиной».

Вступил в строй в 1889 г. Водоизмещение — 9244 т, длина — 105,6 м, ширина — 20,4 м, углубление — 7,8 м. Мощность машин — 8500 л. с. Скорость — 15,3 узла. Дальность плавания — 2160 миль. Вооружение: 2 — 305-мм, 4 — 229-мм, 8 — 152-мм, 10 — 47-мм, 8 — 37-мм орудий, 4 десантных пушки, 5 торпедных аппаратов. Экипаж — 616 чел.

«Амур», минный заградитель.

Утром 25 октября 1917 года из Кронштадта в Петроград на помощь рабочим и красногвардейцам направился отряд судов. Головным шел минный заградитель «Амур», на его палубе находилось несколько тысяч вооруженных матросов, штаб сводного отряда.

Когда корабль вошел в Неву и отдал якорь вблизи крейсера «Аврора», на его борт поднялся один из руководителей восстания В. А. Антонов-Овсеенко. «Несколько тысяч молодых стройных парней с винтовками в надежных руках заполняют палубу… — вспоминал он впоследствии. — Говорю им краткое приветствие, именем Советской власти указываю цель. Вот Зимний — последнее прибежище керенщины. Его надо взять!..

Говорю, гляжу на эти энергичные, нетерпеливые лица. Нет, этих ни к чему агитировать. Могучий молодой вал докатился до Питера. Держись, Керенский!»

Моряки «Амура» с честью выполнили приказ Смольного.

В годы гражданской войны матросы заградителя в полном составе сражались с белогвардейцами и интервентами на Северном фронте.

В 1930 году «Амур» стал учебным кораблем ленинградских осоавиахимовцев. На его борту приобщались к военно-морскому делу будущие Герои Советского Союза командир подводной лодки Евгений Осипов, командир катера-тральщика Иван Ларин, летчик-торпедоносец Николай Афанасьев.

Перед войной «Амур» снова был призван на флот, стал плавучей базой катеров. Затоплен 28 августа 1941 года, чтобы закрыть доступ гитлеровским кораблям в таллинскую гавань.

Вступил в строй в 1909 г. Водоизмещение — 2926 т, длина — 91,4 м, ширина — 14,0 м, углубление — 4,4 м. Мощность машин — 5000 л. с. Скорость — 17 узлов. Дальность плавания — 3200 миль. Вооружение: 5 — 120-мм, 2 — 75-мм орудия, 8 пулеметов, 324 мины. Экипаж — 322 чел.

«Забияка», эскадренный миноносец.

Эсминец пришел из Гельсингфорса (ныне г. Хельсинки в Финляндии) в Петроград за два часа до штурма Зимнего. Он высадил на набережную Невы десант — 135 вооруженных матросов. По предложению большевиков был сформирован отряд из команды корабля, командиром назначили Г. И. Левченко, будущего заместителя наркома ВМФ СССР.

Отряд с «Забияки» одним из первых ворвался в Зимний дворец.

1 ноября по приказу Военно-морского революционного комитета поднялся вверх по Неве и стал у с. Рыбацкого для охраны подъездных путей к столице.

В 1919 году матросы «Забияки» участвовали в обороне Петрограда от белогвардейских полчищ генерала Юденича.

В декабре 1922 года в память пламенного революционерам. С. Урицкого, убитого эсерами в Петрограде в 1918 году, корабль получил имя «Урицкий».

В августе 1933 года эсминец совершил переход по Беломорско-Балтийскому каналу на север. В период Великой Отечественной войны прошел, участвуя в боях, около 70 тысяч миль, отконвоировал 370 транспортов, отбил 115 атак авиации и подводных лодок.

В одном из походов на нем побывал и ветеран корабля адмирал Гордей Иванович Левченко.

Вступил в строй в 1915 г. Водоизмещение — 1260 т, длина — 98,0 м, ширина — 9,3 м, углубление — 3,0 м. Мощность машин — 30 000 л. с. Скорость — 35 узлов. Дальность плавания — 2800 миль. Вооружение: 4 — 102-мм, 1 — 40-мм зенитное орудие, 2 пулемета, 3 трехтрубных торпедных аппарата, 80 мин. Экипаж — 150 чел.

«Самсон», эскадренный миноносец.

В октябрьские дни семнадцатого года корабль стоял в Гельсингфорсе на ремонте. Вечером 24 октября на «Самсон» поступило распоряжение Центробалта: идти в столицу на помощь Петроградскому Совету. Офицеры запротестовали: механизмы

разобраны, эсминец не готов к плаванию.

— «Самсон» выполнит свой долг перед революцией! — заявил судовой комитет.

За ночь матросы сделали то, что офицеры считали невозможным: ввели машины в строй. На борт «Самсона» поднялись 130 вооруженных десантников, корабль взял курс на Питер. Между мачтами колыхалось полотнище «Вся власть Советам!».

Войдя в Неву, эсминец нацелил орудия на Зимний. Десантники и часть команды направились на помощь революционным войскам. А трое матросов во главе с большевиком Георгием Борисовым пошли в Смольный. Они передали президиуму II Всероссийского съезда Советов письмо Центробалта. От имени ста тысяч моряков Центробалт заявлял, что Балтийский флот «поддержит борьбу съезда за власть всеми своими вооруженными силами».

Среди участников штурма Зимнего был матрос с «Самсона» Василий Купревич, впоследствии выдающийся советский ботаник, академик и президент Академии наук Белорусской ССР, Герой Социалистического Труда.

После гражданской войны эсминец получил имя «Сталин». В 1936 году совершил переход Северным морским путем во Владивосток. В 1945 году участвовал в войне с империалистической Японией.

Вступил в строй в 1916 г. Водоизмещение — 1260 т, длина — 98,0 м, ширина — 9,3 м, углубление — 3,0 м. Мощность машин — 30 000 л. с. Скорость — 35 узлов. Дальность плавания — 2800 миль. Вооружение: 4 — 102-мм, 1 — 40-мм зенитное орудие, 2 пулемета, 3 трехтрубных торпедных аппарата, 80 мин. Экипаж — 150 чел.

«Верный», учебный корабль.

«В Петрограде восстание, — сообщили из Кронштадтского Совета на учебный корабль «Верный», стоявший в Биорке, что южнее Выборга. — Предлагается срочно выйти в столицу, поддержать рабочих…»

На борт корабля поднялись две роты матросов учебно-артиллерийского отряда. 25 октября в 12 часов 20 минут «Верный» направился в Питер. Контрреволюционно настроенный командир корабля и несколько эсеров пытались под разными предлогами задержать «Верный» в пути, но матросы, руководимые большевиком Федором Кузнецовым-Ломакиным, сломили сопротивление врагов революции. В 20 часов 15 минут «Верный»

вошел в Неву и стал у набережной Васильевского острова. Десант матросов корабля штурмовал Зимний.

В 1924 году корабль переименован в «Ленинградсовет». Многие годы на корабле проходили практику курсанты военно-морских училищ.

В период Великой Отечественной войны защищал Таллин, участвовал в героической обороне Ленинграда.

Вступил в строй в 1896 г. Водоизмещение — 1287 т, длина — 62,3 м, ширина — 11,0 м, углубление — 4,4 м. Мощность машин — 612 л. с. Скорость — 11,1 узла. Дальность плавания — 1900 миль. Вооружение: 4 — 75-мм, 2 — 47-мм, 2 — 37-мм орудия, 1 торпедный аппарат. Экипаж — 191 чел.

«Зарница», яхта.

В 1917 году ее экипаж дважды выполнял революционные задания в Петрограде. 4 июля корабль вошел в состав флотилии транспортов и катеров, на которых кронштадтские матросы прибыли в столицу для участия в демонстрации рабочих и солдат, проходившей под лозунгом «Вся власть Советам!».

25 октября «Зарница» пришла в Петроград с десантом вооруженных моряков. Высадив его на берег, яхта превратилась в госпитальное судно: на ней находилось более полусотни врачей и санитаров из Кронштадтского морского госпиталя и фельдшерской школы для оказания помощи раненым участникам вооруженного восстания. На мачте яхты был поднят флаг Красного Креста.

После взятия Зимнего дворца отряд моряков «Зарницы» охранял дворец и находившиеся в нем художественные ценности. На ее борт перешел штаб морских частей Кронштадта, действовавших в Петрограде.

Яхта участвовала в гражданской войне.

В 1921 году переоборудована в тральщик. Очищая голубые дороги для торгового флота, корабль (ему присвоили новое имя — «Змей») уничтожил множество мин, поставленных интервентами в Финском заливе.

В начале Великой Отечественной войны «Змей» тралил вражеские минные заграждения. Героически погиб в конце июля 1941 года, подорвавшись на мине при выполнении боевого задания командования.

Вступил в строй в 1914 г. Водоизмещение — 245 т, длина — 39 м, ширина — 6 м, углубление — 3 м. Мощность машин — 375 л. с. Скорость — 10 узлов. Дальность плавания — 500 миль. Вооружение: 1 — 45-мм орудие. Экипаж — 30 чел.

Тральщики № 14 и № 15.

«Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска… — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости»,* — писал В. И. Ленин осенью 1917 года.

Ленинское указание выполняли многие корабли Балтийского флота разных классов. И среди них тральщики № 14 и № 15. В прошлом это были волжские буксиры «Лебедянь» и «Вольск», водившие караваны по реке и Каспию. В 1915 году в один день их призвали на военную службу, перевели на Балтику, вооружили артиллерией и тралами, дали бортовые номера.

18 октября председателя дивизионного комитета Николая Сорокина вызвали в Центробалт.

— Двум тральщикам срочно перейти в Петроград, — сказал ему Павел Дыбенко. — Быть в боевой готовности.

Узнав о предстоящем походе в столицу, механик «Четырнадцатого» сбежал. Его место занял матрос машинист Сорокин. 24 октября оба корабля были в Неве. В ночь на 25 октября «Пятнадцатый» сопровождал крейсер «Аврору» в его переходе от Франко-русского завода до Николаевского моста.

В полдень Петроградский Военно-революционный комитет приказал направить два корабля вверх по Неве, поставить их рядом с Зимним дворцом — пусть «временные» убедятся, что с ними не шутят. Выбор пал на тральщики. Защитники Зимнего были ошеломлены появлением двух боевых кораблей вблизи дворца. А тральщики уже нацелили на дворец пушки и пулеметы…

После революции они уничтожали минные заграждения на Балтике.

Тактико-технические данные тральщика № 14:

Водоизмещение — 140 т, длина — 38 м, ширина — 6 м, углубление — 2 м. Мощность машин — 477 л. с. Скорость — 10 узлов. Дальность плавания — 1680 миль. Вооружение: 1 — 45-мм орудие, 2 пулемета. Экипаж — 34 чел.

«Деятельный», миноносец.

«Миноносцы должны войти в Неву около села Рыбацкого, — отстукивал телеграф слова Предсовнаркома В. И. Ленина в Гельсингфорс, где находился Центробалт, — чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней».

Военно-морской революционный комитет направил к селу Рыбацкому четыре миноносца, среди них был и «Деятельный».

Узнав об этом, командир и офицеры сбежали с корабля. А подняться вверх по Неве было не просто: сильное течение в пролетах мостов, малознакомый фарватер… Но матросы не растерялись. Они решительно поднялись на командирский мостик и повели корабль на огневую позицию. За прохождением кораблей В. И. Ленин наблюдал из окна Смольного.

В 1918 году «Деятельный» по Мариинской водной системе прошел на Каспий, где участвовал в боях с белогвардейцами и английскими интервентами. Им командовал И. С. Исаков, будущий Герой Советского Союза, адмирал флота Советского Союза. 18 мая 1920 года вместе с другими кораблями Каспийской флотилии «Деятельный» появился перед иранским портом Энзели, в котором под прикрытием английских войск стоял белогвардейский флот. Советские моряки потребовали возвратить корабли, угнанные белогвардейцами. «Деятельный» конвоировал освобожденные суда в Баку.

Вступил в строй в 1908 г. Водоизмещение — 380 т, длина — 64 м, ширина — 6,4 м, углубление — 2,6 м. Мощность машин — 5700 л. с. Скорость — 26 узлов. Дальность плавания — 800 миль. Вооружение: 2 — 75-мм орудия, 6 пулеметов, 2 торпедных аппарата, 18 мин. Экипаж — 69 чел.

«Ястреб», сторожевой корабль.

Вечером 25 октября 1917 года на набережной Невы возле Горного института собрались матросы и красногвардейцы. Со стороны Зимнего слышались одиночные выстрелы, там готовились к штурму. Рабочие с нетерпением вглядывались в устье реки.

— Идет! Идет! — раздались голоса.

В Неву, густо дымя, входил сторожевой корабль «Ястреб».

В тот день ранним утром «Ястреб» с секретным предписанием Центробалта вышел из Гельсингфорса в порт Фридрихсгамн, принял груз и взял курс в Петроград.

— Молодцы моряки! — говорили красногвардейцы, выгружая с корабля тяжелые ящики. — Теперь Керенскому крышка!

«Ястреб» доставил две тысячи винтовок и миллион патронов.

Матросы сторожевика участвовали в штурме Зимнего.

В Ледовом походе (апрель 1918 г.) в тяжелых условиях провел за собой несколько подводных лодок и надводных кораблей.

31 декабря 1922 года корабль был переименован в «16-е октября» — в честь принятого на пятом съезде РКСМ 16 октября 1922 года шефства Ленинского комсомола над Военно-Морским

Флотом.

Потом корабль был передан Морскому транспорту, много лет плавал на Черном море, в Арктике. В начале Великой Отечественной войны снова был призван на военно-морскую службу. Принимал участие в боевых действиях против фашистов в Баренцевом и Белом морях.

Вступил в строй в 1900 г. Водоизмещение — 1150 т, длина — 57,9 м, ширина — 8,8 м, углубление — 4,9 м. Мощность машин — 1222 л. с. Скорость — 12 узлов. Дальность плавания — 1000 миль. Вооружение: 2 — 105-мм орудия. Экипаж — 60 чел.

«Хопер», минный заградитель.

Кораблям, как и людям, нередко приходится менять профессию. Так случилось и с торговым пароходом «Константин». Переучиваться «Константину» пришлось в почтенном возрасте: в 1915 году, когда его «призвали» на военную службу и зачислили в Балтийский флот посыльным судном, ему исполнилось почти полвека. А вскоре он стал минным заградителем и получил название «Хопер». (Корабли этого класса на Балтике назывались именами рек.) Оно и вошло в историю Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде: 25 октября 1917 года по приказу Военно-революционного комитета корабль пришел из Кронштадта в Петроград с отрядом вооруженных десантников. Вместе с рабочими и солдатами матросы заградителя штурмовали Зимний.

Корабль доставил продовольствие и патроны для матросов Кронштадтского сводного отряда.

А после победы Октября старому кораблю пришлось вновь «переучиваться» — его перевели в отряд гидрографических судов. На борту появилось новое имя: «Триангулятор». На нем служил Леонид Демин, впоследствии известный советский исследователь морей, инженер-контр-адмирал, лауреат Государственной премии СССР.

Вступил в строй в 1866 г. Водоизмещение — 1100 т, длина — 64,9 м, ширина — 8,8 м, углубление — 3,3 м. Мощность машин — 710 л. с. Скорость — 11 узлов. Дальность плавания — 1100 миль. Вооружение: 2 — 47-мм, 2 — 37-мм орудия, пулемет. Экипаж — 75 чел.

«Штандарт», яхта.

Николай II с опаской вступал на палубу своей царской гвардейской яхты «Штандарт»: жандармская охранка

докладывала, что на корабле действуют революционно настроенные матросы. Не помогали ни аресты, ни списания неблагонадежных на берег. А в феврале семнадцатого года над «Штандартом» взвился красный флаг, матросы яхты вместе с питерскими рабочими громили полицейские участки.

В октябрьские дни на яхте размещался Центральный Комитет Балтийского флота. На ней формировались матросские отряды для борьбы с контрреволюцией.

В тридцатых годах яхту переделали в минный заградитель. Он стал называться «Ока». В начале Великой Отечественной войны корабль поставил в Балтийском море ряд мощных минных заграждений, на которых подорвалось немало фашистских кораблей. 3 апреля 1942 года за мужество и храбрость, проявленные экипажем при выполнении боевых заданий командования, минный заградитель «Ока» был преобразован в «Гвардейский».

Артиллеристы корабля принимали активное участие в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом.

Вступил в строй в 1896 г. Водоизмещение — 5557 т, длина — 112,8 м, ширина — 15,4 м, углубление — 6,5 м. Мощность машин — 12 000 л. с. Скорость — 22 узла. Дальность плавания — 2000 миль. Вооружение: 8 — 47-мм орудий. Экипаж — 371 чел.

«Ща», транспорт.

Задержанные в русских водах в момент развязывания первой мировой войны германские суда были включены в состав военно-транспортной флотилии Балтийского флота и названы буквами старославянского алфавита. Пароход «Лиссабон» получил имя «Ща». В конце 1916 года на него был зачислен матросом член РСДРП(б) с 1912 года Павел Ефимович Дыбенко, впоследствии председатель Центробалта и первый Народный комиссар по морским делам. Он создал на корабле подпольную большевистскую группу. После Февральской революции на транспорте печатались листовки, разъяснявшие балтийцам идеи ленинской партии.

25 октября 1917 года стоял в Петрограде, команда участвовала в вооруженном восстании, потом в боях с казаками генерала Краснова.

В феврале 1918 года матросы транспорта сражались под Нарвой.

После гражданской войны транспорт был передан Германии.

Вступил в строй в 1906 г. Водоизмещение — 2781 т, длина — 91,4 м, ширина — 13,3 м, углубление — 6,9 м. Мощность

машин — 1100 л. с. Скорость — 9 узлов. Дальность плавания — 2800 миль. Экипаж — 65 чел.

«Андрей Первозванный», линейный корабль.

Вошел в историю Октябрьской революции как корабль, на котором был сформирован первый десантный отряд для боевых действий против Временного правительства.

Это произошло 16 октября 1917 года.

— Положение в Петрограде тревожное, — заявил судовому комитету представитель Гельсингфорсского Совета. — Керенский стягивает в столицу юнкеров, чтобы сорвать Всероссийский съезд Советов.

— Надо создавать десантный отряд, — предложил председатель судового комитета матрос Петр Суслов. — Пойдем в Питер на баррикады.

Комитет постановил: «Для оказания Советам поддержки силой сформировать боевой взвод». Революционный почин «Андрея Первозванного» был поддержан Центробалтом. На следующий день он постановил срочно сформировать на кораблях боевые взводы.

В ночь на 25 октября отряд матросов линкора выехал в Петроград для защиты Советов.

В ноябре 1917 года они участвовали в ликвидации контрреволюционной ставки генерала Духонина. Линкор активно участвовал в обороне Петрограда в 1919 году.

Вступил в строй в 1912 г. Водоизмещение — 17 400 т, длина — 140,2 м, ширина — 24,4 м, углубление — 8,2 м. Мощность машин — 17 600 л. с. Скорость — 18 узлов. Дальность плавания — 2100 миль. Вооружение: 4 — 305-мм, 14 — 203-мм, 12 — 120-мм, 4 — 75-мм орудия, 2 десантных пушки, 8 пулеметов, 3 торпедных аппарата. Экипаж — 957 чел.

«Алмаз», крейсер.

Единственный из крейсеров, прорвавшийся в мае 1905 года после Цусимского сражения во Владивосток. Позже плавал на Балтике и Черном море. На корабле активно действовала революционная подпольная организация.

В 1917 году матросы «Алмаза», находившегося в составе Черноморского флота, решительно встали на сторону большевиков. «Горячо приветствуем товарища Ленина, вождя российской социал-демократии, стойкого борца революционной армии Интернационала», — писали они Владимиру Ильичу в

апреле 1917 года.

В ночь на 27 октября 1917 года радиотелеграфист «Алмаза» принял сообщение об образовании на II Всероссийском съезде Советов Советского правительства. На корабле состоялся бурный митинг. В эфир полетели слова: «Алмаз» приветствует петроградских рабочих, солдат и матросов, истинных борцов за свободу, мир и землю и присоединяется к партии большевиков».

Матросы «Алмаза» приняли активное участие в установлении и упрочении Советской власти на юге страны. В январе 1918 года, когда в Одессе началось восстание против контрреволюционной буржуазной Украинской рады, на борту корабля находился большевистский революционный комитет города, руководивший действиями красногвардейцев. Крейсер обстреливал скопления юнкеров и гайдамаков, матросы принимали участие в уличных боях.

Вступил в строй в 1903 г. Водоизмещение — 3285 т, длина — 99,1 м, ширина — 13,3 м, углубление — 5,3 м. Мощность машин — 7500 л. с. Скорость — 19 узлов. Дальность плавания — 3400 миль. Вооружение: 3 — 120-мм, 6 — 75-мм, 6 — 47-мм орудий, 2 пулемета. Экипаж — 295 чел.

«Аскольд», крейсер.

В 1904 году стойко защищал Порт-Артур. В октябре 1907 года экипаж крейсера поддержал вооруженное восстание владивостокских рабочих и солдат. Царское правительство свирепо расправлялось с революционерами «Аскольда». Не проходило года, чтобы с корабля не списывали и не осуждали «политически неблагонадежных». В сентябре 1916 года, когда «Аскольд», совершая переход к берегам Кольского полуострова, ошвартовался во французском порту Тулон, офицеры-монархисты, опасаясь восстания, расстреляли по ложному обвинению в заговоре четырех матросов.

В начале 1917 года, когда крейсер стоял на ремонте в Англии, моряки встретились с лидерами рабочего движения в г. Глазго, в том числе с У. Галлахером, впоследствии одним из руководителей коммунистической партии Великобритании, участвовали в демонстрациях рабочих, проходивших под лозунгом «Да здравствует свободная Россия!».

В октябрьские дни 1917 года «Аскольд» находился в Мурманске. Получив известие о победе вооруженного восстания в Петрограде, моряки вынесли резолюцию: «Судовой комитет и команда крейсера стоят на стороне власти Советов и такое свое решение будут поддерживать всеми имеющимися средствами».

Матросы принимали активное участие в боях по освобождению севера от белогвардейцев и интервентов.

Вступил в строй в 1902 г. Водоизмещение — 5905 т, длина — 130,0 м, ширина — 15,0 м, углубление — 6,0 м. Мощность машин — 19 000 л. с. Скорость — 23 узла. Дальность плавания 3140 миль. Вооружение: 12 — 152-мм, 12 — 75-мм, 8 — 47-мм, 2 — 37-мм орудия, 2 десантных пушки, 4 пулемета, 6 торпедных аппаратов. Экипаж — 534 чел.

«Африка», учебное судно.

В начале своей жизни этот корабль прославился на научном поприще: в 1880—1883 годах он, носивший в то время чин крейсера 2-го ранга, совершив переход из Кронштадта на Дальний Восток, выполнил важные работы по изучению Берингова моря. В честь заслуг экипажа имя «Африка» было присвоено горе и мысу на восточном побережье Камчатки. А в 1897 году уже на Балтике А. С. Попов произвел на крейсере первые в мире опыты по радиосвязи.

Но самый главный подвиг «Африка» совершила в октябрьские дни семнадцатого года. 25 октября корабль, стоявший в Кронштадте, направил в Петроград для штурма Зимнего сотню вооруженных матросов. Спустя четыре дня «Африка» по распоряжению из Смольного доставила в Петроград большой десантный отряд кронштадтцев, которые помогли питерским рабочим одержать победу над контрреволюционными войсками Керенского — Краснова.

Вступил в строй в 1878 г. Водоизмещение — 2590 т, длина — 82,6 м, ширина — 11,6 м, углубление — 5,3 м. Мощность машин — 1417 л. с. Скорость — 12,7 узла. Дальность плавания — 9500 миль. Вооружение 4 — 75-мм орудия. Экипаж — 160 чел.

«Гангут», линейный корабль.

В начале 1915 года на корабле стала работать подпольная большевистская организация. В ее составе был Владимир Полухин, впоследствии один из 26-ти бакинских комиссаров.

1 ноября 1915 года на линкоре вспыхнуло восстание. Царские власти жестоко подавили выступление матросов. Двадцать четыре моряка — активные участники восстания — получили в общей сложности 256 лет каторжных работ.

В октябре семнадцатого года корабль, стоявший в Гельсингфорсе, направил в Петроград большой отряд моряков для помощи питерцам в свержении правительства Керенского.

В 1918 году линкор участвовал в Ледовом походе, после чего команда почти полностью ушла сражаться на сухопутные фронты.

В 1921 году на корабле служил машинистом Филипп Октябрьский, будущий адмирал, командующий Черноморским флотом в период Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.

В память об активном участии экипажа в борьбе за власть Советов в 1925 году линкор получил имя «Октябрьская революция».

В годы Великой Отечественной войны, защищая Ленинград артиллерийским огнем, уничтожил много танков, орудий и живой силы врага. За образцовое выполнение боевых заданий командования был награжден орденом Красного Знамени.

Вступил в строй в 1914 г. Водоизмещение — 23 000 т, длина — 181,2 м, ширина — 26,0 м, углубление — 8,4 м. Мощность машин — 42 000 л. с. Скорость — 23 узла. Дальность плавания — 1625 миль. Вооружение: 12 — 305-мм, 16 — 120-мм, 4 — 47-мм орудия, 4 торпедных аппарата. Экипаж — 1126 чел.

«Диана», крейсер.

В один из дней 1918 года в Кремле, на куполе здания Сената, в котором разместилось Советское правительство, появилось несколько человек.

— Государственный флаг поднять! — взволнованно произнес комендант Кремля Павел Мальков, бывший матрос крейсера «Диана».

Сотни стойких борцов за революцию получили политическую закалку на балтийском крейсере «Диана». «Мы буржуев и капиталистов никогда не признаем, а посему вся власть Советов должна перейти в руки народа» — такую резолюцию вынес экипаж корабля в мае 1917 года. Матрос Алексей Долгушин был делегатом VI съезда партии. Большевик Павел Мальков был избран делегатом II Всероссийского съезда Советов.

В октябрьские дни моряки «Дианы» приняли активное участие в занятии важнейших пунктов Ревеля. Группа матросов выехала в Петроград, участвовала в штурме Зимнего. Павел Мальков был назначен комендантом Смольного.

В гражданскую войну весь экипаж «Дианы» ушел на сухопутные фронты. Орудия крейсера были переданы кораблям и батареям Волго-Каспийской военной флотилии.

Вступил в строй в 1902 г. Водоизмещение — 6731 т, длина — 123,7 м, ширина — 16,8 м, углубление — 6,4 м. Мощность машин — 11 610 л. с. Скорость — 20 узлов. Дальность

плавания — 4000 миль. Вооружение: 8 — 152-мм, 24 — 75-мм, 8 — 37-мм орудий, 2 десантных пушки, 3 торпедных аппарата. Экипаж — 570 чел.

«Океан», учебное судно.

В 1916 году у топок этого судна стоял кочегар Анатолий Железняков, впоследствии делегат II Всероссийского съезда Советов, легендарный герой Октября и гражданской войны.

25 октября 1917 года на судне был сформирован ударный отряд моряков в составе 250 человек, который участвовал в штурме Зимнего.

Матрос с «Океана» большевик Василий Мясников тоже был делегатом II Всероссийского съезда Советов.

В 1922 году корабль в ознаменование шефства РКСМ над Военно-Морским Флотом получил имя «Комсомолец».

«Комсомолец» совершил ряд заграничных походов с курсантами военно-морских училищ. Из числа балтийцев, получивших первое морское «крещение» на этом корабле, свыше двадцати человек в годы Великой Отечественной войны стали Героями Советского Союза. В 20-х годах штурманом корабля был Леонид Соболев, впоследствии известный советский писатель-маринист.

В период обороны Ленинграда «Комсомолец» стоял на Неве, его команда принимала участие в защите города-героя.

Вступил в строй в 1902 г. Водоизмещение — 11 897 т, длина — 143,2 м, ширина — 17,4 м, углубление — 7,6 м. Мощность машин — 11 000 л. с. Скорость — 18 узлов. Дальность плавания — 4690 миль. Вооружение: 6 — 47-мм орудий. Экипаж — 298 чел.

«Олег», крейсер.

«С вами хочет говорить Ленин от имени революционного правительства» — появились слова на телеграфной ленте. Исполнявший обязанности председателя Центробалта водолаз матрос Николай Измайлов, находившийся в Гельсингфорсе, продиктовал телеграфисту: «Просим, что имеете передать?»

Снова заработал аппарат. В. И. Ленин предложил немедленно направить боевые корабли к Петрограду для борьбы с мятежниками Керенского — Краснова. «Приступаем к исполнению» — был ответ.

В столицу решили направить крейсер «Олег» и эсминец «Победитель».

28 октября 1917 года на крейсере, стоявшем в Ревеле, зазвучали сигналы боевой тревоги.

— Керенский двинул на Петроград казачий корпус, — объявил матросам председатель судового комитета Иван Бойцов. — Ленин вызвал на помощь корабли.

А вскоре «Олег» полным ходом направился в Питер.

Керенский через мощную царскосельскую радиостанцию угрожал морякам, идущим в Петроград, смертной казнью.

29 октября крейсер вошел в Неву, судовой комитет доложил в Смольный о готовности открыть огонь по врагу.

Участвовал в обороне Петрограда в 1919 году.

Потоплен английским торпедным катером в августе девятнадцатого года.

Вступил в строй в 1904 г. Водоизмещение — 6675 т, длина — 132,0 м, ширина — 16,6 м, углубление — 6,3 м. Мощность машин — 19 500 л. с. Скорость — 23 узла. Дальность плавания — 1200 миль. Вооружение: 12 — 152-мм, 12 — 75-мм, 8 — 47-мм, 2 — 37-мм орудия, 2 десантных пушки, 2 пулемета, 6 торпедных аппаратов. Экипаж — 570 чел.

«Республика», линейный корабль.

Корабль, называвшийся до семнадцатого года «Император Павел I», с момента спуска на воду был взят жандармами под неусыпное наблюдение: среди матросов ходили революционные листовки и прокламации большевиков. Как сказано было в обвинительном заключении по делу подпольщиков, в июне 1912 года, когда царь производил смотр Балтийскому флоту, «команда этого корабля, выстроенная по бортам, очень вяло кричала «ура», и, несмотря на приказание кричать громче, многие едва мычали, а некоторые совсем молчали».

А вскоре было обнаружено: на корабле готовилось вооруженное восстание против самодержавия. Последовали аресты, суды…

Но тщательно законспирированная большевистская организация продолжала действовать. 3 марта 1917 года над линкором взвился красный флаг — команда первой в Гельсингфорсе подняла восстание против царизма. Адмиралы-монархисты пытались потопить «Павла», но к линкору дружно присоединились все корабли.

Весной 1917 года в большевистской организации «Республики» состояли 520 моряков. Члены РСДРП(б) матросы Николай Ховрин и Василий Захаров были делегатами II Всероссийского съезда Советов.

Отряд моряков линкора участвовал в штурме Зимнего, в боях с контрреволюционными войсками Керенского — Краснова.

Вступил в строй в 1912 г. Водоизмещение — 17 400 т, длина 140,2 м, ширина — 24,4 м, углубление — 8,2 м. Мощность машин — 17 600 л. с. Скорость — 18 узлов. Дальность плавания — 2100 миль. Вооружение: 4 — 305-мм, 14 — 203-мм, 12 — 120-мм, 4 — 75-мм орудия, 2 десантных пушки, 8 пулеметов, 3 торпедных аппарата. Экипаж — 957 чел.

«Россия», крейсер.

С этим кораблем связано имя известного революционера матроса Тимофея Ульянцева. В 1913—1914 годах он руководил здесь подпольной организацией РСДРП(б). В ее ряды вступали наиболее политически сознательные моряки. В апреле 1917 года на нем было 50 большевиков. Они беспощадно разоблачали контрреволюционную сущность Временного правительства.

Возмущение «временными» разделял и командир бригады крейсеров капитан 1-го ранга Модест Иванов, державший флаг на «России». Узнав об этом, Керенский приказал уволить его в отставку, а командиром назначить нового. На корабле состоялся митинг. Его резолюция была предельно краткой: «Капитану 1-го ранга Модесту Иванову предложить остаться начальником бригады, а всякого вместо него назначенного другого выбросить за борт!»

29 октября на крейсер пришла срочная телеграмма: «Модесту Иванову. Капитану 1-го ранга. Гельсингфорс. Просим немедленно приехать Петроград Смольный. Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)».

Иванов тотчас выехал в Петроград. Через несколько дней декретом Совнаркома он был назначен Председателем Верховной Морской коллегии. А постановлением 1-го Всероссийского съезда моряков ему за преданность революции было присвоено звание контр-адмирала.

Вступил в строй в 1897 г. Водоизмещение — 12 195 т, длина — 144,2 м, ширина — 20,9 м, углубление — 7,9 м. Мощность машины — 18 426 л. с. Дальность плавания — 5700 миль. Вооружение: 4 — 203-мм, 16 — 152-мм, 13 — 75-мм, 18 — 47-мм, 16 — 37-мм орудий. Экипаж — 839 чел.

«Рюрик», крейсер.

Экипаж активно участвовал в революционных событиях 1917 года.

«Мы шлем тебе, Керенский, проклятие, — писали моряки 2 октября 1917 года. — Требуем от ЦИК немедленного созыва Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который устранит диктаторство буржуазии, социал-шовинистов, стоящих у власти и играющих на руку буржуазии».

В октябрьские дни 1917 года крейсер стоял в Ревеле (Таллине), экипаж участвовал в установлении Советской власти в Эстонии.

27 октября семнадцатого года Керенский направил в Ревель группу офицеров с приказом немедленно организовать отправку под Петроград на помощь войскам Краснова двух казачьих полков, артиллерии и броневиков. Но его гонцы на вокзале были арестованы матросами «Рюрика». Корабль непрерывно держал казачьи казармы под прицелом своих дальнобойных орудий. Ни одна воинская часть не была отправлена из Эстонии на поддержку Керенского.

За помощь ревельским рабочим в борьбе за власть Советов бригаде крейсеров, в которую входил «Рюрик», было вручено знамя городской организации большевиков.

В годы гражданской войны матросы «Рюрика» сражались на бронепоездах. В 1923 году корабль разобрали на металл, а его 203-миллиметровые башенные орудия установили на форту «Серая лошадь» («Передовой»). В годы Великой Отечественной войны они использовались для защиты Ленинграда.

Вступил в строй в 1908 г. Водоизмещение — 16 930 т, длина — 161,2 м, ширина — 22,9 м, углубление — 7,9 м. Мощность машин — 20 670 л. с. Скорость — 21 узел. Дальность плавания — 4000 миль. Вооружение: 4 — 254-мм, 8 — 203-мм, 20 — 120-мм, 4 — 47-мм, 8 пулеметов, 2 торпедных аппарата, 500 мин. Экипаж — 936 чел.

«Севастополь», линейный корабль.

В период первой мировой войны на корабле активно работала подпольная большевистская организация. Ею руководил матрос латыш Эйжен Берг, впоследствии легендарный герой Октября и гражданской войны, один из 26-ти бакинских комиссаров, расстрелянных 20 сентября 1918 года.

«Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на защиту которых мы все единодушно по первому зову пойдем и будем верить в полную победу над капиталом и в освобождение порабощенных народов!» — такую резолюцию приняли моряки «Севастополя» вместе с другими

экипажами 24 октября 1917 года. И в тот же день большая группа комендоров, машинистов, минеров отправилась в Петроград свергать правительство Керенского.

В октябре 1919 года, когда белогвардейские части подошли к Пулковской высоте, линкор открыл по ним ураганный огонь. Под его прикрытием советские войска отбросили врага.

В Великой Отечественной войне линкор, действуя в составе Черноморского флота, громил фашистских захватчиков под Севастополем. В 1945 году за боевые успехи награжден орденом Красного Знамени.

Вступил в строй в 1914 г. Водоизмещение: 23 000 т, длина — 181,2 м, ширина — 26,0 м, углубление — 8,4 м. Мощность машин — 42 000 л. с. Скорость — 23 узла. Дальность плавания — 1625 миль. Вооружение: 12 — 305-мм, 16 — 120-мм, 4 — 47-мм орудия, 4 торпедных аппарата. Экипаж — 1126 чел.

«Шилка», транспорт.

21 декабря 1917 года на рейде американского порта Сиэтл (штат Вашингтон) бросил якорь один из транспортов. Полиция всполошилась: на мачте судна развевался красный флаг. А стоявшие в порту пароходы приветственно загудели.

На рейд Сиэтла прибыл советский транспорт «Шилка».

Три недели назад Владивостокский комитет РСДРП(б) получил известие, что американская буржуазия развернула клеветническую кампанию против Октябрьской революции. Портовые грузчики Сиэтла просили прислать моряков, которые бы рассказали об Октябре. Тогда и решили послать в Америку «Шилку».

Совершив тяжелейший переход по штормовому океану, большевики «Шилки», несмотря на притеснения и угрозы властей и полиции, сумели встретиться с докерами и рассказать им правду о первых декретах Советской власти, о деятельности рабоче-крестьянского правительства во главе с В. И. Лениным.

Когда «Шилка» собралась на родину, рабочие Сиэтла передали морякам письмо «Ленину с представителями большевистского правительства и через них — рабочим России», в котором заявили о своей солидарности с русской революцией. «Ваша борьба, по самому своему существу, — наша борьба, — писали они. — Ваша победа — наша победа…»

«Шилка» доставила документ во Владивосток, откуда он был отправлен В. И. Ленину.

Вступил в строй в 1897 г. Водоизмещение — 3500 т, длина — 85,3 м, ширина — 11,6 м, углубление — 5,3 м. Мощность

машин — 1650 л. с. Скорость — 11 узлов. Дальность плавания — 5500 миль. Экипаж — 269 чел.

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В СБОРНИКЕ

Абордáж — способ боя гребными и парусными кораблями, при котором атакующее судно сцепляется с неприятельским для захвата его в рукопашном бою.

Адмиралтéйский совéт (Адмиралтéйств-совéт) — высшее законодательное учреждение в морском министерстве в дореволюционное время.

Бáза береговáя — тыловое воинское (военно-морское) формирование, имеющее систему береговых сооружений — казарм, складов, пирсов, механических и других мастерских — и предназначенное для обеспечения кораблей стоянкой, топливом, боеприпасами, продовольствием.

Бак — носовая часть верхней палубы, идущая от форштевня до фок-мачты или носовой надстройки.

Балла́ст — груз, принимаемый на судно для улучшения его остойчивости (то есть способности судна выпрямляться — становиться на ровный киль или возвращаться в вертикальное положение — после наклонения его на волне). Балласт может быть жидким или твердым. В данном случае имеется в виду твердый, в виде чугунных чушек.

Балла́стные цисте́рны — в данном случае имеются в виду цистерны главного балласта подводной лодки, служащие для погашения положительной плавучести ее за счет принятия в них воды.

Бáнка — доска для сидения гребцов, а также для придания шлюпке поперечной прочности.

Бáнка — навигационный термин, обозначающий отдельно лежащую мель.

Барк — парусное судно, имеющее прямые паруса на всех мачтах, кроме последней (бизани), несущей косые паруса.

Баркáз — самая большая на корабле шлюпка (14—22-весельная), предназначенная для перевозки тяжелых грузов или большого количества людей.

Баталéр — специалист старшинского состава, занимающийся продовольственным или вещевым снабжением личного состава корабля.

Бизáнь-мáчта — третья мачта, считая с носа. Бизаней может быть несколько, и тогда они называются первая бизань, вторая бизань и т. д.

Бо́мбовый по́греб (*устар.*) — помещение на судне, предназначенное для хранения разрывных снарядов.

Борт — боковая поверхность судна.

Бо́цман — должность младшего командного состава корабля. Отвечает за исправность корпуса, такелажа, палубных и грузовых устройств. Является прямым начальником личного состава боцманской команды на надводных кораблях или команды рулевых-сигнальщиков на подводных лодках.

Бо́цманмат — звание строевого унтер-офицера в дореволюционном флоте. Соответствует нынешнему званию старшина 1-й статьи.

Бо́чка — железный поплавок сварной или клепаной конструкции, поддерживающий цепь (бридель), идущую от якоря, лежащего на грунте. Служит для стоянки кораблей в гаванях и на рейдах.

Бра́мсель — прямой парус, поднимаемый над марселем. *Ма́рсель* — прямой парус, ставящийся на марса-рее.

Бриг — двухмачтовое судно с прямым парусным вооружением на обоих мачтах. Во времена парусного военного флота бригами назывались небольшие военные корабли, несшие разведывательную, посыльную и дозорную службу. Их вооружение состояло из 16—18 пушек.

Броненóсец. Броненосцами или эскадренными броненосцами назывались в русском флоте до 1907 года линейные корабли. Эскадренные броненосцы обычно входили в состав эскадры и предназначались для боя в открытом море. Просто же броненосцы, как правило, служили для обороны берега.

Буй — плавучий навигационный знак для обозначения фарватера, опасных для судоходства мест и т. п. Представляет собой большой поплавок, окрашенный в яркие цвета.

Буксúр — общее название морских и речных судов, предназначенных для буксировки несамоходных судов. Буксирами еще называют толстый трос или канат, с помощью которого буксируют суда.

Буксúрная лебёдка — лебедка, предназначенная для выборки и удержания буксирного троса.

Бунт (*устар.*) — связка, кипа, моток чего-либо.

Бурýн — волна («усы») у форштевня и за кормой судна при его движении.

Бýхта — укладка троса кругами, цилиндрами или восьмеркой. Еще бухтой называется небольшой залив, защищенный от ветра и волнения и открытый к морю одной стороной.

Бушла́т — форменная двубортная суконная черная куртка с

отложным воротником и теплой подкладкой.

Бушпри́т (бугшприт) — горизонтальный или наклонный брус (бревно), выступающий с носа парусного судна и служащий для вынесения вперед носовых парусов (кливеров).

Вале́к — утолщенная шести- или восьмигранная часть весла около его рукоятки.

Ва́нты — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты с боков.

Ватерли́ния — линия на борту судна, по которую оно углубляется в воду, будучи полностью загруженным. Обычно накрашивается на борту судна вдоль всей его длины.

Ва́хта — особый вид дежурства на корабле или на судне. Весь экипаж разделяется на три части, называемые вахтами, несущими дежурство по четыре часа два раза в сутки.

Ва́хтенный журна́л — официальный документ на корабле для записи в хронологической последовательности всех событий, происходящих на корабле. Ведется он вахтенным офицером, то есть офицером, возглавляющим вахтенную службу на корабле в данный момент. В старом флоте и в первые годы в советском флоте он назывался вахтенным начальником.

Ва́хтенный нача́льник — см. вахтенный журнал.

Вели́кая арма́да (более правильное название «Непобедимая армада») — крупный военный флот, созданный Испанией в 1586 году для завоевания Англии. В 1588 году в Ла-Манше был частично уничтожен штормом, а частично разгромлен англичанами, в результате чего морское могущество Испании было значительно подорвано.

Верк — составная часть крепостного сооружения.

Ве́тошь — отходы текстильного производства или старая изношенная ткань, применяемая для протирки или мытья корабельных конструкций и механизмов.

Верфь — судостроительное и судоремонтное предприятие, строящее корпуса кораблей, монтирующее на них двигатели, механизмы и производящее окончательную наружную и внутреннюю отделку кораблей.

Винт, винт гребно́й — лопастной движитель (устройство, преобразующее работу двигателя в движение судна) судна, состоящий из насаженной на гребной вал ступицы с лопастями, расположенными под некоторым углом к продольной оси вала. При вращении вала лопасти винта как бы «вворачиваются» в воду и создают «упор», с помощью которого судно движется вперед или назад.

Водоизмеще́ние — вес воды, вытесняемой подводной частью

корабля.

Военмо́р (*устар., жарг.*) — так в годы гражданской войны называли военных моряков.

Вста́вочка — так когда-то называли обычную школьную деревянную ручку для письма.

Вы́стрел — рангоутное дерево, отваливающееся горизонтально на уровне верхней палубы перпендикулярно к борту и служащее при стоянке корабля на якоре для крепления шлюпок и катеров.

Гале́ра — гребно-парусное военное судно, продержавшееся на вооружении флотов европейских стран до начала XIX века.

Галс — положение судна относительно ветра; например, левый галс, если ветер дует в левый борт.

Гардемари́н — в дореволюционной России воспитанник старших курсов (рот) Морского корпуса. Выпускники этих курсов после прохождения практики на кораблях получали офицерское звание.

Гидроавиатра́нспорт — дореволюционные суда, предназначенные для транспортировки и запуска в море самолетов гидроавиации.

Гидроаку́стик — специалист рядового или старшинского состава, обслуживающий гидроакустическую аппаратуру.

Гу́товы — снасти бегучего такелажа (*бегучий такела́ж* — все подвижные снасти на корабле, с помощью которых производятся работы, связанные с подъемом парусов, грузов и др.), служащие для уборки прямых парусов.

Го́рдень — снасть бегучего такелажа, служащая для подтягивания прямых парусов к реям.

Грот-брам-бра́мсель — парус, поднимаемый над марселем брам-стеньги грот-мачты (*брам-стеньга* — третье снизу колено мачты, является продолжением стеньги, а сама стеньга — продолжение мачты).

Грот-ма́рса-рей — рей грот-мачты, к которому крепится марсель (парус, который ставится между марса-реем и нижним реем).

Грот-ма́чта — вторая от носа мачта.

Грот-рей — нижний рей на грот-мачте.

Гуммиара́бик — вязкая прозрачная жидкость, выделяемая некоторыми видами акаций. Водный раствор гуммиарабика применялся в качестве канцелярского клея.

Гюйс — флаг, поднимаемый на носу кораблей 1 и 2 ранга при стоянке их на якоре, на бочке или на швартовых.

Гюйсшто́к — вертикальный шест в носу корабля для подъема

на нем гюйса.

Дед (*жарг.*) — главный инженер-механик корабля.

Дина́мик (*устар.*) — краткое название электродинамического громкоговорителя.

Дина́мо (*устар.*) — устаревшее название генератора постоянного тока.

Дифферéнт — наклон корабля в продольной вертикальной плоскости относительно поверхности моря.

Док — специальное сооружение для ремонта подводной части судов. Доки бывают плавучие и сухие.

Дрейф — снос корабля с линии его курса под влиянием ветра или течения.

Ду́дка (боцманская) — свисток особого устройства для подачи сигналов, предваряющих подаваемые голосом команды. В связи с широким внедрением на кораблях громкоговорящей связи дудка себя изжила и отменена.

Дюйм — английская единица длины, равная $^1/_{12}$ фута или 25,4 мм.

Живучесть корабля — способность корабля после получения повреждений следовать своим курсом и вести бой.

Загребно́й — гребец на шлюпке, сидящий на первой от кормы банке. Загребной задает ритм гребле, и по нему равняются все остальные гребцы.

Зыбь — длинные и пологие морские волны, распространяющиеся при полном безветрии. Возникают в результате действия отдаленного шторма или после продолжительного ветра.

Иллюмина́тор — круглое или прямоугольное окно на корабле.

Ка́болка — нить, свитая из волокон пеньки. Из каболок вьются пряди, а из прядей — тросы.

Када́т — учащийся Морского корпуса в дореволюционной России.

Кана́тный ящик — место в носовой части трюма корабля, где хранится якорная цепь. Название это устаревшее.

Карту́шка компа́са — диск или кольцо из немагнитного материала, укрепляемые на подвижной системе компаса для удобства ориентирования по сторонам света. На картушку наносятся деления в градусах или румбах.

Ка́чка — колебательное движение корабля относительно какого-либо среднего положения под воздействием ветра или волнения моря.

Каю́т-компа́ния — помещение на корабле, предназначенное для общего стола офицеров (или мичманов и старшин сверхсрочной службы), а также для их коллективного отдыха, занятий, совещаний и пр.

Киль — основная продольная связь судна, идущая от форштевня до ахтерштевня. Служит для обеспечения продольной прочности судна.

Кильва́терный огонь — судовой огонь белого цвета, видимый лишь сзади идущему точно в кильватер кораблю Включается только на ходу при совместном плавании соединения кораблей.

Кильва́терная струя — след на воде за кормой идущего корабля.

Кли́вер — один из косых треугольных парусов, поднимаемых между фок-мачтой и бушпритом. Если на судне их поднимается три, то самый передний называют стакселем, второй — кливером, третий — бом-кливером. Если же он один, то так и называется — кливер.

Кло́тик — точеный кружок, надеваемый на вершину мачты, гюйсштока, флагштока. Сквозь клотик пропускаются тонкие снасти, называемые фалами и служащие для подъема флагов.

Клюз — отверстие в борту или углубление в палубе, служащее для пропускания якорной цепи при отдаче или выборке якоря.

Кнехт — как правило, парные литые чугунные или стальные тумбы, укрепленные на палубе корабля и служащие для закрепления на них швартовых или буксирных концов.

Кок — корабельный повар.

Колокола громкого боя — электрические звонки на кораблях для подачи сигналов тревог и для других надобностей согласно Корабельному уставу.

Комендо́р — специалист рядового или старшинского состава, обслуживающий артиллерийские установки на корабле.

Коммодо́р — командир соединения кораблей в некоторых иностранных военных флотах, не имеющий адмиральского звания.

Кондукто́р — воспитанник выпускного класса Технического училища Морского ведомства в дореволюционной России.

Контрминоно́сец — специальный класс кораблей, созданный для борьбы с миноносцами, обладающий высокой скоростью и мощной артиллерией.

Корма́ — задняя оконечность корпуса корабля.

Ко́ртик — небольшой кинжал с обоюдоострым клинком; личное оружие офицерского состава. Впервые появился в XVI веке как абордажное оружие.

Кочега́ры — специалисты рядового или старшинского состава, обслуживающие котельные установки.

Кре́йсер — боевой надводный корабль для ведения морского боя, нарушения морских коммуникаций противника и т. д. Появились впервые в 60—70 гг. XIX века.

Крюйт-ка́мера — помещение для хранения пороха и других взрывчатых веществ.

Ку́брик — жилое помещение для команды.

Лаг — мореходный инструмент или прибор, применяемый для определения скорости корабля. Механический лаг состоит из вертушки, буксируемой на лаглине за судном, и счетчика оборотов вертушки.

Лебёдка — электро-механическое устройство, приспособленное для подъема тяжестей.

Линко́р — в паровом броненосном флоте первой половины XX века один из самых крупных кораблей. Имел на борту 70—150 орудий различного калибра, в том числе 8—12, 356—406 мм, и 1500—2800 человек экипажа.

Линь — корабельный трос толщиной менее одного дюйма (25 мм) по окружности.

Ли́хтер — грузовое несамоходное морское судно для перевалки грузов с морских глубокосидящих судов на мелкий берег и обратно.

Ло́ция — описание морей и океанов, их берегов, навигационных условий плавания, средств навигационного оборудования, гидрологических и других данных, необходимых для безаварийного плавания в описанных в лоции районах.

Ло́цман — специалист по проводке судов при заходах в порты, плавании в каналах, узкостях.

Майна́ть (*жарг.*) — опускать.

Маневро́вый клапан — клапан, изменяющий подачу рабочего тела (пара, газа и т. п.) в цилиндры двигателя или на лопатки турбины.

Мани́льский трос — растительный трос, сделанный из волокон бананового дерева.

Ма́рса-бра́сы — тросы, с помощью которых поворачивается относительно мачты марса-рей.

Ма́рса-фа́лы — снасти, с помощью которых поднимается марсель.

Ма́рсовый — матрос, работающий по расписанию на марсе, то есть на деревянной площадке, расположенной высоко на мачте.

Машини́ст — специалист рядового или старшинского состава, обслуживающий главные двигатели и вспомогательные механизмы.

Мегафо́н — большой рупор для подачи команд и передачи распоряжений на относительно далекие расстояния.

Ми́ля — морская единица длины, равная 1852,3 м.

Ми́на — заряд какого-либо взрывчатого вещества с чувствительным взрывателем, помещенный внутри водонепроницаемого корпуса. Предназначается для взрывания подводной части корпусов вражеских кораблей.

Ми́нный заградитель — военный корабль, предназначенный для постановки минных заграждений.

Ми́нный крейсер — крейсер, снабженный аппаратами для выбрасывания мин. Строились и использовались в конце XIX и начале XX века.

Миноно́сец — военный корабль, обладающий большой скоростью и сильным торпедным вооружением. Основное его назначение — нанесение торпедного удара по кораблям противника.

Ми́нный машини́ст — в дореволюционном русском флоте специалист рядового или унтер-офицерского состава, обслуживающий минное оружие.

Ми́чман — в русском дореволюционном флоте первое офицерское звание. В советском ВМФ мичман и старший мичман — высшие старшинские звания.

Монито́р — мелко сидящий боевой корабль с мощной броней и артиллерией, предназначенный для обстрела береговых укреплений противника.

Морзя́нка (*жарг.*) — азбука морзе.

Мо́стик — огражденная часть палубы верхней рубки, где расположены приборы управления судном или корабельным оружием, посты связи и наблюдения.

Навигацио́нные прибо́ры — приборы, обеспечивающие безопасность плавания как вблизи берегов, так и в открытом океане. К ним относятся компасы, гирокомпасы, лоты, пеленгаторы, лаги и пр.

На́гель — небольшой деревянный или металлический стержень, вставляемый в шлюпочную банку для крепления к ней снастей.

Надстро́йка — помещения на корабле, находящиеся выше верхней палубы. Обычно в них расположены каюты офицерского

состава, кают-компания, радиорубка, штурманская рубка, ходовая рубка и пр.

Непотопляемость корабля — способность корабля держаться на воде, сохраняя свои мореходные и боевые качества, несмотря на полученные в подводной части пробоины и затопление части помещений.

Низы́ (*жарг.*) — так обычно именуют на кораблях помещения, расположенные ниже ватерлинии, и личный состав, находящийся там.

Обве́с — парусиновый занавес, пришнурованный к леерным ограждениям сигнальных и дальномерных мостиков, к щитам артиллерийских орудий и т. д. Служит для защиты людей от ветра и водяных брызг.

Огнеупорная кладка — внутренний слой огнеупорного кирпича, которым выложена топка котла.

Оде́рживать — уменьшать скорость поворота корабля за счет перекладки руля в сторону, обратную совершаемому судном повороту.

Окуля́ры — обращенная к глазу часть видоискателя, бинокля, дальномера и т. п.

Орудийный расчёт — комендоры, обслуживающие то или иное орудие.

Отпо́рный крюк — древко с насаженным на него железным или латунным наконечником специальной формы, служащее для отталкивания носа шлюпки или катера при отваливании (отходе) от корабля и для подтягивания к трапу, причалу и т. п.

Отсе́к — отделение внутри корпуса корабля, образуемое водонепроницаемыми переборками.

Пасса́т — ветер, дующий в океане непрерывно с довольно постоянной силой в 3—4 балла. Погода в области пассатов обычно ясная, с малым количеством осадков.

Пара́дный трап (название не совсем точное) — обычный забортный трап с перилами или леерами. На ходу судна он заваливается к борту или на борт, а на стоянке вываливается с помощью талей.

Пе́ленг — угол между меридианом, проходящим через центр картушки компаса, и направлением на наблюдаемый предмет, считая от норда по движению часовой стрелки.

Пеленга́тор — прибор, устанавливаемый на репитере гирокомпаса или на магнитном компасе, с помощью которого определяют направление на ориентиры и небесные светила, видимые с корабля.

Пеленга́торный мостик — так называют на транспортных судах мостик, где стоят пеленгаторы.

Перегово́рная труба́ — обычно медная или латунная труба, служащая для переговоров или передачи приказаний с мостика в штурманскую, рулевую рубку, в машину.

Плавба́за (база плавучая) — вспомогательное судно, предназначенное для обеспечения базирования, ремонта, материально-технического снабжения соединений подводных лодок, катеров и других кораблей.

Пла́ншир (планширь) — деревянный брус, устанавливаемый поверх фальшборта или леерного ограждения.

По́дволок — внутренняя сторона палубной обшивки, являющаяся потолком помещения, расположенного под палубой.

Пожа́рная кошма́ — пожаростойкая ткань, применяемая при тушении пожара.

Полуба́к — носовая надстройка любой высоты на баке корабля.

Полуэкипа́ж — береговая флотская часть, к которой временно прикомандировываются моряки, по каким-либо причинам оставшиеся на берегу без корабля.

Прислу́га (орудийная) — то же, что и орудийный расчет.

Радиогра́мма — краткое приказание или сообщение, переданное на корабль или с него на берег или другой корабль по радио.

Радионавига́ция — выбор пути, проведение по нему корабля и постоянное контролирование своего местонахождения с помощью радионавигационных средств.

Радиотелефо́н — телефонная радиосвязь между судами и судами и берегом.

Ревизо́р — в дореволюционном флоте офицер, отвечающий за снабжение корабля продуктами питания и денежными средствами.

Рейд — место якорной стоянки судов в порту или вблизи берега.

Реля́ция — письменное донесение о действиях войск или кораблей.

Репи́теры — выносные указатели гирокомпаса, предназначенные для курсоуказания и пеленгования.

Рефрижера́тор — судно, снабженное холодильными установками и предназначенное для перевозки морем или по реке скоропортящихся продуктов, грузов.

Ру́бка — закрытое помещение на мостике или верхней палубе в виде надстройки со свободным проходом вокруг нее.

Ру́бочные рули́ — здесь: горизонтальные рули, которые теперь на атомных подводных лодках размещают не в носовой части корпуса, как это было раньше, а на рубке.

Са́жень — старинная мера длины. Морская сажень была равна 6 футам, то есть около 182 см.

Са́линг — рама, устанавливаемая на топе (на верхней части) стеньги.

Свежача́к (*жарг.*) — свежий ветер.

Сигна́льщик — специалист рядового или старшинского состава, ведущий наблюдение за морем и воздухом. Кроме того, сигнальщики ведут передачу и прием корреспонденции всеми принятыми на флоте видами зрительной связи — семафором, флажной сигнализацией, сигнальными фонарями и пр.

Скля́нки — получасовой промежуток времени, отбиваемый особым образом корабельным колоколом.

Слип — механическое устройство для спуска на воду и подъема судов с воды.

Ста́пель — наклонный фундамент или помост для постройки, ремонта и спуска судов на воду.

Старпо́м — старший помощник командира корабля или капитана судна.

Створ — береговой знак, устанавливаемый на берегу в паре с другим створным знаком, с помощью которых определяют направление движения судна при их видимом визуальном совмещении.

Субмари́на — искаженное английское название подводной лодки.

Такела́ж — все снасти на судне. Разделяется на бегучий и стоячий. Бегучий такелаж служит для подъема и для разворота рей, а также для управления парусами. Стоячий такелаж поддерживает рангоутные деревья (мачты, стеньги и т. п.).

Такела́жные рабо́ты — работы по поддержанию в порядке всего такелажного хозяйства судна.

Та́лреп — приспособление для набивки (натягивания) снастей стоячего такелажа, лееров и т. п.

Та́нкер — морское или речное судно, построенное специально для перевозки жидких грузов: нефти, керосина, бензина и т. п.

Телегра́ф маши́нный — прибор для передачи приказаний с поста управления кораблем в машинное отделение о пуске, остановке и изменении режима работы двигателей.

Торпе́да — самодвижущаяся мина, то есть самодвижущийся и самоуправляемый подводный снаряд большой взрывной силы.

Предназначена для уничтожения вражеских кораблей и судов.

Тра́верз — направление, перпендикулярное диаметральной плоскости корабля.

Трал — буксируемое кораблем (тральщиком) устройство, предназначенное для подсечки или вообще уничтожения мин. Есть и рыболовные тралы, представляющие собой как бы огромные сетчатые сачки для лова рыбы.

Тралбо́т — небольшое моторное судно, предназначенное для лова рыбы.

Тралме́йстер (тралмастер) — специалист по изготовлению, ремонту, постановке и выборке трала.

Тра́нец — набор горизонтальных поперечных брусьев, образующих плоскую корму на деревянных судах и шлюпках.

Тра́улер — рыболовное морское судно, оборудованное тралом и средствами его постановки и выборки. Трап — любая лестница на корабле.

Трос — общее наименование веревок в морском деле. Тросы могут быть растительные (пеньковые, сизальские, манильские, кокосовые, хлопчатобумажные), стальные и из искусственного волокна — капроновые и нейлоновые.

Трюм — самая нижняя подпалубная часть внутреннего пространства судна, специально оборудованная для перевозки грузов.

Углубление корабля — глубина погружения корабля в воду.

Узел — единица скорости корабля, равная одной миле в час (1852,3 м/ч).

Унтер-офице́р — младший командный состав в дореволюционной русской армии и на флоте.

Фальшбо́рт — легкий стальной пояс бортовой обшивки, расположенный выше открытой палубы для ее ограждения и защиты от волн.

Фальшфе́йер — тонкая бумажная гильза, наполненная пиротехническим составом, горящим ярким пламенем белого цвета. Применяется для подачи сигналов в темное время суток.

Фарва́тер — безопасный путь плавания судов среди различного рода препятствий, отмеченный на карте и обозначенный средствами навигационного оборудования (бакенами, буями, вехами, створными знаками и т. п.).

Фельдфе́бель — старший унтер-офицер в дореволюционной русской армии. Это звание и сейчас существует в некоторых зарубежных армиях.

Фор-марс — деревянная площадка на фок-мачте.

Форште́вень — передняя вертикальная или наклонная часть набора корпуса корабля, образующая его носовую оконечность и служащая продолжением киля.

Фрега́т — трехмачтовый парусный военный корабль, второй по величине после линейного корабля. Фрегаты предназначались в основном для крейсерской и разведывательной службы.

Фут — мера длины, равная 1/6 морской сажени или приблизительно 0,305 м.

Шварто́вка — маневр, в результате которого судно подходит лагом (бортом) к причалу и крепится к нему с помощью швартовых концов.

Шкафу́т — часть верхней палубы между фок- и грот-мачтами.

Шквал — внезапно налетающий ветер.

Шке́нтель — сравнительно короткий конец (кусок, отрезок) троса, один конец которого прикреплен к чему-либо (парусу, рангоутному дереву и пр.).

Шкерт (штерт) — тонкий короткий конец (кусок, отрезок) троса.

Шко́ты — снасти бегучего такелажа, служащие для управления парусами, то есть для постановки их в нужное положение относительно ветра.

Шлюпба́лка — кованый целый или трубчатый стальной брус, применяющийся для подвешивания шлюпок на борту корабля. Обычно шлюпка крепится на двух шлюпбалках.

Шлю́пка — общее название мелких беспалубных парусно-гребных или моторных судов (баркасов, вельботов, ялов и т. п.).

Штурва́л — вал, соединяющий штурвальное колесо (которое неправильно и называют штурвалом) с механическим (электрическим, гидравлическим) устройством, осуществляющим перекладку руля.

Шту́рман — специалист по вождению кораблей. Относится к командному составу на судах.

Штырь — стальной толстый болт, проходящий сквозь орудийную платформу в гнездо в палубе. Служит для вращения орудия с платформой и для удержания платформы на месте во время выстрела. Эта система крепления корабельных артустановок применялась в конце прошлого — начале нынешнего века.

Эска́дра — крупное соединение кораблей одного или различных классов.

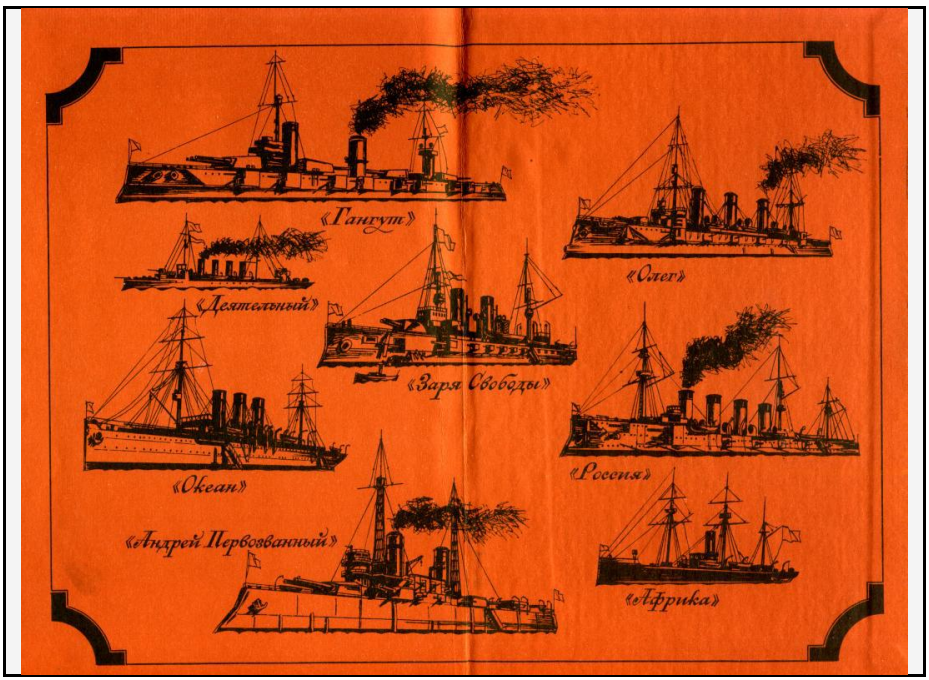
Эско́рт — группа кораблей, назначенная для прикрытия, охраны и сопровождения транспортных судов, авианосцев и т. п.

Эхоло́т — навигационный прибор для измерения глубины под килем корабля, работающий на гидроакустическом принципе.

Ю́нга — подросток, обучающийся морскому делу в школе юнг или непосредственно на корабле, исполняя при этом обязанности матроса.

Ют — кормовая часть верхней палубы судна.

Якорный шпиль — якорная машина с вертикальным валом, служащая для выбирания якорной цепи и подъема якоря.



notes

Примечания

1

Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Симферополь, Крымиздат, 1967, с. 126.

2

Впоследствии Дайерын-Айярлы Осман стал председателем Совнаркома Крымской АССР.

З

Жаситис (лит.) — гусеныш.

4

Висажитис (лит) — всезнайка.

5

Бангпутис — древнее литовское божество морей, ветров и волн вроде Нептуна.

6

То есть умирай.

СЧС — средний черноморский сейнер.

8

Марите (лит.) — уменьшительное от женского имени Мария.

9

Цеппелины — литовское национальное блюдо — картофельные вареные оладьи с мясной начинкой.

10

Марка автомата.

11

Петти — офицер, чин младшего командного состава во флотах некоторых западных стран.

12

«Ги» и «ля» — «да» и «нет» (*арамейск.*)

13

Гало — атмосферное явление — ореол вокруг Луны или Солнца.